

Л. ПЛАТОВ
**СТРАНА
СЕМИ ТРАВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1976

Сканировал и создал книгу - vtakhanov

Л. ПЛАТОВ

СТРАНА СЕМИ ТРАВ

Научно-фантастическая
повесть

РИСУНКИ В. ЮДИНА

„Детская литература“

ОБ АВТОРЕ И ЕГО КНИГЕ

Леопид Дмитриевич Платов начал работать в комсомольско-молодежной печати полвека назад. Он объездил Советский Союз, побывал в самых глухих по тем временам уголках, встречался с представителями разных романтических профессий, в том числе с гидрографами, моряками, геологами, сейсмологами, этнографами и т. д. Это определило впоследствии его интересы как писателя-фантаста и приключенца.

Освоению Советского Заполярья посвящена его дилогия «Повести о Ветлугине». Вторая книга дилогии — «Страна Семи Трав» написана в начале пятидесятых годов.

С той поры многое изменилось на Таймырском полуострове, где разворачивается действие повести.

В Норильске из скованного вечной мерзлотой грунта поднялись двенадцатизэтажные дома, противостоящие пурге. Норильский комбинат ныне включает в себя различные горнодобывающие, обогатительные, металлургические и строительные предприятия.

Побывав на Таймыре, канадский премьер-министр Трюдо сказал: «То, что удалось вам совершить в суровейших географических и климатических условиях, в зоне вечной мерзлоты, несомненно сделалось одним из современных чудес света — примером для всех других стран в обживании Крайнего Севера».

В Норильске создан Институт сельского хозяйства Крайнего Севера, в котором разрабатывают проблемы развития оленеводства, что жизненно важно для дальнейшего подъема благосостояния коренных жителей Таймыра — нганасан и долган.

В горах Бырранга, в «гнездовье тайн», как назвал их один из героев повести, побывало за последние годы более двадцати научных экспедиций.

Но, вероятно, и сейчас юные читатели с интересом и с пользой для себя прочтут научно-фантастическую повесть «Страна Семи Трав» и узнают историю загадочных «детей солнца», с которыми связал свою судьбу географ Ветлугин.

П 70803—387
М101(03)76 480—76

© Иллюстрации. Издательство «Детская литература», 1976 г.

КЛУБОК НИТИ

(Вместо пролога)

По-разному можно начать эту повесть.

Можно начать ее с Музея народов СССР, где в третьем от входа зале (налево) висят на стендах разнообразные предметы: зазубренный наконечник стрелы из рыбьей кости, обломок лыжи, нагрудный амулет в виде маленького солнца, два круглых кожаных щита, просторная кожаная рубаха с нашитым на подоле орнаментом и обрубок дерева с тем же орнаментом — три красных кружка, три черные линии и снова три кружка.

Посреди зала стоит в ряд несколько витрин. Под стеклом хранятся четырехугольные куски бересты. Они исписаны чрезвычайно мелким, убористым почерком, вдобавок с частыми сокращениями слов. Писавший, надо думать, был вынужден экономить бересту, которая заменяла ему бумагу.

Каждый такой кусок аккуратно занумерован и снабжен подробными пояснениями, напечатанными на пишущей машинке.

Если любознательные посетители пожелают дополнительных разъяснений, то могут обратиться к научному сотруднику музея, невысокому старику в очках, который обычно работает тут же за маленьким письменным столом в углу. Он немедля, с большой предупредительностью отодвинет в сторону свою рукопись и, прихрамывая, поведет посетителей вдоль стендов и витрин.

Прежде всего сотрудник музея, конечно, покажет чучело дикого гуся, которое помещается у самой двери и потому редко обращает на себя внимание. Между тем именно благодаря этому неказистому серому гусю музей пополнился перечисленными выше экспонатами...

Повесть, впрочем, можно начать по-иному.

Можно короткими резкими штрихами набросать пейзаж. Берег сумрачного холодного моря. Вечер. Издали, от черты горизонта, набегают пенящиеся волны. Солнце висит очень низко — на него можно смотреть не шурясь.

Вдоль берега гуськом идут люди в оленьих шкурах. Некоторые присаживаются у самой воды, зачерпывают ее горстями, пробуют на вкус. Очень удивляет, что она так солонa.

Вдруг сидящие на корточках выпрямляются. Что это? Тюлень? Голова тюленя?

Какой-то круглый предмет подплывает, покачиваясь на волнах.

Несколько человек стремглав кидаются в воду, спешат навстречу, подхватывают предмет. Это шар из стекла. Отразив лучи заходящего солнца, он неожиданно вспыхивает в вытянутых руках, как зажженный светильник...

Но можно начать и с другой удивительной находки.

Те же угрюмые, безостановочно набегающие от горизонта волны. Берег такой же безотрадный, но еще более пологий, и солнце стоит гораздо выше над волнами. (Сейчас лето, а не осень.)

Плывут по морю стеклянные шары-поплавки. Это так называемые гидрографические буи, которые странствуют по всем закоулкам Арктики, разведывая морские течения.

На берегу у бревенчатых построек полярной станции толпятся зимовщики. Только что закончен спуск бுவ. Вслед им внимательно смотрят в бинокли.

И вдруг волнение охватывает зимовщиков. Возле

плывущих стеклянных бுவев замечен какой-то новый буй — чужак! Стайка шаров сбилась вместе, а посредине торчит кусок дерева, обтесанный очень грубо, видимо наспех.

Тотчас же спускают шлюпку.

Обрубок извлечен из воды, доставлен на берег. Смотрите-ка! Он мечен непонятными разноцветными значками! В нем что-то спрятано. Ну, так и есть! Вот паз! Вот следы смолы!

Чуть дыша, вдвигают лезвие ножа в узенькую щель. Крышка приподнимается... Все видят лежащие внутри мелко исписанные четырехугольники бересты...

Да, можно по-разному начать рассказывать эту историю, в которой играют большую роль и шар из стекла, и пестро окрашенный обрубок дерева, и дикий гусь, прилетевший с Севера!

Мне самому представляется она чем-то вроде клубка,— стоит лишь осторожно потянуть за одну из нитей, чтобы клубок начал постепенно, не очень быстро, разматываться...

Однако в любом научном открытии, признаюсь, меня больше всего привлекает открыватель,— иначе говоря, не проблема, а человек, занимающийся проблемой, живущий ею, готовый для решения ее в огонь и воду.

Поэтому, пожалуй, надо начинать с Савчука: на время отодвинуть стеклянные поплавки и зазубренные накопечники из рыбьей кости (еще придет их черед!) и описать нашу встречу на вокзале...

Люблю вокзалы! Быть может, люблю их потому, что сам я по профессии человек дорожный, разъездной. В каюте, в вагоне, в кабине самолета чувствую себя куда веселее, чем дома, за столом, перед громоздким и сумрачным письменным прибором.

Мне нравится на вокзалах царящее там настроение общей приподнятости, взбудораженности. По-моему, даже на короткий срок ощутив себя путешественниками, люди делаются добрее, непосредственнее, приветливее. Мне нравится волнующий, острый запах угольной пыли и гудки маневровых паровозов, перекликающихся вдали, настойчиво зовущих за собой.

Два магических слова: «Снова в путь!» — преобразуют для меня все вокруг.

Становятся симпатичными не только солидные пасса-

жиры дальнего следования, неторопливо вышагивающие со своими чемоданами, но даже суетливые дачники, которые озабоченной трусой, помахивая авоськами, пробегают по перрону. Это, бесспорно, самые взволнованные люди на вокзале. Ехать им обычно не дальше Клязьмы или Тарасовки, а вид у них такой, словно спешат наперегонки открывать оставшиеся на их долю неоткрытые земли в Арктике...

Итак, вокзал, один из многочисленных московских вокзалов, имеющий два наименования — Ярославский или Северный!.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

В МОСКВЕ ПРОЕЗДОМ

1

Никто не встретил меня на вокзале.

Впрочем, и некому, собственно говоря, было встречать. Лиза находилась в командировке — странствовала с группой геологов где-то в Сибири, в районе Нижней Тунгуски. Отсутствовал в Москве также Андрей — зимовал на мысе Челюскин.

Досадно, конечно! Ведь я в Москве, можно сказать, проездом, задержусь от силы на два-три дня, пока оформят путевку, а потом на юг, в Сочи, в Сочи!..

— Счастливо добраться до Сочи! — раздалось за моей спиной. — Отдохнуть!.. Загореть!..

Я обернулся, чтобы поблагодарить на добром слове своих попутчиков, но толпа двинулась к выходу и разделила нас. Веселый моряк, ехавший со мною от самого Хабаровска, помахал издали рукой, забавно надул щеки и сделал кругообразный жест перед лицом. Я понял: он желал мне поправиться в Сочи.

Сплошным потоком двигались по перрону зимовщики, моряки, пограничники, золотоискатели, лесорубы и геологоразведчики. (Представители этих романтических профессий прибывают в Москву, как известно, через северные ее ворота — Ярославский вокзал.)

У себя, на Земле Ветлугина, я отвык от тесноты. Так получилось, что, протискиваясь к выходу со своими чемоданами, я нечаянно толкнул одним из них высокого и толстого человека средних лет, который стоял, как столб, среди колышущейся толпы и что-то с глубокомысленным видом записывал в блокнот.

— Извините, пожалуйста!

— Ах, это вы! — довольно спокойно сказал он, поднимая голову. — А я встречаю вас.

— Как? Меня?

— Да. Я Савчук.

Савчук?.. Ну конечно! Раза два или три, помнится, я видел его у Лизы.

— Ни за что не узнал бы вас, — признался я, пожимая ему руку. — Вы стали таким массивным. Отрастили брюшко...

— Сидячая жизнь, — пробормотал Савчук, стыдливо запахивая пальто, из-под которого достаточно явственно выпирал живот. — Целыми днями в музее, за письменным столом...

— Но у вас оригинальная манера встречать, — пошутил я. — Не задень я вас чемоданом...

Савчук отвел глаза в сторону.

— Пришла, понимаете, в голову одна мысль, вытащил блокнот, чтобы записать, и...

Он выхватил у меня из рук чемодан:

— Нет, нет, я понесу. Как можно! Вы — гость.

— Спасибо! Но откуда узнали, что именно сегодня?..

— Лиза, уезжая, просила встретить вас. Лиза в командировке.

— Я знаю. Получил радиogramму перед отъездом. Она полетела на реку со смешным названием — Вава.

— Виви, — поправил Савчук. — Это приток Нижней Тунгуски, недалеко от Туры.

— Но мне неловко. Я затруднил вас.

— Наоборот, что вы! Я рад. Я, признаться, нуждаюсь в вашей консультации... Дело в том, что в руках есть кончик нити, ну, неразгаданная тайна, что ли, как это принято называть...

Он запнулся и замолчал.

Вот оно что!.. Савчук (кажется, археолог или этнограф?) обременен неразгаданной тайной, — как я сразу не догадался! Ведь сам когда-то был в его положении,

ходил с отсутствующим видом и наыкался на прохожих из-за одной загадки, ныне благополучно решенной: Земли Ветлугина, или, по-старому, Архипелага Исчезающих Островов. Неужели я выглядел так же?..

Взгляд Савчука показался мне усталым и беспокойным. Щеки были выбриты наспех. В экипировке наблюдалась небрежность. Полосатый галстук, например, был повязан так, что взорам открывалась неприглядная медная запонка. Брюки — я сразу заметил это — отглаживались, за недосугом, по старому студенческому способу: собственной особой владельца, подкладывавшего их на ночь под матрац.

— Случайно наткнулся, знаете ли... Работая над архивными документами семнадцатого века, — продолжал мой спутник. Интонации его голоса стали почти умоляющими. — Мне и раньше было известно об одном легендарном народе, который...

— Стоп! Стоп! — Я засмеялся. — Консультация на перроне?.. Я же транзитный пассажир, в Москве проездом. И потом, заметьте: полярник, гидролог!.. Проблемы народоведения далеки от меня, как... ну, как Земля Ветлугина от Москвы.

— Тут есть особые обстоятельства, — смиренно заметил Савчук.

— Вот как!

— Да. Вначале я думал, что сообщение о народе «икс» можно отнести к числу апокрифических. Но после того как в Москву доставили закольцованную птицу с запиской на бересте...

— Птица?!. Записка?!. Ничего не понимаю!..

Мы вышли на Комсомольскую площадь.

В мокром асфальте ее весело отражались цветные пятна трамваев и автобусов. Снега уже не было. Хлопотливые дворники оттеснили зиму с улиц и площадей на задворки, куда-то между помойкой и дровяными сараями, где, по календарю, ей и полагалось быть.

Двадцать шестое марта!

Март, первый весенний месяц, юность года! Всё, всё еще впереди: и благоуханная весна, и пышное лето, и золотая осень, венчающая год!..

Я думаю, у каждого человека бывают мгновения, когда он кажется себе собственным своим младшим братом. Со мной это случается в марте.

Метнется навстречу ветер (в марте он дует порывами, будто выскакивает из-за угла) и словно встряхнет что-то во мне.

Странная иллюзия овладевает мною. «Полно,— думаю я,— может ли это быть? Правда ли, что прожита жизнь? Не приснилась ли она?..»

Вдруг представится, что я снова подросток, спешу из библиотеки с охапкой книг под мышкой, вечер, весна, ветер раскачивает вдоль улицы висячие фонари. Я остановился под фонарем, хочу понять, что это со мной. Впрочем, это только радость, но радость необыкновенная. Распирающая грудь! Приподнимающая над землей! Что это?.. О, всего лишь взволнованное ожидание счастья...

Кто сказал, что юность неповторима? Вздор! Надо лишь, чтобы такой вот старый приятель повстречался на пути — весенний ветер, дующий порывами, зовущий куда-то, насыщенный влагой и беспокойством.

Вот и сейчас, на Комсомольской площади, словно что-то толкнуло в грудь. Полузабытое, милое ощущение!..

Им, ожиданием счастья, встретила меня Москва после долгой разлуки с нею!..

— Не подлежит сомнению,— бубнил тем временем Савчук над ухом,— что записку отправил наш современник. Даты нет. Предполагаю, однако, что написана не ранее тысяча девятьсот девятого и не позднее тысяча девятьсот семнадцатого года. Слова трудно разобрать, но... Вы, конечно, едете в такси?

Я заметил, что Савчук деликатно, локотком, оттесняет меня к стоянке такси.

— Зачем? — удивился я. — На метро скорее. Ведь я живу рядом с Библиотекой Ленина.

— В такси как-то удобнее.

В голосе его прозвучало разочарование. Видимо, он надеялся, что в такси я дам ему выговориться.

Я взглянул на огорченное лицо Савчука и улыбнулся. Мне стало жаль его.

— Видите ли, Владимир... Владимир... («Владимир Осипович», — подсказал он.) Ага, Осипович... Послезавтра выезжаю в Сочи, — не хочу просрочить путевку, — а дел в Москве миллион. Надо побывать дома, заявиться в ГУСМП¹, купить в магазине курортную амуницию:

¹ Главное управление Северного морского пути.

майки, тапки и т. д. Впервые еду в Сочи, представьте себе! Так что времени в обрез. Вот разве завтра... Вы свободны завтра?

— Собственно говоря, я...

— Очень хорошо, свободны! Значит, идем в Большой театр! Там и потолкуем обо всем.

Савчук вздохнул:

— Я предпочел бы съездить с вами в музей.

— В музей?.. Нет, извините, все расписано заранее. Давным-давно. Еще на Архипелаге Исчезающих Островов.

И в подтверждение я вытащил записную книжку, где значилось: «Двадцать шестого марта сделать в Москве: 1. ГУСМП. 2. Майки, тапки и т. д. 3. Большой театр».

— Видите, театр?.. Нет, только в театр! С осени мечтаю о театре!.. Да и вам полезно встряхнуться. Закоснели, я думаю, в музее с мумиями со своими.

— У нас нет мумий,— проямлил Савчук.

— Разве? Глядя на вас, подумаешь, что... Впрочем, шучу, шучу!.. Ну, всё!.. Побрейтесь, приведите себя в порядок. Завтра в семь часов жду у Большого театра!

По-видимому, с этим невозможным человеком надо было разговаривать именно так: решительно, кратко, в повелительном наклонении.

2

А времени у меня действительно было в обрез.

Прежде всего — домой! Принять душ, побриться, позавтракать и — в ГУСМП!

На Землю Ветлугина я летал в качестве консультанта. Несколько лет назад, вскоре после открытия Архипелага, там была начата интересная научная работа, связанная с изучением Полюса относительной недоступности, который располагается по соседству. Работу эту заканчивали молодые полярники во главе с Василием Федоровичем Синицким. Они прекрасно справились со своими обязанностями, о чем я и должен был доложить в ГУСМП.

Ключи от комнаты находились у соседей. Там же меня ждала записка.

«Извини, милый, что не встретила. Не пришлось,— писала Лиза.— Срочное поручение, понимаешь, очень

интересное — по поводу нового строительного материала, который может пригодиться нам при создании городов в районах многолетнемерзлых пород. Вылетаем через час! Вернусь в мае, расскажу. Крепко-крепко целую, милый Лешенька! Отдыхай! Ходи в театры!.. Да, вот еще! Не забудь уплатить за квартиру. Я не успела. Жировки у Лели».

«Отдыхай!», «Ходи в театры!..» Стало быть, еще не знала, что для нас в управлении заказаны путевки...

И как это похоже на Лизу! Знала, что я приезжаю, готовилась к встрече, и вот — «срочное, очень интересное поручение!» В два мига снялась и улетела!

Письмо написано было второпях, чуть ли не стоя. Об этом можно было судить по обилию восклицательных знаков, а также по тому, что концы строк, приплясывая, загибались вверх, — видимо, некогда было делать переносы.

Я отпер дверь в нашу комнату.

Да, «дом без хозяйки — что тело без души». Комната казалась сейчас пустой, неприветливой, какой-то нежилкой. Сиротливо выглядели салфетки, разложенные на буфете. Стулья стояли где попало, вразброд. Даже фикус угрюмо сутулился в углу, опустив покрытые слоем пыли листья, будто пригорюнившись.

Я сделал несколько шагов и пугливо оглянулся. Пол у нас паркетный, а я забыл вытереть сапоги и наследил на полу.

«Ноги надо вытирать!» — придиричиво сказала бы Лиза, заметив непорядок.

Я вздохнул. Слишком тихо было в комнате. Никто не ворчал на меня, не выговаривал мне...

Но с дороги надо позавтракать.

В тундре я разжег бы костер из плавника, а может быть, за недосугом подогрел бы на спиртовке консервы. Здесь к услугам моим была электроплитка. Но сейчас почему-то не нравилось и это ценное достижение электротехники в быту.

Я торопливо ел свою холостяцкую, немного подгоревшую яичницу, пил чай и слушал радио, не без иронии поглядывая на электроплитку, стоявшую рядом с чайником на столе.

«Вот он, мой семейный очаг, — думал я. — Тот самый, подле которого Лизе полагалось бы поджидать мужа,

неутомимого полярного путешественника, которому так надоели ледяные штормы и подогретые консервы...»

Но не было Лизы подле семейного очага...

Неугомонная душа! Странствует где-то по Сибири, почует у костров, пробирается дремучей тайгой от одного горельника к другому.

Что поделаешь! Разве это мне в диковинку?

Мы с Лизой были странными супругами. Я гидрограф, ледовик, то есть специалист по ледовым прогнозам; она инженер-строитель, изучающий особенности строительства в условиях вечной мерзлоты. Оба постоянно в пути, в разъездах, в командировках.

Как-то я подсчитал, что наиболее длительный срок, который мы пробыли вместе после женитьбы, составил три с половиной недели. Всего три с половиной!.. Лиза шутила, что, полностью не дожив полагавшийся нам «медовый месяц», мы должны теперь — в порядке компенсации — всю свою последующую супружескую жизнь превратить в сплошной «медовый месяц».

Удавалось это нам? Судите сами. Мы были женаты три года. Немалый срок! Однако не помню ни одной сколько-нибудь серьезной ссоры, — да что я, ссоры! — самой пустячной размолвки между нами.

Впрочем, не собираюсь выставлять нас на всеобщее обозрение как некое образцово-показательное семейство. Конечно, и у меня и у Лизы были свои недостатки. Но они, во всяком случае, не могли явиться неприятной неожиданностью. Ведь мы с Лизой дружили еще с детства.

Видимо, нам просто некогда было ссориться. Не успевали набегаться вдосталь по выставкам, побывать в театрах, наконец, посидеть дома вдвоем у затененной уютным абажуром лампы, как опять приходилось укладываться и расставаться — иногда надолго. Частые разлуки поддерживали постоянное напряжение влюбленности — душевное состояние, хорошо знакомое морякам дальнего плавания, зимовщикам и геологоразведчикам.

Мы с Лизой умели ценить свое время. Каждое совместное пребывание в Москве старались сделать ярким, радостным, праздничным.

В прошлом году Лиза вернулась из Якутска в конце ноября. Решено было провести отпуск вместе (впервые!), поехать в «Поречье», дом отдыха возле Звенигорода, отличное место, где можно всласть покататься с гор на

лыжах. Я начал уже готовить лыжи. Оказалось — зря!..

В декабре пришлось вылететь в район Восточно-Сибирского моря. «На самый короткий срок, — успокоительно сказали в ГУСМП. — И не жалеете о «Поречье». Взамен предоставим путевку в Сочи. Для вас и для вашей супруги. В январе, знаете ли, в Сочи розы цветут...»

Но, как водится, командировка затянулась. В Москву я вернулся не в январе, а в марте и уже не застал здесь Лизы.

Что ж, стало быть, придется отдыхать одному!

На юге я до сих пор не бывал. Как-то не пришлось. Даже пальмы видел только на картинах и в кино. Была одна пальма на Земле Ветлугина, но присматриваться к ней не рекомендовалось. Вместо земли кадка набита была опилками, а само деревце — мохнатый ствол и широкие глянцевиные листья — довольно искусно сделано из папье-маше.

— Пора, пора отогреться в субтропиках, — сказал мне врач, глубокомысленно кивая. — Нельзя так. Всю жизнь либо в море, либо на зимовке. На одном Архипелаге своем сидели, верно, не меньше двух лет. — И добавил шутливо: — Окоченели совсем! Ведь это, говорят, просто ледышка, глыба льда, да еще вдобавок ископаемого?

Именно наши места имеет в виду диктор, когда мрачным голосом оповещает по радио о вторжении из Арктики холодных масс воздуха. С наших мест и начинается сводка погоды. Первыми упоминаются Оймякон, Нарьян-Мар, Земля Ветлугина. Здесь холоднее всего в Советском Союзе. Затем диктор перечисляет Читу, Иркутск, Хабаровск и, постепенно поднимаясь по делениям термометра, называет повеселевшим голосом Сочи — благословенное место, где всегда тепло.

Как часто, собравшись вечером в кают-компания (мы звали ее уют-компанией), сгрудившись тесно у печки — снаружи термометр показывал пятьдесят или сорок пять градусов мороза, — немногочисленное население станции с живейшим интересом прослушивало по радио сводку погоды.

— Каково?! — восхищенно восклицал кто-нибудь. — В Сочи шестнадцать тепла! А у нас сколько? Ого!..

— Шестнадцать градусов — это хорошо, — мечтательно говорил другой. —купаются, я думаю, всюю...

— Нет, холодно купаться.

— При шестнадцати-то холодно?!

Завязывается спор, сугубо теоретический, так как обоих спорщиков — и того, кому было холодно при шестнадцати градусах, и того, кто возмущался этим, — отделяло от Сочи расстояние в несколько тысяч километров.

Нужно пересечь по диагонали весь Советский Союз — от северо-восточного его угла и почти до юго-западного, — двигаясь все время вдогонку за солнцем, минуя несколько климатических поясов, чтобы попасть с Восточно-Сибирского моря на Черное, из ледника, из склада с ископаемым льдом, каким, по сути, является Земля Ветлугина, на вечнозеленое, приветливое Черноморское побережье.

Это и был мой маршрут: Земля Ветлугина — Сочи, с дневкой в Москве.

3

Дневка была хлопотливой.

В ГУСМП задержали до вечера, а оттуда потащили в гостиницу «Москва» к седовцам, среди которых у меня были друзья. Столица переживала радость встречи с участниками легендарного дрейфа на «Седове», незадолго перед тем прибывшими из Мурманска.

О, много воды утекло со времени поисков и открытия Земли Ветлугина, много плавучих льдин, покачиваясь и толкаясь, пересекло Полярный бассейн. Шмидт и Водопьянов высадились на Северный полюс; папанинцы обосновались на льдине и придрейфовали на ней в Гренландское море; Чкалов, а затем Громов перемахнули через полюс из СССР в Америку; ледокол, флагман арктического флота совершил двойной сквозной рейс в одну навигацию из Мурманска в бухту Провидения и обратно; и, наконец, проведя почти три года в таинственных недрах Арктики, вернулись домой седовцы.

Настроение у всех было, естественно, приподнятое, и каждый гость, посещавший седовцев, встречал самый теплый радушный прием. Так я и переходил из номера в номер, из одних дружеских объятий в другие, пока не изнемог и не заночевал у старшего помощника капитана, гидролога, своего давнего приятеля и собрата по профессии.

Следующий день был заполнен беготней по магазинам, телефонными звонками, доставанием билета, обычной радостно-взволнованной предкурортной суетой. И все же я явился в назначенный срок и встал навытяжку у колоннады Большого театра. Семь часов. Савчука нет и в помине.

Невозможный человек!

Не забыл ли он обо мне среди своих пыльных архивных бумаг, озабоченный судьбой какого-то баснословного или вымершего народа? Что ж, тем хуже для него! Значит, история записки и птицы не будет рассказана.

С наслаждением, полной грудью я вдохнул московский воздух, от которого успел отвыкнуть в Арктике. Он отдавал бензином. Это было ничего. Это даже нравилось сейчас. Однако что-то было в «букете Москвы», какая-то примесь, почти неуловимая.

Разберемся. Первый ингредиент, безусловно,— запах сырости, дождя. Второй — бензина. А третий? Неужели цветов? В марте — цветы?

— Купите, купите, гражданин,— окликнул меня женский голос.— Мимоза. Сочинская. Только что с аэродрома.

Я обернулся. Рядом был киоск цветочницы. Мохнатые желтые веточки, лежавшие на прилавке, распространяли прохладное благоухание.

— Купите, купите,— настойчиво повторила цветочница.— Купите для вашей дамы.

— У меня нет дамы,— пробормотал я, но веточку взял, подчиняясь гипнотически-вкрадчивым интонациям ее голоса.

«Для чего мне цветы? — недоумевал я, вертя в руках осыпающееся желтое опало.— Лизы в Москве нет. Ей я, конечно, подарил бы цветы. К любому поводу готов был придрататься, лишь бы дарить ей цветы. Если же она начинала ворчать, что уйма денег тратится на подарки, я отвечал резонно: «Наверстываю упущенное. Много ли цветов ты получила от меня в прошлом?»

Да, наш роман развивался необычно. Я усмехнулся, вспомнив, как подростком оттащил Лизу за косы. (Они были у нее какие-то очень вызывающие, торчащие рожками в разные стороны, как бы приглашающие к таске.) Мог ли я подумать тогда, что наступит время, и я буду

дарить цветы этой надоедливой и дерзкой рыжей девчонке, буду нетерпеливо поджидать ее и тосковать по ней?..

Я рассеянно сунул маленькую благоухающую веточку в карман кителя, прошелся взад и вперед под колоннами.

Весенний вечер развернул во всю ширь площади Свердлова прозрачное покрывало сумерек. Контуры домов стали расплывчатыми. В небе преобладали зеленоватые тона, скорее присущие даже апрелю, а не марту.

Вдруг разом, будто по взмаху палочки милиционера, управлявшего уличным движением, зажглись вдоль проспекта висячие фонари. Я с тревогой взглянул на часы. До начала спектакля оставалось десять минут.

Савчук запаздывал.

Ну и ну!..

Я знал от Лизы о его феноменальной сосредоточенности: в любой шумной компании он мог чувствовать себя в одиночестве, едва лишь приходило к нему вдохновение.

Он становился тогда глух и нем, как бы погружался в глубокий колодец.

Впрочем, Савчук представлялся мне добровольным архивным затворником, жителем подземелья.

Есть такое выражение — «поднять архивы». Оно фигурально. Но в моем воображении рисовались мрачные своды, паутина по углам, груда беспорядочно наваленных на полу фолиантов в кожаных переплетах и печальный толстый Савчук, в съехавшем набок галстук, с сопением и вздохами подлезаящий под эту груду.

Я снова посмотрел на часы. Черт знает что! Долго ли еще подпирать мне колонны Большого театра, дожидаясь этого архивного затворника?!

Две девушки, пробегая мимо, засмеялись.

— Обманула, не пришла,— громко сказала одна из них, кося в мою сторону лукавым черным глазом.

— Да-а, бедненький!..— пропела другая, качнув белокурым локоном, выбившимся из-под шляпки.

Конца фразы я не расслышал, так как двери в театр с грохотом захлопнулись за ними.

Каково, а? Бедненький!.. Не хватало еще, чтобы прохожие стали жалеть меня!

Я сделал полуоборот, собираясь войти в театр, и тут, наконец, увидел Савчука. Он почти бежал через площадь в своем развевающемся пальто и несуразных ботах на

пряжках, в каких сейчас ходят, по-моему, только архиереи и теноры. Мало того, даже теперь, собравшись в театр, он не мог расстаться с портфелем и каким-то свитком, который торчал у него под мышкой.

— Не опоздал? — кричал Савчук еще издали. — Давно ждете?

— Не оправдывайтесь. Знаю, задержали мыши. Да, да, архивные мыши. Но почему вы в ботах?

— А как же? Сырость, март.

— Чудесный весенний месяц!

— Что вы? — удивился Савчук. — Самый гриппозный. Всегда болею, если в Москве.

— Но я должен огорчить вас. Идет не опера, а балет. «Коппелия».

— О, мне все равно.

Я подхватил его под руку и повлек в фойе.

— Осталось пять минут до начала. Надо еще успеть раздеться, взять бинокли...

— Надеюсь все-таки, что в антракте... Консультация займет буквально...

— Потом, потом!..

— Тем более, что вас считают самым крупным специалистом по Карскому морю, а также морю Лаптевых. Вы ведь, кажется, зимовали на мысе Челюскин?

— Занятная манера у вас консультироваться, — сказал я, вздохнув. — Вот теперь уже мыс Челюскин появился...

И, легонько подтолкнув своего спутника, я вошел вместе с ним в сияющий зрительный зал.

Глава вторая

КТО ТАКИЕ „ДЕТИ СОЛНЦА“?

1

В зале я тотчас же забыл о Савчуке.

Я в театре! Эта сверкающая жемчужная люстра под потолком! Эти праздничные, веселящие душу цвета: пунцового бархата и позолоты! Этот приглушенный говор рассаживающихся по местам зрителей, охваченных, подобно мне, радостным трепетом ожидания!

А давно ли?..

Еще несколько дней назад пустынный океан шумел вокруг, термометр за окном показывал тридцать градусов ниже нуля, а ветер с размаху ударял в бревенчатые стены зимовки. Он дул уже месяц, не утихая, с каким-то остервенением, будто стремясь сбросить нас с архипелага. В марте здесь ветры достигают дьявольской силы.

Все это осталось далеко позади. Насыщенный ароматами воздух был неподвижен и тёпл. Я в театре!..

Шагая по ногам зрителей и бормоча извинения, мы с Савчуком отыскиали, наконец, свои места. Раздался долгожданный волнующий шелест.

Медленно раздвинулся занавес...

Должен заметить, что не очень люблю балет. Для меня это слишком условный вид искусства. И уж во всяком случае предпочел бы милое «Лебединое озеро» делибовской «Коппелии». Но выбирать не приходилось. Я предполагал всего лишь сегодняшним вечером, так что рад был и «Коппелии».

Сейчас устраивали любое зрелище, любая музыка. Как жадный провинциал, я наслаждался одним сознанием того, что нахожусь в Большом театре.

Я нагнулся к Савчуку. Он сидел в бархатном кресле, сгорбившись, шевеля губами, с каким-то отсутствующим видом.

Я испугался. Мне был известен этот сорт меломанов, которые шепотом повторяют всю партитуру на ухо соседу. Быть может, и мой Савчук?..

Но я ошибся.

— Никак не могу поверить, что мы в театре,— сказал я.

— Да, конечно, с Арктикой резкий контраст,— пробормотал Савчук.

— Еще бы!.. Ощущение такое, словно сразу же изпод ледяного душа угодил в успокоительно теплую хвойную ванну.

Савчук не отозвался. Выведенный на миг из своего странного состояния, он снова погрузился в него, едва лишь я отвернулся.

Мой сосед был взволнован, то и дело вздыхал. На лбу его выступили капельки пота. Он похож был сейчас на кипящий чайник! Вместе со вздохами из его рта вырывалось невнятное бульканье.

Мне удалось разобрать что-то вроде: «Ау... Ау...»

Я удивился. Прислушался.

— Птица Маух... Раух,— почудилось мне.

И в театре бедняга не мог забыть о своих злоключениях!

В прошлый мой приезд Лиза говорила, что Савчук работает над диссертацией. На какую же тему? Что-то причудливое. Ах, да! Об исчезнувших народах Сибири. Ну и тема!

— Потерпите до антракта,— сказал я.— В антракте выслушаю вас.

Когда закончилось первое действие, мы спустились в курилку. Сизые полосы ходили ходуном, свиваясь в восьмерки между полом и потолком. Савчук не курил, но покорно встал в углу передо мной и только страдальчески жмурился от дыма.

— Итак,— сказал я, закуривая,— вас беспокоит какая-то птица. Простите, за шумом оркестра не расслышал: «Раух», «Маух»?

— Маук,— поправил Савчук.

Он надул щеки и вздохнул. Разговор, судя по всему, предстоял долгий.

Я поторопил его:

— Вы сказали, что считаете меня знатоком Карского моря...

— Моря? Ах, да, Карского. Нет, это, пожалуй, чересчур в лоб. Надо подвести вас постепенно, объяснить...

Он попытался сделать плавный жест, но зацепил рукой двух курильщиков, стоявших рядом, сконфуженно извинился и продолжал уже шепотом:

— Дело в том, что я давно уже ломаю голову над одним «белым пятном»... Да, именно в этнографии. На карте расселения народов Сибири северная часть Таймырского полуострова закрашена белым цветом. Но я, кажется, опять в лоб? Лучше начну с находки в библиотеке, как вы думаете?

— Прекрасно, начинайте с библиотеки.

— Видите ли,— сказал Савчук,— я всегда ждал, что необыкновенное произойдет со мной в библиотеке.

Начало мне понравилось.

Выяснилось, что Савчук интересуется происхождением народов Сибири, изучает их расселение к моменту прихода в Сибирь русских.

— Это тема вашей диссертации?

— Почти что... Видите ли, найденный мною народ не указан ни в одном старинном русском документе. Мало того, совершенно ускользнул от этнографов, как советских, так и дореволюционных. И, несмотря на это, представьте себе, он жил, он реально существовал еще в начале нашего века.

— Странно! Неужели не осталось никаких следов?

— Самые путанные следы. Орнамент на одежде. Потом кое-какие предания, сказки. Главным образом сказки.

Я недоверчиво крикнул. Сказки! Когда же сказки считались источником, заслуживающим доверия?

— И я не верил. Я тоже не верил,— заторопился Савчук, в волнении хватая меня за рукав.— Вынужден был поверить после того, как прочел записку на бересте... Ведь это же, понимаете, документ! Даты нет, но написано, несомненно, в наше время. Во всяком случае, двадцатый век. Ручаюсь головой за двадцатый век!

На нас стали оглядываться в курилке. Но тут раздался звонок, прервавший Савчука.

2

В следующем антракте мы отправились в буфет.

Он был битком набит. Нам все же удалось протиснуться к угловому столику, откуда я начал делать знаки официанткам, проносившимся мимо, как цветной вихрь.

Тем временем мой спутник придвинул к себе меню и стал рассеянно водить по нему карандашом. В каких-нибудь полторы-две минуты карточка сверху донизу украсилась силуэтами птиц, множеством угловатых, причудливых силуэтов.

Я отнял у него меню.

— Задумался,— пояснил Савчук, смущенно улыбаясь.— Рисую сейчас на всем, что попадется под руку. Это, знаете ли, помогает мне думать.

— Ну, слушаю вас,— сказал я.— Откуда взялась уважаемая Птица Маук и как залетела на наш столик, в это злополучное меню?

— Представьте, не знаю... О, тут очень много загадочного!..

Вначале я то и дело возобновлял свою сигнализацию, пытаюсь привлечь внимание официанток, но потом оста-

вил это и повернулся к Савчуку. И вот рассказ о том, как в руки к нему попал маленький четырехугольный кусок бересты...

Прошлым летом Савчук, по его словам, проводил все время в музейной библиотеке, так как заканчивал диссертацию. Приходил к открытию и не уходил до тех пор, пока не раздавался девятый — последний — удар больших настенных часов.

Особая, почти благоговейная тишина царила здесь. По белым половичкам скользили заботливые седые дамы, сотрудницы библиотеки. Шелестели перевертываемые страницы. Изредка кто-нибудь кашлял, но с осторожностью, чуть слышно.

Усевшись за облюбованный им маленький столик у окна, Савчук с головой погружался в историю присоединения к русской державе юкагиров, тунгусов, чукчей, самоедов.

Работая, он, по обыкновению, забывал обо всем окружающем.

Савчук был очень удивлен, когда увидел чью-то руку, осторожно выдвинувшуюся из-за его спины и положившую перед ним пакет.

Он оглянулся. За его стулом стояла сотрудница читальни.

— На ваше имя, Владимир Осипович, — шепотом сказала она. — Директор велел срочно передать.

Савчук поморщился. Наверное, так называемый «самотек», очередное письмо от какого-нибудь краоведа-любителя. Десятки таких писем приходят в музей со всех концов страны.

Не до «самотека» было Савчуку в тот момент. Почему-то подумалось, что в пакете находится сообщение, не заслуживающее внимания. Любитель-краевед отыскал в тундре коренной зуб мамонта и обрадовался, решил, что сделал открытие мирового значения. А в музее чуть ли не полкомнаты завалено этими коренными зубами.

Савчук поднял глаза к окну, затененному зелеными ветвями. Окна в музее очень высокие, летом их раскрывали настежь. Под ними располагалась площадка, на которой играли в волейбол. Виден был мяч, взлетающий до уровня окна, слышались звуки ударов по мячу, смех, возгласы: «Аут!», «Подача справа!», «Счет два — ноль!»

Эти второстепенные подробности запомнились Сав-

чуку; потому что послужили как бы рамкой для открытия.

Некоторое время глаза отдыхали на зеленой листве, пронизанной светом. Потом он вздохнул и вскрыл пакет.

Нет, речь шла не о зубе мамонта...

Из конверта вывалился и упал на стол четырехугольный кусочек бересты, с нацарапанными на нем полустершимися значками. Присмотревшись, Савчук увидел, что это печатные буквы.

Он поспешно навел на них лупу.

«Таймыр», — прочел этнограф, — «воздушному следу», «верховьях реки...», «детьми солнца...», «Птицей Маук...», «единоборство», «жив...».

Еще одна, чисто внешняя, подробность: на кусок бересты упал косой луч заходящего солнца. Строчки словно ожили в снопе пляшущих пылинок. «Солнечный курсив», — подумал Савчук, пристально вглядываясь в странный текст.

Он еще не улавливал связи между отдельными словами и, с сожалением отложив бересту, развернул сопроводительное письмо. Группа юных натуралистов из Ленкорани сообщала о том, что коллекция перелетных птиц в Ленкоранском доме пионеров пополнилась удивительным охотничьим трофеем. Им удалось убить дикого гуся, одна из лапок которого была тщательно обвернута, как бы забинтована «прилагаемым куском бересты». Видимо, птицу закольцевали — если это можно назвать кольцеванием — довольно давно, так как некоторые слова на записке стерлись.

Дикие гуси проводят лето на Таймыре — это было известно Савчуку так же, как пионерам. Впрочем, об этом говорило и первое слово на куске бересты, поддававшееся расшифровке. Птица побывала на Таймыре. Какой следовало сделать из этого вывод?

Неужели заполнялся пробел в этнографии, давно уже мучивший Савчука, заштриховывалось «белое пятно» на карте расселения народов Сибири?

Получалось, что северная часть Таймырского полуострова, упирающаяся углом в Ледовитый океан, заселена! Там, в верховьях какой-то реки, живет народ, называющий себя «детьми солнца», до сих пор не известный этнографам!

Остаток дня Савчук просидел неподвижно над

кусом бересты, присланным из Ленкорани, не притрагиваясь к книгам.

Наверное, он имел довольно странный вид, когда перед закрытием читальни возвращал книги.

Заведующая, благоволившая к нему, спросила вполголоса:

— Как работалось, Владимир Осипович? Удачный был день?

— Удачный?..— Савчук с удивлением посмотрел на нее. Он не сразу понял смысл вопроса.— Ах да, день?.. Не знаю! Пока еще не знаю ничего...

Я поднял голову. Вокруг стучали отодвигаемые стулья. Антракт кончился. Звонок призывал нас снова в зрительный зал.

— Что ж, надо идти,— сказал Савчук с огорчением.

— Обязательно договорим после спектакля,— утешил я его.

3

Когда спектакль закончился, Савчук покорно вышел за мной в фойе.

Глядя на его толстое удрученное лицо, я вспомнил, что Лиза сравнивала Савчука с Пьером Безуховым. Действительно, что-то общее было между ними, и не только массивность. Правда, Савчук не носил очки, как Пьер, но взгляд его становился иногда таким беспомощно-отсутствующим, задумчиво-мечтательным, что этнограф казался близоруким.

— Давайте походим по улицам,— предложил я.— Хочется просто походить. Поглядеть на Москву, какая она вечером.

— Не лучше ли все-таки в музей? — неуверенно сказал Савчук.

— Что вы! Ночью?.. Нет, доскажете по дороге. Понимаете, очень соскучился по Москве. Столько раз воображал на зимовке: вот спускаюсь по улице Горького, проверяю свои часы по телеграфским, сворачиваю к университету...

Мы очутились у вешалки.

Савчук неуклюже топтался подле меня, пытаюсь помочь одеться и в припадке усердия запикивая мою руку не в рукав, а во внутренний карман шинели.

Мы вышли из театра.

— Брр, какая сырость! — сказал Савчук, поправляя кашне, которым, по меньшей мере, трижды была обмотана его шея.

— Да что вы! По-моему, хорошо. Теплынь!

— Мерзейшая погода! Всегда гриппую в марте.

— А вы бросьте грипповать.

— То есть как это бросьте? Вы думаете, притворяюсь?

Он чихнул и с беспокойством посмотрел на меня. Я засмеялся.

— Такая махина, громадина, — я с удовольствием оглядел его с головы до ног, — и так панически боится гриппа! Обмотался кашне, обулся в какие-то архиерейские боты. Вы просто неженка, милый мой! Оглянитесь-ка лучше.

Мокрый асфальт мостовой отражал в себе вечерние огни: ярко освещенные квадратики окон, зеленые, желтые и красные шары светофоров, струящуюся зыбь реклам. Москва смотрелась в асфальт, как в реку. Изредка мимо нас проплывали троллейбусы, покачиваясь с боку на бок, будто нагруженные доверху баркасы.

— До чего ж красиво! — вздохнул я от полноты чувств. — Вам не понять: пригляделись уже, избаловались. Небось как засели в свой музей, так и не выезжали из Москвы?

— Собственно говоря, я...

— Оставим это! Я же вас не виню. Меня интересует другое. Почему «детей солнца» не обнаружили на Таймыре до сих пор?

— А вы помните, какое место на карте занимает Енисей? — ответил Савчук вопросом на вопрос.

— Енисей? При чем тут Енисей?

— Он делит территорию СССР примерно пополам.

— Знаю.

— Так вот, к западу от Енисея работали десятки ученых-этнографов, а к востоку — единицы. Пропорция, конечно, неправильная. В данном случае она многое объясняет.

Довод показался мне убедительным.

— Все-таки, простите, не понимаю, какое отношение имеет ко мне клочок бересты, пусть даже исписанный печатными буквами?

— Но ведь вы бывали в море Лаптевых! Лиза говорила, что специально изучали историю путешествий в этом районе Арктики.

— Изучал, да.

— Вот видите! Именно вы сумеете разобраться. Какой-то русский путешественник двадцатого века, пересекая Таймыр с севера, со стороны моря, наткнулся на «детей солнца» и с помощью закольцованной птицы известил о своей находке. Путешественника, заметьте, считают погибшим или пропавшим без вести, иначе в записке не было бы слова: «жив».

Я задумался. Никто из путешественников, погибших или пропавших без вести, не приходил на ум.

Некоторое время мы шли молча. Начал моросить мелкий надоедливый дождь.

— Самое важное сейчас — уточнить хронологию событий,— продолжал Савчук. Он с раздражением отряхнул дождевые капли со своего пальто.— В каком году написано письмо? Дата! Дата! Дайте мне дату!..

— А орнитологи? Обращались ли вы к орнитологам? Каков возраст закольцованной птицы?

— Музей просил ленкоранских пионеров прислать чучело птицы. Посылка пришла очень быстро,

— Ну и?..

— Орнитологи определили возраст птицы примерно в двадцать — тридцать лет.

— Отлично! Уже есть нижняя предельная дата. Птица убита в прошлом году, то есть в тысяча девятьсот тридцать девятом. Стало быть, закольцевать могли ее не раньше тысяча девятьсот девятого года. А верхняя предельная? Нельзя ли установить верхнюю предельную дату?

— Установлено. Тысяча девятьсот семнадцатый год.

— Почему?

— Орфография. Письмо написано по старой орфографии: с твердым знаком и буквой «ять». Это указывает, во всяком случае, на предреволюционные годы.

— Да, убедительно,— согласился я.— Но почему печатные буквы?

— Думаю, путешественник был предусмотрителен. Письмо могло попасть в руки малограмотных людей, которые легче разобрались бы в печатном тексте,

— Неглупый человек этот ваш путешественник,— пробормотал я и поежился: за воротник поползла противная холодная струйка. Дождь понемногу усиливался.

— Признаюсь, мне стало интересно,— сказал я искренне.— Выходит, к вам в музей, в музейную библиотеку, ворвалась весть от какого-то русского морехода, нашего современника? Теряюсь в догадках, кто бы это мог быть... Но продолжайте, я перебил вас.

Мы двинулись дальше по мокрому блестящему тротуару.

— Где мы? — спросил я, поднимая воротник.

В тумане поблескивала вода. Впереди проступали внушительные очертания какого-то моста.

— Крымский мост,— рассеянно сказал Савчук.

Ого!.. Далеченько забрались!

— Ну, не чудачки ли мы с вами? — сказал я, улыбаясь.— Вместо того чтобы спать, разгуливаем себе ночью под дождем и рассуждаем бог весть о чем. О бересте и Карском море! О Птице Маук и каких-то сказочных «детях солнца»!..

— И об исчезнувшем русском путешественнике.

— Да, о погибшем, давно умершем путешественнике.

— В том-то и дело, что он, может быть, жив до сих пор.

— Жив? Да что вы! — сказал я недоверчиво.

— Да. По-видимому, продолжает посылать вести с верховьев своей реки. Но это надо, конечно, проверить на месте, на самом Таймыре...

В задумчивости мы прошли еще несколько кварталов.

— Как хотя бы выглядит это послание на бересте? Опишите его внешний вид! — попросил я, продолжая перебирать в памяти имена русских полярных путешественников.

Савчук пробурчал что-то в кашне.

— Не слышу. Что вы говорите?

— Говорю, что проще бы самому взглянуть на него. Я остановился. У меня мелькнуло смутное подозрение.

— Савчук, где мы сейчас?

Мой спутник замялся, потом сказал, глядя вбок:

— На Большой Калужской. Музей рядом.

Над нами в тумане мерцал фонарь, как маленькая

луна. При свете его я всмотрелся в сконфуженное лицо Савчука.

— Эге-ге!..— сказал я.

— Ну, вот еще...

— Нет, нет, вы хитрец! И какая настойчивость! Вы пиявка, почтеннейший, просто пиявка!

Он принялся оправдываться, говоря, что привел меня сюда случайно, что ноги машинально, без участия сознания, привели его к музею, и психологам известны подобные случаи. Он замолчал, не выдержав моего красноречиво-укоризненного взгляда.

— Хотя поскольку вы все равно уже здесь...— сказал Савчук почти шепотом.

— «Постольку, поскольку»! — передразнил я.— Зама-нили в район музея...

— Но это займет у вас всего четверть часа.

— Нет, вы с ума сошли!

Однако он уловил в моем голосе нотки неуверенности и стал еще более настойчив. Ни с чем нельзя сравнить настойчивость таких вот толстых, с первого взгляда вя-лых и нерешительных людей, если им втемяшится что-нибудь в голову.

— Завтра утром,— сказал я.

— Завтра невозможно. Завтра будет слишком поздно. Завтра вы едете в Сочи, я вылетаю на Таймыр.

— На Таймыр?.. Зачем?

— Но я объясняю вам это целый вечер — искать легендарный, загадочный народ — «детей солнца»! Мне поручено проверить подлинность записки на бересте. Нет, вам совершенно необходимо взглянуть на записку!

— Ночью?.. В музей? — пробормотал я, делая несколько нерешительных шагов.— Все-таки согласитесь, как-то странно...

— Ничуть не странно. Для науки ничего не странно! Вы сами были в таком же положении, мучились когда-то тайной, которая...

Он пустил в ход неотразимый аргумент.

Когда я следом за Савчуком поднимался по лестнице музея, куранты на Спасской башне, повторенные радиорупорами на площадях, стали бить полночь.

Глава третья
ЗАКОЛЬЦОВАННЫЙ ГУСЬ

1

Осмотр музея в полночь?..

Идти в музей для того только, чтобы взглянуть на облезлое чучело птицы и клочок бересты!

Тащиться к черту на кулички под дождем, когда давно уже полагается спать!

Но, повторяя все это и ругая себя, я продолжал плестись за Савчуком.

В описываемое мною время Музей народов СССР помещался на Большой Калужской, фасадом своим выходя к Москве-реке, в Нескучный сад.

Пока Савчук искал дежурного по музею, я стоял у входа в здание.

Внизу толпились деревья. Между ними видна была вода. Она казалась светлее деревьев, но все же была очень темной, неприветливой.

Я подумал о том, что совсем скоро — через каких-нибудь два-три дня — буду стоять у настешь раскрытого окна сочинского санатория. Лунная дорожка побежит от берега далеко-далеко к горизонту, а с веранды будут доноситься мерное шарканье ног и звуки медленного вальса. Медленного... Почему именно медленного?

Странно! Я никак не мог настроиться на курортный лад. Лиза говорила мне не раз, что я, подобно многим другим занятым людям, попросту не умею отдыхать. Возможно. Но мысли о Сочи все время перебивала мысль о письме на бересте. Что-то почти гипнотизирующее и очень тревожное было в этих разрозненных, не связанных между собой словах: «Таймыр», «верховьях реки...» И как там дальше? «Птица Маук» и «жив»!

Что бы это могло значить?..

— Дежурный разрешил! — раздался за спиной торжествующий голос Савчука.

Я вздрогнул. Я был сейчас далеко от дежурного и от музея.

— Договорился, уладил, — объяснил Савчук, переводя дух. — Сейчас отпрут.

Но высоченные резные двери, ожидавшие магического слова «сезам», еще долго не открывались перед нами.

Наконец явился сторож, низенького роста, заспанный, лохматый, недовольный. Кряхтя и зевая, он нашел в громадной связке ключей тот, какой ему требовался, и с медлительным скрипом двери отворились.

На нас пахнуло холодом. словно бы пещера была там, глубокая, сводчатая, наполненная слоистым мраком. В углах неясно мерцало что-то,— быть может, сокровища Али-Бабы?

Суетливо шаркая валенками, сторож побежал вперед, зажигая свет на нашем пути.

Один за другим возникали из тьмы высокие просторные залы. Днем здесь было иначе: раздавались приглушенно-робкие голоса посетителей, сдержанное покашливание, властный стук палочки экскурсовода. Сейчас сонная тишина стояла в комнатах, подобно недвижимой воде в заводи.

Да, очень странно было в музее ночью.

Мне показалось, что в одном из углов стоит человек. Когда мы приблизились, я рассмотрел под стеклом витрины фигуру русского казака XVII века.

Воинственно торчал шишак, поблескивала чешуя кольчуги, в откинутой руке было нечто вроде алебарды. Фигуре сумели придать такой естественный поворот, что чудилось: еще немного, и оживут, колыхнутся могучие плечи, а рука в железной перчатке сдвинет назад шишак, из-под которого глянет мужественное и доброе черноебродое лицо.

Такими, наверно, были первооткрыватели Сибири: предприимчивый Ермак, отважный Василий Бугор, хладнокровный Буза Елисей, о которых рассказывал мне в детстве — и с таким воодушевлением, так красочно! — мой школьный учитель географии.

— Не задерживайтесь у этой витрины,— поторопил меня Савчук.— Я же сказал вам: не семнадцатый, а двадцатый век!..

Он быстро и уверенно шагал мимо тускло отсвечивавших витрин, мимо глиняной утвари и деревянных сох, мимо стендов с разноцветными вышивками, мимо каменных баб, высокомерно шутивших на нас свои глазищи.

Наконец мой проводник замедлил шаги.

— В следующем зале,— сказал он вполголоса. (Полночный час настроил и его на торжественный лад.)

Я огляделся. Это был каменный век!

— Мы в Северной Сибири. Эпоха — ранний неолит, — пояснил Савчук, делая широкий жест хозяина.

Со стен исподлобья смотрели рогатые черепа, по-видимому, северных оленей. В углу стоял растрескавшийся обломок могучего желтого бивня, а под ним лежали каменные топоры, наконечники стрел и короткие ножи из обсидиана — вулканического стекла.

А ведь все это когда-то служило человеку: стрела из обсидиана догоняла бегущего оленя, каменный топор валил быка. За каждым из этих предметов угадывался человек. В них воплотилась, материализовалась упрямая, творческая, созидаящая мысль, которая подняла человека над окружающим миром.

Что же ожидало нас в следующем зале?

С некоторой робостью я переступил порог.

2

Передо мною было чучело орла.

Экземпляр, правда, был незаурядный. Размах крыльев достигал на глаз двух с половиной метров. Могучие когти вцепились в пунцовую бархатную подставку. Издали могло показаться, что хищник терзает брошенный ему кусок мяса. Клюв был широко раскрыт, так что виднелся кончик острого, как жало, языка.

Набивщик чучела, по-видимому, обладал художественным вкусом и придал шее орла такой изгиб, что усиливалось впечатление злой и надменной силы.

С почтительным любопытством я склонился над металлической пластинкой, прибитой к подставке.

«Орел-белоголов, — было написано там, — убит на Чукотке. Поднесен в дар музею охотником Тывлянто такого-то числа».

Я обернулся к Савчуку, который с удивлением смотрел на меня.

— Что вы?.. Не орел, — сказал он.

Присмотревшись, я увидел, что в тени орлиных крыльев приютилось на особой подставке чучело гуся. Гусь как гусь: с перепончатыми лапами, с вытянутой по гусяному обыкновению шеей. Он смотрел на меня искоса желтым глазом, сохраняя при этом непроницаемо-загадочное и даже вызывающее выражение на длинноносой продувной физиономии.

— Лучше бы все-таки орел. Гусь, знаете ли, не так романтично.

— Ведь не простой гусь, а закольцованный,— вступился за гуся Савчук.

— Почти что заколдованный...

— Вестник несчастья,— многозначительно сказал этнограф.— Важные письма в старое время,— продолжал он,— запечатывались сургучом, к которому припечатывались еще и два-три гусиных пера. Чем больше перьев, тем важнее считалась весть, тем быстрее мчался гонец.

— Гусиные перья вместо марок?

— Вроде того.

— Тогда полученное с Таймыра письмо можно назвать заказным, потому что его сопровождали не двумя-тремя перьями, а целым гусем. Но где же оно, это «заказное письмо»?

— Не в клюве гуся, конечно. За семью печатями... Прошу пройти в эту маленькую дверь. Осторожно, ступеньки!

Записка сберегалась в кабинете директора в особом, герметически закрытом стеклянном ящике.

Я присел к столу.

Кусок бересты имел четырехугольную форму и загибался, как свиток. Надпись сделана была микроскопическими печатными буквами с сохранением старой орфографии. Сначала чем-то острым (шилом или гвоздиком) выцарапывались углубления для букв, потом они заполнялись золой, разведенной в воде.

Вот что мне удалось с трудом разобрать: «Таймыр... идя на юг... воздушному следу... верховьях реки... назыв... детьми солнца... Птицей Маук... единоборство... жив... помощи...»

— Текст бессвязный,— разочарованно сказал я, поворачиваясь к Савчуку.

— Надо читать между строк.

— А вы прочли?

— Попытался. Начал заполнять пустоты между уцелевшими словами, перебрасывать смысловые мостики...

— И получилось?

— Судите сами.

Савчук вытащил из кармана смятую бумажку, испещренную поправками, и прочел:

— «Я, имярек, потерпев кораблекрушение, попал на Таймыр. Идя на юг по какому-то воздушному следу, после долгих скитаний очутился в верховьях такой-то реки и пришел к людям, называющим себя «детьми солнца»... Ну как?

— Складно... Дальше.

— Дальше не так складно. Птица Маук?.. Пока еще не возьму в толк, что это за диво. Возможно: «столкнувшись с Птицей Маук»?..

— Понял... «Вступил с нею в единоборство»?

— Да, в этом духе. И в заключение: «меня считают погибшим, но я жив и прошу помощи»... Затем, как водится, фамилия, дата, указание координат.

— Их-то и нет?

— К сожалению, нет. Край записки надорван.

Я в раздумье откинулся на спинку стула.

— В общем приемлемо. Записка, бесспорно, послана с Таймыра.

— А некоторые этнографы, представьте себе, не верят, считают мистификацией,— пожаловался Савчук.— Даже статья появилась: «Странная мистификация в Арктике». У меня есть газетная вырезка. Хотите прочесть?

— Не хочу!

Я фыркнул. Подобная реакция была, по-видимому, приятна Савчуку: он улыбнулся.

— Мистификация?—сердито сказал я.— Чушь, чушь!.. Извините, не могу спокойно. Мне эти скептики в свое время так насолили!.. И какие сомнения? Письмо подлинное! Все говорит за это!

— А что именно, по-вашему?

Я принялся загибать пальцы:

— Внешний вид записки, раз! Экспертиза орнитологов, два! Анализ текста, три!

Этнограф засмеялся от удовольствия и потер руки:

— Я очень рад, что не сомневаетесь в подлинности письма. Но теперь займемся его автором...

3

Савчук перегнулся через мое плечо и постучал пальцем по стеклу, за которым лежала береста.

— Да, займемся автором письма. Кто он?..

— Ну, данных так мало, что...

— Данных немного. Но все же есть кое-что...

— А именно?

— Бесспорно, не иностранец, русский. (Иностранец никогда не написал бы: «единоборство». Обязательно: «поединок».) Надо думать, интеллигентный человек—не зверопромышленник, не простой матрос, не скупщик пушнины. Вывод: русский путешественник, географ, исследователь Арктики. Кто же он?..

Подумав, Савчук уточнил свой вопрос:

— Кто из русских путешественников пропал без вести примерно в период между тысяча девятьсот девятым и тысяча девятьсот семнадцатым годами в этом районе, то есть в море Лаптевых или в Карском море, вблизи берегов Таймыра?

Я молчал.

Это напомнило мне игру в пятнадцать вопросов, которой очень увлекались в мои студенческие годы.

Суть ее заключалась в следующем. Один из играющих задумывал какого-нибудь знаменитого деятеля: писателя, полководца, артиста, ученого. Его противник имел право задать пятнадцать вопросов, касающихся биографии задуманного деятеля. Отвечать разрешалось односложно: «да», «нет».

Выработана была хитроумная тактика этого умственного поединка. К разгадке двигались как бы по спирали, постепенно сужая круги, отсекая все лишнее, не идущее к делу.

Обычно начинали с вопроса: «Жив?» Если ответ был отрицательным, область таинственного сразу сужалась,—среди задуманных могли быть только покойники. Тогда перебирали столетие за столетием: «Умер в двадцатом веке?», «Умер в девятнадцатом, восемнадцатом?» Подобным же способом пытались определить профессию незнакомца и т. д.

На пятнадцатом вопросе, оттеснив своего противника «в угол, к стене», отгадчик торжествующе выкрикивал: «Людвиг Фейербах!», или «Цезарь Борджиа!», или «Анатолий Луначарский!»

О, игра в пятнадцать вопросов требовала начитанности и упорства! Она перетряхивала в памяти знания из самых разнообразных областей.

И вместе с тем в ней было нечто азартное. В трамвае, в коридоре университета, в столовке, в театральном фойе

можно было встретить приятеля, который, растолкав толпу, вдруг кидался к вам с криком: «Жив?» Это означало, что он готов отгадывать.

— Что ж,— сказал я нерешительно,— на память приходит только Владимир Русанов.

— Русанов,— повторил Савчук, будто мысленно взвешивая эту фамилию.

— Вы знаете, конечно, что он ставил перед собой задачу пройти Северным морским путем?

— Да.

— Последнее его дошедшее до нас послание датировано августом 1912 года. Он сообщал, что находится несколько южнее Маточкина Шара¹. Предполагаемый маршрут: северо-восточная оконечность Новой Земли и далее на восток...

— Потом?

— Потом мрак. Арктика на много лет задерживает завесу. Не исключено, что путешественник зимовал где-то на восточном берегу Новой Земли, в тысяча девятьсот тринадцатом году продолжал плавание и был затерт льдами в Карском море. Предполагают и другое: дошел до Северной Земли, о существовании которой не знал, пытался обогнуть ее с севера или проник в пролив, названный впоследствии проливом Вилькицкого...

— Так и пропал, растаял без следа?

— Нет. След Русанова найден. Не очень давно.

— Где?

— В шхерах западного берега Таймыра...

— Тогда несомненно, что...

— Извините, не кончил. В шхерах Минина советские полярники наткнулись на деревянный столб с надписью «Геркулес» (название русановского судна), а несколько восточнее, в тех же шхерах нашли вещи участников экспедиции. Считалось, что там закончилась полярная трагедия Русанова...

Савчук поднял руку, собираясь возразить, но я помешал ему:

— Считалось!.. Я же сказал: считалось!.. Теперь, увидев записку, готов признать, что там была лишь промежуточная база русановцев.

— Ага!..

¹ Пролив, соединяющий Баренцево море с Карским.

— И бедняги погибли где-то в глубине Таймыра, пытаясь пробиться к людям, к жилью.

— Но почему же погибли?

— Как? Вы надеетесь, что выжили?.. Прошло столько лет, более четверти века!

— Вы противоречите себе,— сказал Савчук, поморщившись.— Жизнь дает вам урок оптимизма, а вы проходите мимо, не хотите замечать. Подумайте: долгое время считалось, что Русанов дошел только до восточного берега Новой Земли. Сейчас известно, что он прорвался еще дальше, к берегам Таймыра. Почему же нельзя надеяться, что он или его спутники выжили?

— Создаете в своем воображении бог знает кого, каких-то полярных Робинзонов!

— Но ведь прототип Робинзона реально существовал! Он прожил, по-моему, что-то около пяти лет на своем острове.

— Широты! Вспомните о широтах, мой друг!.. Он жил в полосе тропиков или субтропиков, почти что на курорте. А тут речь идет об Арктике. Разве можно сравнить?.. Таймыр! Самая северная оконечность материка! Тундра, горы, гнездо антициклонов. Учтите также, что потерпевшие кораблекрушение не могли иметь ни запаса продовольствия, ни собачьих упряжек, ни даже, может быть, теплой одежды. Впереди сотни километров бездорожного пути, ледяной ветер, пустыня. Несчастливым буквально нигде было преклонить голову.

— А «дети солнца»?.. Опять забыли о названном в письме загадочном народе — о «детях солнца»!

Я некоторое время молча смотрел на Савчука, потом перевел взгляд на свои ручные часы и в ужасе вскочил со стула.

— Без четверти два! Неужели мы будем ночевать в музее? Меня замучат кошмары среди этих орлов, каменных баб и бивней мамонта...

Савчук снисходительно улыбнулся. Он отнюдь не собирался ночевать в музее. Наоборот, предлагал свое гостеприимство. Квартира этнографа, по его словам, помещалась неподалеку от музея, всего в двух-трех минутах ходьбы.

1

В темной прихожей я споткнулся обо что-то.

— Ах, извините,—смущенно сказал хозяин, вошедший следом.— Такой хаос в квартире. Укладывался, не успел прибраться.

Он зажег свет.

Всюду были разбросаны свертки, рюкзаки, термосы. Грязное полотенце висело почему-то на репродукторе. Посреди письменного стола высились болотные сапоги с отворотами, как обломок статуи Петра Великого, рядом лежали исписанные скомканные бумажки и кусок недоеденной булки.

— Черт знает что! — сказал я с негодованием, ища места, где бы сесть.

Хозяин захлопотал, сунул недоеденную булку в раскрытый ящик стола, с шумом задвинул его, а сапоги переставил на этажерку с книгами. Потом со вздохом облегчения повалился в кресло, считая, по-видимому, уборку законченной.

— У меня не всегда так,— заметил он, впрочем, без особой уверенности в голосе.— Некогда перед отъездом. А главное, понимаете: всё время мысли, мысли!..

Не посидев и минуты, Савчук бросился в прихожую и приволок оттуда свиток, который всюду таскал с собой. Это оказались географические карты.

— Что же это я? — закричал он.— Даже карты не показал. Вам же интересно по карте...

Отодвинув скомканные бумажки, Савчук разостлал на столе карту Сибири.

— Где-то здесь,— сказал он и положил на Таймырский полуостров ладонь с растопыренными пальцами.

— Где-то? Растяжимое понятие!

Под ладонью Савчука была территория, на которой могло свободно уместиться какое-нибудь европейское государство средней величины.

— И тут прячутся ваши «дети солнца»? — усомнился я.— Посреди тундры, ровной, как стол?

— Стол?.. Что вы!.. А Путорана? А Северо-Восточное плато? А горы Бырранга?

— В записке говорилось о верховьях реки, насколько я понял? Где эта река?

— Выбор велик!.. Северный приток Пясины, во-первых. Взгляните-ка сюда!

— Да. Берет начало в отрогах Бырранги.

— Река Ленивая, во-вторых. Вот она.

— Я бы, пожалуй, выбрал Верхнюю Таймыру,— сказал я, вглядываясь в карту.

— Почему?

— Могучая река. В самом центре полуострова. Мне представляется, что гусь с запиской вылетел отсюда.

— Очень возможно.

— Значит, центральная часть Бырранги? Но над нею летают самолеты.

— Что из того? Арктика — царство туманов. Кому, как не вам, знать это? Вы много раз летали над Архипелагом Исчезающих Островов, но так и не увидели его сверху.

— То все-таки было в море. Здесь суша, материк.

— Так ведь пустыня! — Савчук сердито прихлопнул ладонью. — По всем демографическим данным, пустыня. Один человек приходится на триста—четыреста квадратных километров. Мудрено ли затеряться?.. А севернее озера — вот здесь! — настоящее «белое пятно». Никто из путешественников не бывал. Тут такие сюрпризы возможны...

— Пожалуй,—согласился я.— Но для того чтобы отыскать там что-нибудь, нужно дебри руками обшарить. Каждое ущелье на ощупь...

— Вот-вот! — подхватил Савчук.— За примером недалеко ходить. Несколько лет назад Сергей Обручев открыл в Сибири целую горную страну, размерами побольше Кавказа... До Обручева считалось: низменность, никаких гор нет. Закрашивали на картах в зеленый цвет, как полагаются окрашивать равнины. А какая равнина, где? Пришли, посмотрели: там горный хребет высотой до трех тысяч метров! Каково?!

Я, конечно, знал об этом. Савчук вспомнил об открытии хребта Черского, и вспомнил кстати.

Что ж, чего не бывает в жизни! Быть может, на севере Таймыра, где-нибудь в неисследованных горах Бырранга, и впрямь затерялся народ, не известный этнографам?

— Согласен,— сказал я.— Пустыня. Пока еще пустыня... Но должны же быть вести о «детях солнца». Какие-нибудь неясные, смутные слухи. Знаете, как распространяются слухи по тундре? Как поземка, наперегонки с ветром!

Савчук принялся разглаживать карту на сгибах.

— А почему вы думаете,— спросил он,— что я не придаю значения слухам? Это, если хотите, и есть тот след, по которому пойду. Только это совсем особый след.

— Какой же?

— Этнографический.

— Не понимаю.

— Я уже говорил о нем. Имею в виду обрывки преданий, легенд, украшения, орнамент на одежде. Пойду по этому следу сначала так.— Савчук отметил на карте пункт.— Потом сюда. Остановка здесь. И дальше на север...

Карандаш бойко постукивал по столу. Казалось, не было никаких препятствий на его пути. С легкостью форсировал он реки в тундре, перепрыгивал через пропасти, взбирался по крутым склонам Бырранга. Вдруг карта вырвалась из-под пальцев и снова с раздражающим упрямством свернулась в свиток.

— Фу, черт! — сказал Савчук и обернулся ко мне.— Нет ли чего-нибудь тяжелого под рукой?

Я порылся в карманах кителя, положил на края карты перочинный нож, записную книжку, потом, после некоторого колебания, вытащил маленький компас, сделанный в виде брелока.

— О,— сказал Савчук, заинтересовавшись компасом.— Какая красивая безделушка! Теперь не делают таких... Откуда она у вас?

— Подарок,— ответил я кратко.

— От кого же?

— От друга.

— От Звонкова?

— Нет.

— Тогда от Лизы?

— И не от Лизы.

Я постарался отвлечь внимание Савчука от маленького компаса, так как не был расположен к разговору на эту тему.

— Помилуйте, Владимир Осипович,— воззвал я к его

гостеприимству.— Третий час на исходе. Завтра нам уезжать: мне в Сочи, вам на Таймыр. Когда же спать?!

Мы немного поспорили о том, кому спать на кровати, кому на диване. Потом, разместившись, погасили свет.

— Вы спите? — спросил я после некоторого молчания.

— Нет.

— Знаете, о чем я думал, когда давеча ходил с вами по музею?

— Ну?

— Ощутил себя скитальцем во времени. «Двадцатый век остался где-то за порогом,— подумал я,— а мы странствуем по залам музея, как по притихшим столетиям».

— Вот как?!

Я услышал, как пружины кровати застонали под Савчуком.

— Я очень рад,— сказал он.

— Чему?

— Вы начинаете постигать романтику нашего труда— историков. Да, именно, скитальцы во времени!.. Любый народ, исчезнувший с лица земли, живет в ученом, который занимается его историей. Талант историка — назовем скромнее: интуиция — состоит, по-моему, в том, чтобы в какой-то степени, пусть на миг, воссоздать в своем воображении этот народ, ощутить себя его современником...

— В этом заключается талант беллетриста.

— И ученого!.. Допускаю, что «дети солнца» давным-давно вымерли, исчезли. Но для меня живы! Понимаете, я думаю о них, и они живы во мне...

Пружины снова загудели: Савчук устраивался поудобнее.

— Я не рассказывал вам, как выбрал свою профессию? Нет? В детстве, видите ли, довелось прочесть одну книгу. Не помню сейчас ни заглавия, ни автора. Но хорошо запомнил виньетку в начале. Замочная скважина, похожая на арку. Вдали, за аркой, высокие деревья, внизу шалаш, а на переднем плане люди в косматых одеждах, с луками и копьями в руках. Суть, кажется, заключалась в том, что герои повести — два мальчика и девочка — овладели секретом проникать через волшебную скважину и каждый раз неожиданно для себя попадали в прошлое, в девятнадцатый век, в семнадцатый век и даже в каменный. С этой книги и началось мое увлечение историей...

— Профессию выбирают по-разному,— ответил я вяло, потому что не мог знать, что слова Савчука о волшебной замочной скважине звучат почти пророчески.— Меня, например, надоумил школьный учитель географии. Да, мой покойный учитель... Но знаете что, дорогой хозяин?— прервал я себя.

— Что?

— Возникла новая, совершенно оригинальная мысль!..

— Нуте! — заинтересовался Савчук.

— Давайте-ка, друже, прервем наш разговор до утра. Ночью все-таки полагается спать...

Савчук послушно замолчал.

Вскоре до меня донеслось мерное и мирное посапывание. Быть может, Савчуку снилось, что «дети солнца» уже найдены и он делает доклад о своем открытии на конференции этнографов?

2

Я перевернулся на спину и, забросив руки за голову, устоялся в потолок.

Итак, еще два дня — и я в Сочи. Лягу на зеленую траву под пальмой, сдвину на лоб фуражку и буду дремать, мечтать, пить сицеву южного неба, не торопясь, по каплям.

Отпускник, отпускник!..

С какого же это года я не был в отпуске?

Да, пожалуй, с 1933-го, с первой — неудачной — экспедиции к Земле Ветлугина. Потом уж некогда было отдыхать.

Что ж, отдых заслужен мною, работа сделана!

Пусть это всего лишь три точки на карте, едва заметные на голубом фоне, почти рябь на воде. Для науки значение Земли Ветлугина, бывшего Архипелага Исчезающих Островов, велико. Для меня же открытие их — итог мучительных усилий, итог добрых двадцати лет жизни!..

С детских лет волновала тайна этих островов, поглощала все помыслы, все чувства — всего целиком! И вот тайны нет больше. Завершен труд двух поколений: открытия, изучены и сохранены от разрушения три острова в Восточно-Сибирском море.

Но радость все же неполна. О, если бы мог разделить ее со мной, с Лизой, с Андреем Звонковым, с другими участниками экспедиции ученый, предугадавший откры-

тие островов, больше того, указавший их координаты,— замечательный человек и мой лучший друг, один из выдающихся русских географов, к сожалению безвременно погибший!..

Я лег на бок, подоткнул получше одеяло, собираясь последовать примеру своего хозяина, и вдруг с удивлением заметил, что совсем не хочу спать.

История с запиской взбудоражила мое воображение.

Кем был этот русский путешественник, который «закольцевал» дикого гуся и отправил с ним послание — призыв о помощи? Что мешало путешественнику выбраться из тундры, если бы он был еще жив и находился в тундре?..

Возможно, что судьба его удивительным образом переплелась с судьбой загадочного народа — «детей солнца». Не держали ли путешественника в плену? И что означало указание на борьбу с птицей, которая носила имя Маук?..

Ничего нельзя было понять. Короткие, почти бессвязные слова записки напоминали крик, донесшийся издалека, скомканный, оборванный ветром.

Я улегся по-другому. Было не очень удобно на узеньком клеенчатом диване, хотя вообще я неприхотлив. Черт бы побрал эти жесткие валики!

Нет, сон не шел, хоть умри!..

Ну что ж, — Русанов? Или кто-либо из участников его экспедиции на «Геркулесе»?

Русанов всегда импонировал мне. Он был русским патриотом, революционером, социал-демократом, долго находился в царской ссылке, мечтал о перестройке Крайнего Севера России, изучал Новую Землю, ратовал в печати за использование малых притоков Печоры (что осуществилось в наше время).

В одной из работ его написано: «Брожу один между скал. Лишь ветер поет мне песни в дуле ружья...» Так мог сказать лишь поэт. Он и был поэтом в душе, как большинство русских путешественников, исследователей Арктики.

Но больше всего сил отдал Русанов решению грандиозной государственной задачи — прокладке Северного морского пути. Он и погиб на полпути к цели, споткнувшись о порог, выдвинутый далеко к северу, — Таймырский полуостров.

Нам, советским полярникам, трудно представить себе

условия, в которых Русанов предпринял свою дерзкую попытку.

Достаточно сказать, что у него не было рации. Зимую во льдах, Русанов даже не знал, что началась первая мировая война.

В таких условиях ни Русанов, ни кто-либо из русановцев не могли спастись, выжить, проникнуть в глубь полуострова. Чутье путешественника подсказывало мне это.

Но если не Русанов, то кто же?..

Постепенно очертания предметов — стульев, стола, кровати, на которой спал Савчук,—начали проступать во тьме. Вот как! Скоро рассвет, а мне так и не удалось заснуть.

Безмятежный храп моего хозяина начал раздражать меня.

Правда, он храпел не так, как некоторые, в ужасе просыпающиеся от собственного храпа,—нет, вполне пристойно, с деликатными переливами, паузами и трелями.

Но меня возмущал сам факт. Как? Этот человек спит, а я не могу сомкнуть глаз?! Он рассказал о загадке, которая мучила его, и успокоился на этом! Сбросил бремя догадок на мои плечи и в изнеможении повалился на подушки, чтобы тотчас же захрапеть самым эгоистическим образом!

В своем негодовании я забывал, что завтра — точнее, сегодня, потому что уже светало,—Савчук отправится на край света для того, чтобы разгадать волновавшую нас обоих загадку.

Не желая больше слышать храпа, я оделся, на цыпочках вышел из комнаты и плотно прикрыл за собой дверь. В коридоре я устроился на широком подоконнике.

Нет, не Русанов «закольецвал» гуся! Кто же тогда, кто?!

Я полез в карман за папиросами, без которых не умею думать. Пальцы наткнулись в кармане на что-то холодное. А, компас-брелок!

«Безделушка»,—сказал Савчук. Как бы не так!

Сколько раз получал я нагоняй из-за этого компаса. Как часто люди, не знавшие его истории, принимались укорять меня за то, что я со студенческой скамьи не расстаюсь с ним ни на суше, ни на море.

Знакомые девушки, притрагиваясь к нему мизинчиком, лепетали:

— Талисман? Как интересно!..— И кокетливо шурились: — Итак, Алексей Петрович, вы верите в талисманы?

Я отмалчивался: я не любил впутывать компас в свои отношения с девушками.

Талисман так талисман. Маленький компас можно было, пожалуй, назвать талисманом, потому что он был подарком друга, замечательного человека, воспоминания о котором всегда бодрили, будили энергию и силы.

Несколько лет компас провисел на стене в бревенчатом доме полярной станции на Земле Ветлугина, охраняя зимовщиков от всяких бедствий. Теперь я забрал его, так как он принадлежит мне, Андрею и Лизе и мы решили пользоваться им «в черед».

Я положил компас на подоконник. Как в детстве, хотелось чуда. Хотелось, чтобы магнитная стрелка, дрогнув, повернулась и замерла, указывая направление, по которому надо идти, в котором надо искать загадочный народ — «детей солнца».

— «Дети солнца» живы во мне! — заявил Савчук.

Но нечто в этом роде мог сказать и я.

Когда-то жил — и умер — человек, подаривший мне старомодный брелок в виде компаса. И он был «жив во мне», хотя гибель его удостоверена очевидцем, а некролог о нем напечатан в «Географическом вестнике».

Много раз в воображении я сопровождал его в толпе других ссыльнопоселенцев, идущих по широкому тракту. Перебирался с ним из Якутска в деревеньку, названную Последней, потому что дальше к северу уже не было деревень. Торопливо помогал ему увязывать вещи в пасмурное утро бегства, которое кончилось для него трагической гибелью.

А что, если?.. Нет, это, конечно, невероятно. Самая невероятная догадка из всех! Хотя...

Я закурил новую папиросу, чтобы собраться с мыслями.

Перед умственным взором моим поднялось из-за плеча Русанова бледное широкое лицо. Светлая, почти соломенного цвета, прядь падала на лоб, не очень высокий, но просторный и крутой. Глаза смотрели на меня через старомодные овальные очки с бесконечно добрым выражением, немного устало.

Только сейчас я подумал о том, как много общего с Русановым было во внутреннем облике этого человека.

Так же, как Русанов, он находился в царской ссылке, деятельно изучал Арктику, прокладывая путь для следующего поколения исследователей — для нас, советских полярников.

Так же мечтал о преобразовании Крайнего Севера России, заглядывая далеко вперед, через десятилетия.

И так же таинственно исчез, в безмолвных просторах Ледовитого океана...

3

В окне светлело. Все явственнее проступали силуэты деревьев. Начали поблескивать крыши домов на противоположной стороне улицы.

Я продолжал неподвижно сидеть на подоконнике, держа компас-талисман в руке, любясь Москвой, мало-помалу светлевшей, наливавшейся красками. Похоже было, будто капнули водой на переводную картинку. То, что в сумерках казалось тусклым, серым, сейчас, омытое свежей утренней росой, медленно прояснялось, оживало.

«Жив во мне»... Как должен я поступить, если он жив на самом деле? Если это его голос окликнул меня, прорвался издалека, из недр Арктики?..

Я соскочил с подоконника и прошелся по коридору. Шансов, понятно, очень мало. Пусть даже один из ста. Но нельзя пренебрегать и этим шансом!

Игра в пятнадцать вопросов?

Как бы не так! Для меня, во всяком случае, это была не игра.

Широкое бледное лицо с отброшенной со лба светлой прядью снова всплыло в моем воображении. Теперь было на этом лице мучившее меня выражение молчаливого вопроса, как бы ожидания.

Из-за стены раздался профессионально-бодрый голос: «Дышите равномерно! Следите за дыханием!»

Стало быть, Савчук уже поднялся и, включив репродуктор, делает гимнастику!

Вскоре он вышел из комнаты с полотенцем через плечо. Спущенные подтяжки щелкали его по ногам при каждом шаге.

— Вы здесь? — удивился он. — Я думал: принимаете душ. Как спалось?

— Да как вам сказать...

— Позвольте, а это что? — В изумлении он указал на кучу окурков, лежавших на подоконнике. — Не спали всю ночь? Заболели? Что с вами?

— Потом объясню... Ответьте-ка на один вопрос. Заполнены ли штаты вашей экспедиции?

— Ну, экспедиция — это громко сказано. Еду, собственно, я один. В Новотундринске найму проводника, подсобных рабочих, если понадобятся.

— Мог бы вам рекомендовать рабочего. Исполнительный. Непьющий. Бывал в Арктике. Ручаюсь за него, как за самого себя...

— Не знаю, право, — пробормотал Савчук, с сомнением глядя на меня. — К чему мне везти его из Москвы? Да кто он?

Я поклонился.

— Вы шутите! — Савчук уронил полотенце. — Подсобным рабочим? Вы? Но ведь вы кандидат наук, были начальником полярной станции!

— Устроит любая должность, лишь бы ехать с вами.

— Вы же едете в Сочи! Отпускник!

— Проведу отпуск на Таймыре.

— Нет, вы смеетесь надо мной! — сказал Савчук плачущим голосом.

— Уверяю вас, никогда не говорил более серьезно.

— Конечно, очень рад... И в Институте этнографии не будет возражений. Но я не могу понять, уяснить... В театре и в музее вы были настроены совсем иначе.

— Да, правильно. Решение оформилось позже, этой ночью.

Я сгреб окурки с подоконника и аккуратно высыпал в мусорный ящик.

— Когда же мы едем?

— Вылет назначен на десять часов. Но хотя бы вкратце, Алексей Петрович, в двух словах...

Через стену донесся голос диктора, объявлявшего погоду:

«Ночью на Земле Ветлугина — тридцать пять градусов мороза, в Нарьян-Маре — двадцать восемь...»

Я повернулся к Савчуку.

— Видите ли, уважаемый Владимир Осипович, — сказал я, — не исключено, что автором записки на бересте был мой учитель географии, понаслышке известный вам, — Петр Арианович Ветлугин...

Глава пятая
НА ТАЙМЫР!

1

Ну и что из того, что на Земле Ветлугина тридцать пять градусов, а в Нарьян-Маре — двадцать восемь? Нужды нет! Летим на Север, в Арктику!.. От вращающегося пропеллера вихрь поднялся на аэродроме. Савчук, стоящий на земле внизу, что-то кричит мне, азартно размахивая руками, но за ревом мотора не слышно ничего.

— Подать? — переспрашиваю я. — Что подать? Принять?..

Савчук сердится на мою непонятливость, азартнее прежнего размахивает руками. Он без шапки. Длинные прямые волосы его стоят дыбом. Полы пальто раздувает ветер.

— Ага! Мешок принять?

Я помогаю пилоту принять от Савчука мешок с баранками.

Ф-фу!.. Ну, все как будто!

Пилот Жора укоризненно глядит на меня. С вылетом запоздали на три часа — и все по моей вине.

Что поделаешь! Не так просто изменить маршрут с Сочи на Таймыр, рывком развернуться чуть ли не на сто семьдесят градусов!..

Только к тринадцати часам (вместо десяти!) все наконец уложено и улажено. Путевка возвращена в Управление полярных станций, майки, купленные для Сочи, спрятаны в гардероб до будущего лета, из чемоданов вместо маек извлечены выдавшие виды рукавицы, свитер, шерстяные носки и прочее полярное обмундирование.

В управлении горячо поддержали мое решение лететь на Таймыр, — имя Ветлугина говорило само за себя. Да в конце концов я ведь был вправе распоряжаться своим отпуском.

Лизе я дал телеграмму (потом оказалось, что та не застала Лизу на месте).

Неожиданно быстро уладился вопрос о должности. Директор Института этнографии оказался бывалым путешественником, привыкшим принимать решения на лету. Не будучи знатоком Сибири, он все же читал о Ветлугине, и когда я, представившись, принялся объяснять, поче-

му так круто меняю маршрут, понял меня с полуслова.
— Только почему подсобным рабочим? — спросил он. — Это ни к чему. Ведь мы снабжаем Савчука рацией. Желаете сопровождать его в качестве радиста? Вы знаете радиодело?

На полярных зимовках практиковалось изучение смежных профессий, с тем чтобы в случае нужды один зимовщик мог заменить другого. В свое время я изучил радиодело.

— Вот и чудесно! — обрадовался директор. — Поезжайте радистом. Приказ будет отдан сегодня же.

Прощальные рукопожатия сопровождались самыми лестными для меня словами:

— Будем очень благодарны за помощь. Конечно, ваш ценный опыт и познания... Ваша репутация полярного путешественника...

Раскланиваясь, я решил, что директор института, наверное, увидел во мне няньку, в которой нуждается Савчук. Но Савчук совсем не нуждался в няньке.

Уже на аэродроме он начал удивлять меня. Куда девались его неповоротливость и рассеянность! Он метался взад и вперед между машиной и самолетом, с легкостью перебрасывал свертки и чемоданы и даже прикрикнул на меня, когда я, зазевавшись, не успел подхватить на лету его богатырские болотные сапоги.

Я не обиделся. С рассвета этого дня владело мною ощущение какой-то радостной приподнятости.

Душа была уже в полете!..

А вскоре за душой последовало и тело. Со стуком захлопнулась дверца кабины, и аэродром с поспешно отбежавшими от самолета техниками, со стартером, державшим в руке флажок, с полосатой «колбасой», вытянувшейся по ветру, покатился назад и вниз.

— Ну, теперь расскажите о Ветлугине, — нетерпеливо попросил Савчук, придвигаясь ко мне. — Эту историю я знаю частично со слов Лизы и от друга Ветлугина по ссылке, Овчаренко. Что произошло с ним после побега? Почему вы надеетесь найти его на Таймыре?

Что я мог ответить своему спутнику? Мои догадки и надежды были пока еще такими неопределенными, шаткими...

Признаюсь, хотелось помолчать, побыть наедине со своими мыслями. Однако Савчук не унимался. Чтобы

переменить разговор, я спросил, как его грипп. Оказалось, что грипп Савчук забыл на аэродроме.

— Всегда делаю так, когда выезжаю из Москвы,— пояснил он, широко улыбаясь.— Теперь ему (гриппу) не поспеть за мной!..

Куда уж там поспеть!..

Мы стремительно возвращались в зиму из весны.

За оградой аэродрома осталась мартовская Москва, пахнувшая дождем и сочинской мимозой. Подмосковные леса зачернели внизу. А в районе Ярославля снег на полях потерял желтоватый оттенок и заискрился-замерцал совсем по-зимнему. Потом брызнуло из-под крыла ослепительное сияние. Так встречала нас ледяная гладь Рыбинского моря.

Неподалеку от этих мест, в захолустном уездном городе, который стал впоследствии приморским городом, начинался след Петра Ариановича Ветлугина. Терялся же бог весть где — на самом «краю света», там, за туманной чертой горизонта...

Вспомнилось, как опальный учитель географии, покидая Весьёгонск, прощался у шлагбаума со своими маленькими друзьями (девочка жалостно хлюпала носом, мальчики хмурились, крепились изо всех сил). В трогательных выражениях он благодарил «за бодрость, верность, за веру в мечту». И уже в пролетке, спохватившись, что не запасся прощальным подарком, рванул цепочку от своих часов и протянул на ладони компас, служивший ему брелоком.

Я с беспокойством провожу рукой по внутреннему карману кителя, где в особом кожаном футляре хранится маленький компас. Не оставил ли его впопыхах на подоконнике в квартире Савчука? Нет, компас цел,— со мною, как всегда.

Савчук то и дело поглядывал на меня, откашливался, порываясь продолжать разговор, но, наверное, выражение моего лица останавливало его.

Затем мой спутник, привалившись к тюкам с почтой, занялся изучением географической карты. Я могу теперь без помехи думать о Петре Ариановиче, представлять себе его лицо, воскрешать в памяти интонации его голоса.

А самолет тем временем мчит все дальше и дальше на север, и маленькая тень бежит за ним по снегу, как жеребенок за матерью...

В Нарьян-Маре Савчуку пришлось похлопотать. Наш самолет был почтовый. Его хотели дополнительно загрузить, а нам — двум пассажирам — предложили дожидаться следующего самолета, который должен был прибыть через три дня.

Нас это, понятно, не устраивало, и я уже начал нервничать. Впрочем, мое вмешательство не понадобилось. Савчук не отходил от начальника аэропорта до тех пор, пока тот не выскочил из конторы, хлопнув дверью, и не завопил на весь аэродром:

— Да ладно уж, летите этим самолетом, летите! Посылки подождут!

По собственному опыту я знал, что такое настойчивость Савчука.

Любопытно было наблюдать моего спутника в действии. При его громоздкости это отчасти напоминало снежную лавину, катящуюся с горы, все сметающую на своем пути.

Он определенно оживал и веселел по мере продвижения к Таймыру.

Когда нас разместили на ночлег, неизменно бодрый Савчук снова принялся одолевать меня расспросами.

— Почему все же Ветлугин?—бормотал он над ухом: говорить приходилось вполголоса, потому что на соседней койке спал наш пилот Жора.—Русанов — это понятно, но Ветлугин?.. Никак не могу взять в толк. Бывшая деревня Последняя—ныне Океанск—и Таймырский полуостров!.. Между ними огромное расстояние, непроходимая тундра, множество мелких, преграждающих путь рек, наконец, Хатангский залив!..

— Морем можно добраться скорее,—ответил я кратко.

— Морем? Но почему морем?

— Потому что Ветлугина унесло на льдине в океан.

— Унесло, правильно!.. Овчаренко видел это. Стало быть, погиб?..

— Я бы и сам думал так, если бы не был гидрологом. Профессия помогает мне сохранять оптимизм.

— Не понимаю связи.

— Она проста. У восточного берега Таймыра есть постоянное береговое течение. Если ветры, дувшие во время

побега Петра Ариановича, были благоприятны, то льдину, на которой он находился, могло отжать к берегу. Где, в каком месте — трудно сказать...

— Но льдину, должно быть, долго носило по морю?

— Да, несколько дней.

— Чем же он питался эти дни?

— Известно, что в мешке у Ветлугина был запас продовольствия. Кроме того, с ним было ружье. Он мог убить тюленя или белого медведя. В этом случае мяса и жира хватило бы надолго.

— Впервые слышу о возможности такого путешествия на льдине!

— Вы, наверное, не знакомы с соответствующей литературой. Русанов в своей книге приводит несколько случаев.

— Русанова не читал.

— Возьмите хотя бы историю этого ненца... как, бишь, его?.. Учю или Упа, не припомню имени...

— А что с ним произошло?

— Он охотился в мезенской тундре, увидел белого медведя на льдине, которую прибило к берегу, и убил его...

— Так...

— Ветер переменялся, пока охотник сдирал шкуру с медведя, и льдину отнесло от берега. Учю оглянулся, а вокруг уже вода. Что делать? Льдину с ним и с медведем тащит на северо-восток, в открытое море.

— Он бы вплавь!

— Куда там!.. Ледяная вода! А может, и плавать не умел, не знаю... Но вы поразитесь, когда узнаете, куда прибило льдину с ненцем...

— Куда же?

— Ну, как думаете, куда?

— Остров Колгуев?

— Дальше!

— Неужели Нарьян-Мар, где находимся сейчас?

— Гораздо дальше!

Савчук недоверчиво молчал.

— Обская губа,— сказал я.

— Невероятно!

— Русанов — признанный авторитет,— заметил я внушительно.— Сведения его всегда достоверны, безусловно достоверны.

— Нет, я не то хотел сказать. Действительно, огромное расстояние, сотни километров!.. Лыдину, конечно, протащило через Югорский Шар и Карские Ворота?

— В том-то и дело, что нет. Ненца обнесло вокруг Новой Земли.

Савчук только крикнул.

— Это, заметьте, случилось в начале лета. Охотник вынужден был, понятно, строго соблюдать медвежью диету.

— Да, убитый медведь пригодился.

— Еще как! Сало и мясо медведя охотник ел. Шкурой укрывался.

— Лыдина со всеми удобствами,— пробурчал Савчук в подушку, но я услышал его.

— Все еще не верите? Напрасно! Вы просто никогда не изучали морских течений. Они прихотливы... Согласен, ненцу повезло... Так вот, он плыл и плыл себе, дожевывая своего медведя. И вдруг однажды, высунув голову из-под медвежьей шкуры, увидел берег. Вдали среди туч виднелись горные вершины, голые и черные, местами покрытые снегом. Учу понял: это Новая Земля.

— Куда махнул, однако!..

— Я передаю вам то, о чем писал Русанов. Хотите слушать дальше?

— Просто комментирую про себя...

— Ну-с! Целое лето лыдина с ненцем плыла вдоль западного берега Новой Земли. К осени обогнула Новую Землю и вошла в Карское море. Горы скрылись из глаз. В октябре охотник снова увидел низменные песчаные берега, похожие на его родную мезенскую тундру. Он удивился. Неужели, как в сказке, вернулся домой?.. Сильно обтаявшая лыдина близко подплыла к берегу, и ненец вброд перебрался на землю. Оказалось, что он высадился на правый, восточный берег Обской губы.

— Самое удивительное путешествие, о котором когда-либо слышал,— изрек Савчук после паузы.

— Значит, просто не слышали об удивительных путешествиях,— сказал я сердито.— Люди в Арктике чувствуют себя на лыдинах иной раз надежнее, чем на борту корабля. Тот же Русанов рассказывает об одном зверопромышленнике, которого бросили на произвол судьбы посреди Карского моря.

— Как так?

— А так! Зверопромышленники били тюленей на большом скоплении льдин. Поднялась буря. Хозяин, владелец корабля, трусил, снял только тех охотников, которые находились поблизости, а за последним, дальним, не решился идти. Охотника сочли погибшим. А через полтора или два месяца тот появился домой жив-живехонек. Оказывается, носило его по всему Карскому морю. Ничего, обжился на льдине. С голоду не пропал. Были у него патроны, ружье, приспособил удочку... И прибило этого счастливчика — где бы вы думали?

— Не знаю уж, что и думать.

— К Таймырскому полуострову! Цели нашего с вами путешествия. Зверопромышленник вышел на берег Харитона Лаптева, между устьем Енисея и мысом Челюскин... Аналогия полная! Удивляюсь, как вы не замечаете ее!

— С чем аналогия?

— Да со спасением Ветлугина! («Предполагаемым спасением», — поправился я.) Разница только в том, что ветлугинская льдина прошла не мимо западного, а мимо восточного берега Таймыра. Ведь Океанск — бывшая деревня Последняя — расположен на восток от Таймыра.

— Вы сказали, что у Ветлугина было с собой ружье?

— Да. И запас сухарей. К сожалению, записка написана печатными буквами. Я сразу бы узнал почерк Петра Ариановича...

— В записке нет указаний насчет льдины.

— Петр Арианович вынужден был экономить место. Он сообщал только о самом главном, о самом важном... Нет, все прекрасно укладывается в эту схему. Хотите, объясню, как представляю себе развитие событий последовательно одно за другим?

— Слушаю вас. Только говорите тише: мы разбудим Жору.

— А я и не сплю вовсе, — подал голос пилот. — Я уже давно не сплю. Ну, так как же оно было, по-вашему?

— Ветлугин и Овчаренко находились на поселении в деревне Последней, там, где теперь Океанск. Читали об этом? — обратился я к пилоту.

— Нет, не пришлось как-то.

— Об этом сообщали в свое время. Ну вот! В 1916 году ссыльные решили бежать. Сговорились с американским контрабандистом Гивенсом, — тот второе лето при-

ходил в устье реки, торговал из-под полы спиртом, скупал за бесценок пушнину. Ссылные отдали ему за услугу пятьдесят или шестьдесят шкурок песка — все, что было у них. Но Гивенс подвел, обманул.

— Гад! — коротко определил Жора.

— Совершенно верно. На рассвете (дело было в конце августа или даже в сентябре) Ветлугин и Овчаренко стали перебираться к кораблю по льдинам берегового припая. Вдруг крики за спиной, выстрелы. Погоня!

— Погоня-то откуда?

— А это казаки прибыли из Якутска. Гивенс заблаговременно предупредил начальство.

— Ну как же не гад?!

— Да, деловой человек: и с ссыльных пятьдесят шкур содрал, и перед якутским начальством выслужился... Беглецы увидели: дело-то оборачивается по-плохому. Ветлугин побежал к кораблю. Овчаренко приотстал. Льдину, на которой стоял Ветлугин, оторвало от берегового припая и понесло.

— Куда понесло?

— В море. В открытое море. Куда же еще?

— Неужели Гивенс шлюпки не спустил?

— И пальцем не шевельнул. Ушел домой на восток.

А льдину с беглецом потащило на запад.

Жора с отвращением сплюнул и повторил фамилию американца, переиначив ее в обидном для того смысле.

— Представьте себе,— продолжал я,— что льдина с Ветлугиным плывет на запад. День плывет, два, три, неделю — не знаю сколько. Вокруг полным-полно льдин, все бело до самого горизонта. Ветлугин не видит земли, хотя она, возможно, близко, совсем рядом...

— С левого борта,— вставил пилот.

— Он мог только догадываться об этом. Ледяные поля то останавливаются, то опять возобновляют свое движение. Во время одной из таких остановок по каким-то признакам (не знаю, по каким) Ветлугин определяет, что караван льдин приткнулся к берегу. И он перебирается на землю. На юге синеют горы. Это Таймыр, горы Бырранга!

— Даже не полярный Робинзон, а какой-то Синдбад-Мореход,— пробурчал Савчук.

— Извините, это столь же правдоподобно, как ваши сказочные «дети солнца».

— А чего сомневаться-то? — неожиданно поддержал меня Жора. — Папанинцы сколько времени дрейфовали на льдине? А ненцы-охотники, о которых писали в книгах? Почему же товарищ Ветлугин не мог выжить, уцелеть? Я бы, например, выжил! — Он спохватился, что это может показаться похвалой, и поспешил добавить: — То есть, конечно, приложил бы все старания, чтобы выжить.

Но Савчук молчал. Укладываясь на узкой койке, он принялся ожесточенно взбивать подушку и подтыкать под спину одеяло.

— Однако довольно смелая гипотеза, — пробормотал мой спутник, смущенно побряхтывая, и по этому побряхтыванию я понял, что не убедил его.

3

Из Нарьян-Мара мы вылетели затемно. Теперь наш курс лежал не на север, как раньше, а на северо-восток. Когда пилот поднял самолет на две тысячи метров над землей, стало видно солнце. Огромный красный диск медленно выплывал навстречу из-за гор.

В полном молчании, сидя каждый у своего окна, мы наблюдали торжественный восход солнца.

Сомнения, высказанные моим спутником по поводу предполагаемого спасения Ветлугина, вызвали небольшую размолвку между нами. Во время завтрака, при шумной поддержке Жоры, принявшего судьбу Петра Ариановича близко к сердцу, я назвал Савчука архивным деятелем, бумажным человеком, лишенным воображения. Последнее как будто особенно уязвило его, и он надулся. Он дулся на меня почти всю дорогу от Нарьян-Мара до Дудинки.

Может быть, я проявил неумеренную горячность? Изложенный мною вариант спасения Ветлугина и впрямь был фантастическим, я сам понимал это.

Совість мучила меня. То и дело я косился на громоздкую фигуру в меховом пальто, угнетенно сутулившуюся у окна.

Угрюмые хребты полезли под крыло. Это был Пай-Хой — горная страна, северное продолжение Урала.

Мы пролетели над Югорским полуостровом. Влево остались Амдерма и Хабарово, вправо — Воркута, новый

индустриальный город, заполярный родственник уральских индустриальных городов.

Перешагнули Пай-Хой. А дальше уже Азия, Сибирь!

Под крылом засияла широченная полоса—залив, скованный льдом.

— Обская губа,— сказал я, глядя в окно.

Савчук кивнул.

— Вернулись из марта в январь,— продолжал я.

— В январь?.. Почему?

Я поспешил пояснить свою мысль. В Москве снег стоял, туман низко висит над домами, иногда моросит дождь. Здесь же зима еще в полной своей красе и силе. И обский лед тверд, прочен на вид, не то что лед Рыбинского моря, который уже пошел полосами — предвестие ледохода.

На самолете двигаемся вспять времени, как бы перебрасывая назад листки календаря.

— Что ж, мысль справедливая, но имеет и другой, более глубокий смысл,— сказал Савчук, поворачиваясь ко мне всем корпусом. (Честная душа, он не заподозрил маленькой хитрости, подвоха с моей стороны. Ведь я просто искал повода для примиряющего разговора.)

Этнограф развернул свиток, лежавший перед ним на тюках. Я ожидал увидеть обычную карту Сибири, нечто вроде зеркала, в котором отражается все, что проносится внизу. Но это была историческая карта. Цветные полосы пересекали ее во всех направлениях.

— Семнадцатый век,— сказал мой спутник.— Сибирь к приходу русских.

— Перед нами карта не настоящего, а прошлого Сибири? Проникаем в волшебную замочную скважину?

Савчук с недоумением посмотрел на меня.

— Виньетка в книге, помните?

— Ах, да! Ну конечно. Скитальцы во времени!

— На самолете — в семнадцатый век!

— Как знать, как знать...— сказал задумчиво мой спутник.— А может быть, еще дальше...

Я с любопытством, уже неподдельным, нагнулся над картой.

— Оранжевый цвет — юагиры, древнейшие жители Северной Сибири,— пояснил Савчук.— Синий показывает расселение ненецких племен. С юга наползает желтизна, надвигаются эвенки...

— Северная часть Таймыра, я вижу, не закрашена.
— Не зря же мы летим туда.
— «Белое пятно» в этнографии?
— Именно.
— А что обозначают красные стрелки?
— Пути продвижения русских первооткрывателей Сибири.

— Стрелки обрываются на полдороге к «белому пятну».

— В семнадцатом веке не проникли в горы Бырранга.

— Не проникли, насколько я понимаю, и в восемнадцатом, и в девятнадцатом, и в двадцатом. Почему? Горы Бырранга очень высоки, являются неодолимой преградой?

— Нет, горы не очень высокие. Просто считалось (и до сих пор считается), что идти туда незачем.

Савчук вытащил из кармана небольшую книжку, перелистал ее, нашел нужное место.

— «Северная часть полуострова, начиная с хребта Бырранга,— прочел он,— совершенно необитаема для человека». Это новинка,— добавил он,— последнее по времени исследование о Таймыре, очень ценное. Автор — Александр Попов. Издание Академии наук. Называется «Тавгийцы».

— Кто это тавгийцы?

— Их именуют еще нганасанами, народом ня. Старое название — самоеды...

Он быстро перебрал несколько страниц.

— «Тавгийцы» — наиболее богатые оленеводы среди народов Крайнего Севера...» Нет, не то! «Тундра — родная стихия тавгийца, как знойные пески для бедуина...» Тоже не то! Ага, вот: «Тавгийцы — самая северная этническая группа Старого Света». Имеются в виду Европа и Азия.

Савчук опустил книгу на колени. Глаза его блеснули.

— Вы видите, нужна поправка к этому утверждению,— заключил он.— Самым северным народом в Советском Союзе, а значит, и во всей Евразии являются не нганасаны (или тавгийцы), но «дети солнца».

— Которых обнаружил в горах Бырранга Петр Арианович Ветлугин, бежавший из царской ссылки,— сказал я тоном, не терпящим возражений.

Савчук поколебался с минуту.

— Да. Которых обнаружил в горах Петр Арианович Ветлугин,— согласился он добродушно.

«Перемирие» было заключено между нами на этих условиях.

Ночевка в Дудинке, на берегу Енисея, прошла очень спокойно, к удивлению, а может быть, и огорчению пилота Жоры. Ему, видимо, нравилось присутствовать при споре двух ученых, сохраняя при этом глубокомысленный вид третейского судьи.

Рассвет следующего дня был холодным, синим. Меня и Савчука он застал уже в кабине самолета.

Когда мы поднялись над Дудинкой, я не увидел ее прощальных огней. Мороз на совесть выбелил окна кабины. Пока я дышал на стекло и торопливо скреб его ногтями, как делают в трамвае, когда хотят проверить, не проехал ли остановку, город остался позади. Только оранжевое зарево, охватившее добрую четверть неба, напоминало о Дудинке. Вскоре исчезло и оно.

Наш пилот, боясь обледенения, поднимал самолет все выше и выше. Под крыльями запенились облака. Сидевший на тюках Савчук зевнул (в который уже раз!) и зябко поежился.

— Бр-р! — сказал он, поймав мой взгляд.

— Прохватывает?

— Еще как!

Разговор на таком холоде, понятно, не мог быть более содержательным.

По курсу самолета — один из самых юных наших заполярных городов, Новотундринск, раскинувшийся на самой границе леса и тундры. Там придется попрощаться с Жорой и пересесть с самолета на санки, запряженные оленями. Что ж, повернемся спиной к цивилизации, к двадцатому веку, и углубимся в каменный, стремясь на поиски сказочных «детей солнца»!

Воображаю, как холодно будет на санках!..

Солнце появилось в положенный час. Оно появилось даже раньше положенного часа, так как мы летели на очень большой высоте. Огромный шар выкатился на край горизонта, и колышущиеся, как океан, облака бережно приняли его. Тотчас же длинные алые пятна, будто следы брызг, протянулись по облакам с востока на запад.

Я засмотрелся на игру солнечных лучей. Наверное, впереди от вращения винта образовался пестрый вихрь, радужные концентрические круги.

«Дети солнца»... Странное название — «дети солнца»!..

К ним шли (но не дошли) первооткрыватели Таймыра, лихие стрельцы Мангазейского острога. К «детям солнца» шел (и пришел!) с северо-востока, со стороны моря Лаптевых, ссыльнопоселенец Ветлугин. К ним стремились и мы теперь.

В горы Бырранга, на Таймыр, на Таймыр!..

Пригревшись на солнышке у окна, я незаметно задремал.

Меня разбудила тишина. Рев моторов прекратился. Рядом стоял улыбающийся Савчук.

— Как? Уже Новотундринск? — спросил я, вскакивая.

— Видите, как хорошо, — сказал мой спутник. — И не заметили, как долетели. А сколько лет пришлось добираться до Таймыра землепроходцам, первооткрывателям!..

— Так ведь то было три века назад, — пробормотал я, протирая глаза и стряхивая дремоту.

Глава шестая

КИНОСЕАНС В ТУНДРЕ

1

Новотундринск, районный центр, стоит на краю леса.

Приблизясь к тундре, лес не обрывается круто. Низкорослые, кривые лиственницы — все, что осталось от могучей сибирской тайги, — еще цепляются за жизнь в долинах рек. Там они хоронятся от свирепых ветров, находят влагу, питательные вещества, принесенные сверху (то есть с юга) течением. Повторяя речные извивы, полосы леса проникают далеко на север. Это как бы мыски, врезающиеся в безлесную арктическую степь.

Новотундринск расположен на одном из таких мысков.

Город был совсем еще молод, только отстраивался. На каждом шагу рядом с деревянными домами попада-

лись остроконечные чумы, крытые оленьими шкурами, напоминавшие обыкновенные шалаши. Некоторые улицы представляли собой пока что пустыри, и лишь дощечки с названиями свидетельствовали о том, что тут в ближайшее время — возможно, даже этим летом — поднимутся дома.

Тундра росла ввысь, тундра строилась!..

Мы прибыли в Новотундринск во второй половине дня. Пока добирались до Дома приезжих, распаковывали вещи, умывались, уже свечерело. (В это время года смена дня и ночи за Полярным кругом происходит так же, как и в средних широтах.)

Полагалось бы малость отдохнуть, но Савчук не хотел и слышать об отдыхе.

Наспех перекусив, он потащил меня в Новотундринский райком партии.

— В райком? Почему в райком? — удивился я.

— А я так привык. Полевую работу обязательно начинаю с посещения местных партийных организаций. Понимаете, очень важно для ориентировки: указывают нужных людей, подсказывают решение, помогают уточнить маршрут...

Мысль показалась мне здоровой, — спутник мой, видимо, умел разбираться не только в архивах.

По дороге в райком я остановился у группы лиственниц.

Дерево это, по справедливости, можно назвать северным оленем среди растений, так оно неприхотливо.

Корни его обычно углублены в почву не более чем на десять сантиметров.

Глубже начинается уже вечная мерзлота. И на этом тоненьком пласте живет дерево — невысокое, по пояс человеку, но коренастое, упрямое, с сучьями, наклоненными к земле.

— Похоже на путника, который бредет против ветра, — сказал я. — Лбом рассекает воздух, наклонился вперед, широко расставляет ноги, приседает, напрягается, и все же идет, идет!..

Мы некоторое время с уважением постояли у группы лиственниц и двинулись дальше.

Однако в райкоме нам не повезло: секретарь райкома был занят.

— Проводит совещание со строителями города, — по-

яснила девушка в приемной.— Приходите часика через полтора-два. Как о вас передать?

Савчук назвал себя.

Мы вышли на улицу и остановились в нерешительности. Куда деваться? Чем заполнить паузу — эти полтора-два часа?

Меня поразило оживление, царившее в Новотундринске. Мимо одна за другой проносились олени упряжки. На санках сидели колхозники-нганасаны в добротных сокуях¹, украшенных разноцветными узорами, с развевающимися за спиной красными, синими и зелеными суконными лентами. Они весело перекликались и размахивали длиннейшими шестами — хорейми. Почему-то все ехали в одном направлении.

— Движение, как по улице Горького в часы «пик», — пошутил я.

— Праздник? — недоумевающе сказал мой спутник.— Сегодня нет праздника... Ярмарка? И ярмарки нет...

— А вы остановите и спросите кого-нибудь из нганасанов, — посоветовал я.— Вы знаете нганасанский язык?

— Только теоретически. Как этнограф. Но я хорошо знаю якутский. А вадеевские нганасаны понимают по-якутски.

— Чего ж лучше!

Савчук поднял руку, как это делают милиционеры ОРУДа, и, остановив проносившуюся мимо упряжку, обратился к ее владельцу за разъяснениями.

Спрошенный произнес в ответ длинную фразу. Савчук с недоумением посмотрел на него, потом обернулся ко мне.

— Сны на стене? — повторил он по-русски.— Сны на стене смотреть?..

Нганасан сказал еще что-то.

— О чем это он? — поинтересовался я.

— В круглых ящиках привозят сны?..

— Ах, в круглых! — Меня осенило: — Так ведь это кино!

Нганасан, как снежный вихрь, умчался на своих санках, а мы продолжали стоять посреди улицы.

— Кино? — повторил в раздумье Савчук.— Это, дол-

¹ Верхняя одежда.

жно быть, интересно: в тундре кино! Я никогда еще не видел в тундре кино. Может, сходим, Алексей Петрович?

Я, однако, больше склонялся к тому, чтобы вернуться в Дом приезжих. Пилот Жора, с которым мы успели сдружиться за дорогу, наверное, собрал в ожидании нас походный ужин. Неплохо бы погреться в сухих шерстяных носках у печки, задумчиво глядя на прыгающие огоньки, слушая краем уха, как расторопный Жора хлопотливо позванивает за спиной тарелками и стопками.

— Успеете погреться,— осадил меня Савчук, в характере которого все более явственно начинала проступать деспотическая жилка.— Нет, посмотрим-ка лучше кино!

— А какая картина?

— Да разве в картине дело? Интересно на самих зрителей посмотреть.

С этим я согласился.

2

В Новотундринске еще не построили кинотеатр, и поэтому сеансы давались в школе-новостройке. Она видна была издалека, все ее три этажа, сложенные из отборных бревен,— чуть ли не самое высокое и красивое здание в городе.

Вокруг школы, показалось мне, рос кустарник или карликовый лес. Лишь приблизясь, я понял, что ошибся. То был не лес и не кустарник, а рога оленей, стоявших и лежавших на снегу перед крыльцом. Кроткие животные смирно ожидали своих хозяев. Судя по количеству оленей, смотреть «сны на стене» собрались люди по крайней мере из пяти или шести нганасанских стойбищ.

Мы опоздали к началу сеанса и вошли в зал, когда там было уже темно. Зал, надо думать, был набит до отказа. Сильно пахло прелыми шкурами.

Я пристроился на краешке скамьи. Савчук, пыхтя, уселся за моей спиной.

Иногда потрескивание аппарата и взволнованное дыхание зрителей заглушалось шепотом. Кое-кто из присутствующих уже видел картину и спешил оповестить новичков о том, что будет дальше.

Сегодня демонстрировался киножурнал, но реакция зрительного зала была бурной, пожалуй, более бурной,

чем если бы показывали самый захватывающий приключенческий фильм. То, что выглядело обычным где-нибудь в калужском или полтавском колхозе, воспринималось здесь как нечто поразительное, волшебное.

На экране стояла смущенно улыбавшаяся птичница, окруженная белыми цыплятами-леггорнами, и кормила своих суетливых питомцев. По залу перекачивалась волна взволнованных возгласов.

Подумать только: птица не улетает от человека, как ей положено! Больше того — принимает пищу из рук!

Нганасанам, народу оленеводов и охотников, которым известны только дикие птицы, это представлялось чудом.

В глазах мельтешило от белого колыхания. Леггорны сбегались к птичнице со всех сторон. Некоторые взлетали к женщине на плечи. Она тонула среди них, как в снегу.

Мой сосед-нганасан, повернувшись ко мне, чуть было не столкнул меня со скамьи.

— Чего смотрит эта женщина? — пронзительно закричал он, довольно правильно выговаривая по-русски. — Почему не хватает птиц, не скручивает им головы?

Я не успел ответить, потому что на экране появился инкубатор. Как? Обыкновенный ящик высиживает птенцов?!

Гомон и смех стояли в зале. Школьники звонкими голосами объясняли что-то своим родителям, быть может, высчитывали количество яиц, которые за раз подкладывают под эту диковинную железную насадку. Было от чего ахнуть.

Но больше всех ахал и удивлялся мой сосед. Это был, видно, один из тех добрых людей, которые не могут восторгаться в одиночку, а должны постоянно разделять с другими все переполняющие их грудь чувства. Он то поворачивался ко мне, больно толкаясь острым локтем, то привставал с места и переговаривался через весь зал со знакомыми, пока его сердито не одергивали сидящие сзади.

Удовольствие зала достигло наивысшей точки, когда птицеводческую ферму сменили на экране свекловичные поля.

Сахар в тундре появился сравнительно недавно, и многие зрители полагали в простоте, что его добывают

на копиях, откалывая кусками, как уголь, от высоченной, под облака, Сладкой Горы.

Сейчас нганасаны воочию убедились, что это не так. Сахарную свеклу собирают на полях, вытаскивая из земли, потом везут на завод, варят, отжимают, перерабатывают, прессуют.

Мой сосед снова заерзал на месте от энтузиазма.

— Довольно прыгать, друг,— сказал я, цепляясь за парту, чтобы не упасть.— Угомону на тебя нет!..

Зажегся свет. Я огляделся.

На глаз тут было человек восемьдесят, по тундровым масштабам — тьма народу. Странно было видеть, что взрослые, большие люди сидят за маленькими партами, скрючившись в три погибели, почти касаясь подбородка коленями. Сидели, впрочем, и в проходе между партами, подложив под себя сложенную верхнюю одежду. Яблоку, как говорится, негде было упасть. Опоздавшие к началу сеанса подпирали спинами стены, сидели даже на подоконниках.

Я покосился на своего беспокойного соседа. Он смотрел на меня маленькими глазками, простодушно мигая. Безволосое лицо его пошло вдруг мелкими лучеобразными морщинками. Он улыбался. Улыбка, по-видимому, служила вступлением к разговору.

Но в это время его окликнули с другого конца зала: — Бойку-наку!

И мой сосед-непосед поспешил туда чуть ли не по головам, и, наверное, всего лишь для того, чтобы пожать руку приятелю. Я уселся за партой поудобнее.

В конусообразном луче света, падавшем из-за наших спин, возникли виды Сочи.

«То-то крику будет сейчас»,— подумал я. Однако, сверх ожидания, в зале было тихо. Зрители недоумевающе молчали. Видимо, деревьев на экране было слишком много. В них нелегко было сразу поверить.

На экране появился пляж, покрытый бронзовыми телами. Мигнула пенная линия прибоя, закачались пальмы, треща плотными, словно бы жестяными листьями. Безо всякого сожаления я подумал о том, что сегодня мог бы лежать под одной из этих пальм.

Кто-то вошел в зал. Я догадался об этом по скрипу двери и недовольному бормотанию зрителей, сидевших сзади.

Замелькали белоснежные санатории, похожие на освещенные солнцем айсберги, вильнуло и помчалось прочь от нас приморское шоссе, обсаженное эвкалиптами.

Запоздавший стал протискиваться к экрану, видимо ища кого-то, остановился подле нас и произнес шепотом:

— Извините, ваша фамилия Савчук?

— Да! — откликнулся Савчук.

— Мне сказали, что вы спрашивали меня. Я секретарь райкома Аксенов...

Савчук поспешно встал; за ним поднялся и я. Мы попеременно обменялись неловким рукопожатием с Аксеновым, стоя в темноте, рассеченной надвое зыбким лучом. И почти сразу же вспыхнул свет.

3

Аксенов — молодой, невысокого роста, долган¹, очень быстрый в движениях. Черная гимнастерка туго подпоясана военным ремнем. Таков, как я заметил, излюбленный костюм большинства районных работников, независимо от того, где живут они — в подмосковной ли Рузе, в заполярном ли Новотундринске.

Савчук представил меня и принялся объяснять цель нашего приезда.

Аксенов внимательно слушал, изредка кивая. Вдруг лицо его оживилось:

— Вы, кажется, сказали о Птице Маук?.. Извините, что прерываю вас... В детстве я слышал об этой Птице. Матери пугали ею ребят. Нечто вроде вашего русского Буки, если хотите.

— Очень ценно!.. Значит, не только у нганасанов, но и у долган... — Савчук принялся вытаскивать из кармана блокнот.

— Да не спешите записывать. Больше, к сожалению, ничего не смогу добавить. Бука и Бука.

— Ну, хоть внешний вид! — взмолился этнограф. — Как описывают ее?

Аксенов неопределенно пошевелил пальцами:

— По-моему, этакое чудище. Ни сова, ни гусь, ни ку-

¹ На Таймырском полуострове, кроме нганасанов, живут еще долгане.

ропатка. Ни на одну из птиц не похожа... Урод! Да, именно урод! Помнится, упоминалось слово «урод».

Савчук записал все это в блокнот.

— А насчет людей должен вас, к сожалению, разочаровать,— сказал Аксенов.— Нет в нашем районе других народностей, кроме нганасанов и долган. Мы бы знали.

— Речь, собственно говоря, идет о легендарных людях,— осторожно уточнил Савчук.— Люди из сказки, которые располагаются где-то на севере полуострова, в районе Бырранги.

Аксенов подумал.

— Бырранги? — переспросил он.— Тогда, может, имеете в виду «каменных» (то есть горных) людей? У нас много сказок ходит о них. Страна Мертвых — это ведь, наверное, то, что вам нужно?

Он перевел вопросительный взгляд на меня. Я молча пожал плечами. Москва — Нарьян-Мар — Дудинка — Новотундринск — Страна Мертвых! Ну и маршрут!..

Аксенов пригласил нас к себе в райком, где продолжалось обсуждение маршрута. Районные работники теснились у стола, вставляя в разговор свои замечания, давая советы.

— Товарищам потолковать бы с Бульчу,— предложил кто-то.

Вокруг засмеялись. Сам Аксенов снисходительно усмехнулся.

— А я не шутя говорю,— продолжал местный работник, выдвинувший кандидатуру Бульчу.— Поскольку речь зашла о «каменных людях», о Стране Мертвых.

— У нас тут старичок есть один, в прошлом знаменитый охотник,— пояснил Аксенов.— Теперь не охотится, стар стал, только сказки и годится рассказывать. Такую сказку о «каменных людях» сплел!..

— Товарищи из Москвы разберутся в сказках,— стоял на своем упрямый защитник Бульчу.— Если подойти к сказкам научно, с умом, просеять их хорошенько... Так ли я говорю, товарищ?

Савчук утвердительно кивнул.

— И ведь что сплел, подумайге! — сказал Аксенов, улыбаясь.— Будто сам бывал в Стране Мертвых и видел этих «каменных людей»...

— Неужели? — Савчук подался вперед, держа на коленях раскрытый блокнот.

— Охотничьи байки! — пренебрежительно пробормотал кто-то.

— Значит, Бульчу бывал в горах? А когда?

— Лучше его самого расспросите. История долгая... Из-за оспы получилось все. То есть это он объясняет, что из-за оспы...

— Сегодня Бульчу в городе, — подали голос от двери. — Наверное, в школе сидит, на кино.

— Где кино, там и Бульчу наш. Ни одной новой картины не пропустит.

— Да ведь сеанс уже кончился?

— А он все сеансы просиживает подряд.

— Ну, так как? — обратился Аксенов к Савчуку. — Пошлем за ним?

— Обязательно! Непременно! Очень просим послать!

В школу за Бульчу отрядили комсомольца.

— Удастся ли только его разговорить? — высказал опасение Аксенов. — Очень, знаете ли, высмеивали его с этими «каменными людьми». Даже прозвище дали: «Человек, который потерял свой след». У нганасанов слово «лжец» или «сумасшедший» не применяется к пожилому человеку. Оно деликатнее как будто получается, но все-таки тоже нехорошо.

— Старик, заметьте, самолюбивый, обидчивый, — вставили из угла.

— Как же, когда-то гремел на весь Таймыр! Лучший охотник был! Его портрет в журнале «Огонек» напечатан.

— Да вы, по-моему, рядом сидели на киносеансе, — повернулся ко мне один из районных работников. — Его еще потом знакомые отзывали.

— Но того человека зовут не Бульчу, а Бойку-наку, — сказал я.

В кабинете Аксенова снова засмеялись.

— Бойку-наку — не имя, а обращение, — стали мне объяснять наперебой. — По-нганасански значит «дедушка».

— Он, он, — подтвердил районный работник. — С виду такой неказистый, маленький, суетливый, лицо с кулачок.

Это, несомненно, был мой сосед по кино, тот самый старик, который визгливо засмеялся, когда белая курица, трепыхая крыльями, взлетела на голову птичнице. От

восторга он не мог усидеть на месте и все время ерзал и подсказывал, будто его кололи сзади шилом.

Запыхавшийся комсомолец появился в дверях.

— Уехал! — объявил он с порога. — Бульчу уехал! Кино кончилось, он и...

— Догоним! — Савчук вскочил, опрокинув стул.

— Не догоните, — успокоительно сказал Аксенов. — У Бульчу лучшие олени на Таймыре. Эх, жаль, упустили его!.. Теперь по бригадам пойдет кружить, рассказывать родичам о кино. Где родичи у него?

Выяснилось, что родичей у Бульчу полно. Три зятя находятся в таких-то и таких-то зимниках. Еще есть с полдюжины племянников. Тундра велика, а во время зимнего сезона охоты нганасаны живут разбросанно.

— Придется погоняться за ним, — сочувственно сказал Аксенов. — Ай да старик! Сколько хлопот причинил. А то, может, поживете у нас, отдохнете, а мы сами его доставим?

— Нет, догоним, догоним!

— Стоит ли еще хлопотать-то? — пробасил чей-то скептический голос.

Я подумал про себя о том же: старик Бульчу со своими охотничьими байками не вызывал у меня доверия.

Но Савчук настоял на своем.

«Очевидец, очевидец», — бормотал он, размахивая блокнотом в сильнейшем волнении.

Оленей и санки Аксенов пообещал выслать к Дому приезжих. Савчук решил выехать в погоню за Бульчу немедленно.

— А я жду, жду! — радостно встретил нас пилот Жора, поднимаясь от жарко натопленной печки. — Сальца порезал. Консервы открыл. Вот и чаек-коньячок.

— Какой там чаек-коньячок! — ответил я с огорчением. — Уезжаем сейчас.

— Куда? Зачем?

— Нужного человека догонять, — пояснил Савчук, роясь в своих вещах.

— Обиднее всего, — прибавил я сердито, — что человек этот рядом полтора часа сидел. Вот тогда бы его за рукав ухватить!..

Жора, кажется, так и не понял ничего. Мы, впрочем, поужинали (очень вредно отправляться в путь с пустым желудком, сильнее донимает холод), но ели наспех — у

крыльца уже раздавались голоса и поскрипывал снег под полозьями санок.

Мороз был изрядный, градусов тридцать. Звезды сияли в черном небе, высокие, яркие,— верный признак, что до оттепели еще далеко.

Под высокими, удивленно глазевшими на нас северными звездами мы помчались на оленях в тундру — вдогонку за сказкой!..

Глава седьмая

ОЧЕВИДЕЦ

1

Нганасанский колхоз «Ленинский путь», членом которого состоял Бульчу, размещается зимой вдоль края леса, на сравнительно большом пространстве. Оленеводческие бригады укрываются за деревьями, где олени меньше страдают от жестоких ветров. Охотничьи же бригады выдвигаются в тундру поближе к пастям-ловушкам и отстоят довольно далеко друг от друга.

Только к утру следующего дня добрались мы до жилья Мантуганы, одного из зятьев Бульчу.

— Здорово, Мантугана,— приветствовал хозяина Савчук, входя в задымленный, тесный чум.— Бульчу здесь?

— Здорово! Был здесь. Утром уехал к племяннику, к Дютадэ...

Этот диалог, с незначительными вариациями, повторялся затем в каждом следующем становище. От Дютадэ беспокойный Бульчу погнал оленей к Накоптэ, от Накоптэ к Бюгоптэ, от Бюгоптэ к Фадаптэ и еще к кому-то. Не терпелось, видно, поделиться увиденным, всем рассказать о диких птицах, берущих корм из рук человека, а также о корнях, из которых, оказывается, добывают вкусный белый сахар.

К вечеру мы приблизились к стану последнего зятя Бульчу.

Небо над нами начало темнеть, в воздухе стало еще холоднее, когда комсомолец-нганасан, сопровождавший нас, остановил упряжку и прислушался.

— Олени бегут! — объявил он.

Но как ни оглядывался я по сторонам, как ни напрягал зрение, не видно было ничего. Тундра по-прежнему была пустынна. Я вопросительно посмотрел на комсомольца.

— Закрой глаза, слушай,— приказал он.

Я повиновался. Вскоре до меня донесся далекий топот.

— Тихо у нас,— с удовольствием пояснил комсомолец.— Слышно очень хорошо.

К головным санкам подбежал обеспокоенный Савчук.

— Что случилось? Почему стоим?

— Олени где-то бегут,— ответил я.— Как далеко доходит звук! Как по воде. Ведь еще не видно ничего.

— А сколько оленей? — спросил Савчук комсомольца.

Я удивился:

— Неужели и это узнает на слух?

Комсомолец, в свою очередь, удивился.

— А как же! — сказал он обиженно.— Я не глухой. Два оленя бегут.

Он прислушался, подумал, добавил:

— Это, верно, Бульчу олени. Очень шибко бегут...

Я радостно перевел дух. Наконец-то!

Еще несколько увалов, и вот вдали зачернело пять или шесть чумов. То была бригада Камсэ, старшего зятя Бульчу.

Два рослых красавца оленя, запряженных в санки, стояли подле центрального чума, поводя запавшими боками. Бульчу был здесь.

Пожилой нганасан, по-видимому его зять, откинул перед нами меховой полог-дверь и церемонно проводил внутрь жилья.

Подле очага, шурясь от дыма, стоял мой бывший сосед по кино. Да, это был он! Морщинистое безбородое лицо его было как бы сжато в кулачок, а глаза напоминали воду, подернутую ледком. Когда он поднял их на меня, я понял, что он очень стар.

Мы чинно уселись на шкуры вокруг очага.

Согласно строгому местному этикету, не полагается сразу говорить о деле, ради которого приехал. Савчук знал это и соответственно вел себя, сдерживая нетерпение.

Потолковали о колхозных делах, неодобрительно ото-

звались о погоде, похвалили оленей Бульчу. Затем Камсэ спросил, видели ли мы в Новотундринске Кондюэ Соймучича Турдагина? (Как вполголоса объяснили мне, это известный общественный деятель и первый нганасан-коммунист. Ни один разговор в тундре не обходится без упоминания его имени.)

Чтобы отплатить хозяевам ответной любезностью, Савчук спросил Камсэ, как учатся его сыновья, внуки присутствующего здесь Бульчу? Старый охотник заулыбался, а Камсэ с достоинством кивнул головой. Спасибо, учатся хорошо. Сейчас они в Дудинке, но к маю возвратятся домой. Ведь в мае предстоит переход на север, к предгорьям Бырранги.

Я не спускал глаз с Бульчу. До сих пор мы с Савчуком имели дело только как бы с косвенными уликами. Сейчас живой свидетель, очевидец сидел перед нами.

— Очевидец! Вы понимаете, как это важно для нас — очевидец? — бормотал Савчук, наваливаясь на мое плечо.

Я помалкивал. Очевидец! Не будет ли он путать и преувеличивать, как обычно делают все очевидцы?

Бульчу по внешнему виду был вполне «эмансипированный» житель тундры. Он имел часы, которые время от времени вынимал из-за пазухи и с глубокомысленным видом подносил к уху. При этом старый охотник многозначительно щелкал крышкой.

Я подумал вначале, что часы испортились. Но выяснилось, что Бульчу просто желает обратить наше внимание на буквы на крышке. Замысловатыми выкрутасами было изображено: «Лучшему охотнику, перевыполнившему план 1928—1929 гг., тов. Бульчу Нёрхову».

Вначале Бульчу вел себя с нами сдержанно. Лишь когда кто-либо из домашних спрашивал о виденном в кино, он оживлялся. Совершенно младенческая улыбка открывала тогда его голые десны. Видимо, находился еще под обаянием волшебных образов «снов», промелькнувших на стене.

Тем временем хозяйка, старшая дочь Бульчу, с приличной случаю торжественностью собирала ужин.

Было время, когда голодовки в тундре считались обычным бытовым явлением, особенно весной. По свидетельству дореволюционных исследователей, от голода вымирали целые стойбища.

Теперь это ушло в область преданий.

Советская власть помогла жителям тундры перейти на более высокую ступень материальной культуры. Оказалось, что тундра, которую принято было называть «скупой», тундра, где когда-то голодали юкагиры, чукчи, ненцы, нганасаны, может досыта накормить их всех.

Полно было еды и у наших хозяев.

Они усиленно потчевали нас, пододвигая наперебой лотки с олениной, гусятиной.

По-видимому, я с первого взгляда понравился Бульчу, потому что старый охотник, подсев ко мне и дружелюбно заглядывая в глаза, то и дело пытался сунуть в мою чашку (из отличного фарфора) кусок довольно грязного сала (верх любезности по нганасанским понятиям!).

Чаепитие, которым неизменно завершаются завтрак, обед и ужин,— почти нескончаемая процедура в тундре. Но вот бригадир и его тесть выпили по последнему стакану и, пыхтя, отвалились на шкуры. Посуда была убрана. Хозяева закурили трубки. Можно было переходить к цели нашего посещения.

Савчук начал издаലെка.

— Почтеннейший Бульчу, присутствующий здесь,— сказал он,— знаменитый охотник на Таймыре. Мы много слышали о нем. Ведь даже в журнале «Огонек», который печатается в Москве, помещен его портрет...

Начало было удачным. Старый охотник еще раз показал нам свои десны, зять одобрительно похлопал его по плечу, а дочь поспешно достала из мешочка небольшую фотографию, обедеенную химическим карандашом, и подала нам:

— Этот портрет?

— Да, он.

Фотография пошла по рукам. Дольше всех любовался ею сам Бульчу. Он то отодвигал свое изображение на длину вытянутой руки, то приближал вплотную к глазам. Судя по широкой блаженной улыбке, он нравился себе на любом расстоянии.

Но едва лишь Савчук, покончив с этикетом, упомянул о Стране Мертвых, как старик перестал улыбаться и насутился.

Хозяин чума поспешил перевести разговор на охотничьи подвиги своего тестя. В прошлом он действительно

был знаменитым охотником. И сейчас помогает мужчинам своего колхоза чем может: мастерит санки, чинит упряжь, плетет сети.

— Даром мяса в колхозе не ем,— с достоинством вставил Бульчу по-русски.— А когда-то добывал по сто двадцать диких (оленей) в год...

— Наверное, забирался с ними очень далеко, видел много странных вещей,— будто вскользь заметил Савчук.— Говорят, бывал даже в горах Бырранга, там, где никто не бывал.

Зять кашлянул — с запозданием. Бульчу, сердито бормоча себе что-то под нос, принялся выбивать пепел из маленькой деревянной трубки.

— Почему он недоволен расспросами? — спросил я шепотом у комсомольца, сидевшего рядом.— Каждому приятно вспомнить молодость.

— Бойтся, что будете смеяться над ним,— сказал на уху наш спутник.

Я удивился. Комсомолец многозначительно прищурился.

Бульчу действительно всячески старался оттянуть угрожавшие ему расспросы. Простодушно мигая, он принялся рассказывать какую-то историю с гусем, не имевшую никакого отношения к Стране Мертвых.

Беленькие птицы в кино, бравшие из рук женщины корм, напомнили ему гуся в Дудинке. В прошлом году он ездил туда на Октябрьские праздники. Очень много удивительного было там, но больше всего удивил его гусь.

Он вышел из подворотни на улицу, увидел Бульчу и, вместо того чтобы убежать, вытянул шею, зашипел и двинулся на него. Бульчу оторопел. Может быть, в этого гуся вселились мстительные души гусей, убитых знаменитым таймырским охотником за всю его долгую жизнь?..

Русский приятель, с которым Бульчу гулял по городу, поспешил подхватить гостя под руку и увлек дальше. Но Бульчу долго еще не мог прийти в себя от изумления. Он то и дело оглядывался через плечо на злобного гуся. Все перевернулось в тундре! Все стало удивительным и непонятным! Подумать только: гусь преследовал охотника!..

Бульчу вопросительно поднял на нас наивные, цветущие от старости глаза, надеясь, вероятно, что приезжие удовлетворятся этой историей.

Нет, приезжие были неумолимы. С дудинского гуся Савчук ловко свернул разговор на другого гуся, «закольцованного», который прилетел с Таймыра в Ленкорань, а сейчас удостоен чести находиться в большом доме в Москве.

— Пусть почтенный Бульчу не тревожится, — сказал этнограф. — Расспрашивать понуждает нас не праздное любопытство, но интересы науки. Приезжие собираются записать сказки нганасанов и поместить их в толстую книгу.

— Сказки, сказки! — Бульчу, смягчившись, закивал головой. Все это было давно, так давно, что порой ему самому кажется сказкой...

Тогда он, по его словам, еще верил в «каменных людей», в духов Бырранги. Сейчас он не может верить в них, потому что видел кино. (Старый охотник с удовольствием выговорил это слово.) Да, он видел его шесть, семь — нет, больше, десять раз!

Бульчу разжал пальцы на обеих руках и гордо показал присутствующим.

Дело, видно, шло на лад. Я устроился поудобнее, приговарывая слушать столь важное для нас свидетельство очевидца...

2

Итак, много лет назад, когда в России еще был царь, в тундру, неслышно шагая, пришла оспа. Люди умирали один за другим. Трупы некому было убирать, собаки облизывали умирающих, и упряжные олени бродили вокруг опустевших чумов.

Однако Бульчу не болел. С утра до вечера пропадал в тундре на охоте, а так как был молод и бегал очень хорошо, то оспа не могла его догнать.

Она явилась к нему во сне. Он увидел женщину с желтыми волосами (так в тундре представляли себе оспу), которая сидела на полу и сердито смотрела на него. Сердце охотника похолодело: она была в черном платье! Если бы платье было красным, у Бульчу могла бы еще быть надежда на выздоровление.

Он закричал и проснулся. Никто не отозвался на его крик. В чуме было темно и тихо. Он повернулся к жене, лежавшей в спальном мешке рядом. Она была мертва

и прижимала к груди мертвого ребенка. В углу у потухшего очага также молча лежал ее брат.

Бульчу встал. Колени его подгибались. Он чувствовал непривычную слабость, шум в ушах. Собаки были у входа.

Он вышел из чума, поймал самых быстроногих своих оленей и, не оглядываясь, помчался на север. На юг ехать было нельзя. По слухам, лесные люди (долгане) также болели оспой.

Беглец давал роздых оленям только на самое короткое время. Он привязал себя к санкам, чтобы не вывалиться, и ехал, размахивая хореем, понукая оленей охрипшим голосом, потому что очень боялся гнавшейся за ним по пятам болезни.

Рассказчик замолчал и принялся набивать трубку.

— Сюжет довольно банальный,— пробормотал Савчук разочарованно. Потом обернулся ко мне: — В «Записках Российского Географического Общества по отделению этнографии» за тысяча девятьсот одиннадцатый год приводится сходный вариант. Я знаю, что будет дальше. Появится брат, вернее призрак брата, с изъеденным мышами лицом. «Я не умер,— скажет он.— Я спал». Потом попытается вскочить на санки к Бульчу, чтобы сопровождать в Страну Мертвых...

Я молчал. Бульчу с помощью уголька раскурил, наконец, свою трубку и кашлянул, давая знать, что хочет продолжать.

Нет, брат с изъеденным мышами лицом не появлялся. Вариант, по-видимому, был иным. Вопреки опасениям Савчука, сказка Бульчу не сворачивала на проторенную другими сказками тропу.

Беглец, пугливо озираясь, перевел оленей на лед реки.

Когда перед Бульчу поднялись скалы, он сначала удивился: откуда скалы в тундре? Потом обрадовался: в горах легче спрятаться, чем в открытой тундре.

Скалы стояли перед ним высокие, черные, безмолвные, как стражи, и Бульчу стремглав промчался между ними. Так в непогоду птицы ныряют в щели между камнями.

Ему удалось проникнуть далеко в горы, гораздо дальше, чем проникал кто-нибудь из нганасанов до него. Что-то толкало его все вперед и вперед.

Через два дня один из оленей поскользнулся и сломал ногу. Пришлось его прирезать. Оставшийся олень был вконец измучен непривычной гоньбой и с трудом передвигал ноги.

Охотник надеялся, что сбил болезнь со следа, но решил принять меры предосторожности. Он соскочил с санок, перевел оленя со льда реки на берег и, отгоняя, кольнул в бок хореем. Пусть оспа догоняет пустые санки!

Сам Бульчу поспешно вскарабкался по склону противоположного берега.

Он шел и шел, усмехаясь про себя, представляя, как мечется и злится женщина с желтыми волосами, ища Бульчу между скал.

На третий или четвертый день он попал в узкое ущелье, в котором было очень мало снега.

Пройдя по дну его с полсотни шагов, охотник услышал шорох ветвей над головой. Он вскинул глаза и увидел на склоне несколько листовенниц, между которыми пробивалась высокая ярко-зеленая трава. Рядом цвели кусты шиповника и жимолости.

Бульчу с опаской приблизился к цветам.

Что это за ущелье? Куда он попал?

Голова его пошла кругом. Быть может, охваченный страхом в вымершем стойбище, он повернул оленей не на север, а на юг и очутился в Камне¹, в преддверии тайги?

Нет, это никак не могло случиться. Тогда Большой Ковш (Большая Медведица) не был бы виден все время над рогами ездовых оленей. Он был бы сзади, за спиной.

Бульчу понял, что очутился не в Камне, не в горах Путорана, а в горах Бырранга.

Сердце охотника похолодело в груди. Стало быть, женщина в черном платье загнала его в Страну Мертвых!

Заповедные места эти, по свидетельству шаманов, располагаются именно в горах, на севере полуострова. Сюда шаманы совершают свои полеты во время камлания, чтобы посоветоваться с духами по различным житейским вопросам.

Бульчу не был шаманом и не знал, как обращаться с духами. Они могли запросто сожрать его, пользуясь его неопытностью.

¹ Так нганасаны называют горный хребет Путорана.

Между тем по мере того, как охотник углублялся в ущелье (оспы Бульчу боялся больше, чем духов), он убеждался все больше в том, что угодил ненароком в Страну Мертвых, иначе называемую Страной Семи Трав. Приметы совпадали!

В тундре и в горах снег лежал еще толстым слоем. В ущелье его не осталось и в помине, а земля была мягкой и теплой на ощупь.

Все плотнее смыкался лес вокруг. Деревья были высокие, в два или три человеческих роста. Среди лиственниц и елей попадались кюэ — красивые деревья с гладкими белыми стволами.

Вскоре Бульчу нашел моховое болото, обильно поросшее морошкой, голубикой, черникой, княженикой и шикшей. Здесь он спугнул зайца. Еще через несколько шагов из-под ног вылетела куропатка.

Дальше охотник побоялся идти.

В этом странном ущелье он прожил с начала весны до середины лета.

Бульчу охотился на птиц и зайцев. Всего было вдоволь тут, а главное, было тепло, словно бы лето, вопреки всему, что знал охотник, приходило в таймырскую тундру не с юга, из тайги, а с севера, минуя холодное, покрытое льдом море.

Единственно, что было плохо здесь, — это духи. Бульчу очень боялся духов. Правда, они не причиняли ему вреда, однако то и дело в тумане (ущелье большей частью было затянуто туманом) раздавались голоса, обрывки песен и какие-то звуки, похожие на гул шаманского бубна.

Рассказчик снова сделал паузу, чтобы раскурить трубку.

Черт бы побрал эти паузы!

Что касается меня, то я слушал старика с интересом. В его безыскусственном повествовании было немало живых, красочных деталей. Кое-что по-настоящему было трогательно. Странно, что Савчуку рассказ не нравился.

Но, может быть, все это уже занесено под соответствующим номером в какой-нибудь этнографический сборник, выделено в нужных местах курсивом, снабжено сносками, вставками, а также учеными комментариями со множеством непонятных терминов?

Я покосился на Савчука. Этнограф сидел, скрестив

ноги по-турецки, обиженно оттопырив толстые губы. Раскрытый блокнот празднично лежал у него на коленях.

— Элементарно, Алексей Петрович! — Савчук бурно задышал мне в ухо. — Элементарный шаманский бред! Скитания по тундре, болезнь, волшебные деревья, Страна Мертвых... Прочтите Тана, Попова, наконец, мою брошюру, вышедшую недавно.

Я толкнул его локтем. Старик собирался продолжать.

...Да, духи очень докучали ему в ущелье. Приходилось все время быть начеку, ходить с опаской. Спал Бульчу на дереве, привязывая себя к суку.

Бедняга очутился между двух огней: в горах были духи, в тундре — оспа. Наконец он рассудил, что не век же оспе сторожить его в предгорьях Бырранги. Есть у нее, наверное, и другие дела, помимо этого.

Охотник собрал плавник, лежавший на берегу, соорудил плот и «на спине потока», как он выразился, спустил-ся к Таймырскому озеру.

На другом берегу стояли чумы нганасанов, летовавших, как обычно, в районе озера.

Осенью вместе с ними Бульчу вернулся зимовать к краю леса.

— Где же ты весновал, Бульчу? — спросили у него.

Бульчу без утайки рассказал все, как было.

Шаман (тогда еще в стойбище жил шаман) удивился:

— Ты счастливцев, Бульчу! Побывал в Стране Семи Трав и ушел оттуда живым, не будучи шаманом. Видели ты духов?

Бульчу сознался, что только издали. Однажды, прячась между скал, он различил в тумане огни костров.

Подходил ли он к кострам?

Нет, боялся подойти. Наоборот, в течение нескольких дней не спускался с дерева, привязываясь на ночь покрепче к ветке, чтобы не свалиться вниз, а затем поспешил покинуть ущелье.

— Ты, понятно, боялся, — снисходительно сказал шаман. — Ты ведь только охотник, невежественный, глупый охотник. Я, например, никогда не боюсь, когда прилетаю в Страну Семи Трав.

— Я не видел тебя там, — простодушно сказал Бульчу.

— Глупец! Я бываю невидим. Если бы ты был шама-

ном, ты тоже был бы невидим, и враждебные тебе духи ничего не могли бы с тобой поделать.

— Один из них едва не попал в меня из лука,— пожаловался Бульчу и сердито сплюнул в костер.— Дурацкая рожа — этот дух! Пустил вдогонку стрелу, когда я проплывал на плоту мимо скал, но стрела утонула в воде.

Шаман сочувственно кивнул.

Вскоре Бульчу женился вторично. Конечно, потеряв своих оленей, он обеднел, но всем было известно, что он остался отличным охотником, и его взяли в семью,— как говорится, «приняли зятем».

Возможно, имела при этом значение и слава путешественника. Каждому было лестно породниться с таким замечательным человеком.

В те годы за Бульчу утвердилось и очень долго сохранялось прозвище, в котором был оттенок почтительного удивления: «Человек, вернувшийся из Страны Семи Трав». Из дальних стойбищ приезжали взглянуть на Бульчу. Он сидел молча, скрестив ноги и покуривая трубочку, а шаман стоял подле него и давал объяснения.

Однако почетное прозвище впоследствии заменили другим, непочетным. Не хочется повторять его, но придется. Пусть лучше гости услышат его от самого Бульчу, а не от досужих сплетников. «Человек, потерявший свой след» — вот как прозвали Бульчу в тундре! Это было нехорошо. Это было очень обидно... И все же с этим ничего нельзя было поделать!

На Таймыр пришли советские работники и утвердили в тундре новый закон. Молодежь, а за нею и люди постарше начали относиться к словам шамана с недоверием. Слишком много чудес совершалось теперь на глазах у гнанасанов, чтобы удивляться рассказам шамана.

Нашлось простое объяснение истории Бульчу.

— Он боялся оспы,— сказали советские работники.— Страх помутил его рассудок.

— А быть может,— добавили другие,— болезнь все же догнала и схватила его. Он был болен, и ему грезились мертвецы, как всякому человеку, который стоит на пороге смерти.

Я обратил внимание на то, что Бульчу рассказывает все медленнее и неохотнее. Подолгу раскуривает трубку, кашляет, делает длинные передышки. О «снах на стене» и о дудинском гусе у него получалось куда живее. То ли

старый нганасан устал рассказывать, то ли его смущало выражение лица Савчука.

Этнограф вежливо сдерживал зевоту.

Судя по всему, очевидец не оправдал его надежд. Вот чего я опасался с самого начала!..

Глава восьмая

„ДОБРОЕ ДЕРЕВО“

1

В чуме было очень дымно. Вдобавок сильно коптила парадная керосиновая лампа, зажженная, по-видимому, по случаю нашего приезда. Мы с Савчуком извинились перед хозяевами и вышли на свежий воздух.

— Чем вам не нравится рассказ Бульчу? — спросил я вполголоса.

— Слишком много подробностей, — ответил Савчук.

— Как? — изумился я.

— Да, слишком много ярких, красочных подробностей. Я поверил бы Бульчу, если бы он говорил о печальном, лишенном растительности ущелье, о каменистых берегах реки, поросших тальником, о снеге в глубоких расщелинах, который не тает даже летом. Это было бы естественно, это было бы правдоподобно. Именно таков пейзаж гор Бырранга, как я его представляю себе. А у Бульчу получается какой-то тундровый рай. Лес, ягодники, полно зверья...

— Преувеличил, вероятно. Это можно допустить, но в своей основе...

— Нет, подумайте только: откуда лес? И какой лес?! Деревья в два-три человеческих роста. Вы видели деревья около Новотундринска на краю леса. А ведь Новотундринск расположен намного южнее гор Бырранга. И потом — это горы, горное плато. Поймите: мрачные пространства за семьдесят пятой параллелью, самая северная часть материка! Там нет леса и не может быть!

— Но ведь живут же там или жили люди? Вы сами надеетесь, что «дети солнца»...

— Живут. Однако совсем в других условиях! Мы даже не представляем себе, как им трудно жить! Гораздо труднее, во сто крат труднее, чем жилось нганасанам!..

Обратили внимание, как реагировали иганасаны на виды Сочи в кино? Просто не поверили в Сочи, и всё. Слишком много деревьев, слишком высокие деревья, чтобы в них поверить. А Бульчу наворотил бог знает чего! И лес, и густая трава, и теплынь... Какие-то субтропики за Полярным кругом!..

— Ну, не субтропики, конечно...

— Хорошо, пусть не субтропики — тайга! Уголок тайги в горах Бырранга! По описанию Бульчу, это типичный пейзаж сибирского леса где-нибудь в Эвенкийском округе, в районе Нижней Тунгуски. Бывали там?

— Нет, не бывал.

— В этих местах странствует Лиза сейчас... Каково? Не семьдесят пятая, а шестидесятая параллель! И впрямь пойдет голова ходуном. Где тундра, а где тайга! Где юг, а где север!

Савчук покрутил головой и сердито фыркнул.

— Все это обычные фантастические узоры шаманских прорицаний, не больше,— продолжал он, уже не стараясь скрыть раздражения.— Ведь лес — настоящий, высокий лес — нечто столь же сказочное и необычное для жителя тундры, как для нас с вами, скажем, чертоги Черномора! Недаром шаманы «летают» в лес во время камлания. Видали когда-нибудь камлание?

— Нет. Никогда.

— Я насмотрелся на него на своем веку... Жуткое зрелище, доложу я вам: не то падучая, не то корчи сумасшедшего. Неистовыми прыжками, кружением на месте доводят себя до одури, до иступления...

— Кажется, применяют настой из ядовитых грибов взамен гашиша или опиума?

— Это на Чукотке. Но, конечно, главный элемент — притворство. Когда зрители уже доведены до накала и сами готовы пуститься в пляс, шаман падает на землю. Подготовка закончена. Ворочается на земле, хрипит, храпит, словно человек, одолеваемый кошмарами. Пена клубится на губах. Изо рта вырываются отрывочные фразы, слова. А сидящие вокруг со страхом и благоговением внимают священному бреду. «Я лечу над тундрой! — выкрикивает шаман.— Птица задела меня по лицу крылом. Я сел на высокое дерево... Я в Стране Мертвых... Духи окружили дерево, на котором сижу... Сейчас начну их вопрошать».

— Стало быть, шаманы совершают как бы служебные полеты в Страну Мертвых?

— Именно служебные. Очень удачно выразились! Это их регулярные командировки к начальству за инструкциями.

Мы посмеялись.

— Ну, представляете себе,— продолжал этнограф,— как изучена в связи с этим топография сказочной Страны Мертвых (она же Страна Семи Трав). Э, да что говорить!..

— Так вы думаете, что те советские работники, которые слушали рассказ Бульчу до нас с вами...

— Бесспорно, отнеслись скептически к нему именно по этой причине.

Но передо мною мерцали простодушные и добрые, выцветшие от старости глаза старого охотника. Я вспомнил, как он сидел у очага, глядя на угольки, устало сгорбившись, и рассказывал — медленно, вяло, с видимой неохотой. Ничего похожего на похвальбу! Он словно бы удивлялся тому, что произошло с ним. Нет, голову готов прозакладывать: все, что угодно, но не обман!

— Не сознательный обман, допускаю,— согласился Савчук.— И на меня Бульчу произвел хорошее впечатление. Значит, сам находится в заблуждении.

— То есть?..

— По-видимому, правы те, кто считает, что болезнь помutilа его рассудок. Действительность причудливо переплелась в его голове с рассказами шаманов. Ведь и после выздоровления («возвращения») Бульчу находился долгое время под контролем или опекой шаманов. Они имели возможность «уточнить» подробности «маршрута», подсказать отдельные особенности сказочного пейзажа, так сказать, навести окончательный глянec.

— Жаль! — сказал я в раздумье.— Может, хоть часть из того, о чем говорил Бульчу, соответствует действительности? Например, цветы! В предгорьях Бырранги, говорят, много цветов.

— Правильно. Но когда?.. Когда появляются в тундре цветы?.. Летом. В разгар лета!.. А Бульчу толковал о весне. Да еще, заметьте, о ранней весне! Всюду, по его словам, еще снег лежит, а в сказочном ущелье лето! Цветы, трава и вдобавок земля теплая. Чуть ли не горячая на ощупь!

— Это уж совсем непонятно! Почему же горячая земля?

— Говорю вам: типичные фантастические узоры шаманских прорицаний! Рассчитано на то, чтобы поразить воображение жителей тундры. Тундра — это арктическая степь, так?

— Так.

— Значит, в Стране Семи Трав — лес, деревья, пышная растительность! В тундре — лед, снег, земля заморожена насквозь? Соответственно, в Стране Семи Трав — теплынь, вечное лето, горячая земля!.. Сказочный образ строится по принципу контраста, понимаете?

— Мне бы все-таки хотелось верить Бульчу, — сказал я. — Он как раз из тех людей, которым хочется верить. Уж очень простодушное, честное у него лицо.

— Я бы и сам хотел поверить, — пробормотал Савчук. — Если бы не этот фантастический, ни с чем не сопоставимый лесной пейзаж, я бы с восторгом поверил в то, что старый охотник в своей молодости бывал среди «детей солнца»...

Одновременно вздохнув, мы повернулись и вошли обратно в чум.

2

Хозяева готовились ко сну. Нам с Савчуком уже постелено было роскошное ложе из оленьих шкур, на котором лежало несколько хороших спальных мешков.

Савчук, сохраняя мрачный вид, принялся стаскивать с себя бакари, меховые сапоги.

Я понимал и в какой-то степени разделял его угнетенное настроение. Выходит: попали не по адресу. Неправдоподобная Страна Семи Трав, где побывал Бульчу, не была, не могла быть той страной, куда стремились мы с Савчуком.

Со всей придирчивостью и строгостью исследователя Савчук рассмотрел историю старого охотника. Да, сказка! Он был готов к тому, что это окажется сказкой. Но в основе сказки часто имеется какой-то реальный житейский факт.

На протяжении целого вечера этнограф старался доискаться до этого факта, терпеливо снимал одну сказочную деталь за другой, отдираал кожуру слой за слоем,

пытаясь добраться до ядра. И что же? Орешек, который Бульчу с простодушной улыбкой преподнес нам, не имел сердцевины, был увы, пустышкой.

Деревья в три человеческих роста разрушали иллюзию.

Однако мне было жаль и Бульчу. Ведь он не павязывался нам со своей историей. Мы сами пришли к нему, даже гнались за ним.

Был ли обижен старый охотник высказанным ему недоверием? Не знаю. Морщинистое, безволосое лицо его не выражало ничего. Повернувшись к нам боком, он молча устраивал себе постель в углу. Быть может, уже привык к тому, что история его не имеет успеха у русских?

Нганасаны не пользуются подушками — подкладывают вместо них сложенную одежду и обувь. Я удивился, увидев, что старый охотник подкладывает под голову чурбашок, небольшую, странной формы деревянную плашку.

— Зачем плашка? — спросил я Камсэ.

— А у него привычка такая. Очень любит это дерево. Это доброе дерево.

— Вот как!

— Да. Всюду возит с собой. Во время откочевок дерево едет с ним.

— Интересно! Вы слышите, Владимир Осипович?

— Слышу,— отозвался Савчук. Он приподнялся на локте, с любопытством глядя на нехитрое ложе Бульчу.

Оказалось, что старик выстрогал плашку из того плавника, на котором добирался из Страны Мертвых. У него-то был целый плот, несколько стволов, но остальное дерево ушло на топливо.

Савчук присел на корточки подле импровизированной «подушки». Бульчу недоумевающе смотрел на него снизу вверх своими простодушными выцветшими глазами.

— Да, странное дерево! — пробормотал Савчук. — Судя по древесным волокнам, очень толстое... По-моему, это береза... А какой вышины была она?

Охотник ответил, что дерево лежало наполовину в воде. Тогда, будучи в Стране Мертвых, он не догадался измерить ствол шагами. Некогда было. Надо было поскорее обрубить ветви, связать стволы ремнями, готовить

плот для бегства из Страны Мертвых. Но он думает, что это дерево было не ниже других.

— В рост человека?

— Выше. Гораздо выше!

Мы с Савчуком ошеломленно переглянулись.

— Тебе нравится эта красивая плашка? — спросил Бульчу Савчука, снимая локоть с дерева.

— Очень!

Я насторожился. Неужели же он предложит свое «доброе дерево» в подарок?

— Мне тоже нравится, — задумчиво сказал Бульчу. Он медленно высек кресалом огонь, закурил трубку и выпустил огромный клуб дыма.

Мы с нетерпением ждали продолжения.

— Я не могу подарить тебе его, — сказал Бульчу тоном сожаления. — Понимаешь, это было бы нехорошо. Дерево выручило меня в беде... Но хочешь, покажу отмель, где много таких деревьев?

— Отмель? А где эта отмель, Бульчу?

Бульчу поморщился. Вопрос показался ему глупым.

— Конечно, на берегу той реки, по которой я спустился на плоту. Много деревьев лежит на берегах озера, но больше всего плавника на берегу реки.

— А как она называется? Логата? Верхняя Таймыра?

— Я назвал ее Потаден, — сказал Бульчу, посасывая свою трубочку. — Из людей, кроме меня, на ней не бывал никто. Поэтому я назвал эту реку так, как хотел. Потаден, по-моему, не хуже, чем Логата или Верхняя Таймыра...

— Куда же она впадает? То есть в каком именно месте озера?

— В его нижнем углу.

Нганасаны, я уже знал это, называют «низом» северо-восток, «верхом» — юго-запад. Стало быть, Бульчу имел в виду северо-восточный угол озера, вплотную примыкающий к горам Бырранга!

Савчук дрожащими руками торопливо вытащил из полевой сумки карту Таймырского полуострова и развернул ее.

— Но здесь нет никакой реки, — пробормотал он, показывая Бульчу карту.

Бульчу снисходительно отстранил ее, потом присел на корточки и, взяв карандаш, принялся рисовать на листке блокнота, который подал ему Савчук. Движения охотника были быстры и уверенны. В несколько взмахов он изобразил Таймырское озеро, на юг от которого располагалась тундра, а на севере были горы.

— Вот река,— сказал старый охотник.— Она течет с гор. Не широкая, быстрая. Очень бурная. В озеро впадает здесь. В ее верховьях — Страна Мертвых, или Страна Семи Трав, и там живут духи, от которых я убежал на плоту.

Это был лаконичный, но очень точный и ясный язык, почти справки из путеводителя. Мало того: свидетельство Бульчу подкреплялось уцелевшим обломком дерева, березы!

Неужели в Стране Семи Трав росли высокие деревья и среди них были даже березы?..

Я и Савчук с изумлением посмотрели друг на друга.

— Значит, действительно оазис,— пробормотал этнограф.

— Получается, что так. Район микроклимата в горах!..

— Но почему там тепло?

— Быть может, рельеф местности? — неуверенно предположил я.— Горы защищают от холодных северных ветров... Вы не бывали на станции Апатиты?

— Нет, а что?

— Там значительно теплее, чем вообще в Хибинских горах...

— Ну, на Кавказе есть более разительные контрасты. В одном ущелье несколько климатических микрорайонов. В низине — один, на гребне горы — другой, на солнечном склоне — третий, на теневом склоне — четвертый.

— Вряд ли можно назвать это микроклиматом. Но в ущелье Бульчу... Обратили внимание на то, что он сказал о теплой земле?

— Горячей или теплой на ощупь земле.

— Вот именно! Для существования района микроклимата одного лишь рельефа маловато. Ведь там лес, трава... Стало быть, существует подогрев снизу. Подогрев, подогрев... Что бы это могло быть?..

Я задумался.

— Рано строить гипотезы, Алексей Петрович, даже рабочие,— сказал Савчук,— в руках у нас слишком мало фактов.

— Но главное пока не это. Рельеф местности, подогрев, тысячи причин... Главное то, что ущелье Бульчу не выдумано, а реально существует!

— Да, видимо, так. Мы не только слышали показания очевидца, но и наткнулись на вещественное доказательство.

— А вы сомневались, колебались! — не удержался я от упрека.— Подробности казались вам чересчур живописными, яркими, видите ли!

— Теперь все ясно, ясно! — объявил Савчук, садясь на приготовленную для него постель и в волнении снова вставая с нее.— Незачем рыскать в верховьях Логаты, Верхней Таймыры, Ленивой. Эти реки сбрасываются со счетов! Есть река, не показанная на карте. Надо лишь дойти до ее устья, а затем подняться к верховьям, и...

— Сядьте, Владимир Осипович,— попросил я.— Вот что мне пришло в голову. Договоримся с Бульчу, попробуем довести до верховьев реки. Ведь он бывал там. А? Что, если проводником его? Как он? Дойдет?

Савчук окинул Бульчу критическим взглядом:

— Где ему!.. Стар, слаб...

— Стар, стар,— поддерживали Камсэ и его жена.

Но они недооценили старого охотника.

Есть такие игрушечные чертики, которые выскакивают из коробки, чуть надавишь скрытую внутри пружинку. Что-то в этом роде произошло с Бульчу. Он сразу же распрямился, вскинул голову, развернул плечи.

— Я проводник! Я! — сказал он, ударяя себя в грудь.

Камсэ продолжал с сомнением покачивать головой.

— Дорога трудная,— сказал он.— Горы, реки... Подумай: дойдешь ли, доведешь ли?..

— Был там,— сказал Бульчу коротко.

— Тогда был молод, силен. Потом, очень боялся оспы...

Бульчу рассердился. Маленькое лицо его сморщилось еще больше, глаза злобно сверкнули. Он молча ткнул зятя сухощавым кулачком в бок. Тот не ожидал нападения и повалился от толчка.

Это развеселило Бульчу. Визгливо смеясь, он вскочил

на ноги, схватил ружье и щелкнул курком, показывая, что стреляет. Потом прошелся мимо нас какой-то странной скользящей походкой, как бы крадучись. Остановился, пробормотал: «Там» — и приложил руку щитком ко лбу, будто всматриваясь в даль.

Эта мимическая сцена показалась мне очень убедительной.

Ведь мы были первыми людьми, которые отнеслись с доверием к Бульчу. Поэтому ему хотелось услужить нам. Мало того: старый охотник был самолюбив, а сейчас представлялась возможность вернуть себе утраченное уважение соплеменников, избавиться, наконец, от унижительного прозвища — «Человек, который потерял свой след».

— С председателем надо поговорить, — сказал Камсэ, нерешительно глядя на тестя. — Что еще правление колхоза скажет...

— Отпустит! — вскричал старый охотник. — Для такого дела, увидишь, отпустит! Надо же приедем товарищам помочь.

— Ну что ж! По рукам, Бульчу? — улыбнулся Савчук и, размахнувшись, шлепнул охотника по ладони, укрепляя сделку традиционным жестом.

3

В середине ночи я выбрался из чума, чтобы подышать свежим воздухом.

Небо над головой было озарено призрачными огнями северного сияния. Здесь, в центре снежной пустыни, оно навевало страх. Кругом мертвенная тишина, ветра нет, и лишь причудливые бледно-красные отсветы медленно растекаются по небу, как зарево каких-то фантастических пожаров.

Закинув голову, я думал о том, что каждое явление природы предстает совершенно иным с разных точек зрения. Для художника северное сияние — красивое, грандиозное зрелище. Для магнитолога — это след электромагнитных бурь в верхних слоях атмосферы. И, наконец, для этнографа — это неопровержимое доказательство того, что юкагиры — самый древний народ на Крайнем Севере, потому что другие народы называют северное сияние «юкагирским огнем».

Я прошелся перед чумом. Снег скрипел под ногами. Морозило. Было, наверное, тридцать — тридцать пять градусов, не меньше.

Мне не спалось: слишком взволновал рассказ старого охотника.

Северное сияние стало постепенно тускнеть и гаснуть. Вскоре оно исчезло совсем. Черное, очень глубокое, звездное небо выгнулось над головой.

Я загляделся на звезды. «Быть может,— думал я,— и Петр Арианович смотрит сейчас на них. Как елочные украшения, висят они над его головой в раскидистых ветвях деревьев».

Но откуда деревья в горах Бырранга?..

Неожиданно раздалось нечто вроде аккомпанемента моим мыслям, иначе не могу этого назвать: послышался явственный шорох снега, падающего с деревьев.

Каждый, кто бывал зимой в лесу, слышал подобный шорох. Его вызывает ветер, раскачивающий деревья и сбрасывающий лежащие на ветках хлопья. Иногда сухой снег падает и сам, от собственной тяжести.

Я оглянулся. Черт возьми! Но тут нет деревьев! Тундра вокруг — безлесная арктическая степь. Снежные холмы, подобные дюнам, тянутся на юг, на север, на восток и на запад. До ближайшего дерева в Новотундринске, наверное, километров двадцать, если не больше.

Между тем шорох медленно осыпающегося с веток снега продолжался. Стоило закрыть глаза, чтобы ощутить себя в зимнем дремучем лесу.

Лес в горах Бырранга?.. Мерещится он мне, что ли?..

И вдруг мне стало стыдно своего волнения.

То, что напугало меня, было не чем иным, как миражем,—только не зрительным, а слуховым! Это мое собственное дыхание замерзло на морозе — явление, обычное на Крайнем Севере, описанное уже не раз.

Якуты поэтически называют его «шепот звезд», потому что странный шорох раздается только в ясные звездные ночи. Я просто забыл об этом явлении, отдавшись своим мыслям.

— Спать, спать, Алексей Петрович,— окликнул меня из чума Савчук.— Утром обратно в Новотундринск! Заказывать лодки! Снаряжать экспедицию!..

Но, вернувшись в Новотундринск, я настоял на том, чтобы сделать попытку проникнуть в оазис с воздуха.

Шансов на успех было очень мало — знал это. Весной на Таймыре погода ненадежная, туманы то и дело закрывают тундру. Можно не раз и не два слетать в горы и не увидеть ничего. Однако слишком соблазнительной была мысль сразу же, «без пересадки», попасть в страну сказки, к «детям солнца».

Бравый пилот Жора, еще в Нарьян-Маре поверивший в то, что записку на бересте написал Ветлугин, с восторгом включился в поиски. В течение первой половины апреля совершено было четыре полета над горами Бырранга. Мы с Савчуком летели в походном обмундировании, с запасом продовольствия, — на случай, если обнаружим в районе местопребывания «детей солнца» подходящую площадку, на которой мог бы сесть самолет.

Но нам не удалось найти ни «детей солнца», ни посадочных площадок. Самолет как бы плыл над волнующейся серой пучиной. Изредка в тумане появлялись разрывы, ямы, на дне которых неясно чернели и белели пятна неправильной формы — скалы и снег. Это было все, что нам удалось увидеть.

— Я так и знал, — сказал Аксенов, когда мы, иззябшие, усталые, огорченные, ввалились к нему в кабинет после четвертой неудачной попытки. — С воздуха ущелье искать! Что вы, товарищи! Ведь Бырранга — это целая горная страна!

— Летали только над юго-восточным ее углом, — мрачно сказал я. — Не было бы этого тумана, мы бы, я уверен...

Жора бодро кашлянул в знак согласия.

— На ощупь! С самого начала говорил: только на ощупь! — объявил Савчук, кладя на стол планшет с картой и устало опускаясь в кресло. — Мы ничего не увидим с воздуха. Нет, в горы надо проникать по реке, о которой рассказывал Бульчу.

— Уйму времени займет, — пробормотал я.

— А вы как думали? Раз, два — и готово? С ходу? Не получается с ходу! Я думаю так. Лодки отправим с нганасанами на санках. Ведь нганасаны откочевывают к озеру в начале мая? — повернулся он к Аксенову.

— Да, в первых числах.

— Ну вот. К озеру доберутся в середине июня.

— Может быть, даже раньше.

— Еще лучше! К тому времени вскроется река, о которой толковал Бульчу. Нас подбрасывают к озеру на самолете. Мы находим ее устье, потом пересаживаемся в лодки, грузим на них свой скарб и поднимаемся вверх по течению. В записке сказано: «верховья реки».

— Что же до июня делать? — спросил я с огорчением.

— Ну, наберитесь терпения, Алексей Петрович. Гуляйте по Новотундринску, изучайте быт, нравы. Мне-то здесь работа найдется. А вы, в крайности, поскучаете месяц-другой.

— Хуже нет — ждать, поджидать!..

— А зачем ждать? — спросил Аксенов. — Отправляйтесь вместе с нганасанами. По дороге будете изучать легенды о «детях солнца», о Птице Маук (она же Ньюгу). Легендами будете выверять свой маршрут. Ведь это тоже нужно вам?

— Обязательно!

— Ну, вот и поезжайте! Зачем, на самом деле, сидеть и томиться в Новотундринске?

— Только бы устье поскорей найти, — сказал Савчук. — А там маршрут ясен. Все по реке да по реке, вплоть до самых ее верховьев.

— А если притоки?

— Приметы помню, — торопливо вставил Бульчу, который переселился в Новотундринск и неизменно каждый раз сопровождал нас к Аксенову в лучшем своем, праздничном наряде. — Берег в одном месте осыпался, обрыв. В другом, где поворот, два каменных человека¹ сторожат. Как тебя, вижу их сейчас!

— А устье сразу найдешь? — усомнился Савчук. — Река-то ведь неизвестная, не нанесена на карту.

— Правильно. Тут-то и придется еще раз прибегнуть к помощи самолета, — заключил Аксенов.

¹ Скалы, напоминающие по своим очертаниям человека.

Уговорились, что самолет будет выслан к озеру по первому нашему требованию.

— Обеспечим, не беспокойтесь,— заверил Аксенов на прощанье.— Сделаем все, что только в наших силах. А силы у нас не маленькие,— улыбнулся он. И добавил: — Нелегко, конечно, придется в горах. Но, грешный человек, завидую вам!

— Почему?

— Ну как же! Путешествие в Страну Сказки. В сказку — подумать только!.. Интересно: какая она, эта сказка, если на нее взглянуть вблизи?..

2

В тундре все подчинено строгому ритму весенних и осенних откочевок.

Весной колышущаяся серая волна (стада диких оленей, а следом за ними и стада домашних, перегоняемые иганасанами) отливает от границ леса и катится на север, через всю тундру, к берегам озера Таймыр, которое раскинулось в предгорьях Бырранга. Осенью волна катится в обратном направлении, чтобы к октябрю-ноябрю снова прихлынуть к границе леса. Да, отлив и прилив!

Что заставляет оленей уходить на север весной? Гнус. Он выживает их из тундры на лето. В предгорьях Бырранги гораздо прохладнее, чем в тундре, с моря дует свежий ветер, который отгоняет проклятую мошкарку.

Что заставляет оленей возвращаться на юг осенью? Бескормица. Трава и верхушки ползучей ивы — прекрасный летний корм — уже исчезают в конце августа. Кроме того, легкий сквознячок, который приятно освещал летом, превращается в леденящий, пронизывающий ветер. А олени очень не любят холодного ветра.

Пути передвижения оленей неизменны. По этим же путям, по которым ходили многие поколения оленей, откочевывали и иганасаны.

Апрель и начало мая — это весенняя пауза в тундре. Колхозники готовятся к летней страде: чинят упряжь, проверяют охотничий припас, рыболовные снасти. Всеми владеет нетерпение: скоро ли в путь, скоро ли?!.

Мы с Савчуком получили некоторую душевную разрядку в связи с большой первомайской радиоперекличкой, устроенной Академией наук в самый канун праздни-

ка. Один за другим «выходили» в эфир начальники научно-исследовательских экспедиций, которые уже работали или готовились начать работу этим летом.

Я надеялся услышать по радио звонкий голос Лизы. Но из Эвенкийского округа донесся угрюмо-рокочущий бас какого-то геолога-угольщика. Он сообщил, что возглавляемая им группа заканчивает обследование пластов угля, выгоревших в результате подземного пожара,— списывает эти пласты из угольного баланса СССР. По интонации голоса легко было догадаться, что геологу чрезвычайно жаль их списывать. О Лизе, о ее работе не было сказано ни слова.

Мне хотелось услышать также весточку от Андрея Звонкова. Однако он не участвовал в перекличке.

Под конец выступил Савчук. Рапорт его, подготовленный заранее, был краток, даже суховат. Сообщалось о записке, которую доставил в Ленкорань дикий гусь. Упоминалась фамилия Ветлугина. Главная часть рапорта была посвящена изложению рассказа Бульчу, будущего нашего проводника, то есть списанию сказочной Страны Семи Трав, где предполагалось местонахождение «детей солнца».

В то время мы не придали большого значения участию нашей маленькой группы в праздничной радиоперекличке. Впоследствии же оказалось, что перекличка в эфире сыграла значительную роль в ходе этнографической экспедиции Савчука.

Его выступление по радио в канун Первого мая услышали Андрей на мысе Челюскин и Лиза на реке Виви. Каждый из них нашел нечто особо важное для себя в сообщении о «детях солнца», о Ветлугине и о высоких деревьях за Полярным кругом. Как и следовало ожидать, мои друзья также включились в поиски.

Но весной в Новотундринске мы, повторяю, не подозревали об этом. Были целиком заняты подготовкой к экспедиции, поглощены ожиданием того дня, когда, наконец, нганасаны двинутся к горам Бырранга.

И вот долгожданный день наступил! Народ ня — несколько сотен человек — снялся с места и двинулся на северо-восток, к горам Бырранга, отгоняя туда стада своих оленей ¹.

¹ В описываемое время колхозники-нганасаны еще кочевали.

Колхозники двигаются со своими стадами не сплошной лавиной, а ручейками — аргишами, то есть оленьими караванами. В одном из аргишей — его возглавляет бригадир Камсэ, старший зять Бульчу, — находимся и мы с Савчуком, а за нашими санками следуют две пары санок, на которые погружены небольшие плоскодонные лодки.

Тундра, тундра! Пересекаем ее холодные снежные пространства, возвещая всем о приближении весны, немного отстав от диких северных оленей (это наш авангард), но зато опережая перелетных птиц, которые явятся позже из Ленкорани, Ирана, Индии.

Облако снега летит навстречу. Санки швыряет, как лодку на волнах. Вершины холмов сверкают вдаль, словно облитые глазурью куличи. Тундра искрится, пылает, светится, разбрасывает во все стороны мириады колючих лучиков.

Но это не страшно нам.

По примеру своих спутников я и Савчук нацепили на нос очки, предохраняющие от снежной слепоты. Только они не медные и не деревянные, с прорезанной узкой щелкой, как у нганасанов, а обыкновенные дымчатые очки-консервы, — в них мы сразу стали похожи на больных, подвергаемых облучению кварцем.

Как всегда в путешествии, донимают мелкие дорожные неприятности: толчки на ухабах, снежная пыль, летящая в лицо, а главное — холод, холод, несущийся от земли и от неба, прокрадывающийся к самому сердцу через толстый слой фуфаяк и свитеров. На Крайнем Севере холод ни на минуту не дает забыть о себе.

Сегодня десятое мая.

В Сочи, наверное, купаются. Да что Сочи!.. В Москве, я уверен, уже разгуливают в рубашках с отложным воротником и в парусиновых туфлях, которые так белы, что хочется, идя по улице, разуться и бережно нести их в руках. А здесь?

Вот описание моего майского наряда. Перечисляю все, что надето на мне: две пары шерстяных носков, оленьи чулки, бакари, теплое белье, штаны из пыжика, два свитера, парка. И все это увенчивается пыжиковой шапкой с развевающимися по ветру длинными ушами!

Мало того — лицо у меня закутано шарфом до глаз, как у восточных женщин. Точно так же одет и Савчук.

Это дает мне основание называть его на привалах гурией пророка или любимой женой падишаха. Он не обижается. Он вообще не из обидчивых.

Стоит поглядеть на него, когда он во всех своих ста одеждах срывается с санок и, чтобы согреться, сопровождает их некоторое время неуклюжей бодрой рысцой.

На моих глазах совершилось чудесное превращение. Передо мною совсем не тот человек, который разгуливал по Москве в архиерейских ботах с застегками и жаловался на неотвязный грипп. Это бывалый путешественник. Он умеет запрячь и распрячь ездовых оленей. Умеет разжечь костер, причем всего лишь одной спичкой, что, уверяю вас, не так-то просто.

О, мало ли что умеет делать Савчук!

У некоторых путешественников я замечал желание удивить, испугать тундрой. Но ведь трудности путешествия по тундре складываются из мелочей. И, чтобы преодолеть их, нужно ясно видеть перед собой цель, а кроме того, иметь неисчерпаемые запасы терпения, обладать талантом добродушного, веселого и скромного терпения, которым так богат наш русский народ.

Савчук обладал этим талантом в высшей степени.

Такие вот мешковатые увальни, несколько застенчивые и немногословные, как будто даже нерешительные, на поверку оказываются по-настоящему храбрыми людьми,— не раз наблюдал это в Арктике. (Терпеть не могу так называемых «морячил» — молодцов с франтовскими бачками и рассчитанно-небрежными движениями. Бравыми они остаются только за столом, уставленным бутылками.)

Впервые меня удивил Савчук еще на московском аэродроме, когда мы грузили в самолет мешки с сушками. Я подумал сначала, что это сухари, так сильно скрипели они в мешках.

— Сухари?

— Нет,— ответил этнограф.

— Что же это?

— Московские сушки.

— Вот как?

— Сушки лучше, практичнее,— пояснил Савчук.— На Крайнем Севере их называют «хлебными консервами». Да вы сами, наверное, знаете.

— Конечно, знаю,— сказал я, с интересом присмат-

риваясь к своему спутнику.— Но, представьте, не знал, что вы знаете...

В тундре я окончательно убедился в том, что мой спутник разбирается не только в архивных документах. Сидень, кабинетный ученый? Как бы не так!

3

Савчук трудился не покладая рук. Без устали спрашивал он нганасанов о событиях, происшедших в тундре до революции, поскольку это могло иметь значение для уточнения нашего маршрута.

Впрочем, наши спутники не любили рассказывать о прошлом.

— Многое бывало в тундре,— говорили они, пожимая плечами и отворачиваясь.— Оспа была. Голод был. Бедно жили... Зачем вспоминать о плохом? Давно было, очень давно...

Уцепившись за слово «давно», Савчук со свойственной ему осторожной настойчивостью возобновлял расспросы насчет того, что же было давно.

По его словам, он «поднимал этнографические пласты».

Копать приходилось вглубь.

Старое необычайно быстро отмирает в тундре. Здесь за последнее время появилось множество новых понятий, новых явлений, новых обычаев. (Одно кино чего стоит!) Изменения в быту, в сознании людей в связи с социалистическим строительством также служили предметом этнографии и не могли не интересовать Савчука, но сейчас, по его словам, были нам «не по пути», уводили от цели.

Однажды вечером мы наблюдали «вырождение обряда», как выразился этнограф. Речь шла, кажется, о заклинании дурной погоды, пурги, которая могла бы помешать своевременной откочевке нганасанов.

Все выглядело буднично и скучно. Два старичка в парадной обнове — оранжевых резиновых калошах, купленных незадолго перед откочезкой в новотундринском кооперативе, присев на корточки, колдовали у костра. Это было, так сказать, походное колдовство, на скорую руку, без шамана, без бубна и традиционной пляски.

Савчук присоединился к старичкам, долго толковал о чем-то, потом ушел недовольный.

— Парадоксально, но факт,— пожаловался он.— Оказывается, я лучше знаю их обряды, чем они сами.

— Вы специально обучались этому в университете,— заметил я шутливо.

— Нет, я серьезно... Старинный обряд заклинания ветра очень интересный. Подробно описан мною в моей книжке о нганасанах. Я впервые наблюдал его в 1926 году на реке Боганиде.

— Зачем же снова наблюдали?

— Думал найти вариант. Нет, не то, не то! Какие-то обрывки, клочки. Напутано, перезабыто...

Огорчение его было так комично, что я засмеялся.

— Вы чего? — удивился Савчук.

— Уж не жалеете ли об этом?

— Жалею?...— Он хотел было рассердиться, но раздумал и улыбнулся.— Выглядит, конечно, смешно. Понимаете ли, это радует меня, как советского человека. Очень радует, уверяю вас. Но, как этнографа, признаюсь...— Он вытащил из кармана объемистый блокнот и, быстро перелистав, показал незаполненные белые страницы: — Отстаем, безбожно отстаем! Мы, этнографы, не можем угнаться за временем. Старые обряды, приметы, суеверия исчезают чрезвычайно быстро. Вы сами видите. Просто не успеваешь записывать, изучать. А ведь это нужно, важно для науки!

Я взял огорченного этнографа под руку и увлек в сторону от костра, подле которого два старичка в резиновых калошах продолжали заклинание ветра «не по правилам», как сказал Савчук.

Из ближайшего к нам чума Мантуганы, родственника Бульчу, донеслись звуки патефона. Я решил, что это должно развлечь Савчука.

Нас встретили приветственными возгласами и усадили на почетном месте. Пока Савчук, по традиции, неторопливо расспрашивал о здоровье хозяев и о здоровье их оленей, я присматривался к сидящим у очага нганасанам.

По внешнему виду они напоминали североамериканских индейцев: те же орлиные носы, высокие скулы, сухощавая гибкая фигура, какая-то прирожденная спокойная величавость в движениях.

Попыхивая трубочками, гости сосредоточенно слушали патефон.

Сам Мантугана с озабоченным видом вертел ручку и менял пластинки.

Подбор пластинок оказался самым пестрым. Странно было здесь, за семидесятой параллелью, в чуме кочевников, слышать соловьиные трели Барсовой или лихие переборы баянов, аккомпанирующих хору имени Пятницкого.

Слушатели мерно раскачивались в такт, а Бульчу, сидевший у самого патефона, даже жмурился от удовольствия.

На мгновение все это показалось мне нереальным. Неужели я на Таймыре? Неужели эти люди у очага — самый северный народ в Европе и Азии? Неужели за кожаными стенами чума — тундра?..

Но в щели между оленьими шкурами проникали острые струйки холода. Пламя костра освещало закопченный чум. Во время коротких пауз, пока Мантугана ставил новую пластинку и старший сын его, присевший рядом на корточки, умильно посматривал на отца: не разрешит ли хоть разок крутнуть ручку патефона, — снаружи раздавался осторожный шорох. Это дышали ездовые олени, подойдя к жилищу вплотную.

Да, я находился в тундре, а самый северный народ в Европе и Азии коротал вечерок на привале, с тем чтобы возобновить наутро откочевку на север, двигаясь с наибольшей поспешностью, будто спасаясь от погони.

4

Погоня? Но ведь это и впрямь можно было назвать погоней.

С приближением тепла с юга из тайги надвигается на тундру страшный враг всего живого — гнус!

По праву называют его «вампиром Крайнего Севера». Мириады омерзительной злобной мошкары в начале лета с вьедливым звоном поднимаются в воздух, идут сплошной колышущейся стеной, падают в пищу, набиваются в уши, глаза, ноздри, волосы, выискивая уязвимые места, прорехи в одежде, пролезая сквозь щели в чуме. Людьями овладевает неистовство. Зуд делается нестерпимым. Искушенные губы опухают так, что трудно открыть

рот. Лицо превращается в какое-то странное подобие подушки.

Знаменитый естествоиспытатель Гумбольдт, вспоминая о гнусе, заявлял, что предпочитает сибирским болотам даже удушливые тропические берега Ориноко.

Спасение от гнуса только в быстром движении и в дыме костров.

Донимают также слепни.

Правда, олень, по словам Бульчу, иногда играет с ними «в прятки».

Старик показывал это в лицах, оживленно жестикулируя:

— Слепни гонят дикого (оленя). Он бежит от них прямо, вот так... Потом сразу круто повернул в сторону, спрятался за большой камень! — Бульчу рухнул как подкошенный, втянул голову в плечи. — Слепни — дураки! Потеряли оленя, летят дальше, ничего не понимают. А олень лежит за камнем и смеется, хитрый!.. — Бульчу растянул в широкой улыбке свое морщинистое безбородое лицо.

Я очень живо представил себе, как несчастный, замученный олень прячется за камнем, а потом «смеется» над одуряченными слепнями.

Влияние этой таежно-тундровой нечисти на экономику Крайнего Севера очень велико. Гнус и слепни выжидают из тундры людей. Оленеводы вынуждены перегонять свои стада в горы или к морю, где нет этой омерзительной мошкеры. Охотники вынуждены следовать за дикими оленями, которые спасаются на лето туда же.

Что поделаешь! Приходится отступать перед мошкарой — так уж повелось на Крайнем Севере из века в век.

Олени, помахивая хвостиками, бегут неторопливой, деловой, размашистой рысцой.

Все время маячат перед глазами покачивающиеся белые оленьи хвосты. По их положению определяют настроение животных. Если хвост стоит торчком, олень здоров, бодр. Если хвост опустил, олень заскучал, устал.

Нас сопровождает задорный, дробный, далеко разносящийся по тундре стук. Он похож на звук выбиваемой лихим танцором чечетки. Вначале я думал, что стучат деревянные колодки, называемые здесь «башмаками», которые надевают оленям на пастбище, чтобы не забрели далеко. Но в пути «башмаки», понятно, снимают.

Бульчу объяснил, что у оленей, помимо широких раздвоенных копыт, есть еще побочные копытца, чрезвычайно развитые, помогающие при разгребании снега. Именно они, задевая друг за друга при ходьбе, издают этот странный звук.

Ну, чем не олени кастаньеты?

Бегут за важенками (самками) телята. Они родились всего несколько недель назад, но не отстают от матерей, бойко перебирая своими стройными ножками.

Нганасаны взмахивают длинными хорями, понукая упряжных оленей.

Сверкающий пушистый снег летит в лицо.

Тундра, тундра!

Мчимся вперед под вой ветра, под хриплые выкрики нганасанов, размахивающих хорями.

Ледяной встречный ветер обжигает, режет, как ножом. От шарфа, которым приходится закрывать лицо, очень страдает переносица. Оледенелый, задубевший край безжалостно натирает ее, порой даже до крови. Но нечего и думать о том, чтобы снять шарф на таком ветру.

«Что ж,— утешаю я себя,— все на свете относительно. Тот же Гумбольдт, который из-за гнуса предпочитал Сибири бассейн Ориноко, испытывал, по его словам, озноб при двадцати градусах тепла в Африке».

Тепла! На наших термометрах ртуть не поднимается выше десяти градусов мороза, и то при совершенно ясной, солнечной погоде. Лето на Таймыре настанет лишь в половине июня и будет очень коротким, всего полтора-два месяца.

Тем более надо спешить, чтобы управиться за этот срок в горах Бырранга.

Ни на минуту не забываем с Савчуком о цели своего путешествия. Мысль о том, что мы нужны в горах Бырранга, что нас, возможно, с огромным нетерпением ждут там, помогает мне и Савчуку держаться.

5

К вечеру обычно чувствую сильнейшую усталость.

Надо протрястись двадцать километров в санках по тундре, чтобы по достоинству оценить такие завоевания материальной культуры, как огонь костра и кров над головой.

Рискуя заслужить упреки молодых читателей, признаюсь: каждый путешественник, если он деловой человек, а не авантюрист, стремится путешествовать без приключений.

Ночевка на снегу всегда хуже, чем в доме. Вездеход куда удобнее оленьей или собачьей упряжки. Романтика нарт — говорю это с полным знанием дела — ощущается только первые полчаса или час. Потом начинает болеть поясница.

Но вот привал! Вокруг чернеют чумы, торчмя поднимаются в небо сиреневые дымы костров. Тут же, поближе к людям, грудятся олени, разгребая копытами снег и добывая из-под него ягель. А между стадами и тундрой медленно разъезжают на санках часовые, держа ружья на коленях и длинный хорей под мышкой.

Наспех проглотив ужин, забираюсь в спальный мешок, сворачиваясь калачиком, закрываю глаза. Но сон недолог. Будит лай собак, суматоха, выстрелы. Ночи не проходит без тревоги.

Все время незримо следуют за кочевьем голодные волчьи стаи. Ночью они выходят из-за холмов и обкладывают лагерь.

Если стая кидается к стаду, часовой гонит наперерез ей своих оленей.

Но вот минула беспокойная ночь в тундре. Протяжный громкий крик будит меня: то Бульчу собирает оленей.

Спальный мешок кажется особенно уютным на рассвете. Преодолевая дремоту, вылезаю из мешка, быстро одеваюсь и выбегаю наружу. Умываться в тундре приходится сухим, колючим снегом. Растапливать его можно лишь для приготовления чая и пищи,— топлива у нас в обрез.

Олени стоят полукругом перед чумом и смотрят на меня кроткими умными глазами.

Утро очень холодное. Подобно зябнувшим птицам олени поджимают то одну, то другую ногу. Некоторые из них зевают. Один из оленей задирает заднюю ногу и чешет у себя за ухом, совсем по-собачьи, потом копытом сбрасывает с носа ледышки,— ноздри обмерзли, трудно дышать. Раздается оглушительное чихание. Лежавший в стороне олень, испугавшись, поспешно встает; при этом он сгибает спину, словно кошка.

Удивительные животные! В них есть нечто от собаки, от кошки, даже от птицы и, как ни странно, меньше всего от лошади, хотя на огромных пространствах земного шара олень заменяет человеку лошадь.

Савчук окликает меня. Нужно помочь ему отсыпать соли из пакета. (Сегодня его очередь готовить завтрак.) Я развязываю рюкзак, где храним продукты, и держу за края, пока Савчук погружает туда столовую ложку.

Мы и не заметили, как один из оленей, наиболее предприимчивый, просунул голову в чум, надеясь на утреннее угощение. Едва этнограф вынимает ложку с солью из рюкзака, как из-за моего плеча выдвигается простодушная серая морда. Гам! Короткое удовлетворенное причмокивание, и ложка вылизана досуха.

Северные олени до страсти любят соль. Видимо, в том «меню», которое может им предложить тундра, не хватает соли. Солью приманивают оленей, если они разбегутся.

Выпроводив непрошеного сотрапезника, мы садимся завтракать.

Костер, над которым висит чайник, разделяет нас. Аппетитно шипит сало на сковородке. Я испытываю такое удовольствие от еды, какого никогда не испытывал в самых первоклассных ресторанах.

Лицо Савчука, обветренное, озабоченное, плавает над очагом в завитках дыма. Он священнодействует, заваривая чай.

Утреннюю трапезу с нами разделяет Бульчу.

Он держится очень гордо в связи с новой, ответственной должностью проводника, разговаривает с многочисленными зятьями и племянниками снисходительно, сквозь зубы и даже по будням носит свои праздничные снеговые очки. Они довольно оригинальны, имеют вид серебряной полумаски.

Это два расплющенных царских рубля. На одной стороне распластался двуглавый орел в короне. Под ним дата — «1911 год». На другой стороне кокетливо показывает свой профиль Николай II.

— В старое время за это бы в кутузку, — сказал Савчук, увидев снеговые очки нашего проводника, и провел пальцем по тонкой прорези, которая тянулась через царское лицо от носа до уха. — Оскорбление помазанника божия!

Бульчу, отдуваясь, невозмутимо прихлебывал сладкий чай.

Читатель увидит в дальнейшем, как важно было бы для нас еще в тундре обратить самое пристальное и серьезное внимание на очки Бульчу. Но, к сожалению, мы не сделали этого.

Впрочем, так бывает всегда: то, что привычно, что близко лежит, остается незамеченным до поры до времени.

Вдобавок наше с Савчуком воображение день ото дня подогревали, подхлестывали миражи...

6

Чем дольше находился я в таймырской тундре, тем больше убеждался в том, что все здесь благоприятствует созданию сказок.

Ум нганасана как нельзя лучше подготовлен к восприятию чудесного, необычного, сказочного. Достаточно оглянуться вокруг, чтобы убедиться в этом.

Тундра — это страна волшебных превращений, край миражей. Солнце, ветер, туман сообща создают движущиеся волшебные картины, словно бы воздух между небом и землей — не воздух вовсе, а туго натянутый экран.

Зрению в тундре доверять нельзя.

Все время дрожит впереди струящееся, искрящееся марево. Очертания предметов меняются в нем: то сплющиваются, то вытягиваются, то принимаются мерцать до боли в глазах, то как бы отрываются от снежной поверхности и парят над нею.

Однажды меня удивили небольшие облачка с радужным отливом, медленно двигавшиеся над тундрой, буквально волочившиеся по снегу.

— Олени, — коротко пояснил Бульчу, случившийся поблизости. Он стал отсчитывать, взмахивая желтым от табака пальцем: — Олени Мантуганы! Олени Камсэ! А вот за холмом — видишь? — мои олени!

Но я не видел никаких оленей.

Бульчу повел нас к одному из облачков. Когда подошли к нему вплотную, старый охотник издал губами чмокающий звук.

Тотчас же облачко отозвалось протяжным хорканьем.

Так на призыв хозяина откликнулся его любимый ездовой олень.

Мы следом за Бульчу вступили в пределы туманного облака, прошли несколько шагов, сами окутались мглой и только тогда увидели силуэты оленей.

— Да-а, надышали!.. — произнес Савчук, озираясь.

В этом «надышали», по-видимому, и была разгадка необычного явления.

Я вспомнил, что за бегущим по тундре оленем тянется нечто вроде пестрого кисейного шарфа — след от его дыхания.

Когда же собралось в кучу несколько десятков оленей, эффект, конечно, стал еще более разительным.

На одном привале «морозный морок» чуть было не сыграл со мной и Савчуком опасную шутку, — совсем было закружил и повел в глубь тундры, в сторону от лагеря, да выручил мой маленький компас, с которым не расстаюсь никогда.

Приизошло это так.

Нас с Савчуком заинтересовал мышкующий песец. Зверек бесшумно крался по снегу, опустив голову, напряженно вытянув хвост, чуя где-то поблизости лемминга — песцовую мышь.

В отличие от его ближайшей родственницы, лисы, у песца округленные ушки, и ростом он поменьше. Личность эта, к слову сказать, наглая и вероломная. В свое время песцы доставили немало неприятностей экспедиции Беринга.

Бывает, что они нападают даже на своих товарищей, попавших в капкан, и поедают их.

Зайдя так, чтобы ветер дул нам навстречу, мы неторопливо двигались за мышкующим песцом. Снежный наст, укатанный ветром, схваченный морозом, был прочен и держал без лыж.

Вдруг что-то изменилось в освещении. Луч солнца скользнул между тучами, и слепящий отблеск преградил нам путь. Открыли глаза — песец исчез. Наверное, убежал. А может быть, просто припал к снегу и слился с белым фоном.

— Назад пойдем? — спросил я и оглянулся. Чумов в тундре не было. — А где же стоянка?

— Да, странно. Холм на месте, чумов нет.

— Какой холм?

— Неподалеку от стоянки. Я заметил, когда уходил.

Но и холма не было на месте. Он очень медленно перемещался в сторону, как бы плыл по воздуху.

Что еще за наваждение? Глаза устали, что ли?

Мимо нас ползли серые клочья тумана, цепляясь за сугробы. Вскоре движущийся холм исчез. Все заволокло туманом.

— Да нет, он здесь где-то,— пробормотал Савчук, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу.— Где-то рядом, черт бы его!..

Вскоре тот же холм, будто поддразнивая, снова мелькнул перед нами, но совсем не в том направлении, где мой спутник ожидал увидеть его.

У подножия холма чернели чумы, подле них паслись олени. Да, это была стоянка нганасанов.

— Лагерь там,— сказал Савчук и уверенно зашагал к чумам. Я придержал его за руку.

— Далеко идти,— сказал я,— километров полтора до ближайшего жилья.

— Вот же оно!

— Не там, а левее. Это кажется, что оно там.

— Но я вижу чумы! Вот и холм рядом.

— Вы заметили холм, а я на компас поглядел, когда вышли из лагеря. Первым делом с компасом надо сверяться. Понасмотрелся в Арктике на миражи на всякие эти.

И будто в подтверждение моих слов холм и чумы у его подножия пропали, словно бы растворились, утонули в тумане.

-- В поле бес нас водит, видно,— пошутил я.

Савчук что-то сердито пробурчал под нос.

Я взял его под руку. То и дело сверяясь с компасом-брелоком, мы прошли метров двести в сплошном тумане и наткнулись на чумы.

— Вот повальсируешь так в тундре с миражами, в любую сказку поверишь,— сказал Савчук, отдуваясь.

— Даже в высокий лес за Полярным кругом?

-- Даже в лес за Полярным кругом...

— Хотите сказать, что можем добраться до леса в горах, до обетованной земли нганасанов, и она рассеется перед нами как мираж?

— Ничего не хочу сказать,— неожиданно рассердил-

ся этнограф.— Знаю столько же, сколько и вы — то есть очень мало. До обидного мало!..

Я вспомнил о «шепоте звезд», о звуковом мираже, который поразил мое воображение еще на зимовье, подле чума Бульчу, и потихоньку вздохнул. Не стоило говорить об этом Савчуку, чтобы зря не расстраивать его.

Однако мысль о миражах не давала покоя моему спутнику. На следующем привале он взял меня под руку, отвел в сторону и пробормотал смущенно:

— Не думайте, пожалуйста, что я колеблюсь, что я усомнился. Это было бы последним делом, если бы руководитель экспедиции стал сомневаться, не правда ли? Просто миражи действуют на нервы. Черт бы их побрал! Мельтешат перед глазами, сбивают с толку, отвлекают от работы.

— Хорошо понимаю вас,— сказал я.— И мне надо-ели. Будто все время кто-то под локоть толкает, нашептывает на ухо,— такой, знаете, язвительный, злорадный шепоток: «А не за миражем ли гоняешься? Не мираж ли тебя ждет впереди?» Вполне естественно, Владимир Осипович! Аналогия напрашивается.

Глава десятая

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СЛЕД

1

С упорством продолжал Савчук свои розыски. Он черпал ободрение в сказках. Да, сказками проверял маршрут!

Направление было взято правильно,— в этом не приходилось сомневаться. Только сейчас стало ясно, каким разумным был совет Аксенова двигаться к горам вместе с народом ня. По пути мы собирали (и отбирали) очень важные сказочные сведения о «детях солнца».

— Вовремя приехали с вами на Таймыр, вовремя! — повторял этнограф.— Еще бы года три-четыре прошло, никто о «каменных людях», духах с гор Бырранга, и вспоминать бы не стал...

Меня восхищали профессиональный такт и терпение, которые отличали Савчука в его настойчивых, осторожных расспросах.

Советскому этнографу нельзя проявлять излишней торопливости в разговоре, надо уважать правила поведения, принятые в тундре.

— Если хотите задать жителю тундры вопрос, интересующий вас как этнографа, — наставлял меня Савчук, — помните: это должен быть одиннадцатый или двенадцатый вопрос в разговоре. До этого расспрашивайте о колхозных делах, о здоровье хозяев, о здоровье оленей, об охоте на песцов и о рыбной ловле... Подходите к цели без суетливости. Жители тундры неторопливы. Постарайтесь сначала расположить к себе собеседников, завоевать их доверие, симпатию. Держитесь с ними на равной ноге. Когда же они начнут, наконец, выкладывать свои старинные поверья, легенды, приметы, выслушайте серьезно, внимательно. При этом все время смотрите им в глаза...

Именно благодаря выполнению этих правил Савчуку удалось постепенно и не спеша выведать довольно много сведений о Стране Семи Трав.

Фантастическое накладывалось на реальное. Это напоминало фотопластинку, на которой случайно или намеренно сделано два снимка: сквозь очертания одних предметов проступают очертания других, расплывчатые и неясные.

Страна Мертвых, она же Страна Семи Трав, она же Нго-Моу, Шаманская Земля, была расположена на севере Таймырского полуострова, в глубине гор Бырранга, — на этом сходились все рассказчики. В остальном мнения были противоречивы.

По одной версии, жители гор питались мясом каких-то на диво жирных оленей — по-нганасански «бигадо-бахи» (морские олени). Зимой и летом эти животные держались в районе плато, не спускаясь в тундру и не делая изнурительных длинных переходов. Этим и объяснялась их необычайная толщина.

У каждого нганасана текли слюнки при мысли о жирных оленях Бырранги. Но «каменные люди» ревниво оберегали неприкосновенность своей охотничьей территории.

В связи с этим рассказывалась поучительная история одного смельчака, который решил во что бы то ни стало отведать запретного оленьего мяса.

Несмотря на слезы матери и уговоры отца, охотник

забрался очень далеко в горы. Наконец среди черных камней он увидел то, что искал. Огромный олень, действительно сказочной толщины, пасся на склоне. Заметив охотника, «бигадо-бахи» сделал прыжок в сторону и стал уходить.

Преследование продолжалось много часов. Нганасан догнал оленя и ранил его. И вдруг олень исчез, как сквозь землю провалился. Перед охотником выросли три медведя. Они стояли на задних лапах, смотрели на него и качали головами, словно бы говорили: «Дальше идти нельзя. Здесь охотимся только мы».

Охотнику стало досадно, что такой хороший, жирный олень ускользнул от него. Он попытался обойти зверей, но, взобравшись повыше, увидел в ущелье множество других медведей, которые спали на солнце, играли с детенышами, расхаживали подле своих чумов. (У них были чумы, а между чумами дымили костры.) Смельчак понял, что попал к горным духам, и без памяти кинулся назад. Добравшись до стойбища и рассказав своим домашним о страшной встрече, он упал и тут же умер.

— Конечно, жирные олени — очень важная деталь, — заметил Савчук, когда мы остались одни у костра. — Где мясо, там и рай. Именно таким должен быть рай в представлении охотника: полным-полно жирных оленей! Понятно также, что нганасанский рай-заповедник находится на замке. Медведи-оборотни бдительно охраняют вход.

— Медведи, живущие в чумах?

— Не медведи, а «каменные люди», которые носят медвежьи шкуры мехом наружу. Вымысел в сказках всегда переплетается с действительностью.

Впрочем, по другой версии, обитатели гор Бырранга выглядели иначе.

— Серый летом, белый зимой, похож на человека, — обстоятельно описывали горного духа. — Подберется сзади, закричит, захохочет, будто снежный смерч пронесся. Одна нога у него, а бегают очень хорошо. Головы нет, рот на животе. Родит их Бырранга, как плохую траву.

Встреча с горным духом сулит неудачу в охоте. Если встретил его, лучше возвращайся домой, — в этот день не убьешь ничего. Однако рассказчики с поспешностью оговаривались, что так было очень давно.

Сами жители гор назывались по-разному: то «каменными людьми», то просто духами. А однажды древний

старик, дед Мантуганы, назвал их «потерянными» или «исчезнувшими людьми». В ответ на это Савчук только развел руками.

Сведения о Птице Маук (именовавшейся также Птицей Ньюгу) были еще менее определенными. Почему-то с нею связывали гром и молнию, которые являлись атрибутами ее могущества.

Я напомнил Савчуку, что еще Миддендорф видел на высоком берегу Таймырского озера камень, похожий на птицу. Приблизившись, путешественник убедился, что часть камня подтесана, а то, что должно изображать клюв, сохраняет следы жира и крови. Значит, это был идол, которому приносились жертвы?..

Большинство нганасанов не верило в «каменных людей». Молодые внуки Бульчу даже сочиняли на этот счет смешную песенку, которую, правда, остерегались петь при старом охотнике.

Однако был предел в горах Бырранга, точнее, в предгорьях, дальше которого нганасаны не заходили никогда. Существовала как бы невидимая черта, проведенная между черными скалами. Переступить через нее было не принято.

— Не боимся, нет! Просто так, — уклончиво говорили нганасаны. — Деды наши, отцы не заходили дальше. И мы не заходим. Сами не знаем почему...

Некоторые смущенно смеялись при этом, пожимали плечами, переглядывались с недоумевающими улыбками: и впрямь, почему это не заходим глубже в горы Бырранга?

О необъяснимом запрете свидетельствовала и карта летних откочевок нганасанов, составленная известным советским этнографом, исследователем Таймыра А. Поповым. На карте бросалось в глаза то, что в своем ежегодном продвижении на север нганасаны как бы обтекают плато Бырранга. Что-то определенно задерживало их здесь. Приливная волна, ударившись о предгорья, раздваивалась: при этом она поднималась гораздо дальше к северу на соседнем — Северо-восточном плато.

Все-таки это было необъяснимо. Люди, которые в большинстве своем не верили в горных духов, слушали патефон, не пропускали в Новотундринске ни одного киносеанса, не решались переступить невидимую запретную черту!

Но среди отрывочных, часто противоречивых сказочных сведений — путаных следов — был один безукоризненно четкий след, который уводил за собой прямехонько в горы Бырранга. Как ни странно, этот след нашел я.

Неизменно сопровождая Савчука во время его этнографических розысков, я как бы исподволь «приучался к делу».

Почти с самого Новотундринска Савчук ломал голову над одним загадочным орнаментом — накладным разноцветным узором, которым нганасаны обшивают одежду.

Узор был довольно примитивный: три красных кружочка, три черных линии, снова три кружочка, интервал, и все повторялось в том же порядке.

У обстоятельных нганасанов каждая аппликация носит свое особое название, объясняющее ее смысл: «зубы», «прыгающий заяц», «цветы тундры». Нам показали даже какой-то диковинный узор: «спит растянувшись», действительно напоминавший лежащего навзничь человека.

Но узор, заинтересовавший нас, был совсем другого характера.

Мой спутник ничего не мог понять. Слишком уж прост был этот узор. Он не напоминал ни растения, ни людей, ни животных. Воображению этнографа не за что было зацепиться.

А между тем значение узора указывалось совершенно точно. «Потерянные люди» — вот как назывался узор! Иначе говоря, он имел прямое касательство к цели нашей экспедиции.

Но почему «люди»? Почему «потерянные»?..

Думаю, что этнограф, при всей своей эрудиции, так и не разгадал бы странного узора, если бы на помощь ему не пришел представитель совсем другой профессии, а именно гидролог.

Впоследствии Лиза говорила, что моя интуиция была обострена, потому что я думал все время о Петре Ариановиче. Это, конечно, так. Но нельзя забывать, что я много ходил на кораблях и был обязан знать морские сигналы, о которых Савчук не имел ни малейшего представления.

Меня удивляло, что этот узор, в отличие от других, был прерывистым. Сочетание — три кружка, три линии, три кружка — обязательно отделялось интервалом от другого такого же сочетания. Почему?

Не были ли кружки и линии зашифрованной фразой? В этом случае весь узор представлял собой повторение коротенькой фразы, состоявшей из трех слов, причем первое и последнее слова были одинаковыми.

И вдруг я понял! Красный кружок был не чем иным, как большой точкой, черная линия — тире. Азбука Морзе! Три точки, три тире, три точки! По международному радиокоду это означало SOS — начальные буквы трех английских слов: «Спасите наши души» — условный сигнал бедствия!

В сказку, в фольклор опять вторглось нечто совершенно реальное — весть из двадцатого века. Шамкающее бормотание стариков, рассказывавших нам о всякой чертовщине, о медведях-оборотнях, о Стране Семи Трав, о легендарных оленях, вдруг заглушил отчетливый, внятный голос. Он, несомненно, принадлежал нашему современнику, который знал азбуку Морзе. И этот современник звал на помощь!..

Но как сигнал бедствия попал на одежду нганасанов?

Выяснением этого чрезвычайно важного обстоятельства с жаром занялся Савчук.

Вот что удалось ему установить.

Каждая семья у нганасанов имеет свою тамгу, то есть знак, которым метят оленей. Это нечто вроде факсимиле или первобытной печати.

Клеймо приходится регулярно возобновлять, так как шерсть у оленя линяет каждый год и старое клеймо зарастает.

Лет десять тому назад один нганасан обнаружил в своем стаде приبلудного дикого оленя. Он тотчас же прирезал его, потому что дикие северные олени не поддаются приручению.

Когда сын его стал разделывать тушу, то поспешил указать отцу на совершенную им ошибку. На олене была видна полустершаяся тамга. Значит, он принадлежал другому хозяину и поступок отца был похож на воровство. (Нганасаны очень щепетильны в подобных делах.)

Владелец стада пошел к старшине и повинился ему. Было проведено расследование. Однако ни у кого из нга-

пасанов не было такой тамги: три кружочка, три линии и снова три кружочка.

Спустя три или четыре года после описанного случая охотники убили в тундре двух диких оленей. Они тоже оказались клейменными.

Кое-кто был склонен придать находкам мистическое значение. Не являлось ли все это подтверждением полузабытой легенды о «бигадо-бахи» — сказочных морских оленях?

Странная метка могла быть тамгой именно «потерянных людей», или горных духов, которым принадлежали олени. Стоило ли связываться с духами? Не лучше ли вынести туши за пределы стойбища и закопать ночью в снегу?

Против этого выдвигались основательные возражения. Во-первых, убитые олени не напоминали легендарных «бигадо-бахи». Они были невысокого роста, обычной окраски и ничуть не жирнее остальных диких оленей. Во-вторых, если даже признать их собственностью «каменных людей», то ведь убиты они не в горах и даже не в предгорьях, а в тундре, то есть на исконной охотничьей территории нганасанов. Границы охотничьих угодий не нарушены. Таким образом, все совершенно по закону.

Решающее слово в споре сказали женщины.

Для тундры не выпускают особого «Журнала мод», откуда можно было бы почерпнуть интересные выкройки, рисунки для вышивания, аппликации и прочее. Здесь поэтому рады всякой новинке. Сказочный узор (то, что он сказочный, придавало ему еще больше цены) произвел чрезвычайно сильное впечатление на женщин народа.

— Это красиво, — провозгласил хор восторженных женских голосов, не слишком громких, но настоящих. — Это ново. Это очень-очень красиво и ново!..

Кружки и линии перекочевали с убитых диких оленей на праздничную одежду нганасанов.

Призыв на помощь претерпел, таким образом, две метаморфозы: стал тамгой, потом превратился в аппликацию, но не потерял при этом всей своей лаконичной и трагической выразительности.

Нам с Савчуком был совершенно ясен ход рассуждений неизвестного путешественника. Он надеялся на то, что меченых оленей добудут русские — работники поляр-

ных станций или факторий. На каждой фактории или полярной станции полагается быть радисту. Увидев странную тамгу, над ней начнут ломать голову, прикидывать, гадать. И, наконец, радист, вспомнив о морском коде, подскажет единственно правильное решение:

— Три точки, три тире, три точки — сигнал бедствия. Кто-то зовет на помощь!..

Сигнал бедствия прошел, однако, гораздо более сложный, можно сказать, кружной путь, прежде чем попал в руки людей, которые сумели понять его...

3

Мы, естественно, поспешили поделиться с Москвой своим успехом.

Я уже упоминал о том, что продвигаясь по тундре, мы поддерживали регулярную двустороннюю связь с Москвой, а также с Новотундринском.

Аккумуляторы приходилось экономить, поэтому разговор был обычно очень кратким и происходил всего раз в неделю, в условленное время — в девятнадцать часов двадцать минут. Перед этим мы позволяли себе прослушать «Последние известия», чтобы, как выражался Савчук, не «выпасть из двадцатого столетия», то есть не отстать от событий современности.

К семи часам чум Камсэ наполнялся нганасанами.

Бульчу, на правах члена экспедиции, встречал гостей и рассаживал их. Сам он пристраивался поближе к рации.

К сожалению, у нас не было громкоговорителя. Приходилось обходиться наушниками и, чередуясь, передавать их из рук в руки. Со стороны, вероятно, было похоже на совет индейских старейшин; только по рукам вместо «трубки мира» ходил круглый наушник на длинном шнуре.

После окончания «Последних известий» гости расходились, а я настраивал рацию на ту волну, на которой нас ждала Москва, Институт этнографии. Разговор длился минут десять: обмен новостями, несколько инструкций, короткий отчет о сделанном за неделю.

Мы с Савчуком не знали, что каждый раз нас внимательно слушают Андрей и Лиза. Позже выяснилось, что всякое новое сообщение из тундры: о «добром дереве»

Бульчу, о Стране Семи Трав, о неизвестной реке, впадающей в Таймырское озеро где-то в северо-восточной его части, наконец, о расшифрованном узоре, означающем сигнал бедствия, подгоняло, пришпоривало мысль Андрея и Лизы.

Первой активно включилась в поиски Лиза.

Глава одиннадцатая

НАС НАГНАЛА ВЕСНА

1

В начале июня наши спутники стали проявлять беспокойство.

— Спешить надо, спешить! — бормотал Камсэ, оглядываясь.

— Почему?

— Весна нагоняет!

Но ни я, ни Савчук не замечали признаков весны. Было по-прежнему холодно. И тундра все так же сверкала, ослепительно белая, без единого черного пятнышка.

Между тем однажды утром я увидел, как Бульчу озабоченно заменяет темную мушку своего ружья светлой, медной.

— Чтобы лучше видеть мушку на шкуре оленя! Летом олени темнеют, — пояснил охотник, перехватив мой удивленный взгляд.

По утрам, выходя из чума, Камсэ пристально и, как мне казалось, с неудовольствием поглядывал вверх. Что-то не нравилось ему в небе, хотя оно было очень ясное, светло-голубое. Снег тоже был нехорош. Нганасан досадливо морщился и сердито тыкал хореом в сугроб. Тот разваливался.

Да, надо было спешить! Скоро тундра поплывет.

Наперегонки с оленями побегут быстрые шумные ручьи, растает снег, вздуются реки, преградят дорогу к горам. Надо спешить, чтобы переправиться через Большую Балахну и не застрять на полпути!

Я написал: «По утрам, выходя из чума», но ведь утра у нас уже нет, как нет и вечеров и полдней: солнце перестало заходить — кружит и кружит по небу.

Без ночи трудно. Нервы напряжены, взбудоражены. Сплошной день, который тянется много суток, утомляет. Поэтому наш режим изменен. Спим, когда солнце высоко на небе. Возобновляем путешествие, когда солнце начинает опускаться к черте горизонта. И снежный наст в это время лучше, крепче.

Сон летом в тундре краток. Спим, как птицы, всего по три-четыре часа.

Отсыпаемся только во время пурги. Тогда аргиш прекращает свое движение, нганасаны проворно разбивают чумы и укрываются в них.

Очередная пурга встретила нас неподалеку от Большой Балахны.

Лежа в спальном мешке, прислушиваюсь к вою и свисту над головой.

Чум сотрясается от порывов ветра, — того и гляди, сорвет его и унесет к черту на рога. По туго натянутым на колья оленьим шкурам барабанит снег. Не помогли старательным старичкам в калошах их заклинания — не удалось проскочить к озеру без неприятностей.

Снежные смерчки пляшут передо мной на полу. Снежная пыль набилась в чум.

Значит, Савчук, по своей обычной рассеянности, неплотно прикрыл дверь.

Вдруг в сумятицу снежного шторма ворвалась новая, не очень громкая, но настойчивая нота. Чириканье? Неужели?!

Савчук до половины вылез из спального мешка, как медведь из логова, прислушался. На добром, обветренном лице его медленно проступала улыбка. Она делалась все шире и шире.

— Весна! Поздравляю, Алексей Петрович! Прилетела весна!

Савчук показал вверх. Под остроконечным сводом сидела малюсенькая белая птичка и вопросительно смотрела на нас. Это пуночка, вестница таймырской весны, — самая ранняя пташка, обгоняющая остальных перелетных птиц.

Тундра встретила ее негостеприимно — пургой. Укрыться от непогоды на ровной местности негде. Вот пуночка и влетела в наш чум.

Сейчас она уже успокоилась и деловито чистила клювом взъерошенные перышки, изредка косясь на нас. За-

тем благосклонно приняла предложенное этнографом угощение — крошки от московских сушек, знаменитых «хлебных консервов».

Да, это весна! Добралась и до наших мест, до самой северной оконечности европейско-азиатского материка...

2

А следом за пуночкой прилетела Лиза!..

Не усидела-таки на реке Виви, как ни крепилась.

Это было, впрочем, в ее характере: стремительном, порывистом, решительном. Каждое наше волнующее сообщение по радио (в адрес Института этнографии) подстегивало ее нетерпение, выводило из себя, попросту мучило. И вот, вымолив разрешение у своего непосредственного начальника по геологоразведочной партии, а потом обменявшись радиogramмами с Москвой, она быстро собралась и перемахнула на самолете из эвенкийской тайги в таймырскую тундру.

В отличие от Андрея, ее интересовал больше всего лес, описание леса в рассказе Бульчу. Об этом мы узнали сразу же, едва лишь она приземлилась.

По радио Аксенов предупредил, что в пути нас должен нагнать геологоразведчик (фамилия указана не была, — вероятно, и сам Аксенов не знал ее).

Небо было затянуто тучами, крупными мокрыми хлопьями падал снег; и вместе с ним, как снег на голову, свалилась Лиза.

Площадка для самолета была расчищена заранее — Камсэ проявил распорядительность.

Самолет пробежал по снегу несколько десятков метров, сопровождаемый радостно-взволнованной толпой в белых одеждах, и остановился. Из кабины выпрыгнул бравый Жора и приветственно помахал нам рукой. А следом за ним появилось нечто громоздкое, бесформенное, напоминавшее плохо увязанный сверток одежды. Сверток, однако, встал самостоятельно на ноги и сердито сказал:

— Что же вы, товарищи?.. Подбежали и смотрят!.. Помогите шарф развязать!

Это была Лиза! Она обладала способностью появляться всегда неожиданно!

В Новотундринске ее укутали, как укутывают дошко-

лят,— в семеро одежек, а шарф, обмотанный вокруг шеи, завязали сзади бантом. Без посторонней помощи избавиться от шарфа было невозможно.

Вокруг шумели зрители, обмениваясь впечатлениями. Раздавался смех, веселые выкрики.

Мне показалось, что Лиза похудела за те несколько месяцев, что я не видел ее. У глаз появились незнакомые морщинки. Рыжеватый цвет волос стал менее ярким, кое-где, как ранняя изморозь или паутинки бабьего лета, появилась седина. Но странно: это не старило ее. Наоборот, еще больше подчеркивало молодой блеск глаз. И голос был таким же, как раньше: удивительного тембра — чистый, взволнованный, девичий.

— О! Леша, милый! Я ведь поняла из радиogramм, что ты здесь. Почему ты здесь?

— Все это связано с Петром Ариановичем. Я думаю, что Петр Арианович...

— Ну конечно! Тебе надо отдыхать, лечиться, а ты!.. Разве так проводят отпуск? Это вы, Володя, втравливали его?

Савчук пробормотал что-то невнятное.

— Никто не втравливал, что ты выдумываешь! Просто я решил, что Петр Арианович...

— Неужели веришь, что Петр Арианович там?..

Я с недоумением оглянулся на Савчука. Тот пожал плечами.

— Убеден в этом,— сказал я.— Абсолютно убежден, Лиза! Вот и Владимир Осипович убежден. Раньше, правда, сомневался, но сейчас...

— Позвольте, Лизочка,— вмешался Савчук.— Ведь вы тоже здесь. Почему же вы?

— Да, почему ты прилетела, если не веришь, что Петр Арианович в горах Бырранга? Ты, верно, слушала наши радиосообщения?

— Заинтересовало другое в них.

— Что же?

— Лес!

— Вот как! Почему именно лес?

— Потом, потом!.. Вы оба старые, надоедливые ворчуны. Даже не приглашаете меня выпить горячего чаю после дороги. Бр-р! Я вся замерзла. И Жора тоже промерз. Правда, Жора?

Она, наконец, поцеловала меня, поднявшись на цы-

почки, потом подхватила под руку и потащила к ближайшему чуму.

По дороге Лиза с любопытством вертела во все стороны головой, отвечая улыбкой на улыбки сопровождавших нас нганасанов.

— Это кто? Бульчу? Стало быть, ваш проводник, неустрашимый и правдивый охотник Бульчу? А это Камсэ? Здравствуйте, товарищ Камсэ! А как зовут того веселого коротенького человечка? Мантугана? Слишком длинное имя для него... Привет, товарищ Мантугана.

Приноравливаясь к ее быстрому шагу, я вспомнил, как Лиза тормозила нас с Андреем, когда мы закапывались в свои географические книги.

«Головастики! — сердилась она. — Не будьте головастиками. Терпеть не могу головастиков!»

Она врывалась в нашу тихую комнату, как бодрящий, освежающий сквознячок.

«На каток, на каток, ребята! — командовала Лиза. — Солнышко какое на дворе!.. А завтра — на «Медвежью свадьбу». Перед началом сам Луначарский выступит».

И мы, несколько осовевшие от чтения, покорно тащились за Лизой на каток, потом аплодировали Луначарскому и замирали от ужаса, слушая завывания графа-оборотня.

«На будущей неделе — танцы в нашем институте, — объявляла Лиза. — Я приглашаю вас: Андрея — на все медленные танцы, Лешу — на быстрые».

«Уступаю свою очередь Андрею», — бормотал я. (В те годы я ошибочно считал, что Лиза и Андрей созданы друг для друга.)

«Вздор, вздор! Опомнитесь, ребята! Молодость не дается дважды. Станете сорокалетними старичками (в ту пору сорокалетние казались нам старичками), спохватитесь, а н уж поздно! Где молодость? Нету молодости!.. Не придешь в Мосторг, не скажешь: «Отпустите-ка мне метра три молодости цвета электрик, и, пожалуйста, чтобы узорчик был повеселее...»

Нельзя было без улыбки слушать ее. Все оживало вокруг, едва лишь Лиза появлялась на горизонте.

Вот и сейчас суровая, однообразная тундра будто повеселела от ее улыбки, от звуков ее голоса.

Савчук деликатно отстал и брел сзади на приличной дистанции в два-три шага. Я прижал к себе локоть Ли-

зы,— как-никак мы были нежными супругами и не видались почти полгода!..

— Разминулись в Москве, Лешенька? — шепнула Лиза.— Обидно, милый, да?

— Но зато встретились на Таймыре...

— Я так рада, что встретились! А ты?..

Я не успел ответить.

— Леша! — сказала она озабоченно.— А радио? Ты выключил радио?

— Где? — спросил я, чтобы оттянуть время, хотя прекрасно понял, о чем она говорит.

— Дома, конечно. В Москве.

Я промолчал.

— Ясно: не выключил,— заявила уверенно моя жена.— Я так и знала.

— И ничего ты не знала и не могла знать,— пробормотал я.

— Понимаете, Володя,— сказала Лиза.— У нас комната в коммунальной квартире. За стеной живет писатель. Он не выносит шума. А Леша приехал на один день из Арктики...

— На два,— поправил я.

— Пусть на два! Включил радио и снова уехал в Арктику на все лето.

— Ну-ну,— сказал я, пытаюсь обратить все в шутку.— Как вам это понравится, Владимир Осипович? Начинается семейное счастье...

Савчук проявил великодушие и даже попытался прийти ко мне на помощь.

— Наверное, я в тот вечер уже заразил Алексея Петровича своим волнением,— сказал он, вежливо пропуская Лизу и летчика в чум Камсэ.— Мы расскажем обо всем за чаем. Ведь вы знаете эту историю только в самых общих чертах.

И пока наши гости отогревались горячим крепким чаем, Савчук занимал их разговором на неиссякаемую тему о тайнах гор Бырранга.

Держа блюдечко на пальцах, Лиза сказала вдруг самым будничным тоном:

— Знаете ли вы, что я еду с вами?

— Куда?

— В горы Бырранга. Сначала на оленях, потом на лодке.

Чтобы сразу пресечь возможные возражения, Лиза отставила блюдечко и продолжала серьезно:

— Вопрос согласован с Москвой! Экспедиция в горы Бырранга будет комплексной: геолого-этнографической.

— Почему?

— Так называемый оазис в горах заинтересовал геологов.

— Ах, ты, значит, и есть этот самый геологоразведчик? Но ведь ты не геолог, Лиза!

— Ну и что из того? — Она снисходительно поглядела на нас. — Я занимаюсь изучением вопросов, смежных с геологией.

— Хватит темнить, — заявил я решительно. — Объясни: почему ты здесь?

Лиза засмеялась.

— Встречаете меня в штыки, товарищи! Право, это нелюбезно, даже грубо с вашей стороны. Особенно с твоей, Леша...

— Не спорьте с Лизой, Алексей Петрович, — заметил Савчук, вздыхая. — Вы же знаете ее. Разве можно с ней спорить?

— Лиза весьма любит удивлять, — объяснил я. — Она хочет удивить нас какой-нибудь неожиданностью, но попозже...

— Ошибаетесь, честное слово, — сказала Лиза серьезно. — Просто это еще робкое предположение, очень очень робкое. Фактов слишком мало. Подождем, пока доберемся до гор.

3

На другой день, проводив пилота Жору в обратный путь, Лиза учинила Бульчу строжайший допрос, — можно сказать, допрос с пристрастием.

Она выпрашивала нашего проводника об оазисе в горах Бырранга, жадно интересуясь самыми разнообразными подробностями, порой (на наш с Савчуком взгляд) даже не идущими к делу пустяками.

На некоторые вопросы старый охотник не мог ответить. Тогда Лиза пыталась подсказать ему ответ.

Иногда она впадала в задумчивость, бормотала про себя:

— Река!.. Да-да, должна быть река! Не было бы ре-

ки, было бы озеро... Лес, конечно, располагается по линии пластов, обрывается на гребне горы? Правильно, так оно и должно быть. Сосны, лиственницы, березы...

— Впечатление такое, что ты узнаешь пейзаж оазиса,— пошутил я.— Быть может, уже была в ущелье Бульчу?

— Да, в самом деле, Лизочка: не летали ли вы туда вместе с каким-нибудь шаманом во время камлания? — улыбаясь, подхватил Савчук.

Лиза рассеянно оглянулась. Видимо, всеми мыслями своими была сейчас не с нами, но в далеких горах Быр-ранга, в одном из ущелий, по дну которого пробегала, позванивая камешками, река, а на склонах росли березы и цвела жимолость.

— А? Ущелье Бульчу? — медленно сказала она, будто просыпаясь.— Нет, я никогда не бывала в ущелье Бульчу.

В этом была «заковыка», как сердито сказал Савчук. Но мы оба знали Лизу. Это кремь-кремешок!.. Если она считает преждевременным посвящать нас в свои догадки, то бесполезно сердиться на нее или умолять ее,— не скажет ничего, пока не сочтет нужным.

С первых же своих шагов, едва выбравшись из самолета, она уверенно, без всяких усилий заняла подобающее ей положение в нашей экспедиции.

Неразговорчивый и озабоченный Камсэ широко улыбался, заведя ее. Бульчу при ее приближении чуть ли не вытягивался «во фрунт». Наконец, наш уважаемый этнограф попросту робел в ее присутствии. Лиза подавляла его своей уверенностью, деловитостью, решительностью.

Он поделился со мной своими переживаниями.

— Признаюсь, не люблю женщин в экспедиции,— конфиденциальным шепотом сообщил Савчук, когда Лиза зачем-то вышла из чума.— Всегда возня с ними: то это не так, то то не то... Помните мое слово: не оберемся хлопот с этой Лизой!

Он спохватился и замолчал, смущенно мигая,— вероятно, вспомнил, что «эта Лиза» — моя жена.

Я засмеялся:

— Ничего, ничего, дорогой Владимир Осипович! И это будет так, и то будет то... Я бывал с Лизой в Арктике. Надежная, опытная путешественница, уверяю вас. Все будет хорошо.

Глупо было бы скрывать, что я страшно рад ее прилету.

Не забывайте, что мы не виделись почти полгода, да и вообще редко виделись,— были «супругами-кочевниками». Не мудрено и соскучиться друг по другу...

Но я словно бы оправдываюсь перед читателем. И в этом виновата дурная литературная традиция. Мне не пришло бы в голову оправдываться, если бы мы еще не были женаты с Лизой.

По-моему, писатели зря так скупно описывают семейное счастье. Почему-то романы и повести чаще всего обрываются решительным объяснением в любви, будто любовь автоматически заканчивается на этом. Но разве это так? Разве настоящая любовь не крепнет с годами, не наливается новыми красками?

Впрочем, я далек от мысли писать психологический семейный роман,— ведь я всего лишь гидролог-путешественник, и повествование мое есть только отчет об экспедиции в горы Бырранга, в таинственное ущелье «детей солнца».

Да, кстати сказать, мы очень ссорились с Лизой все время, пока двигались к горам вместе с аргишем Камсэ. Мы спорили о Петре Ариановиче. Лиза не верила в то, что это он «закольцевал» дикого гуся и метил особой тамгой диких оленей, призывая к себе на помощь.

— Удивляюсь твоему упрямству,— возмущался я, а Савчук сочувственно поддакивал мне.— Всё, всё говорит за то, что это Петр Арианович. Для него именно характерна эта изобретательность, эта гибкость ума! А упорство? Удивительное, из ряда вон выходящее упорство и терпение! Вспомни Петра Ариановича в Весёгонске! Ведь это он!.. Вижу его! Я просто вижу его! А ты?

— Нет,— сухо отвечала Лиза.— Я вижу смелого человека в трудных обстоятельствах... Почему им должен быть обязательно Петр Арианович?

За нее принимался Савчук. Кряхтя и посапывая, он — в который уж раз! — начинал анализировать тамгу-орнамент, приводил на память «цитаты» из записки, пересланной с гусем, делал остроумнейшие сопоставления и догадки.

Тщетно! Лиза лишь снисходительно, чуть иронически улыбалась в ответ.

Такой скептицизм выглядел по меньшей мере странно. Мы будто поменялись ролями с Лизой. Ведь она была когда-то самая азартная из нас, наиболее деятельно искала Петра Ариановича, свято верила в то, что он остался в живых.

И вдруг я все понял и замолчал, улыбаясь про себя. Это было так по-женски!

Лиза боялась искушать судьбу.

Ее скептицизм был своеобразной душевной самозащитой. Лиза хотела, чтобы все сложилось лучше, чем она ожидала.

По секрету я поделился с Савчуком своей догадкой. Это дало ему повод с самым серьезным видом прочесть мне небольшую лекцию о рудиментах в сознании людей, о предрассудках и суевериях, которые, по его наблюдениям, встречаются чаще всего у моряков, летчиков, охотников и путешественников. (Лиза относилась к последней категории.)

Между тем в забавном суеверии Лизы я видел просто проявление ее женской слабости. Что из того, что она недавно защитила кандидатскую диссертацию и прославилась своей неутомимостью и трудолюбием? Ничто женское не было ей чуждо.

Ну и пусть ее! Пусть играет в прятки с судьбой, боясь разочарования. Я твердо верил в то, что Петр Арианович ждет нас в горах Бырранга.

Глава двенадцатая

ПТИЦЫ ВЕДУТ...

1

Увы, вскоре нам не осталось ничего другого, как спорить, усевшись друг против друга на вершине маленького острова, абсолютно сырого, окруженного жемчужно-серыми клубящимися испарениями и тускло отсвечивавшей на солнце водой.

Правда, стараниями Камсэ наш аргиш успел перебраться через Большую Балахну. Несколько дней пришлось двигаться по ее левому берегу (она впадает в Хатангский залив), и мы имели возможность насладиться величественным зрелищем ледохода.

Вначале лед держался на реке; вода, сбегавшая шумными потоками со склонов, мчалась поверху, по льду, как по дну. Но, наконец, и речной лед протаяли солнечные лучи.

На одном из привалов меня разбудило грозное ворчание. Это поднимался лед. Его пучило, распирало, ломало. Лдины трещали, напояая на берег. В сутолоке, в давке, сталкиваясь друг с другом, они медленно плыли вниз по реке.

Осторожный Бульчу перетасил наши чумы в сторону от реки, на галечник, где быстрее и глубже оттаивает земля. Его примеру последовали другие нганасаны.

Вся стоянка переместилась. И вовремя! Вот когда тундра действительно поплыла!..

Но наш аргиш был почти у цели. Иногда в туманной дали виднелась на севере узенькая, отливающая синевой полоска — горы.

Это короткая передышка перед штурмом Бырранги. Мы сидим на островке посреди «плывущей тундры». Неподалеку на таких же островках темнеют чумы наших спутников. Олени, то и дело отряхиваясь, бродят по колено в воде. Мы словно бы застигнуты наводнением.

Жилье и нехитрый скарб помещаются на самой середине острова, где посуше. Солнышко уже основательно припекает.

Все чаще доносятся с юга порывы теплого ветра.

И вместе с ними юг подбрасывает в тундру новые и новые эшелоны птиц.

Следом за пуночкой прилетели куропатки, зимовавшие неподалеку — в лесотундре. Появились крикливые чайки — поморник и бургомистр. Заалели щегольские манишки казарок, несколько помятые за долгую дорогу, — казарки летели с Кавказа.

И вот, наконец, устало махая крыльями, замыкают длинный кортеж гуси. Среди них есть не только ленкоранские, но также индийские и иранские. «Иностранцам» пришлось труднее всех. До тундры, до своих летних «дач», добирались за тридевять земель.

Теперь уж никак нельзя заблудиться в тундре, сбиться с дороги. Стоит посмотреть на небо, по которому тянутся косяки птиц, стоит прислушаться к птичьим крикам, которые несутся сверху, чтобы сразу стало ясно, где юг, а где север.

«На север! На север!» — кричат чайки, куропатки, гу-
си, пролетая над нами, зовя за собой.

Меня очень злит эта вынужденная пауза.

Скоро ли кончится «сидение» посреди залитой водой
тундры? Скоро ли Камсэ даст приказ возобновить дви-
жение?

Оглядываюсь на санки, где находятся наши лодки.
Не вплавь ли будем двигаться? Впереди, во всяком слу-
чае, воды куда больше, чем земли.

Однако пути откочевок неизменны и хорошо изучены.
Да и подошвы у северных оленей надежные, широкие —
след величиной с добрую тарелку, — удобно перебирать-
ся через зыбкие моховища.

Снега уже нет, но впору бы опять надеть снеговые
очки. На кирпично-красной глади тундры сверкают тыся-
чи маленьких озер. Цвет их интенсивно-голубой, нестер-
пимо яркий, ослепляющий.

Земля просыхает очень быстро. Солнце работает на
состезь, не покладая рук.

Растаявший снег обнажил прошлогоднюю грязно-бу-
рую траву. Множество птиц толчется на ней. Птицы раз-
бились на пары, ссорятся из-за места, возобновляют про-
шлогодние знакомства, обмениваются новостями. («Ну,
как у вас в Ленкорани?» — «Ничего. А как там у вас
в Индии?..») Писк, свист, гомон, чириканье, щебет! Впе-
чатление такое, будто их всех посадили в одну вольеру
в зоологическом саду.

Июнь проходит по тундре, торжествующе громыхая
льдом вскрывшихся рек, звеня, как бубенчиками, бесчис-
ленными торопливыми ручьями, распевая на тысячи ра-
достных птичьих голосов.

2

А вот и гром раздался с неба, первый веселый летний
гром!

Мы стояли посреди своего островка, задрав вверх го-
ловы. Небо ясно, туч нет. Откуда же гром?..

— Вот он! Вот, вот! — закричал Бульчу, самый зор-
кий из нас, и побежал вдоль берега, вздевая руки.

Над нами кружил гидроплан. Это рокот его моторов
мы приняли за отдаленные раскаты грома.

Самолет круто пошел вниз. Сверкнули на солнце

крылья, легкий всплеск, брызги пены, и лыжи-поплавки уже скользят по воде.

Мы побежали по берегу, нетерпеливо заглядывая в кабину самолета.

Лиза и Савчук надеялись, что к нам прилетел сам Андрей. Однако я понимал, что в разгар лета начальник полярной станции не сможет отлучиться. По-видимому, Андрей прислал кого-нибудь из своих подчиненных.

За день до этого между нами произошел краткий разговор по радио. Андрей так же, как и Лиза, слышал первомайскую переключку, но был догадливей ее: понял по ряду признаков, что я — с Савчуком.

— Кажется, я порадую тебя и твоего этнографа, — сообщил Андрей. — Какие ваши координаты?.. Ага! Отлично!.. Ты говоришь, и Лиза прилетела? Да что ты! Ну, сердечные приветы ей! Жаль, не могу сопровождать. Итак, ждите завтра самолет с мыса Челюскин!..

— От товарища Звонкова, — сказал незнакомый пилот, выбравшись на берег, и протянул пакет удивленно-му Савчуку.

В пакете было сопроводительное письмо Андрея, акт, снабженный шестью подписями, и несколько страниц, отпечатанных на пишущей машинке, и заботливо пронумерованных. Сверху было написано: «Копия». Мы с изумлением увидели, что страницы заполнены обрывками фраз и отдельными словами, разделенными пунктиром.

— Воздушный след! — вскричал Савчук, вглядываясь в текст.

Да, там повторялось выражение «воздушный след», которое так поразило нас в записке на бересте и так и не было разгадано нами. Дальше я прочитал слово: «Быранга». Потом в глаза бросилась фраза: «Идя на юг со стороны моря...»

— Смотрите: «Ветл»! — закричала Лиза в волнении. — Ведь это «Ветл»! А это — «тлуги!» Значит, вместе: «Ветлуги»!

— Подождите, Лизочка, подождите, — бормотал Савчук, стараясь овладеть собой. — В таких делах нужны последовательность, порядок, точность. Сначала прочтем сопроводительное письмо.

С присущей ему деловитостью Андрей извещал этнографическую экспедицию Савчука, что неподалеку от полярной станции на мысе Челюскин во время постановки

гидрографических бுவ подобран плавник, сердцевина которого при рассмотрении оказалась полой. Внутри тайника обнаружен кусок бересты с нацарапанными на ней словами. Удалось разобрать только часть текста. Можно думать, что плавник спущен на воду с верховьев какой-то горной реки. Упоминались «дети солнца», и дважды, в странной связи, называлась Птица Маук.

«Зная из первомайской радиопередачи,— писал Андрей,— а также из ваших еженедельных докладов Институту этнографии о цели экспедиции, сотрудники полярной станции поняли, что находка может заинтересовать вас и помочь в поисках. На выловленном стволе дерева сделана метка — в коре глубоко вырезаны, а потом закрашены значки: три точки, три тире, три точки, то есть сигнал SOS. Несомненно, плавник с письмом отправил путешественник, «закольцевавший» гуся и клеймивший оленей особой тамгой.

Можно думать,— продолжал Андрей,— что этим путешественником был П. А. Ветлугин, которого вы ищете... На это указывают два полустершихся слова: «Ветл» и «тлуги»,— по-видимому, обрывки фамилии писавшего».

Во втором документе-акте, заверенном подписями, мой друг излагал обстоятельства находки.

К сожалению, плавник очень долго лежал где-то на отмели, разохся под лучами солнца, и в щели проникла вода.

Андрей и его товарищи сумели прочесть не все. Возможно, что, если бы письмо сразу попало в руки специалисту, удалось бы разобрать большую часть текста. Но гидрологи переусердствовали. Они принялись сушить у печки бересту, а этого нельзя было делать: она съежилась, покоробилась; когда же начали расправлять, стала крошиться.

Хорошо еще, что кто-то из молодых помощников Андрея догадался переписать, а потом перепечатать те разрозненные слова и обрывки фраз, которые удалось разобрать еще на берегу.

Подлинник письма был безвозвратно утерян. Перед нами была только копия, да и то неполная.

— Что ж,— сказал Савчук (голос его дрожал), беря в руки отпечатанные на машинке страницы,— делать нечего, займемся копиями.

Я и Лиза нетерпеливо заглядывали через его плечо.

Рядом раздавалось прерывистое дыхание нганасанов. Многие из них, прослышав о письме из Бырранги, прибрели на наш островок с соседних островков (вода начала уже спадать). Сейчас все они собрались вокруг нас, в волнении переминаясь с ноги на ногу, наваливаясь на плечи стоящих впереди.

Бульчу присел на корточки возле Савчука и, заглядывая снизу в отпечатанные на пишущей машинке листки, норовил коснуться их пальцем.

Чтение ветлугинского письма происходило при всем честном народе ня, посреди мокрой, поблескивавшей на солнце тундры.

Не привожу письма целиком, потому что связными оказались только первые несколько фраз. Затем все чаще и чаще стали возникать досадные пропуски.

Но Савчук недаром прокорпел столько времени над различными мудреными и путаными архивными документами. Я подивился его сноровке. Обычно он запинаясь только на мгновение, с поразительной уверенностью перебрасывал смысловой мостик между словами, уводя нас с Лизой и весь застывший в молчании народ ня все дальше и дальше, сначала по льдинам океана, потом по камням Бырранги.

...Должен чуточку предварить события. Дело в том, что, когда мы, преодолев все препятствия, достигли, наконец, заповедного ущелья, в нашем распоряжении неожиданно очутился дневник Петра Ариановича. Со свойственной ему аккуратностью он описывал одно событие за другим, последовательно, на протяжении всего времени, что находился в горах Бырранга.

Были отдельные записи, касавшиеся и личных его переживаний. Но Петр Арианович писал об этом очень скупо. Ведь он считал дневник как бы своим посмертным научным отчетом. Первый лист так и начинался: «Путешественника, проникшего в горы Бырранга и нашедшего эти записи, покорнейше прошу доставить их в Российскую Императорскую Академию наук» (слово «императорскую» было потом зачеркнуто и переправлено на «республиканскую»). Далее Петр Арианович скромно писал о том, что метеорологические, геологические и этнографические наблюдения, проводившиеся им в течение

более чем двадцати лет, могут пригодиться русским ученым. И он не ошибся.

Когда по возвращении из нашего путешествия я вплотную засел за его описание, то вначале предполагал дать дневник в виде приложения. Но Лиза и Савчук запротестовали. Они считали, что это нарушило бы связность изложения, разорвало бы ткань повествования.

Тогда я решил дать подробный пересказ писем (а после первого письма, прочитанного нами в тундре, были еще и другие), дополняя их сведениями, взятыми из дневника.

Итак, письмо первое...

Выяснилось, что моя гипотеза в отношении спасения Петра Ариановича была верна. Оторвавшуюся от берегового припая льдину, на которой находился Петр Арианович, носило по морю несколько дней.

Льдины плыли на северо-запад, в широкий проход между Северной Землей и Новосибирским архипелагом. Это особенно страшило Петра Ариановича. Впереди был Ледовитый океан, мрачные необозримые пространства, при одной мысли о которых все застывало, леденело в груди.

В течение первого и второго дня Ветлугин жадно оглядывал горизонт, ища мачты какого-нибудь судна: на случайную встречу с судном была вся его надежда. Но море по-прежнему оставалось пустынным.

На исходе второго дня движение льдины замедлилось. Она попала в ледоверть и долго кружилась на месте. (Это было видно по солнцу.) Потом по солнцу же Ветлугин определил, что льдины снова двинулись в путь, но направляются уже не на северо-запад, а на запад. По-видимому, переменившийся ветер стал отжимать их к материку. Только бы не менялся больше!

В изменении маршрута льдин был шанс на спасение — крохотный, но все же шанс!

По счастью, перед побегом хозяйственный Овчаренко запихал в заплечный мешок фунта три ржаных сухарей. Ими Ветлугин питался. Он ограничил себя в еде, стараясь протянуть подольше свои запасы.

В его распоряжении были также ружье, запас пуль и пороха. Но за все время только один-единственный раз ему удалось убить большого тюленя, который отдыхал, растянувшись на проплывавшей мимо льдине.

Льдина с мертвым тюленем ни за что не хотела встать вплотную с льдиной Ветлугина. Неизменно оставалось между ними широкое пространство чистой воды. Ветлугин пытался подобраться к своей добыче в обход, переползая по другим льдинам. Тщетно! При всех комбинациях льдина с тюленем оставалась недостижимой.

Наверное, не менее двух дней держалась она на «параллельном курсе», дразня, маня, выводя из терпения. Затем Ветлугиным овладел очередной, особенно долгий приступ дремоты, а когда он очнулся, мертвого тюленя поблизости не было.

Ветлугин даже не испытал разочарования, и это испугало его. Безразличие ко всему, апатия — самый страшный враг. Нельзя раскисать! Нельзя терять надежду на спасение! Кто потерял надежду, тот все потерял.

Трудно, почти невозможно поверить в то, что это было на самом деле, могло быть.

Неужели это происходит с ним, с Ветлугиным? Неужели это он лежит ничком на льдине, мерно покачиваемой от толчков других, соседних льдин, ест снег, чтобы утолить жажду, скупое — раз в день — отмеривает мокрое крошево из сухарей, изредка, преодолев дремоту, встает на колени и окидывает взглядом горизонт?..

Все время клонило в сон. Какая-то серая пелена висела перед глазами, и не было сил стряхнуть ее, разорвать...

И вдруг Ветлугин проснулся — внезапно, будто от толчка. Что-то важное произошло или происходило вокруг. Он не мог понять, что именно, и в растерянности ворочался с боку на бок на своей льдине.

Призывный клич неся сверху!..

Обреченный человек поднял голову.

Постепенно пелена перед глазами рассеялась, Ветлугин увидел, что над головой его летят косяки птиц.

Куда они летят? Зачем?..

Ветлугин приподнялся, упершись руками в лед, провоявая птиц долгим взглядом.

Крылатые силуэты их один за другим проносились на фоне огромного багрового диска. Солнце заходило. Полярный день кончался.

Тут только вспомнил Ветлугин, что уже наступила осень, а это перелетные птицы. Они возвращаются с островов Ледовитого океана на материк, в теплые края!..

О, почему не может он полететь вслед за ними?! Почему за плечами у него нет крыльев, которые подняли бы его на воздух и понесли на юг над скованным льдами морем?..

Желание лететь, догонять птиц было так велико, что Ветлугин рывком поднялся на ноги и раскинул руки, слозно бы у него и впрямь выросли крылья.

И тогда он увидел землю!

Она была недалеко от него — неширокая темная полоска.

Ветлугин с изумлением огляделся.

Ледяные поля тесно сдвинулись, сомкнулись, стояли неподвижно. Неужели их, наконец, прибило к берегу?

Да, в этом не было сомнений. Странствие по морю кончилось!

Ветлугин побрел по льдинам к темной полоске. Голова его кружилась. Колени дрожали. Но он стиснул челюсти, подчиняя воле измученное тело.

И все время сопровождал его победный клич, как бы струившийся с неба. Этот клич подбадривал, подгонял.

Если же впереди возникали нагромождения льдин, которые закрывали темную полоску, стоило лишь поднять голову, чтобы проверить направление. Летящие на юг караваны птиц не давали Ветлугину сбиться с пути, отклониться в сторону. Он шел к земле по воздушному следу!..

Спотыкаясь, Петр Арианович выбрался на отлогий берег и упал ничком, разбросав руки, ощупывая землю, жадно вдыхая ее родной запах.

Да, это была земля! Он спасен!

Живуч человек!..

Отлежавшись и отдышавшись, Петр Арианович начал осматриваться.

Где он?..

За спиной скрежетали и стонали льдины (поднимался ветер), толпясь у берега, будто злясь на человека, который сумел убежать от них, вырвался из плена. Впереди гигантскими ступенями поднимались горы.

Что это были за горы? Надо думать, плато Бырранга. Стало быть, он, Ветлугин, находится на Таймыре, на северо-восточном берегу Таймырского полуострова?..

Вот куда «привезла» его плавучая льдина!

На этом сравнительно связный текст обрывался.

Дальше был сумбур.

Савчук только крикнул с огорчением, и рука его традиционным русским жестом потянулась к затылку.

В самом деле, что могли означать взятые порознь слова: «петлей на шее ребенка», «поспешил на помощь», «много высоких деревьев», «вероятно, вулкан», «покрытые лесом», «называя себя «детьми солнца», «попытка бегства» и, наконец, «пленником Маук»?..

Промежутки между этими обрывками фраз, досадные пустоты, заполненные пунктиром, были слишком велики, чтобы даже Савчуку удалось перебросить между ними смысловые мостики.

«Петлей»? «Вулкан»? «Пленником Маук»?..

Ничего нельзя было понять!..

Савчук внимательно пересмотрел нумерацию страниц: не затесалась ли вначале еще одна, не прочитанная им? Нет, текст обрывался на словах: «пленником Маук».

Этнограф медленно сложил письмо, переадресованное с мыса Челюскин, спрятал в свою полевую сумку. Мы, будто оцепенев, следили за его движениями.

Первым стряхнул с себя оцепенение Бульчу.

Подбирая полы сокуя, он проворно вскочил на ноги.

— Я правду сказал! — кричал охотник. — Там лес, деревья! Этот человек видел деревья!..

Он потоптался на месте, словно бы собираясь пуститься в пляс. Потом, не зная, как выразить нахлынувшие на него чувства, поднял свое ружье и выпалил из двух стволов в воздух.

— Утихомирься, Бульчу! Сядь! — кричали вокруг. Старого охотника чуть ли не насильно усадили на землю.

— Он жив! — сказал я, обращаясь к Савчуку и Лизе. — Что же вы молчите? Понимаете ли значение находки на мысе Челюскин?.. Петр Арианович жив!

— Был жив, — поправил Савчук. — Был жив в момент отправки письма...

— А когда оно отправлено?

— Даты нет. Но думаю, что вскоре после прихода Ветлугина в горы Бырранга.

— О, значит, более двадцати лет назад!

— Да, срок немалый!

— Что же произошло с ним после того, как он добрался до гор? — спросила Лиза, переводя взгляд с меня на Савчука и опять на меня.

Савчук развел руками.

— Мы это узнаем, Рыжик, уверяю тебя, — сказал я, осторожно беря ее за плечи. (Она была сейчас такой растерянной, робкой, присмирившей, совсем не похожей на привычную шумную, решительную Лизу.) — Мы придем с тобой в горы и узнаем все от самого Петра Ариановича. Не может быть, чтобы он не дождался нас!..

Лиза благодарно прижалась ко мне.

— Но черт бы побрал этих торопыг! — с раздражением пробормотал Савчук, снова вытаскивая из сумки копию письма и погружаясь в ее изучение. — О нелепые, бестолковые!..

— Кого это вы так?

— Друга вашего, товарища Звонкова с остальными гидрологами! Кого же еще?! Нет, можно ли быть такими бестолковыми, такими торопыгами? Сушить бересту! Боже мой!.. И к черту было спешить? Переслали бы нам подлинник письма. Кто их, скажите, просил разбирать текст, соваться не в свое дело?.. Бересту сушить? Вот уж именно: «...коль пироги начнет печи сапожник»!..

Я даже не пытался вступить за своих собратьев по профессии. И я и Лиза разделяли с Савчуком чувство раздражения против неуклюжих полярников, своей торопливостью испортивших драгоценный текст.

Никто из нас не вспомнил в тот момент, что без «неуклюжих полярников» мы вообще не получили бы письма.

А сам Андрей по скромности не подчеркивал этого обстоятельства.

Да, это было свойственно ему: так вот, выйдя из тени, подать руку помощи без лишних слов, деловито и просто, а потом снова шагнуть в тень, в сторону, избегая всяких изъявлений благодарности, как будто услуга подразумевалась сама собой.

Мы с Лизой опомнились сравнительно быстро. Конечно, наш Андрей был молодец, парень хоть куда, верный, надежный друг! Подумать только: ведь он даже не знал, что Лиза участвует в экспедиции Савчука!

Ответ, переданный на мыс Челюскин, был составлен в самых теплых выражениях. Правда, Савчук остался

при особом мнении. Он, хоть и подписал ответ, долго еще не мог простить Андрею загубленного текста и при упоминании его имени принимался мрачно бубнить под нос: «Торопыги, бестолковые!.. Бересту сушить!..»

Когда летчик пустился в обратный путь, всем личным составом экспедиции овладело странное изнеможение: не хотелось двигаться, разговаривать. Наступила реакция после нервного напряжения, после необычайно сильной душевной встряски.

Долго бездельничать было, однако, некогда. Я сел к рации и под диктовку Савчука принялся отстукивать сообщение в Москву о письме, переадресованном нам с мыса Челюскин.

А еще через несколько часов мы с удовольствием слушали радиogramму Института этнографии, адресованную «Всем советским полярникам, всем жителям тундры и всем морьякам, находящимся в настоящее время в арктических морях!».

Радиogramма была составлена в самых энергичных и сжатых выражениях. Она призывала искать плавник, меченный сигналом SOS, поясняя, что дело идет о спасении русского путешественника и группы горцев, по каким-то причинам затерявшихся (или заблудившихся) на плато Бырранга.

Очень разумная и своевременная мера! Достаточно было кликнуть клич, чтобы зашевелилось все население нашего Крайнего Севера: зимовщики, моряки, строители, шахтеры, рыбаки и зверопромышленники. Уж они-то общаются каждую отмель, не пропустят ни одного топьяка!

Но больше всего надежд возлагал я на отмель, о которой рассказывал Бульчу. Судя по описаниям старого охотника, она располагалась чуть выше устья реки, не показанной на карте. («Недалеко, совсем недалеко. Близко», — успокоительно кивал наш проводник.)

Возможно, что там, среди груды плавника, принесенного течением сверху («Много плавника, очень много», — с удовольствием подтверждал проводник), были и меченные стволы, «братья» того ствола, который выловил Андрей.

Значит, еще до встречи с Петром Ариановичем мы могли получить весточку от него — на этот раз уже в «собственные руки»!..

Савчук считал, что решена пока лишь первая часть задачи, стоящей перед нами, точнее, первая ее треть. Еще на подходах к горам удалось с помощью зимовщиков ответить на вопрос: «Кто он?»

Загадочный путешественник, который посылал призывы о помощи, «кольцуя» гусей, метя оленей и плавник, был Петром Ариановичем Ветлугиным. (Интуиция, как видит читатель, не обманула меня.)

Но еще были не решены остальные две трети задачи: 1. Почему за Полярным кругом, в верховьях реки, не показанной на карте, растет лес? и 2. Почему плёмя или народ, называющий себя «детьми солнца», прячется в горах и держит в плену Ветлугина («пленник Маук»)?

Ответить на эти вопросы мы должны были уже в горах...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

„ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА“

1

Кажется, что Бырранга совсем близко, в каких-нибудь десяти — пятнадцати километрах.

Это, конечно, обман зрения. Горы гораздо дальше от нас и намного ниже. Рефракция приподнимает их — явление, обычное в Арктике. Они как бы парят над волнистой, серой, поблескивающей множеством озер равниной.

Часто Быррангу заволакивает туман или закрывают низко ползущие клочковатые тучи. Потом блеснет солнце и, будто дразня нас, на мгновение приоткроет колеблющуюся завесу.

У-у, какие же они мрачные, эти горы,— черные, угловатые, безмолвные!

Ощущение тревоги, зловещей, неопределенной опасности исходит от них. И вместе с тем от гор не оторвать взгляда...

Иногда по очертаниям они напоминают трапецию,

иногда ящик, стоявший особняком среди равнины, — зависит от ракурса, от условий освещения.

Во всех географических атласах Бырранга фигурирует как плато. Но это определение условно. Нганасаны различают в горах несколько хребтов: Хэнка-Бырранга (Черная Бырранга), Сыру-Бырранга (Белая Бырранга) и другие.

Скорее, скорее к горам!..

...Нетерпение наше передалось нганасанам. Они понукали свистом своих оленей, безжалостно кололи острием хоря.

В ложбинках было еще полно воды, иногда даже снега. Зато на пригорках земля подсохла. Здесь рядом с бурой, прошлогодней травой уже зеленела приветливая молодая травка.

Все весенние превращения в тундре совершались со сказочной быстротой. Нужно спешить, спешить! Лето слишком коротко в этих широтах.

Поднявшись на холм, мы увидели, что длинная полоса ослепительно сверкает у подножия гор. Туман? Нет, то отсвечивало огромное водное пространство — озеро Таймыр. (Нганасаны почтительно называют его Дяму-турку, что значит — море-озеро.)

Где-то там, в северо-восточном его углу, была лазейка, узкая щель, почти замочная скважина, через которую мы собирались проникнуть в горы...

Поводя запавшими боками, олени вынесли санки на южный берег озера.

Ну и сыро же было здесь! Будто сразу с зеленого луга попали в погреб, битком набитый льдом. Вокруг высились нагромождения льдин, выброшенных могучим напором во время ледохода. Некоторые поднимались стоямя, другие образовали причудливые голубовато-белые лабиринты. От них тянуло пронизывающим холодом.

Камсэ сказал, что большие льдины пролежат на берегу до осени, так и не успев растаять.

Рядом с этим ледяным хаосом вода казалась черной, непроницаемо-черной.

Аргиш быстро подвигался вдоль южного берега Дяму-турку.

Прибрежные скалы были вкривь и вкось расписаны зеленоватыми узорами лишайника. Кое-где попадались реликтовые папоротники. На земле валялись створки

древних моллюсков, обломки костей вымерших животных.

Олени брели по берегу Дяму-турку, как по гигантскому кладбищу.

Мы нетерпеливо высматривали меченый плавник на берегу. Его не было видно. Вероятно, стволы деревьев, которые спускались вниз по реке, не показанной на карте, выносило в море иным фарватером. Возможно, ветры южных румбов отжимали весь плавник к северному берегу озера.

Среди льдин Лизе удалось, правда, найти обломок ископаемого дерева. Оно не потеряло вида и формы дерева, но окремнело и стало тяжелым, как камень.

Ботаник был бы осчастливлен находкой. Савчук же скорчил такую гримасу, будто хлебнул уксусу.

— По времени подходит, — пошутил я. — Ведь мы отправляемся в каменный век... •

Савчук только рассеянно взглянул на меня, сохраняя на лице недовольное выражение.

— Нам нужен другой древесный конверт, поновее, — подхватила Лиза. — И обязательно с маркой.

— С какой маркой?

— Имею в виду эту метку: три точки, три точки...

— Три точки, три тире и три точки, — поправил я.

Берега озера Таймыр, второго по величине озера Сибири после Байкала, очень изрезаны. В северо-восточном углу его расположен большой залив, который носит название Яму-Бойкура. Именно здесь, по указаниям Бульчу, надо было искать устье загадочной, не нанесенной на карту реки.

Обогнув озеро с востока, аргиш очутился, наконец, на его северном берегу.

Пейзаж снова резко изменился.

Здесь росло великое множество цветов: бледно-розовых, желтых, голубых, фиолетовых. Казалось, это садовник заботливо рассадил их в клумбы.

Камсэ и Бульчу объяснили, что цветы на Севере всегда теснятся друг к дружке, как бы собираются в кучку. Так легче переносить непогоду, внезапно налетающие порывы ветра, так попросту теплее.

Говорят: голь на выдумки хитра. Но здешние растения не назовешь голью. Сорвав один из цветков, я обнаружил с удивлением, что листья его и стебель мохнатые.

Они были покрыты очень густым пухом наподобие гачьего, только еще более нежным.

Выходит, в тундре даже цветы носят меховую одежду!

Но ведь они могли бы надеть ее и на южном берегу озера. Почему же южный берег почти совершенно лишен растительности, тогда как на северном полно цветов?

Лиза указала на горы. Вот причина того, что здесь растут цветы!

Горы Бырранга прикрыли залив Яму-Бойкура от великого наступления ледников. И по сей день они продолжают стоять на страже жизни, уцелевшей благодаря им. Бырранга является естественным барьером, который преграждает дорогу холодным северным ветрам. Под прикрытием горного хребта каждую весну на южном склоне его возникают восхитительные цветочные «клумбы».

Среди этих «клумб» наши попутчики-нганасаны должны были провести лето.

2

На бивак мы расположились в лесу.

Стоило опустить руку, чтобы коснуться его вершин.

Это карликовый лес. Самые высокие березки не достигают и пятнадцати сантиметров. Однако, как во всяком порядочном лесу, тут множество грибов. Грибы настоящие, среднего, нормального для грибов роста. Некоторые выше деревьев и торчат над ними, любопытно выставив свои коричневые круглые шляпки.

Я аккуратно срезал перочинным ножиком одну березку и принялся рассматривать через лупу площадь среза. Ого, сколько вегетационных колец! Одно, два, пять, семнадцать... Я насчитал сто четыре кольца! Крошечному деревцу было более ста лет!

Я смотрел на удивительный лес (он был старше меня более чем втрое) сверху, будто с самолета. Пожалуй, даже нельзя было назвать это лесом, скорее — зарослями кустарника. В разные стороны торчали маленькие веточки. На них видны были крошечные листочки. Стало быть, это береза — кюз, по-нганасански.

Но почему в горах Бырранга, за одним из ее хребтов,

то есть значительно севернее того места, где я находился, растут не карликовые, а настоящие деревья, березы в три человеческих роста?..

Я засмотрелся на горы.

— Ты что это бездельничаешь? Природой залюбовался? — ворчливо сказала Лиза. — Помоги-ка лучше костер разжечь.

— Вулкан! — объявил я, подсаживаясь к куче мха, над которой склонился Савчук. — Петр Арианович нашел в горах оазис. И он разгадал его природу. Это вулкан!

— Почему вулкан?

Я, с удивлением оглянулся. Лиза, задавшая этот вопрос, стояла спиной ко мне и вынимала из мешка сухари и посуду.

— Почему?.. Но ведь в письме говорится: «вероятно, вулкан»! Вулкан, надо думать, уже не действующий. Однако в кратере еще сохранилось тепло. Склоны его «покрыты лесом». Вулканический туф чрезвычайно плодороден.

На каждом привале мы говорим только об этом. Темой нашего спора служат те несколько слов из письма Петра Ариановича, которые остались непонятными и как бы повисли в воздухе.

Савчук, человек системы, разбил их на четыре группы.

Слова: «называя себя «детьми солнца» — не добавляли ничего нового к тому, что было уже известно.

Две фразы (вернее, обрывки фраз): «петлей на шее ребенка» и «поспешил на помощь» — явно относились к какому-то самоотверженному поступку Петра Ариановича. Вероятно, он спас (или пытался спасти) ребенка, которому угрожала смерть.

Третью группу, по классификации Савчука, составляли слова: «попытка бегства» и «пленником Маук». Из них явствовало, что Петр Арианович предпринимал попытку уйти от «детей солнца», чтобы продолжать свой путь на юг. Ему помешали в этом (кто и как — неизвестно), и он остался в горах пленником (или заложником) таинственной Маук. (Видимо, Петр Арианович не был в заточении, даже пользовался известной свободой действий, так как ухитрялся «кольцевать» гусей, метить оленей и посылать письма в плавнике.)

По этому поводу не возникало разнотолков.

Но последнюю, четвертую группу слов: «много высоких деревьев», «покрытые лесом» (склоны, долины или ущелья) и «вероятно, вулкан» не так-то просто было понять.

— Да, туф плодороден,— задумчиво согласилась Лиза.

— Во времена Спартака,— сказал Савчук, выпрямляясь (ему удалось, наконец, разжечь мох),— во времена Спартака кратер Везувия зарос деревьями. Лес был так обширен, что в нем могла укрыться вся армия восставших рабов...

— Видишь, и Владимир Осипович подтверждает!.. А потом, зря, что ли, Петр Арианович занимался вулканологией? Ведь он хотел выписать в Якутск книги о вулканах. Значит, тогда еще считал, что в Сибири есть вулканы, и не только на Камчатке...

— Петр Арианович мог ошибиться.

Эти слова Лизы я воспринял как кощунство.

— Петр Арианович?! Ну, знаешь ли!..

— Напрасно кипятиться. Не меньше твоего люблю и уважаю Петра Ариановича... Но послушайте вы, Володя. Будьте нашим судьей! Находясь в ссылке, Петр Арианович был лишен общения с другими учеными?

— Конечно.

— Не мог следить за последними научными новостями?

— Где уж из ссылки следить!

— Ему, заметьте, не разрешили выписать ни одной книги по вулканологии. Уверена, он даже не знал о существовании так называемых ложных вулканов.

— А что это?

— Есть разные ложные вулканы...— Лиза замялась.— Ну, я пока расскажу только об одной категории их. Это дымящиеся сопки в Саянах.

— В Саянах?

— Да. По берегам Енисея на отрогах Саянов есть сопки, над которыми курится дым. Местные жители называют их вулканами. Но это неправильно. За дым принимают теплый водяной пар, который выделяется из многочисленных расщелин в горе.

— Пусть так: не Саяны, а Камчатка! — подхватил я.— Полуостров вулканов! Вот такой, если хотите знать, представляю себе Быррангу!

— Но ведь вы, Лизочка, бывали на Камчатке,— примирительно сказал Савчук.

— Правильно! Ты в прошлом году была на Камчатке. Даже спускалась зачем-то в один из кратеров. Как его?.. Урона?.. Узора?..

— Узона. В том-то и дело, товарищи, что пейзаж Узоны совершенно не похож на пейзаж ущелья или долины «детей солнца», поскольку мы можем судить о нем из описаний Бульчу.

— Чем не похож?

— Судите сами. Кратер Узоны — это почти круглая, несколько километров в диаметре, впадина. Средняя часть ее занята озером. Ландшафт совершенно дантовский — зловещий, безжизненный. Для душ грешников приготовлены двухместные и одноместные ванны — кипящие бассейны диаметром в один, два или три метра. Пар так и валит из них! Я, кстати сказать, чуть было не свалилась в такое уютное озеро...

Я насторожился.

— Ничего не говорила об этом.

— Не хотела тебя волновать... Не злись, не злись! Не свалилась же!.. Земля там действительно горячая на ощупь. Но сходство на этом кончается. Покрыта земля желтовато-белой коркой из кремнезема, очень грязной и противной на вид, хрустящей под ногами. Понятно, и в помине нет никакой растительности, никаких цветов, никаких деревьев. Что же это за оазис, помилуйте!

— Вулкан не обязателен, Алексей Петрович,— провозгласил Савчук.— Оазис может возникнуть без участия вулканических сил.

— Ну вот, и вы против меня?

— Я покажу на карте такой оазис, даже два!..

Он вытащил из полевой сумки уже известную мне карту расселения народов Сибири, похожую на одеяло из разноцветных лоскутков.

— Обратите внимание: два коричневых — якутских — островка среди желтого — тунгусского — моря.

— Ну, видим островки.

— А если посмотреть на обыкновенную карту, те же островки окрашены ярко-зеленой краской. Почему?

— Оазисы?

— Вот именно. В среднем течении Лены на пространствах лесостепи сохранились два реликтовых степных

оазиса. Прослышав о тамошней высокой и сочной траве, предки якутов прикочевали сюда из Прибайкалья вместе со своими стадами. В отличие от тунгусов-охотников, якуты — степняки, скотоводы. Для скота им обязательно нужна трава. Вот вам оазисы без вулканов...

Я возмутился:

— Уж это, извините меня, в огороде бузина, а в Киеве дядька! В Якутии вашей растет трава, и только! А в горах Бырранга — деревья в три человеческих роста, в сентябре цветы, весна наступает необычайно рано.

Лиза неожиданно засмеялась. Мы с недоумением посмотрели на нее.

— Как два мальчика, которые поссорились во время игры в бабки. Подеритесь еще!

— С тобой мы дрались уже,— сказал я, остывая.

— Помню, как же!.. Я свалила тебя в снег.

— Свалила? Вот еще! Я сам споткнулся.

— Сам, сам,— тотчас же уступила Лиза, улыбаясь.— Я вспомнила: ты споткнулся о порожек! — Она обернулась к Савчуку: — Наши взаимоотношения начались в детстве с драки...

— Лучше, если дружба и любовь начинаются с драки, а не наоборот,— глубокомысленно объявил Савчук, поднимая половник, которым размешивал суп в котелке. (Сегодня была его очередь готовить обед.)

Смехом всегда кончались подобные маленькие стычки. Лиза удивительно умела разрядить атмосферу спора, заметив, что та накаляется выше нормы. Шутка — это был клапан, с помощью которого спускались пары в котле.

— Кстати о девочках и мальчиках,— продолжал я.— Помните, Владимир Осипович, вы рассказали как-то об одной девочке и двух мальчиках, которые пролезали в «замочную скважину»?

Савчук улыбнулся.

— Это было в книге, которую я прочел в детстве,— пояснил он Лизе.— Через волшебную замочную скважину они попадали в прошлое: в семнадцатый век, в четырнадцатый, в каменный...

— Поняла! Мне нравится это! — Глаза Лизы заблестели.— Хочешь сказать, что мы похожи на них?

— Очень!

— А где же наша «замочная скважина»?

Я показал на отроги Бырранги, почти вплотную подступившие к озеру:

— Где-то там!..

— А, ты о реке, не показанной на карте?

— Ага!

— Ну, эту «замочную скважину» еще надо найти. Замок-то ведь с секретом!..

3

«Замочную скважину» помог найти Жора.

Берега Яму-Бойкуры представляют собой настоящий лабиринт со множеством узких, окаймленных тальником протоков и бухточек. Каждую из них можно принять за устье реки и, только углубившись в нее на добрый десяток километров, убедиться, что это всего лишь длинный залив.

Нганасаны избегали бывать в этих местах. Какое-то непонятное отвращение или боязнь, связанные со старинными запретами, останавливали их. Именно здесь проходила та невидимая черта, которую они ни за что не решались перешагнуть.

Надежда на Бульчу тоже была плоха. Ведь он бывал на реке много лет назад, и страх, который не оставлял его тогда ни на минуту, пожалуй, совсем отшиб у него память.

Савчук учитывал все это, когда договаривался с Аксеновым насчет присылки самолета.

На другой день после того, как мы прибыли к подножию Бырранги, над притихшим, словно бы заснувшим, озером прокатился ликующий гул гидроплана, круто идущего на посадку.

— А я по-летнему, — прокричал улыбающийся Жора, посадив гидроплан на воду. — Переобулся, как видите! Сменил лыжи на поплавки. Ну, кто на разведку со мной? Вы, Владимир Осипович? Или вы, Алексей Петрович?

Но в разведывательный полет решили отправить Бульчу.

Услышав обо всем, старый охотник очень взволновался. Лететь — в первый раз в жизни! — было страшно. Он даже отступил на два-три шага от воды, а две дочери его, стоявшие тут же, поспешно ухватили старика за полы сокуя. Поза была отнюдь не героическая.

Мантугана (один из многочисленных зятьев) негромко хихикнул. Это решило дело. Продолжая недоверчиво приглядываться к самолету, Бульчу полез на крыло. Его подсадили. Дочери с воплями ужаса и скорби побежали по берегу за гидропланом, который брал разбег.

Даже после того как гидроплан с Жорой и Бульчу благополучно оторвался от воды, обе нганасанки продолжали воздевать руки и перекликаться визгливыми сердитыми голосами. Сколько хлопот, однако, доставляет им этот невозможный, несерьезный человек — их отец! Добро бы еще молодой рискнул подняться на воздух, а то старик, старик!.. Долго ли в его годы свалиться с самолета!

Но, вопреки всем страхам, беспокойный старик спустя полчаса был доставлен обратно в полной сохранности. Он вылез из гидроплана пошатываясь, несколько ошеломленный и оглушенный.

Впрочем, придя в себя, охотник заулыбался. Еще бы!.. Теперь-то он стал действительно самым передовым человеком в таймырской тундре: не только слушал радио и видел кино (десять раз!), но и летал по воздуху наподобие птицы!..

— Ни одного шамана, однако, не встретил, — сообщил он, поглядывая на присмирившего Мантугану.

— Какого шамана? — не понял я.

— Не летают шаманы там. Один Бульчу летает! — И, довольный шуткой, старый охотник хлопнул себя по ляжкам и закатился хохотом.

Ну, ясно! Ведь Бульчу побывал на «старой шаманской трассе», на воздушных подходах к Стране Семи Трав!..

Жора перебрался с гидроплана на берег.

— Нашли устье реки. В правом углу залива, — доложил он Савчуку, показывая на карте. — Старик правильно объяснял. Отсюда километров двенадцать — пятнадцать. Перед входом в реку — отмель, пять небольших островков. Да я провожу вас!

Работяга-гидроплан снова промчался по озеру, пеня его угрюмую воду, и взмыл в воздух.

Следом за ним двинулись по берегу и мы, сопровождаемые всем взрослым населением стойбища.

Сегодня ради нас было забыто старое суеверие. Нганасаны, привыкшие за время совместного путешествия

разделять наши интересы, увлеченные не меньше нас поисками сказочного народа, безбоязненно переступили запретный предел и углубились в предгорья Бырранги...

До реки, не показанной на карте, мы добрались в полночь, но об этом можно было узнать, только взглянув на часы. Солнце по-прежнему кружило над тундрой, воздух был прозрачно-светлым, каким-то струящимся. Скалы, травы, цветы словно бы притаились вокруг, ожидая чего-то.

А быть может, собственное свое настроение я переносил на природу? Ведь сегодня должен был приоткрыться, наконец, сказочный ларец, полный тайн!..

Без помощи Жоры, конечно, не удалось бы сразу найти устье реки. Лед, каждую весну спускавшийся с ее верховьев, нагромождал здесь кучи камня. Пять островков с протоками между ними образовали дельту реки. Она густо заросла цветами и травой.

Мне представилось, как много лет назад молодой Бульчу пригнал сюда запыхавшихся оленей. Вот он мечется на льду, пугливо озираясь, стараясь сбить со следа сказочную женщину в черном. Потом, решившись, ныряет наугад в один из узких протоков.

Я оглянулся на Бульчу. Он был встревожен, проявлял растерянность, то и дело останавливался и озибался по сторонам. По-видимому, пейзаж очень изменился с тех пор, как здесь побывал старый охотник.

Вдруг лицо его прояснилось. Спотыкаясь, Бульчу подбежал к камню, лежавшему в отдалении от берега, и, будто узнав знакомого, заплясал подле него.

— Первый страж реки! — торжествующе прокричал он.

Я думал, что увижу нечто вроде статуи, и был разочарован. Меньше всего скала напоминала человека. Но выяснилось, что на скалу надо смотреть снизу, со стороны реки. Тогда она становилась похожей на человека, сидящего в позе ожидания.

Второй «страж реки» находился поодаль, несколько выше по течению. На Чукотке такие камни называют «кигиляхами» — человеко-камнями.

Итак, это действительно было устье реки, по которой странствовал Бульчу! К ее верховьям должны были мы подняться, чтобы попасть в оазис «детей солнца».

Еще в Новотундринске при обсуждении маршрута Аксенов предлагал нам двигаться по реке на моторном боте. Это было бы, конечно, удобно. Однако Бульчу предупредил, что река очень узкая, извилистая. Решили плыть на лодках.

Это были плоскодонки, сделанные по нашему специальному заказу в Новотундринске, сбитые из досок, очень легкие, подвижные. Сидеть в них полагалось, как в челне: лицом вперед, по ходу движения. Нос и корму закрыли брезентом, для людей были оставлены лишь небольшие отверстия.

Еще на озере я опробовал это хлипкое сооружение и остался им в общем доволен. В такой лодчонке едешь закупоренным по пояс. Если и начнет захлестывать волна,— не страшно, вода стекает по брезенту в реку.

Едва было обнаружено устье реки, не показанной на карте, как мы, не мешкая, уселись в лодки. В одной поместились я и Лиза, в другой — Савчук и Бульчу.

Лица провожающих выражали участие и беспокойство: мы очень сдружились за дорогу с нганасанами.

Особенно много внимания уделялось Лизе. Камсэ тщательно, несколько раз проверил, устойчива ли наша лодка, хорошо ли прилажен брезент.

Мантугана и его сын, стоя по колено в воде, придерживали лодку за борт, ожидая, когда Савчук даст сигнал к отплытию.

Лишь один из провожающих — молодой человек в короткой меховой безрукавке — косился на Лизу с антипатией. Это был родственник Аксенова, долган, студент-метеоролог, которого предполагалось взять в поход четвертым. Прилет Лизы, как говорится, вывел его из игры.

Впрочем, до последнего момента упрямец не терял надежды. В пути он делился со мною своими соображениями: Лиза могла расхвораться, могла «скиснуть», испугаться трудностей плавания.

Сейчас метеоролог тоскливо топтался на берегу, подходил то ко мне, то к Савчуку, нетерпеливо откашливал-

ся, делая самые убедительные жесты. Он хотел, чтобы мы провели в горах наблюдения над воздушными течениями.

— Если меня не можете взять, то хоть «шарики» мои возьмите,— клянчил студент.— Нет, правда, что вам стоит? Ведь их можно сложить и спрятать под сиденье.

— А газогенератор?

— Ну что ж такого! Он ведь маленький. В общем, не слишком уж большой. Зато какая польза для науки!..

В пользе я, признаться, был не очень уверен. Но Савчук, по мягкости характера, согласился. Газогенератор и «шарики» достались, конечно, на мою долю, хотя и без них было тесновато.

В лодке Савчука и Бульчу уложен был запас продовольствия, одеяла и палатка. В нашей с Лизой лодке помещались походная рация и аккумуляторы, тщательно обернутые клеенкой, чтобы в них невзначай не проникла вода.

Савчук взглянул на часы, Бульчу взмахнул веслом. На берегу раздались напутственные возгласы. Я поспешно обернулся, чтобы попрощаться с Камсэ, и чуть было не перевернул лодку.

Она все-таки была на редкость неустойчивой. Приходилось соразмерять и рассчитывать каждое свое движение, как акробату на проволоке. Для того чтобы обернуться, надо было разворачивать всю лодку.

Савчук оттолкнулся веслом от берега.

Мы быстро выгребли на середину реки. Течение было стремительное, веслом приходилось работать на совесть. Но в этом было что-то бодрящее. Мы шли к цели напролом, против течения!..

Нганасаны некоторое время сопровождали нас по берегу, прыгая по-воробыиному с кочки на кочку. Только сейчас я понял, как трудно было бы нам идти к горам пешком. Мох пружинит под ногами. Ноги скользят. Раскисшая после весенних дождей земля прикрыта тоненькой коркой. По такой еще не совсем просохшей земле идти гораздо труднее, чем по глубокому снегу. С пешехода сходит семь потов.

Но наши друзья-нганасаны еще долго шли по берегу, размахивая руками и крича что-то ободряющее. Эти проводы — всем народом — были очень волнующими, трогательными.

— Что ж, провожают по всем правилам,— сказал я Лизе.— Погляди-ка, даже с цветами!..

В руках у провожающих не было букетов. Цветы были вокруг нас. Накануне прошел дождь, и тундра имела необыкновенно нарядный вид.

Они удивительные, эти северные цветы. Окраска их неяркая, скромная, не бьющая в глаза, словно бы на них лежит очень тонкий, почти неуловимый слой тумана.

Цветы особенно ценятся за Полярным кругом. Не знаю, есть ли в южных широтах острова, названные в честь какого-нибудь цветка. А в Арктике есть — остров Сиверсии. Так назвал его известный русский путешественник Толль, который побывал на нем весной и был поражен огромным количеством цветов на сравнительно маленьком пространстве.

Сиверсию называют еще «таймырской розой».

Желтые хрупкие цветы «таймырской розы» рельефно выделялись на фоне снега. (На дне впадин еще белел снег.) Мелькнули золотистые лютики, за ними бледно-желтые маки, а дальше возник распадок, почти сплошь заросший незабудками. Запах был очень сильный, словно бы встречный ветер бросал в лицо душистые охапки травы.

Но вот пешеходы стали понемногу отставать. Дольше всех держался неугомонный студент-метеоролог. Он шел у самой воды, оживленно жестикулируя. Голоса слышно не было: наверное, просил не забыть о шарах. Потом и его юношески гибкая фигура исчезла за поворотом.

Однако нас еще долго сопровождал мажорный рокот самолета. Пилот Жора не мог так сразу расстаться с нами и провожал вверх по течению, вероятно, не менее пятнадцати минут.

Он то улетал вперед, то возвращался, делал круги, иногда проносился совсем низко над водой, так, что видно было его обращенное к нам широко улыбающееся загорелое лицо. Тогда Бульчу приосанивался. Он считал, что эти церемонии совершаются в его честь. Пилот прощается с отважным нганасаном, который не побоялся подняться на небо, чтобы увидеть оттуда устье реки, не показанной на карте.

Дело, наверное, заключалось в другом.

Дельта была очень разветвленной, запутанной. Заботливый Жора хотел помочь нам поскорее выбраться из

лабиринта протоков и бухточек. Мы плыли за гидропланом, будто привязанные невидимой нитью к весело поблескивавшей на солнце серебристой птице.

Только выведя нас на широкий плес, Жора счел, наконец, возможным расстаться с нами. Он сделал прощальный круг, приветственно помахал крыльями и лег на обратный курс, в Новотундринск.

Бульчу обернулся и прокричал что-то. Мы с Лизой подгрести ближе.

— Хороший человек Жора,— убежденно повторил Бульчу.

Конечно! Все люди, которые помогали нашей экспедиции, были очень хорошими людьми.

2

Неуверенно чувствуешь себя на реке в такой непрочной, крошечной скорлупке. Вверху облака, внизу отражение облаков. Кажется, что висишь между небом и землей.

Но предаваться размышлениям и переживаниям некогда. Все свое внимание необходимо сосредоточить на том, чтобы сохранить равновесие. Не так-то просто управлять лодкой на быстрой горной реке!

Я старался не смотреть на бурлящую темную воду, на грозные, почти вплотную придвинувшиеся скалы. Смотрел на спину Савчука впереди. По-прежнему эта успокоительно широкая, почти квадратная спина маячила передо мной, как недавно в тундре. Савчук, по-видимому, уже не раз бывал в подобных переделках,— это чувствовалось по уверенным взмахам его весла.

Сделав крутой поворот, река вступила в узкое серое ущелье. Было похоже, что по склонам струятся потоки гранита.

Каньон делался все уже и уже. Горы Бырранга сдвигались, словно бы пытаясь преградить нам дорогу.

Над головой по-прежнему голубело ясное небо, но тень от склонов покрывала реку, и мы двигались в синих сумерках.

Приблизительно через каждые полчаса Бульчу устраивал отдых. Приметив на крутом берегу куст полярной ивы, он поднимал весло стоя, что служило сигналом для нас с Лизой. Мы подгребали к соседнему кусту

и цеплялись за низко нависшие над водой сучья, чтобы не снесло течением.

Через пять минут, передохнув, возобновляли путешествие.

Во время привалов я устанавливал теодолит и производил астрономические определения долготы и широты.

Старая карта, изданная в 1838 году, никуда не годилась.

Если верить ей, получалось, что мы плывем по суше. Мало того. На карте в этом месте значилась низменность. Мы же двигались узкими горными теснинами. Вокруг громоздились горы Бырранга, подступавшие к Таймырскому озеру гораздо ближе, чем предполагалось до сих пор.

Это означало, что после нашего возвращения картографы будут менять цвета на карте. Вместо зеленого цвета, каким закрашивают равнину, на северный берег озера положат густую коричневую краску, обозначающую горы.

Увлекательно проследживать течение реки, идти навстречу ей, ища, где же — за каким мыском, поворотом — находятся ее верховья, истоки, начало! Собственно говоря, таково существо почти всякой научно-исследовательской работы. Но мы искали истоки тайны в буквальном значении этого слова.

Пока что река текла строго с севера на юг. Впереди не исключены были, однако, сюрпризы. Река могла вильнуть, сделать прихотливый поворот, увести нас в сторону от гор, далеко на восток или на запад.

Между тем каждый километр давался с большим трудом. Идти на веслах против течения было очень утомительно. Я подумывал о парусе, но ветер в этих горах менялся непрерывно, как у мыса Горн: то дул прямо в лоб, то вдруг принимался толкать в спину, то, выскочив откуда-то из-за поворота, с силой ударял в борт.

Ночевать пришлось на болоте, где земля ходила ходуном, прогибаясь, как резиновая. Вокруг громоздились крутые обрывистые берега. Эта мочажина, вклинившаяся между скалами, была единственным подходящим местом для привала.

В тот же вечер у костра состоялись «крестины» реки, которая не была нанесена на карту.

Савчук предложил название: Река Времен, так как,

поднимаясь к ее верховьям, мы как бы совершали путешествие в минувшие века.

— Название отвечает характеру нашего путешествия, по преимуществу этнографического,— скромно добавил он.

Лиза, однако, обиделась за геологию, которую, по ее словам, представляла.

— Было! Было этнографическим, дорогой Володя,— возразила она.— Сейчас экспедиция комплексная — геолого-этнографическая. Так и Москва решила...

— Ну конечно! Этнографы нашли оазис, ткнули туда носом, а потом...

— Уж если речь зашла о том, что кто-то кого-то ткнул носом,— вмешался я,— то, по справедливости, нельзя забыть о гидрологах.

— Правильно,— поспешил согласиться Савчук.— Вы очень помогли в разгадке этнографического следа, сигнала SOS...

— Говорю не о себе. Но без Андрея и его помощников мы не нашли бы письма в плавнике.

— В общем, нечто вроде эстафеты,— сказала Лиза, прекращая шутиливую перебранку.— В дело вступают по очереди представители различных профессий...

— В том числе и охотник Бульчу. Как, кстати, назвал ты свою реку, Бульчу?

Я обернулся к Бульчу, который священнодействовал подле котелка, где варился ужин.

— Потаден,— отозвался наш проводник.

— А что это значит?

— Это искаженное русское «потаенная»,— подхватил Савчук.— Нганасан переиначил на свой лад слово «потаенная». Получилось: Потаден.

— Тогда уж лучше Река Тайн,— сказал я. И медленно повторил, прислушиваясь: — Река Тайн! Да, неплохо звучит.

— А я бы назвала ее Огненная,— вдруг сказала Лиза.

— Огненная? Почему Огненная?

— Мне кажется, это ей подходит,— ответила Лиза, задумчиво глядя вдаль.

— Ты начинаешь мудрить, говорить загадками. Это скучно, милая. Нам и без того хватает загадок...

— Река Времен лучше всего,— стоял на своем Сав-

чук.— Мы двигаемся именно против течения времени, поднимаемся к истокам истории человечества.

Посмотрев в сторону Бульчу, он добавил многозначительно:

— А может быть, еще конкретнее: к истокам истории нганасанов!

— О! Вот как?

— Да. Я надеюсь, что в горах живет древний народ палеоазиатов, предков современных нганасанов.

— Остановившихся в своем развитии?

— Вроде того...

Мы поспорили еще немного и, наконец, сошлись на предложенном мною варианте: Река Тайн. Я нанес на карту новое название и дважды подчеркнул. Карта сразу же приобрела другой, более осмысленный вид, словно бы осветилась.

А утром, проснувшись, мы обнаружили, что у нас осталась всего одна лодка. Рядом с ней на сырой земле чернела глубокая борозда. По-видимому, другую лодку стащило с берега и унесло течением, пока мы спали.

Правда, Савчук (это была лодка Савчука и Бульчу) клялся, что он, как полагается, вытащил ее до половины на берег. По его словам, он прекрасно помнил это.

— Что я, маленький или впервые в экспедиции? — сердился этнограф.— Даже снизу закрепил колышками, честное слово! Почему вы молчите? Почему вы все смотрите на меня такими глазами?

— Мысленно вы были, наверное, уже в оазисе, когда закрепляли лодку,— пробормотала Лиза.

— Моя ошибка, признаю,— сурово сказал я.— Мне надо было присматривать за вами.

Бульчу ничего не сказал, но вид у него был очень недовольный. Догонять беглянку, конечно, не имело смысла. Это отняло бы у нас слишком много времени.

Устраиваясь накануне на ночлег, мы вытащили из лодки почти все, что находилось в ней. Пропали только две сковороды и одеяло. Однако часть груза все равно приходилось оставить. С собой мы могли взять только самое необходимое (рацию, ружья). Ведь нам надо было поместиться вчетвером в оставшейся лодке.

Дальнейшее продвижение по реке усложнялось...

На месте привала мы оставили палатку, одеяла, всю муку, консервы, даже сахар. Полностью должны были, так сказать, перейти на подножный корм. Но летом в тундре и в горах нельзя умереть с голоду, имея ружье.

Меню наше, увы, не отличалось разнообразием. Гусятина фигурировала во всех видах: жареный гусь, вареный гусь, суп из гуся, печенка гуся. Вскоре я уже не мог смотреть на гусей. Один лишь Бульчу наслаждался, обсасывая косточки и причмокивая.

Мы все в меру своих сил старались разнообразить нашу еду.

Даже Савчук, полностью погруженный в размышления о пранароде, о предках иганасанов, однажды решил побаловать нас. В свое дежурство он подал на стол неизменного гуся, но с гарниром. Это были тонкие желтые коренья, горьковатые на вкус, называемые почему-то дикой морковью.

— Тундровые витамины,— отрекомендовал их Савчук, пытаясь с помощью научного комментария сделать гарнир более удобоваримым.

Я, в свою очередь, решил побаловать товарищей яичницей. (Бульчу очень расхваливал яйца поморника.)

Однако птичьи яйца превратились в невидимок и принялись играть со мною в прятки.

Я кружил подле нашего лагеря не менее получаса. Именно кружил, потому что яйца были где-то очень близко. Я был в этом убежден, видя, какую тревогу вызывают мои поиски у четы поморников, которые совершали надо мной сложные фигуры высшего пилотажа: падали камнем в траву, взмывали вверх из-под ног, удалялись в сторону, летя очень низко и притворяясь, будто подбито крыло,— словом, всячески стараясь отвлечь мое внимание от яиц.

Если бы птицы меньше суетились, я бы, пожалуй, плюнул на эту затею и ушел. Но поморники раззадорили мой аппетит. Стало быть, яйца были где-то рядом, я просто не замечал их.

Наконец пришел сонный, недовольный Бульчу (его разбудил Савчук, которому очень хотелось есть) и по каким-то непонятным мне признакам определил местонахождение гнезда. К моему изумлению, яйца лежали да-

же не в ямке, а прямо на земле, но сливались с общим пестровато-серым фоном.

Лиза во время привала собирала морошку и бруснику.

Савчук и я просили ее не отходить далеко от лагеря или, по крайней мере, брать с собой ружье, но Лиза всегда поступала по-своему.

Как-то на привале я рубил дрова. Передо мной был густой кедровый стланник. Ветки переплелись, словно бы низенькие — не выше полуметра — деревья цепко держались друг за друга. Только так удавалось им устоять на склонах. Ветер в этих местах жестокий. Он с корнями выворотил бы и унес маленькое деревце, если бы его не удерживали на месте такие же деревья.

Но главное преимущество стелющихся лесов не в этом. Зимой они укрываются снегом с головой, как бы ныряют под толстое ватное одеяло.

Раньше мне не приходилось иметь дело с кедровым стлаником. Оказалось, что это дерево чертовски неподатливо! Я ударил по одному из стволов топором, но с очень малым эффектом: лезвие застревало, дерево было упругим, пружинило.

Я снова повторил попытку. Тщетно! Это был какой-то зачарованный лес из сказки.

Отирая пот со лба, я выпрямился и увидел на мшистом болотце по другую сторону леса улыбающуюся Лизу. Она посмеивалась над моей неудачей.

Как цепляется за жизнь все живое на Крайнем Севере, настойчиво приспосабливается к суровой здешней природе!

Деревья прижались к земле, ища защиты от холодов и ветра на ее материнской груди. Полярная сова «переоделась» во все белое и научилась видеть днем (иначе погибла бы от голода в течение светлого полярного лета). Песцовые мыши «переобулись» для того, чтобы было удобнее разгребать снег в поисках пищи. Их когти напоминают копыта.

Что же тогда сказать о людях? Почему нельзя предположить, что «дети солнца», у которых нашел приют Петр Арианович, выжили в горах, уцелели до сих пор?

Нганасаны рассказывали о медведях-оборотнях. Но, быть может, это и впрямь были люди, одетые в медвежьи шкуры мехом наружу?

Через день близость оазиса подтвердило совершенно неопровержимое — и очень тревожное — доказательство.

Утром я обнаружил следы медведя, который приходил к нашему биваку. Ночной посетитель не был воришкой. Он даже не прикоснулся к котелку с недоеденной гусятиной, а также к рыбе, которая была поймана накануне и предназначалась на завтрак. Зато с непонятным интересом осмотрел нашу лодку. Медведь обошел ее раз пять, не меньше. Петли следов были особенно запутанными здесь. Удивительно, что я и Лиза не слышали его шагов. Эту ночь мы как раз спали в лодке, — Лизе показалось сыро на берегу, а палатки у нас уже не было.

— Нынче к нам визитер приходил, — объявил я громко. — Слышишь, Лиза?

Савчук и Бульчу высунули головы из спальных мешков. Лиза уже причесывалась, сидя в лодке. Она зевнула и с недоумением посмотрела на меня. Потом ее заспанное лицо оживилось:

— Какой визитер?

— В общем довольно деликатный, я бы сказал, — продолжал я. — Расхаживал чуть ли не на цыпочках, чтобы не потревожить наш сон.

Бульчу подошел ко мне, присел на корточки и стал приглядываться к следам. Когда он выпрямился, я поразился происшедшей в нем перемене — лоб был озабоченно нахмурен, глаза сузились.

— Ты что, Бульчу?

Охотник не ответил мне. Он быстро обошел, почти обежал лодку, откуда с удивлением смотрела на него Лиза. Потом прыгнул в сторону, в кусты, и низко наклонился, словно выискивая что-то на земле.

Савчук начал, кряхтя, вылезать из своего мешка.

— Ну же, Бульчу!

— Приходил не медведь.

— Оборотень? — Я засмеялся, хотя было не до смеху: волнение нганасана невольно передалось и мне. — Товарищи! — Я обернулся к Лизе и Савчуку. — Бульчу стал невозможен — ему всюду чудятся оборотни!

— Не оборотни. Человек, — бросил охотник, продолжая приглядываться к следам.

— Какой человек?

— Два или три человека. Да, три. Двое сидели в кустах. Третий кружил возле лодки...

Бульчу стал приглядываться к следам.

— А следы?

Охотник пренебрежительно усмехнулся:

— Обулся в лапы медведя...

— Не понимаю...

— Очень просто. Убил медведя. Отрезал лапы. Привязал к своим ногам. Ночью ходит, высматривает. Пусть подумают: это медведь ходит, не человек.

Лиза и Савчук присоединились к нам.

— Странно! — сказал Савчук, хмурясь. — Кто бы это мог быть?

— Нганасаны? — предположила Лиза. — Неужели они догнали нас?

— Вот еще! Подошли бы открыто. Нганасаны — друзья. Зачем им лапы медведя?

— Значит, враги?

— Надо думать, враги.

— Кто же это?

Мы молчали. Судя по выражению лиц моих спутников, ответ вертелся у них на языке.

— Каменные люди, — вполголоса сказал Бульчу и, втянув голову в плечи, оглянулся. Мы тоже оглянулись.

Пейзаж удивительным образом изменился вокруг. Он выглядел совсем иным, чем пять минут назад.

Так же сверкала на солнце река. Так же теснились к воде спокойные серые скалы. Но мы знали теперь, что это кажущееся спокойствие. Всюду могли скрываться соглядатаи. Они могли сидеть пригнувшись за тем вон большим камнем, похожим на жабу, могли лежать в той вон ложбинке, заросшей незабудками, сосредоточенные и тихие, не выдавая себя ничем, как умеют только первобытные люди.

Я почувствовал странную скованность движений.

Ощущение, надо признаться, было неприятным. Словно бы со всех концов поляны протянулось и скрестилось на мне множество настороженных угрюмых взглядов, липких, как паутина. Спускался к воде, чтобы наполнить котелок (сегодня была моя очередь готовить завтрак), я даже споткнулся.

Позавтракали мы быстрее обычного, перебрасываясь короткими фразами во время еды. Все было ясно: нас встретило сторожевое охранение «детей солнца» и теперь следовало за нами вдоль Реки Тайн.

Быть может, и пропажа лодки не была случайностью?

Быть может, зря мы обвинили Савчука в рассеянности, — лодку уволокли лазутчики «детей солнца», чтобы затруднить наше путешествие?

Лиза призналась, что с первых же часов пребывания на реке ей стало не по себе.

— Трудно даже объяснить, товарищи, — говорила она, зябко поводя плечами, то и дело оглядываясь. — Будто вошла в темную комнату, а там кто-то есть. Не вижу его, но знаю: есть!

— Ты просто восприимчивее нас с Владимиром Осиповичем, — заметил я.

— Понимаете: будто кто-то стоит в углу, прижавшись к стене, и ждет. Если протяну руку или шагну в темноту, то...

— Но мы все-таки шагнем в темноту! — решительно сказал Савчук, вставая. — Нам не остается ничего другого, товарищи. Надеюсь, что «дети солнца» догадаются по нашему поведению, что мы идем к ним с самыми мирными намерениями.

Я все же настоял на том, чтобы нести по ночам вахту: надо было оградить себя от неожиданностей.

И снова река плавно изгибается впереди. Она то разливается светлым широким плесом, то превращается в сумрачный узкий коридор. Очень тихо. Слышно только, как падают брызги с мерно поднимающихся и опускающихся весел да булькает под днищем вода.

А рядом бегут тени. Быть может, это просто тени от проплывающих в небе облаков. Не хочу думать об этом и не смотрю по сторонам, — не приходится зевать на бурной горной реке. Но все время помню о том, что нашу лодку сопровождают по берегу бесшумные, быстрые тени...

Глава третья

„КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ“

1

— Далеко ли до оазиса? — спросил я Бульчу на очередном привале.

— Недалеко. Совсем недалеко. Близо. — Бульчу подумал, посмотрел на скалы, прикинул в уме. — Еще пять, шесть, семь дней! — объявил он.

Лицо мое, по-видимому, выразило неудовольствие, потому что проводник поспешил добавить:

— Отмель еще ближе.

— Какая отмель?

— Забыл уже? Где плавника много.

Бульчу не обманул. На исходе дня за поворотом блеснула песчаная отмель. На ней лежали большие груды плавника.

Я поспешил подгрести к берегу. Все участники экспедиции выскочили на песок.

Тут были сосны, ели, лиственницы и березы. Деревья лежали вповалку, одно на другом. По-видимому, весной в период высокой воды их приносило сверху, с гор. Часть деревьев прорывалась в озеро, часть спотыкалась о порожек, об отмель и застревала тут. Вверх торчали обломанные ветви, судорожно изогнутые корни.

Мы были потрясены. Похоже было, что лес, к которомуплыли по реке, сам двинулся нам навстречу. Сейчас уже нельзя было сомневаться в существовании оазиса.

Каждый по-разному реагировал на удивительную находку. Бульчу стоял в горделивой позе, опершись на весло, нетерпеливо ожидая похвалы. Лиза суетливо перебегала от ствола к стволу, трогала их, поглаживала шершавую кору, словно бы не доверяла своим глазам.

Савчук поскользнулся и чуть было не упал, заглядевшись на плавник. Я поддержал его под локоть.

— Не приходится обижаться. Оазис выслал навстречу своих представителей,— пошутил я, чтобы разрядить нервное напряжение.

Вытащив на берег лодку и оставив в ней Лизу, я, Савчук и Бульчу двинулись пешком вдоль отмели.

Мы самым тщательным образом осматривали деревья, переворачивали стволы, оглядывали их снизу, сверху, с боков. Прошло полчаса. Метка — три точки, три тире, три точки — не находилась.

— Уверены в том, что есть письмо от Петра Ариановича? — спросил я Савчука.

— Не уверен. Предполагаю.— Савчук выпрямился, стоя среди стволов.— Вероятно, Ветлугин послал по реке много писем,— во всяком случае, несколько. Часть из них прорвалась в Карское море. На одно письмо наткнулся ваш торопыга Звонков. Да, да, знаю: очень нам

помог! Не умаляю его заслуг! Но ведь были, наверно, стволы, которым не удалось прорваться. Они так и остались лежать здесь, на отмели.

— Письма до востребования?

— Пусть так. До востребования.

Мы с новой энергией возобновили поиски.

Мне показалось странным, что Бульчу отделился от нас и ходит по самому краю берега, то и дело опуская в воду весло.

Вскоре он издал торжествующий возглас. Мы подбежали к нему. Меченый плавник «ошвартовался» в маленькой песчаной бухточке, в том месте, где река делала крутой поворот. Дерево лежало на золотистом дне, запутавшись в водорослях и чуть покачиваясь, как дремлющее диковинное животное. Когда оно поворачивалось к нам боком, явственно видна была метка, при виде которой быстрее забилось сердце: три точки, три тире, три точки — графическое изображение сигнала бедствия!

— Поглядите-ка, сигнал SOS! — вскричал Савчук.

Когда мы подвели под плавник петлю и осторожно вытащили его из воды, оказалось, что это расщепленный, измочаленный ствол, почти лишенный веток, судя по описанию, сделанному Андреем, родной брат того плавника, что замешался в стайку гидрографических буев в Карском море.

Но младший или старший брат? Иначе говоря, отправленный раньше или позже «карского плавника»?

Сейчас нам предстояло узнать это...

Дерево, как я и ожидал, было повреждено в нескольких местах, красная и черная краска почти начисто стерлась. Видимо, ему изрядно досталось в пути: и на брюхе пришлось проползать по мелководью, и между камнями продираться. Об этом свидетельствовали многочисленные белые шрамы и ссадины на стволе.

— Гонец прорвался сквозь строй врагов, — пробормотал я.

— Смотрите-ка, ни одной ветки нет, — удивленно сказала Лиза, подходя к плавнику. — Все обломаны. Почему?

— Не обломаны, — поправил Савчук. — Обрублены. Чтобы плавник скорее добрался до своей конечной станции.

Даже это предусмотрел Петр Арианович!

Савчук вооружился лупой и опустился на колени перед плавником. Мы затаили дыхание.

— Нашел! — Этнограф поднял голову. — Дайте-ка нож! Да поострее!

Сейчас он, как хирург, был полностью поглощен ответственной операцией, даже не оглядывался, только требовательно протягивал руку назад и бросал короткие приказания. Их ловили на лету ассистенты, почтительно переминавшиеся с ноги на ногу за его спиной.

В стволе был паз, очень узкий, едва заметный. Со всеми предосторожностями, очень медленно, Савчук поддел острием ножа крышку тайника и осторожно приоткрыл его.

Мы увидели щель, заполненную мхом. С лихорадочной быстротой Савчук принялся вытаскивать мох.

Вдруг рука его, погруженная в отверстие, замерла.

— Что там? — спросила нетерпеливо Лиза. — Да ну же, Володя!..

Рот Савчука был открыт, лицо бледно от волнения.

— Пусто! — с трудом выдавил он из себя. — Внутри пусто. Нет ничего!

— Как нет? Не может быть! А письмо?

Я и Лиза, мешая друг другу, ощупали плавник, заглянули внутрь. Да, пусто!..

Тайник, в котором мы ожидали найти письмо, был сделан довольно примитивно, вероятно самым простым инструментом. Бросалось в глаза, что края отверстия негладко зачищены.

Зато все остальное было сделано с большой заботливостью. Видимо, Петр Арианович боялся, чтобы внутри не проникла вода и не повредила письма, затруднив впоследствии чтение текста. Поэтому он принял соответствующие меры: заполнил тайник мхом, а затем тщательно заклинил дыру и замазал ее варом.

Неужели же он забыл вложить письмо? Только перевернув плавник, мы поняли, что произошло.

В стволе зияла трещина. Надо думать, меченый плавник был поврежден, когда протискивался вместе с другими деревьями через какую-нибудь стремнину меж камней. Глубокая, рваная рана оказалась роковой. Сквозь эту трещину провалилось то, что делало найденный плавник таким ценным и важным для нас, — письмо Пет-

ра Ариановича. Оно безвозвратно погибло на дне Реки Тайн...

Мы долго молчали.

Первым нарушил молчание Савчук.

— Нанесите, пожалуйста, на карту название этой отмели,— будничным тоном сказал он мне, поднимаясь с колен и аккуратно вкладывая лупу в кожаный футляр.— Я предлагаю назвать ее Отмелью Потерянного Письма. Нет возражений? А теперь поплыли дальше.

2

Но как бы ни бодрился наш начальник, настроение у всех было подавленное.

Мы ожесточенно гребли, опустив головы, стараясь не смотреть по сторонам.

Прошла уже неделя, как расстались с нашими друзьями-нганасанами, а все те же угрюмые, безлюдные горы были вокруг. Нигде ни малейшего признака человеческого жилья.

— Слушайте, возникло ужасное сомнение,— неожиданно сказала Лиза.

— Сомнение? В чем?

— В здравом ли уме Петр Арианович? Уцелел ли его рассудок?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хочу сказать, что он мог и не выдержать выпавших на его долю испытаний. Что, если все письма, которые Петр Арианович посылает из своего убежища в горах, наполнены иллюзиями, описанием галлюцинаций?

— Черт знает что говорите, Лиза! — возмутился Савчук.

— Нет, вдумайтесь, товарищи! Человека носило на льдине, человек был на волоске от смерти. И вдруг он видит удивительный оазис в глубине гор, но безлюдный. Какое потрясение он должен был испытать!.. И тогда Петр Арианович окружил себя вымыслами... «Дети солнца»!.. Птица Маук!.. Таинственные ритуалы!.. Эти видения явились как бы защитной реакцией. А на самом деле все пустынно вокруг, нemo...

Мороз прошел по коже, когда я подумал о такой возможности. Несчастный, полубезумный человек бродит

среди скал. Никого нет подле него, он одинок как перст, но ему чудится, что здесь полно людей. Он разговаривает с ними, спорит. Он прячется от какой-то несуществующей Птицы Маук...

— Что это взбрело тебе в голову? — запротестовал я. — Ведь Бульчу тоже видел людей. Один из них даже пустил в него стрелу.

— А медвежьи следы? — подхватил Савчук. — Потом пепел. Разве можно сомневаться в том, что к нам приходили люди из оазиса?..

Лиза, помолчав, призналась, что поддавалась мнительности.

— Устала от гор. Давят, — пробормотала она, со злостью погружая свое весло в воду.

В тот вечер мы улеглись спать в тревожно-подавленном состоянии.

Бульчу разбудил меня в два часа ночи. (Это было время моей вахты — с двух до четырех.)

Долина реки была погружена в сумерки. Черные тучи закрыли солнце.

Я сидел у костра, положив ружье на колени и прислушиваясь к монотонному плеску реки. Маленькие волны, набегая на берег, все время озабоченно шептались о чем-то. Могло показаться, что это люди шепчутся в кустах, тесно сблизив головы, то и дело поглядывая на меня из-за ветвей.

Но я не позволял себе поддаться страху. Смолоду привык дисциплинировать свое воображение. Вот и сейчас стал думать об оазисе, воображать, каков он.

Мне — чтобы хорошо работалось — надо ясно представлять конечный результат моей работы. Для того чтобы дойти, необходимо в воображении своем нарисовать цель, конечный пункт пути.

Так обстояло дело шесть лет назад, во время поисков Земли Ветлугина. Так обстоит дело и теперь, во время поисков самого Ветлугина.

С земли поднялся Савчук и, ежась от холода, подсел ко мне.

— Полчетвертого, — сказал я, посмотрев на часы. — Рано еще. Сменять в четыре.

— Не спится, — хрипло ответил Савчук.

— Не спится? Почему?

— Все мысли, заботы... Дайте-ка папиросочку!

— Вы же не курите!

— Придется закурить.

Мы задымили и долго сидели в молчании, думая каждый о своем, а может быть, даже об одном и том же.

— Ну, спать, Алексей Петрович. Спать! — сказал Савчук, беря у меня из рук ружье. — Начало пятого, а в шесть побудка.

Я осторожно, стараясь не разбудить Лизу, лег с ней рядом у потухшего костра. Только вытянувшись на подстилке из мха и веток, почувствовал, как устал за день.

Перед закрытыми глазами замелькали какие-то блестящие, солнечная рябь. А! Листва, освещенная солнцем!

Раздвинулись ветви, и на опушку вышел Петр Арианович, близоруко щурясь через очки.

Он спокойно стоял и осматривался. Он не видел, что из-за спины его, нависая над ним, поднимается что-то страшное, какая-то очень длинная, медленно раскачивающаяся тень...

Крикнуть, предупредить? Но мой голос не донесся бы до него...

3

Утром я проснулся от холодных капель, которые падали мне на лицо. Погода переменилась. Небо было в тучах, накрапывал дождь.

Река сразу стала хмурой, неприветливой. Прибрежный тальник дрожа дрожал, как от озноба.

С севера задувал резкий, прохватывающий до костей ветер.

Настроение участников экспедиции по-прежнему было нервным. Лиза разворчалась на меня за то, что я пролил кофе. Я не удержался, ответил резкостью. Савчук только вздыхал и ел больше обычного, что было у него признаком угнетенного состояния духа.

Бульчу спустил лодку на воду. Мы молча расселись в ней.

Стыдно признаться, но я испытывал желание поссориться с нашим проводником. Меня раздражал его спокойный, самодовольный вид.

— Скоро ли? — то и дело спрашивал я.

— Скоро, скоро, — бодро отвечал старый охотник.

— Вторую неделю говоришь так. Ведь уже был здесь!

— Очень близко показалось — от смерти бежал,— отвечал проводник, поворачивая ко мне улыбающееся круглое лицо.

Что поделаешь? Он был прав. Человеку, за спиной у которого смерть, некогда оглядываться по сторонам и высчитывать расстояние. Удивительно еще, что Бульчу запомнил так много ориентиров на берегу.

— Посмотри,— говорил он, указывая вешлом.— Вон берег обвалился. Красная глина, как открытая пасть. А сейчас скала будет — Сидящая Сова. Очень похожа на сову.

Это была память не горожанина, знающего, что можно при малейшем затруднении спросить дорогу у милиционера, нет, цепкая память охотника, который не пользуется даже компасом, потому что привык доверять своим обостренным зрению и слуху.

Вдобавок живое воображение, свойственное людям, близким к природе, помогало Бульчу выискивать приметы там, где не всякий их смог бы найти. На мой взгляд, например, у скалы, мимо которой мы плыли, не было ничего общего с сидящей совой. Бульчу же много лет назад увидел это сходство и по нему узнал скалу.

— Теперь скоро,— сказал он, держась одной рукой за выступы камня, а другой поднимая весло.— Слышишь шум?

Я прислушался. Успокоительно ворковали струи воды под дном лодки. С плеском набегала на берег и откатывалась волна. Больше я не услышал ничего.

— Слышно очень хорошо,— сказал Бульчу, удивленно посмотрев на меня. Он надул щеки: — Вот так: гу-у, гу-у!..

Но только через четверть часа на привале я, Лиза и Савчук услышали нечто напоминавшее раскаты грома.

Чем выше поднимались мы по Реке Тайн, тем сильнее становился грохот, тем чаще Бульчу оборачивался ко мне, улыбаясь во все лицо.

Лодка обогнула каменистый островок, вышла на широкий плес, и мы увидели пороги впереди.

Мокрые, тускло отсвечивавшие камни торчали над водой, будто река ощерила злобную пасть.

К сожалению, у нас не было крыльев, и мы не могли

перелететь по воздуху через пороги. О том, чтобы проскочить их, нечего было и думать. Промежутки между камнями были очень узкими. Пена устрашающе кипела там. Высоко взлетали брызги.

Бульчу осторожно подгрел к берегу.

Нужно было обойти препятствие по суше, волоком протаскивая лодку до чистой воды.

Мы вытащили ее на прибрежный песок. Лиза стала вынимать вещи, чтобы облегчить лодку, а мы с Бульчу отправились вдоль берега — разведать местность.

Один Савчук остался стоять у порогов. Его, по-видимому, развлекли брызги пены, тончайшая водяная пыль, висевшая над камнями.

— Как дитя малое! — сердито сказал я Бульчу. Охотник недоумевающе пожал плечами.

Мы остановились, наблюдая издали за Савчуком.

Он выпрямился, махнул рукой Лизе (голоса за ревом воды слышно не было). Лиза подбежала к нему, подала какую-то вещь. Ага, бинокль! Теперь они попеременно смотрели на пороги в бинокль, оживленно жестикулируя.

— Зовут! — взволнованно сказал Бульчу. — Вон — машут. Что-то нашли!

Он сорвался с места и побежал назад, скользя и оступаясь на мокрой траве. Я поспешил за ним. Я уже догадывался, какой предмет увидели Савчук и Лиза, и боялся поверить в это.

— Где, где? — кричал Бульчу на бегу.

Лиза указывала на пороги.

Подбежав к ней и взглянув в ту сторону, я увидел, что посреди порогов темнел скалистый островок. Там, в расщелине, торчала верхушка ствола, застрявшего между двумя остроконечными камнями. Вода переклестывала через них. Вокруг, бешено клубясь, вертелись завихрения пены. Только изредка раздергивалось покрывало брызг, и тогда ствол был виден очень хорошо. Мокрый, лоснящийся, лишенный веток! Двойник ствола, найденного на отмели!

— А сигнал бедствия? Есть ли на нем сигнал бедствия?

Вместо ответа Савчук сунул мне бинокль в руки.

Да, это был меченый ствол! Когда струи воды опадали, я различал на нем три красных кружка, три черных тире и снова три красных кружка.

— Ожидал его увидеть здесь. Надеялся, что он здесь,— говорил Савчук, нетерпеливо отнимая у меня бинокль.— Среди деревьев, которые прорывались к океану, должны же были быть неудачники. Один споткнулся об отмель, другой — вот он! — застрял на островке между камнями.

— Но, может, и это пустышка? — прервала его Лиза.— Есть ли в нем письмо? Цело оно?

Мы с беспокойством переглянулись.

— Вот что,— сказал я.— Мы с Бульчу попробуем подойти к нему на лодке.

— Нельзя. Перевернет!

— Не снизу, Бульчу, нет... Сверху! Вместе с течением!

— Нельзя! Разобьет о камни!

— Тогда вплавь.

Бульчу только сердито покосился на меня.

Каменный островок находился примерно на середине реки. Нас отделяло от него не более двадцати метров. Но все пространство от берега до берега представляло из себя сплошной водоворот. Самый опытный пловец не сумел бы преодолеть эту опасную стремнину.

— А если веревкой обвязаться? Свободный конец держать на берегу? — нерешительно спросил я и замолчал.

Новое решение пришло в голову.

— Не вплавь, а по камням! — сказал я. Савчук, Бульчу и Лиза удивленно смотрели на меня.— Конечно же, по камням... Есть у тебя длинный ремень, Бульчу?

Но старый охотник, поняв меня с полуслова, уже торпливо разматывал аркан, которым был опоясан под своим сокуем.

Подобные арканы (они называются «маут»), сплетенные обычно из четырех ремней, набрасываются на оленей, которых хотят отделить от стада.

Я попытался добросить аркан до одного из камней, между которыми зажалось плавание. Аркан сорвался в воду. Я повторил попытку, и опять неудачно. У Савчука тоже не получилось ничего.

Он уступил место Бульчу.

— Юношей был, ловил оленей очень хорошо. Теперь все забыл,— говорил охотник с притворной скромностью, как обычно говорят в таких случаях виртуозы своего дела. Он покружил в воздухе арканом, разминая руку.

— Нет, забыл. Не попаду,— повторил он.

В первый раз Бульчу действительно не попал. Петля соскользнула с мокрого камня, конец аркана плюхнулся в воду. Но, подтянув его обратно и дождавшись, пока рассеется облако водяной пыли, наш проводник снова примерился. Длинная черная змея пронеслась в воздухе, и Лиза захлопала в ладоши.

Петля туго затянулась на камне. Бульчу слегка отпустил аркан, и тот повис над порогами, покачиваясь, будто приглашая меня испытать надежность переправы.

— Очень хорошо, Бульчу,— похвалил я.— Свободный конец обвяжи вокруг этой скалы. Да покрепче. Я буду придерживаться рукой за аркан.

Я поспешно разулся и в одних носках шагнул на ближайший к берегу скользкий камень. Савчук придержал меня за локоть.

— Нет, я,— сказал он.

— Почему вы? Это моя мысль.

— Я начальник экспедиции,— пояснил Савчук вежливо, но твердо.— В данном случае позволю себе применить власть.

Я посмотрел на Бульчу и Лизу, ища поддержки. Они молчали.

Уже стоя одной ногой на камне, Савчук обернулся и сказал извиняющимся тоном:

— Надо, видите ли, уметь обращаться со всеми этими секретными ящиками, тайниками в стволах и прочее. Дело очень деликатное, тонкое. Никому не могу этого доверить. Даже вам!..

Бульчу поспешно обвязал его вторым ремнем вокруг талии. Савчук с осторожностью переступил на следующий камень. Он подвигался вперед очень медленно, одной рукой держась за аркан, другую отведя в сторону, чтобы сохранить равновесие.

Со стороны, возможно, это выглядело нелепо: толстый человек средних лет в одних носках осторожно идет по камням, балансируя, как канатоходец. Но мне, Лизе и Бульчу это не казалось нелепым.

Перепрыгнув с пятого камня на шестой, Савчук вдруг покачнулся, чуть было не упал, но выправился и пошел дальше.

— Страшно! Не могу смотреть,— сказала Лиза, закрывая глаза ладонью.

Аркан был туго натянут и вибрировал, как струна. Зато легкий ремень, которым опоясали Савчука, провисал свободно, волочась за ним по воде. Конец ремня крепко держали я и Бульчу. Это была страховка на случай несчастья.

Савчук уже приближался к меченому плавнику. Здесь некоторые камни были залиты водой, да и промежутки между ними были более широкими. Этнографу пришлось удвоить осторожность. Он пригнулся и обеими руками схватился за аркан. Грозно кипящая вода захлестывала его выше пояса.

Теперь наступал самый опасный момент. Савчук остановился. От островка отделяло его метра полтора. Надо было прыгать не раздумывая. Но Савчук замешкался.

Мне показалось, что он смотрит вниз, в белый водоворот. Ну, теперь кончено! Закружится голова, и...

— Прыгай! — заорал я. — Прыгай же, чертова переноска!..

(Боюсь, что, охваченный волнением, я выразился несколько сильнее.)

Мой возглас подействовал, как удар бича. Савчук прыгнул. Вероятно, он не рассчитал расстояния, потому что на глазах у нас сорвался со скользкого камня и исчез под водой.

Лиза пронзительно вскрикнула.

Но этнограф тотчас же вынырнул из завихрений пены и уцепился за камень.

На островок он ухитрился вскарабкаться без нашей помощи. Он поднимался по нему медленно, цепляясь пальцами за каждый выступ, то и дело обрываясь и соскальзывая в воду. Наконец прочно утвердился на камне рядом с плавником.

Несколько минут он отдыхал. Потом, успокоительно помахав нам рукой, нагнулся над стволом.

Он возился с ним очень долго. За брызгами пены не видно было, что делает Савчук, но мы знали, что он пытается приоткрыть тайник и извлечь оттуда письмо, если оно еще сохранилось.

Работать приходилось с величайшей осторожностью, чтобы не повредить драгоценный манускрипт.

Савчук каждую минуту мог снова сорваться в воду: он сидел, как птица на насесте, на скользком камне, беспрестанно обдаваемом холодными брызгами.

Наверное, пальцы этнографа окоченели — иногда он прерывал работу и, стараясь согреть руки, закладывал их под мышки.

Наблюдая за неуклюжей фигурой, которая то появлялась, то исчезала за взлетающим над порогами каскадом брызг, я мысленно стыдил себя за то, что был несправедлив к Савчуку в Москве. Ведь я считал его сиднем, архивной крысой, кабинетным ученым. Вот он, «кабинетный ученый», работает, как грузчик, как водолаз, в кровь обдирая руки о камни, ежеминутно рискуя жизнью!

Да, нелегко ему доставался каждый новый добытый для науки факт...

Так прошло, наверное, не менее двадцати минут (некогда было взглянуть на часы). Но вот Савчук поднялся во весь рост и, приложив руки рупором ко рту, что-то прокричал нам.

Трудно было разобрать слова за шумом воды.

— Пустышка? Нет письма? Размокло письмо? — наперебой переспрашивали мы.

После неоднократных повторений нам удалось понять Савчука. Оказалось, что он не решается открыть дверцу в стволе. Она наполовину затоплена. Если открыть ее, вода может проникнуть внутрь тайника и повредить письмо. Савчук предлагал вытащить плавник на берег.

К счастью, ствол, застрявший между камнями, сидел не очень крепко. Вскоре Савчуку удалось высвободить его из каменного капкана, и мы со всеми предосторожностями подтащили к берегу свою драгоценную находку.

4

Никто не смотрел на меченый плавник, хотя из-за него была поднята эта рискованная возня. Мы стояли подле Савчука, который лежал на песке, ловя воздух широко разинутым ртом. Он перехватил мой встревоженный взгляд и попытался улыбнуться.

— Отяжелел... Брюхо отрастил... — сказал он, переводя дух после каждого слова. — Засиделся... в архивах...

— Будто оправдывается! — сердито закричала Лиза, дрожащими пальцами расстегивая его мокрую куртку.

Постепенно она приходила в себя после пережитого волнения. Об этом можно было догадаться по тому, как Лиза принялась командовать:

— Володя, раздевайтесь! Я уйду, буду готовить чай! Бульчу, вот спирт! Хорошенько разотрите Владимира Осиповича! Насухо, насухо, чтобы кожа покраснела! И переодеться во все сухое!.. А ты чего стоишь? — накинулась она на меня.— Собирай тальник, разжигай костер... Или нет, подожди! Я сама разожгу костер. Помоги Бульчу. Растирайте Савчука в четыре руки!

Пока мы энергично «в четыре руки» растирали Савчука, он, мешая нам, тянулся к лежавшему рядом меченому плавнику, как ребенок, которому не дают новую, только что привезенную из магазина игрушку.

Но Лиза была неумолима. Только после того как Савчука вытерли, переодели во все сухое и напоили горячим чаем, она разрешила ему заняться плавником.

С коротким стуком, похожим на выстрел, отскочила дверца, закрывавшая тайник в стволе.

Округлыми уверенными движениями Савчук вынимал мох из отверстия в стволе. По временам он останавливался, осторожно ощупывал содержимое ствола и продолжал свою работу. Лиза, стоявшая рядом на коленях, прерывисто и быстро дышала. Ей, видно, хотелось поторопить его, но она не осмеливалась этого сделать.

И вот, наконец, из ствола были извлечены четырехугольные бересты, заботливо переложенные мхом. Они были почти сухими.

— Странно...— сказал я разочарованно.— Я помню почерк Петра Ариановича. Он писал угловато, размашисто. А здесь, глядите-ка, буквы лепятся одна к другой. Какая-то старомодная вязь!

— Ну, это понятно: он экономил место, старался уместить на нем больше текста.

Но это соображение показалось мне недостаточно убедительным. Так хотелось снова увидеть знакомый, привычный почерк Петра Ариановича!.. Ведь первое письмо (вернее, то, что осталось от него) было обезличено, представляло собой всего лишь копию, отпечатанную на пишущей машинке.

Впрочем, некогда было раздумывать над этим.

— Есть дата, товарищи,— объявил Савчук прерывающимся голосом.— Письмо датировано тысяча девятьсот семнадцатым годом!..

Он начал медленно читать, запинаясь, пропуская не-

понятные места, часто обращаясь к нам с Лизой за советом.

К сожалению, несмотря на тщательную закупорку, вода все же проникла внутрь «конверта», испортив некоторые куски текста.

Особенностью Петра Ариановича было то, что он очень мало писал о себе. Географ, видимо, спешил передать собранные им научные сведения. Наука была для него на первом плане. Поэтому многое из того, что касалось непосредственно Петра Ариановича, нам приходилось додумывать, дополнять своим воображением.

Не стоит обременять читателя всеми подробностями этой кропотливой работы. (Трудность ее поймут, пожалуй, только ученые, посвятившие себя изучению старинных рукописей.)

Скажу только, что первоначальная расшифровка пестрела неопределенными оборотами, которые выдавали наши колебания: «По-видимому, Петр Арианович отправился...», «Вероятно, он знал о том, как...», «Надо предполагать, что...»

Лишь под конец экспедиции все стало на свои места, все стало ясно: нам, если помнит читатель, очень помог дневник.

Но вначале, повторяю, пришлось нелегко. Письмо, пересланное в плавнике, напоминало книгу с вырванными или поврежденными страницами.

Из мглы выплывала одна картина за другой. Эпизод следовал за эпизодом. Вдруг возникало плоское свиное лицо, а вокруг него клубился мрак. Что-то с трудом формировалось там, какие-то очертания мелькали, кружились, пересекая друг друга. И вот, как из хаоса, проступало нечто новое. Рядом с свиным лицом появлялись другие лица.

Своеобразной была обстановка, в которой происходило чтение второго письма на бересте.

Тучи, давно собиравшиеся в северной части горизонта, спустились с гор и сумрачным сводом нависли над нами. От этого сразу стало как-то душно. Мы словно бы очутились в тесном помещении, очерченном светлым кругом костра.

Длинные языки пламени поднимались и тотчас же опадали. Иногда с шипением вываливался уголек из костра. Его поспешно заталкивали назад.

Река бесновалась у порогов, будто злясь и негодуя на нас за то, что Савчук вырвал меченый плавник из ее пасти.

Но у костра было тепло. (Лиза заставила меня и Бульчу поддерживать огонь, чтобы Савчук не простудился после своего вынужденного купанья.)

Участники экспедиции сгрудились вокруг костра. По сосредоточенным лицам перебегали красные пятна — отсветы огня, а за спинами раскачивались мохнатые тени; тени будто сошлись, и обступили нас обитатели гор, о которых писал Ветлугин.

Один за другим возникали они в моем воображении, рождаясь в игре отблесков, в извечной борьбе света и мрака...

Глава четвертая

ОАЗИС ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

1

...Подняв голову, Ветлугин, увидел синюю полосу на юге. Земля? Неужели земля?!

Странствие по морю кончилось. Ледяные поля прибило к земле.

Ползком по разлезающим, колеблющимся льдинам Ветлугин выбрался на берег. Отдышавшись, осмотрелся.

В южной части горизонта темнел какой-то горный массив. Горы? Что бы это могли быть за горы?..

От устья Лены вдоль побережья протянулась тундра, низкая, болотистая, безлесная, — арктическая степь. Горы к западу от Лены могли встретиться только на Таймырском полуострове.

Стало быть, Таймыр?..

Ого! Куда, однако, занесло его!

Но если так, то горы на юге, несомненно, плато Быр-ранга.

Перешагнуть бы это плато, а там уж не так далеко и до русских поселений...

«Относительно недалеко, — тотчас же поправил себя Ветлугин. — Понятно, не пятьдесят и не сто верст. Немногим больше!»

Сейчас он не хотел прикидывать, сколько именно верст. После чудесного избавления от почти неминуемой

гибели все казалось близко, просто, легко осуществимо. На ногах будто выросли сказочные семимильные сапоги!

Отдышавшись, Ветлугин двинулся на юг.

По-видимому, он знал, что на лето самоеды прикочевывают к Таймырскому озеру.

Задача состояла в том, чтобы добраться до летних стоянок самоедов и вместе с ними уйти к границе леса. Успеет ли он сделать это? Или запоздает, отстанет от самоедов?

Отстать — значит умереть!

Сотни верст пустынной тундры отделяли путешественника от ближайшего поселения. А самым грозным препятствием на пути вставало затянутое туманом безлюдное плато Бырранга.

Этот период жизни представлялся ему впоследствии очень смутно, в виде вереницы однообразных каменных ущелий с осыпающимся галечником и известняком. Он брел по ним, иногда останавливаясь и с тревогой осматриваясь.

Короткая таймырская осень кончалась. Снег белел теперь не только во впадинах, но кое-где и на склонах. Небо было темнее скал: свинцово-серое, почти черное, очень мрачное. Оно как бы провисло под тяжестью еще не выпавшего снега. Лишь далеко впереди, на юге, светлела узкая полоска над горизонтом.

В спину дул ветер, будто подталкивая, торопя. Но и без того путник знал, что зима нагоняет его, идет за ним по пятам.

С огромным трудом давался каждый новый подъем. Каменистые горы поднимались к югу как бы ступенями, напоминая лестницу гигантов. Быстро неслись над головой низкие тучи, все чаще просеиваясь снегом.

Он шел и шел, опустив плечи, помогая себе взмахами рук, будто плыл.

Первое время Ветлугин, по-видимому, охотился в горах. Потом запас пороха кончился.

Однако спички Ветлугин берег. Они с особой тщательностью были запрятаны в герметически закрывавшейся металлической спичечнице, и путешественник не позволял себе расходовать больше одной в день.

Последнюю спичку использовал при разжигании костра, на котором собирался жарить пойманную куропатку. Он поймал ее руками.

Ему повезло. Еще издали заметилдвигающийся по склону комочек. Куропатка? Он отвернулся. Что пользы смотреть на нее, когда ружья нет?

Но через минуту, не удержавшись, опять повернулся в ту сторону.

Странно! Почему проклятая птица двигается короткими скачками, не пытаясь взлететь? Ага! Вот оно что!.. У нее перебито или перегрызено крыло!

Спотыкаясь от слабости, Ветлугин погнался за куропаткой. Под руку подвернулся камень. Он швырнул его в птицу и, наверное, ушиб ей ногу, потому что она стала удаляться гораздо медленнее.

Наконец он настиг ее.

Мясо обычно съедалось полусырым, несмотря на то, что жарилось на костре. Ягель сгорает очень быстро, а в распоряжении Ветлугина не было другого топлива. Но сейчас не приходилось обращать внимание на такие мелочи. Все же еда была горячеей.

Он разгреб снег, извлек из-под него белый лишайник, который служит кормом для северных оленей, потом старательно уложил и утрамбовал в ямке, предусмотрительно вырытой в снегу, чтобы не задувало ветром пламя.

Казалось бы, все предосторожности были приняты. Но руки дрожали от волнения или слабости, когда подносил зажженную спичку к ягелю. Огонек качнулся и погас. Куропатку пришлось съесть сырой.

О том, что он израсходовал последнюю свою спичку, Ветлугин вспомнил только вечером, устраиваясь на ночлег. Было очень холодно. Захотелось погреться перед сном. Но спичек не было. Полно ягеля под ногами, а костер разжечь уже нечем!..

Все же ему удалось задремать, забившись в углубление между скалами и свернувшись калачиком.

Ветлугина разбудили крикливые голоса подорожников.

Эти птицы улетают с Таймыра осенью в арьергарде остальных перелетных птиц. С отлетом подорожников на полуострове воцаряется зима.

Знал ли об этом Ветлугин?

Сейчас птицы как угорелые носились перед скалой, под которой он укрылся. Зарябило в глазах. Потом стая, будто испугавшись чего-то, взмыла в небо и мгновенно исчезла.

Некоторое время Ветлугин лежал неподвижно, собираясь с силами. Когда опять посмотрел вверх, представилось, что подорожники вернулись. Но они были теперь совсем белыми. Птицы бесшумно садились на снег и, распластавшись, сливались с ним.

Не сразу Ветлугин догадался, что это уже не птицы, а хлопья снега. Черт возьми! Он никогда не видал таких больших, похожих на птиц, хлопьев.

Уставившись в небо, Ветлугин долго повторял: «Подорожники улетели, подорожники улетели...» Это было плохо. Но почему? Он не мог понять. Что-то неладное творилось с головой.

Он так и не сумел, или не захотел, додумать до конца: в чем же пугающая связь между его собственным положением и отлетом подорожников?

Идти стало гораздо труднее, точно Ветлугин не отдохнул, а еще больше устал за ночь. Однако нужно было идти! Он шел и шел, нагнувшись вперед, медленно переступая ногами.

Временами в сознании возникали провалы. Ветлугин переставал воспринимать реальность происходящего. Полузабытые лица проносились перед ним, в ушах звучали знакомые голоса. Раз он поймал себя на том, что громко и сердито спорит с кем-то, хотя рядом никого не было.

Но все время перед его умственным взором стояла одна яркая, немеркнущая картина, которая заставляла сердце усиленно биться. Среди чахлой полярной растительности суетятся маленькие фигурки. Это самоеды снаряжают санки, быстро сворачивают и укладывают чумы, готовясь к возвращению на юг.

На юг! На юг!..

Иногда Ветлугин видел себя на быстро несущихся санках. Самоед рядом с ним понукал оленей и тыкал в них длинным хореем. Скрип полозьев был совсем явственным.

Потом Ветлугин встряхивал головой, будто просыпаясь. Какие полозья? Это ветер свистит, налетая порывами, с размаху бросая колючие снежинки в лицо.

Теперь путник уже не различал светлой полосы над горизонтом, но считал, что идет правильно: все на юг и на юг...

— Чем ближе к вершине, тем труднее идти,— поду-

мал он вслух.— Проклятый ветер сдувает снег с каменных плит, ноги скользят.

Вскоре он остушился и упал на ровном месте.

Добраться бы только до гребня — тогда все хорошо, он спасен. Не может быть, чтобы за этим хребтом были другие. Этот хребет — самый трудный, но зато уж последний.

Да, несомненно, последний! До вершины осталось совсем немного. Еще каких-нибудь двадцать — тридцать саженей подъема, и горы оборвутся, а под крутым скалистым берегом сверкнет вода. Это озеро Таймыр, у которого нетерпеливо поджидают самоеды. (Ему казалось уже, что они поджидают его.)

Цепляясь за торчащие камни, в кровь обдирая пальцы, Ветлугин ползком поднялся на гребень.

Мгновение он смотрел вперед, потом ничком, очень медленно опустился на землю.

Стало очень страшно.

Новые хребты громоздились вдали, черно-белые, грозные, ярус за ярусом. Сквозь завесу медленно падающего снега можно было различить их зазубренные, как бы оскаленные вершины.

Он долго лежал на камнях, полчаса, может быть даже час. Потом, отдохнув, с трудом поднялся и продолжал идти, покачиваясь от слабости.

Вперед!.. Вперед!.. К вечеру надо обязательно добраться до следующего гребня!

Только такую, ограниченную, задачу ставил перед собой. Он запретил себе думать о чем-либо другом, и прежде всего о том, что на озере уже нет никого, что самоеды давным-давно откочевали на юг и оставили его одного на произвол судьбы в безлюдных, страшных горах Бырранга.

Его обдало ледяным ветром. Снежинки завертелись, заплясали вокруг. Плохо! Придется прятаться, пережить снежный заряд, чтобы не угодить сослепу в какую-нибудь яму.

Ветлугин начал выкапывать нору в снегу, торопясь залечь в нее, как зверь в логово,— и замер.

Откуда-то снизу пахнуло теплом!

— Как из русской печи,— в раздумье сказал Ветлугин. И прислушался. Никто не ответил ему. Только ветер свистел вокруг.

Он поднялся на ноги, шагнул вперед с растопыренными руками, как слепой, не видя ничего, кроме струящейся белесоватой мути, и почти сразу же сорвался вниз, в пустоту...

2

Он не ушибся, потому что упал в снег, да и высота была небольшой.

Над Ветлугиным со свистом проносилась метель. Он почти не ощущал ее; ему представилось, что он как бы нырнул на дно реки, куда не достигала буря, бушевавшая наверху.

Здесь, по-видимому, начинался скат котловины, из глубины которой почему-то тянуло теплом.

Ветлугин пополз вниз со всеми предосторожностями, очень медленно.

Вскоре сделалось еще теплее, снежинки, крутившиеся в воздухе, превратились в туман, а под руками вместо снега все чаще стал возникать сырой, пружинящий мох.

Чем дальше подвигался Ветлугин, спускаясь в котловину, тем сильнее охватывало его благодатное тепло. Оно расслабляло, клонило к земле. Вскоре не осталось сил бороться с одолевавшей дремотой, и он заснул внезапно, в той же позе, в какой полз,— ничком, распластавшись на снегу.

Когда он поднял голову, метель стихла. Над ним в разрывах тумана мерцали звезды.

Спускаться в загадочную котловину ночью? Нет, это было опасно. Неизвестно, что подстерегает его там.

Но очень трудно было дожидаться утра.

То и дело Ветлугин настораживался, с тревогой вскидывал голову. Обостренный слух ловил непонятные звуки, доносившиеся из котловины.

Рев зверя?.. Да, очень похоже на рев. Не дикие ли олени пробежали внизу, невидимые в тумане?

А это что?.. Протяжный крик!.. Хриплый, сердитый, требовательный... Неужели же там, внизу, есть люди?..

Вот словно бы огоньки сверкнули. Сверкнули и пропали. Почудилось?..

Быть может, это звезды? Появились на миг в просвете между тучами, чтобы подразнить, поманить, отразившись в воде?

Значит, вода внизу? Там, в непроглядном тумане, озеро Таймыр?..

Это было бы счастьем!

Озеро — значит, все хорошо! Препятствия, гребни, перевалы остались позади. Сейчас он лежит на самом краю обрыва (Ветлугин знал, что Бырранга круто обрывается на юге). Утром туман рассеется, из-за туч проглянет солнце и озарит озеро, кое-где уже подернутое льдом, низенький кустарник и кучку самоедов, стоящих наготове подле своих запряженных в санки оленей.

Путник засыпал, просыпался, вглядывался в тьму, чутко прислушивался, снова погружался в короткий, беспокойный сон.

А время от времени снизу тянуло знакомым запахом дыма, жилья. Неужели же все это только чудится ему?!

Утро, к несчастью, выдалось пасмурное. Солнце так и не проглянуло сквозь тучи, но постепенно все стало светлеть вокруг. Косые полосы тумана медленно проплывали мимо. Иногда в просветах между ними угадывались какие-то зеленые пятна, клочки фантастического пейзажа.

Ветлугин поднялся с земли, сделал несколько неуверенных шагов. И вдруг будто завеса раздвинулась перед ним.

Он зажмурился, протер глаза. Видение не пропадало. Просторная, заросшая густым лесом долина лежала у его ног!

Ярко-зеленые пятна четко выделялись на более темном фоне. По-видимому, то были участки, покрытые хвойными деревьями. Другие деревья (какие именно, трудно было распознать) не имели зеленого покрова. Они стояли ярусами, неподвижные, тихие.

Между деревьями по дну долины прихотливо изгибалась река. Она еще не была скована льдом: вода казалась сверху почти черной.

А дальше, в глубине, над верхушками сосен громоздилась туча. В клубках дыма перебежали пугающие злые огоньки.

Ветлугину не удалось рассмотреть подробностей. Снова откуда-то из недр котловины надвинулся туман и скрыл из глаз оазис-мираж, возникший за Полярным кругом...

Проваливаясь в талом снегу, скользя и оступаясь, Ветлугин побежал вниз. Его обгоняли весело журчавшие ручьи.

Теперь он двигался как бы в пустом светлом круге. Туман расступался перед ним, но лишь на мгновение, и тотчас же смыкался за спиной, как вода.

Мало-помалу светлое пространство расширилось. Все явственнее выступали из тумана силуэты деревьев. На ветвях стали видны сверкающие капли воды.

По мере того как путник спускался в котловину, характер растительности менялся.

Вскоре вместо мха под ногами зашуршала трава. Выглянув из-за камней, алым пламенем мигнул цветок.

Цветы в горах Бырранга?..

Пройдя еще несколько шагов, путник увидел одуванчик. Он не поверил глазам. Боязливо протянул руку к одуванчику, ожидая, что встретит пустоту или схватит камень вместо цветка.

Нет, это не было галлюцинацией.

Дрожащими пальцами Ветлугин поднес цветок вплотную к глазам — и не сдержал вздоха удивления.

Одуванчик облетел, только маленький набалдашник остался на высоком стебле.

Путник испуганно оглянулся. Не исчезнет ли так и все вокруг?

Но испуг был напрасным. Все осталось без изменений в удивительной лесной долине.

Ветлугин продолжал спускаться.

Появились, будто выскочили из-под земли, стелющиеся кустики полярной березы, ивы, ольхи. Они ползли рядом, путались под ногами, мешая идти, но скоро отстали, уступив место более высокой растительности.

Что ни шаг, то все выше и выше делались деревья. Как большинство северных деревьев, они доходили путнику только до колен, потом, расхрабравшись, дотянулись до пояса. Наконец поднялись вровень с человеком, а там и зашумели пышными кронами над головой.

Лето? Нет, это не было лето. Скорее уж осень, по ранняя. Такая, какой ей полагается быть в сентябре где-нибудь в недрах сибирской тайги, то есть в значительно более южных широтах.

Невероятно!.. Удивительно!..

Где же тот сказочный порог, переступив который че-

ловец неожиданно попадает из тундры в тайгу, из зимы в осень?..

Ветлугин оглянулся. Не было видно этого порога. Исчезли, будто растворились в тумане, зловещие черно-белые, засыпанные снегом хребты Бырранга. Голубоватой дымкой затянут лес. Лишь белые полосы тумана медленно, словно бы нехотя, проплывают между неподвижными лиственницами.

На мгновение снова обожгла страшная мысль: *явь ли это?* Не чудится ли ему оазис в диких ущельях Бырранга? Говорят, когда люди замерзают в снегу, им снятся деревья, тепло...

В ветвях сердито вскрикнул какой-то зверек.

Ветлугин остановился.

Тишина. Капли воды с длинными паузами падают с веток. И опять в заколдованном лесу раздается озабоченное, бранчивое, с тревожно-вопросительными интонациями попискивание.

Ветлугин опустил глаза к земле.

Ага! Так и есть! В сумраке подлеска мелькнул черненький кончик хвоста.

Какой-то зверек то высовывался из-под корней, то снова прятался туда. Он походил на ласку, только был подлиннее. Верхняя часть его тела была красно-бурая, по начала уже белеть — зверек «переодевался»: летнюю окраску менял на зимнюю.

Белая шкурка с черным хвостом? Ну конечно! Клочок царской мантии! Десятки подобных шкурок составляли парадную царскую мантию.

Это был горноста́й!

Минуту или две они с напряженным вниманием смотрели друг на друга — Ветлугин и горноста́й. Потом решительный взмах хвоста, и огненно-белый комок скрылся в зарослях, будто горящую головню бросили в кусты.

3

Склон сделался еще круче. Приходилось продира́ться сквозь цепкие кустарники, шагать через упавшие, обросшие мохом стволы.

Лес обступил путника. Раздвинув кусты, Ветлугин прислушался.

Что-то странное творилось в лесу. Какие-то звуки

неслись отовсюду. Треск сучьев, хруст, топот, рев... Словно бы ливень обрушился на чашу. Что это? Та-там!.. Та-там!.. Все громче, слышнее. Каждый удар болезненным эхом отдается в сердце. Ветлугин выглянул из-за дерева.

Готов был увидеть что угодно, вплоть до ископаемого ящера, пробирающегося на водопой, или сказочного великана, шагающего через кустарник с мачтовой сосной под мышкой.

Но он увидел совсем другое.

Он увидел людей. Люди гурьбой спускались с противоположного склона, одетые в какую-то диковинную одежду, сшитую, по-видимому, из оленьих шкур, снабженную монашескими капюшонами. Да, это выглядело бы как процессия монахов, если бы над головами не раскачивались копыя.

Пугающий гул издавали не барабаны, а маленькие овальные бубны. Рокот их, ритмичный, зловеще монотонный, напоминал тяжелую поступь.

Издали невозможно было рассмотреть лиц, тем более что большинство их было затенено капюшонами. Ветлугин скорее угадал, чем увидел в них нечто жуткое, неприятное, отталкивающее.

Ему показалось, что все люди под капюшонами на одно лицо!..

Вереница людей в оленьих шкурах, спустившись со склона, скрылась за деревьями.

Что же делать? Раздумывать, колебаться нельзя. Решение надо принять немедленно!

До озера ему не дойти. А зима уже тут как тут. Зима догнала Ветлугина.

Единственный шанс на спасение в том, чтобы перезимовать в оазисе, в лесистой долине. Стало быть, сближение с ее обитателями неизбежно. И чем скорее оно произойдет, тем лучше!

Эх, была не была!..

Ветлугин возобновил спуск, перебегая от дерева к дереву, прячась за стволами. Неумолкающий рокот бубнов притягивал его, тащил за собой, как на привязи.

На дне котловины тускло блеснула река. Лучи солнца проникали сюда с трудом сквозь густые ветви. Поэтому здесь было очень сумрачно.

За стволами деревьев замелькали люди.

В голове процессии два человека с копиями вели го-

лого ребенка. Он был совсем мал, лет трех или четырех, и брел, выпятив животишко, неуклюже переваливаясь на кривых ногах, то и дело спотыкаясь. Вот он упал. Конвоиры остановились, терпеливо подождали, пока малыш встанет на ноги.

На шее его была петля; концы веревки держали конвоиры.

Сердце Ветлугина сжалось.

У некоторых народов тундры так удушают оленей: набрасывают на шею петлю и с силой тянут ремень в разные стороны. Неужели же оленя заменили ребенком?..

Снова зарокотали примолкшие было бубны. Один из участников процессии, украшенный разноцветными развевающимися лентами, принялся скакать, кружиться перед толпой, оглашая лес протяжными завываниями. Конвоиры подтащили упиравшегося малыша к реке.

С замиранием сердца вглядывался Ветлугин в темную, почти черную гладь, ожидая, что вода пойдет кругами и со дна реки вынырнет безобразная, на непомерно длинной шее, покрытая ракушками и водорослями голова какого-нибудь чудовища.

Но водная поверхность по-прежнему оставалась неподвижной.

Толпа надвинулась на малыша, тесно сгрудилась вокруг него. Раздался жалобный детский плач.

Ветлугин поднялся в кустах во весь рост. Больше он не мог оставаться в бездействии. Забыл обо всем: о том, что собрался зимовать здесь и должен во что бы то ни стало поладить с жителями котловины, забыл о том, что болен, измучен, безоружен. Нечто более сильное, чем доводы рассудка, более сильное, чем инстинкт самосохранения, вдруг подняло его, распрямило, толкнуло вниз.

Он должен спасти ребенка!..

Ветлугин сбежал вниз, к реке.

К нему обернулись улыбающиеся лица. Да, люди улыбались... Но это была одинаковая у всех, неестественная, словно бы приклеенная улыбка. На берегу возникло смятение. Кто-то, взвизгнув, кинулся бежать, кто-то упал на четвереньки и проворно пополз в сторону. Тарахтя, покатился брошенный овальный бубен.

Все это Ветлугин видел уже боковым зрением. Он шел напролом к цели. Его долг — спасти малыша!

Никакого определенного плана не было. Надеялся на случай, на внезапный поворот событий.

Но, добежав до реки, он остановился. Что это? Погруженный до половины в воду, лежал перед ним обрубок дерева, нечто вроде игрушечного ваньки-встаньки, но сработанного наспех, кое-как. Уродец не имел ни рук, ни ног. Лицо его было обтесано, наверное, двумя-тремя небрежными взмахами топора, нос и глаза едва намечались. Зато рот обведен был чем-то ярко-красным, точно запачкан кровью, и растягивался в безобразной улыбке во всю ширь лица.

Ветлугина поразило, что на деревянной короткой шее уродца болталась петля,— видимо, та самая, которая минуту назад была брошена на шею ребенка.

Где же малыш? Его нет на берегу.

Улыбка, грубо намалеванная на обрубке дерева, стала как будто еще насмешливее, еще шире, безобразнее.

Ветлугин оглянулся. Что же это за превращения совершаются вокруг? Куда он попал?

Сужая круг, медленными шагами приближались к Ветлугину люди в оленьих шкурах. Шеи их были напряженно вытянуты. Лица улыбались. Только сейчас он понял, почему улыбки одинаковые у всех, устрашающе-бессмысленные, неподвижные. Это были маски! Обитатели котловины были в масках.

Почудилось, что цепкие пальцы тянутся со всех сторон, хватают за плечи, за полы одежды. Наступил предел нервного напряжения. Котловина заполнилась гулом и грохотом, будто шумя ветвями, валились мачтовые сосны одна за другой.

Падая, он успел подумать: «Сон! Это сон! Сейчас наступит пробуждение. Я открою глаза и...»

Глава пятая

ПОД СВОДАМИ ПЕЩЕРЫ

1

Он открыл глаза.

Сумрачные своды нависали над головой. В ногах чадил фитиль, плававший в каменной площадке. Поодаль на стене мерно раскачивались косматые тени.

Что-то сказал над ухом глуховатый голос с забавными птичьими интонациями. Приподнявшись на локте, Ветлугин увидел человека, который протягивал ему чашу с питьем.

Из-за плеча его выдвинулся второй человек и поощрительно закивал. Ветлугин осмотрелся. Некоторые из людей, окружавших его, были одеты только в короткие кожаные штаны наподобие трусов или плавок, другие кутались в меховые одежды с капюшонами.

Ветлугин не прочел на лицах ни вражды, ни угрозы — всего лишь любопытство. Люди смотрели на него неотрывно, в сосредоточенном молчании, сидя на корточках и попыхивая коротенькими трубками.

Хлебнув тепловатого отвара, он откинулся на своем ложе. Мельтешило в глазах. Тени, двигавшиеся на противоположной стене, почему-то раздражали. Представилось, что сидит на качелях и, с силой раскачиваясь, уносится вдаль — летит куда-то в неизвестность.

Через минуту Ветлугин понял, что середину жилища занимает очаг, а тени отбрасывают на стену женщины, расположившиеся у огня. Проворные руки их безостановочно и мерно двигались.

Дым медленно поднимался и растекался наверху, и, как дым от очага, плыла под сводами песня, тягучая, монотонная. Женщины пели попеременно. Начинала одна, потом негромко, в лад, подхватывала другая. Получалось нечто вроде нескончаемого певучего разговора.

Ветлугину показалось, что женщины отбивают ритм кастаньетами. Но это было не так. Подняв глаза, он увидел, что над его головой висят разнообразные предметы: деревянные котлы и плошки, кожаные круглые щиты, колчаны, набитые стрелами, копыя, кисеты, а также множество уродливых фигурок из кости или из дерева, которые, надо думать, служили амулетами. Раскачиваясь от сквозняка, они сталкивались, постукивали и шуршали.

Среди них Ветлугин заметил две или три маски, подобные тем, что так удивили и напугали его в лесу.

Он с беспокойством взглянул на людей, сидевших вокруг него. На этот раз они были без масок.

Ветлугин облегченно вздохнул.

Лица окружавших его людей ему в общем понравились. Ничего отталкивающего, лукавого, вероломного не было в них. Смуглая кожа. Высокие массивные скулы.

Темные, с настороженным прищуром глаза. Плотно сжатые тонкие губы. Блестящие волосы, спускающиеся прямой прядью на лоб. Общее впечатление суровой мужественности, которое усиливалось благодаря широкой челюсти и тяжелым складкам век.

Ветлугин снова поднял взгляд к висящим под потолком маскам. Маски? Почему ему вздумалось принять их за маски?

Это были, в сущности, снеговые очки, которые в тундре надевают зимой во избежание снежной слепоты. Щели для глаз обведены узором, такой же поперечный узор украшает очки посередине.

Но зачем людям, живущим в лесу, снеговые очки? Быть может, они заменяют праздничный наряд?

Ветлугин не стал ломать голову над этим. Ему было трудно думать сейчас, трудно сосредоточиться над каким-нибудь вопросом.

Вдруг он вздрогнул и с надеждой посмотрел на доброе скуластое лицо, склонившееся к нему.

— Слушай, друг,— пробормотал он и сам удивился тому, как слаб его голос.— Дудинка, а? Не знаешь?.. Дудинка, Енисей!.. Далеко отсюда?..

Житель гор отрицательно помотал головой, затем, широко улыбаясь, развел руками. По-видимому, слова «Дудинка, Енисей» ничего не говорили ему.

Ну не беда! Потом можно порасспросить еще.

Амулеты, снеговые очки, щиты, колчаны продолжали шуршать и побрякивать под сводом. Эти негромкие монотонные звуки действовали усыпляюще. Ветлугин устал закрыть глаза...

2

Несколько дней он провел в таком вяло-дремотном состоянии, как бы на границе между сном и бодрствованием.

Ему казалось, что тянется все одна и та же длинная, нескончаемо-длинная ночь. Когда бы ни очнулся, всегда было темно вокруг.

Только значительно позже понял Ветлугин, что находится в пещере, превращенной в жилое помещение.

Ему мерещилась всякая чертовщина. Он путал события, даты, лица.

Большое воображение порой рисовало перед ним кривляющуюся харю, багровую, круглую, омерзительно самодовольную. Она нависала над Ветлугиным, медленно поднимаясь из-за поручней палубы. Корабль качался на волнах, качалась и харя. Вверх, вниз! Вверх, вниз!..

Да ведь это же Гивенс, американский контрабандист, который второе лето шныряет у берегов Сибири, а иногда, крадучись, заходит даже в устье Лены!

Проклятый лицемер, обманщик! Сейчас он веселится от души, засунув руки в карманы широченного, удобного, мехом наружу, пальто. На палубе надсаживается от хохота команда.

Еще бы не смеяться матросам Гивенса! Хозяин на глазах у них сделал бизнес. Выманил у двух доверчивых русских, политических ссыльных, шкурки песцов, все их богатство, предназначавшееся в уплату за проезд в Америку, и бросил беглецов на произвол судьбы! Мало того, донес на них русскому начальству. Вот так делец, пройдоха, хитрая голова: и шкурки получил и с начальством поладил.

Медленно разворачивается американская шхуна, ложась на курс.

Ветлугин вздрагивает и открывает глаза. Перед ним нет ни Гивенса, ни американской шхуны.

От костра доносится монотонное бормотание — пение женщин. Успокоительно мерцает огонек в каменной плошке, напоминающей ночник.

Стоило, однако, откинуться на оленьи шкуры и зажмурить глаза, как земля под Ветлугиным начинала колыхаться, не очень сильно, но равномерно, толчками. Это раскачивается на волнах льдина, увлекаемая в море с потоком других льдин.

Ветлугин видит себя на льдине.

Берег давно скрылся из глаз. Никого нет вокруг. Горизонт пуст.

Слышен только шорох уносимых на север плавучих льдин. Они прибывают и прибывают, трутся друг о друга, смыкаются все плотнее...

Это так страшно, что усилием воли Ветлугин старался стряхнуть кошмар. Он открывал глаза и тарашил их на колеблющийся огонек жирника.

Он не хотел спать! Он боялся спать!..

Некоторое время удавалось удержаться на поверхности сознания. Но мало-помалу сопротивление ослабевало,— пучина сна неотвратно затягивала, засасывала, как водоворот.

Это был пестрый — бело-красно-черный — водоворот.

Во сне, кроме ухмыляющейся красной рожи Гивенса и белого однообразия льдов, преследовал больного черный орел.

У него было две головы с раскрытыми клювами, из которых торчали тонкие, как жало, языки.

Птица о двух головах кружила над льдиной, отбрасывая на нее угловатую тень, постепенно сужая круги.

Потом куда-то исчезали льды. До самого горизонта вытягивалась вереница серых кубообразных зданий, обнесенных высокой стеной. Тюрьмы, тюрьмы, пересыльные пункты!..

Раздавался леденящий душу скрип. В ворота вводили Ветлугина. Все кончено. Он был пойман, схвачен. Побег не удался. Орел угрюмым стражем усаживался на воротах тюрьмы.

Ветлугин видел себя в партии ссыльных. Его гнали по этапу. Раздавались грубые окрики конвоиров. И всюду над обитыми железом скрипучими воротами встречала ссыльных та же черная птица о двух головах — эмблема царизма...

Ветлугин пошевелил правой рукой, отгоняя орла, с напряжением поднял слипающиеся веки. Люди в оленьих шкурах спали вокруг. Было тихо. Только сонно бормотали и негромко вскрикивали во сне дети да потрескивал горящий фитиль в жирнике, который стоял на земле.

Это неотвязное видение — двуглавый орел на фронтоне тюрьмы — повторялось особенно часто, с выматывающей душу регулярностью.

Незадолго перед выздоровлением кошмар, мучивший Ветлугина, странным образом совпал с той обстановкой, которая окружала его сейчас.

Ему приснилось, что он проснулся.

Разбудило неприятное ощущение. Показалось, что какое-то насекомое быстро проползло по лицу. Он открыл глаза и увидел, что кто-то стоит над ним и смотрит на него с откровенным выражением неприязни и любопытства. В высоко поднятой руке человек держал камен-

ную плоску с фитилем, стараясь, чтобы свет падал прямо на лицо лежащего.

— Что надо? — встревоженно спросил Ветлугин, жмурясь от света. Человек промолчал.

Ветлугин приподнялся на локте.

Ложе его окружали семь или восемь молчаливых фигур в капюшонах.

Консилиум? Не знахари ли это, которых пригласили к больному?

Нет. Скорей какое-то средневековое судилище.

Продолжая вглядываться в Ветлугина, человек, державший светильник, произнес, запинаясь, несколько слов. В них послышалось что-то знакомое. Видимо, человек в капюшоне пытался говорить по-русски. Но слова были исковерканы до такой степени, что ничего нельзя было понять...

Ветлугин недоумевающе пожал плечами. Человек скорчил злобную гримасу, потом повторил фразу более медленно. Интонации были как будто вопросительными. Ветлугина спрашивали о чем-то.

— Не понимаю, — пробормотал Ветлугин. — Я же сказал: не понимаю ничего.

Его судьи (если то были судьи), сблизив головы, принялись совещаться.

Тревога обострила слух больного. Он уловил, что люди в капюшонах изъясняются сейчас без всяких затруднений, а язык их резко отличается от того, на каком задавались вопросы.

Ветлугин прислушался к голосам. Они были дребезжащие, надтреснутые, старческие. Стало быть, здесь находятся только старики. Совет стариков? Старейшины племени?..

Спор у ложа больного продолжался довольно долго. Наконец люди в капюшонах расступились и пропустили вперед приземистое коренастое существо в одежде до пят. Оно присело на корточки перед Ветлугиным и заглянуло ему в глаза. Все вокруг замерло, вытянув шеи, в каком-то боязливом и нетерпеливом ожидании. Человек, державший светильник, почти вплотную приблизил его к лицу больного.

Не отрывая от Ветлугина мрачно-испытующего взгляда, существо в длинной одежде вытащило из-за пазухи сверток тряпья и принялось медленно разматывать его.

В высоко поднятой руке человек держал каменную плешку с фитилем.

Ветлугину показалось, что в свертке сидит вороненок. Он привстал, чтобы лучше видеть, и тотчас с криком откинулся, будто от толчка. Повторялся его обычный кошмар. Из тряпья выглянул двуглавый черный орел!

— Кыш, проклятая! Кыш! — сказал он слабым голосом, делая попытку отмахнуться от птицы.

Слова его как будто подействовали.

С огромным облегчением следил он за тем, как орел постепенно съеживается, словно бы перегибается пополам, потом ныряет в кучу тряпья.

Ветлугин перевел дух.

Прогнал!

Он поднял глаза на обступивших его людей. Странно! Выражение их лиц изменилось. Оно стало более приветливым. Один из стариков даже принялся что-то многословно объяснять Ветлугину, затем похлопал его по плечу поощрительно или дружелюбно.

Только существо, державшее сверток, почему-то осталось недовольно. Продолжая глухо ворчать, оно на четвереньках отползло в угол.

Мгновение, и следом за ним исчезли люди в капюшонах, разом утонули, растворились в темноте.

Ветлугин внимательно огляделся по сторонам.

Нет никого!

Пламя ночника по-прежнему подрагивает на сквозняке. Слоистыми глыбами лежит мрак за пределами освещенного круга.

Да, кошмар. Это был привычный кошмар.

Больной, весь в испарине, снова улегся, сразу же заснул и спал долго, без сновидений.

С этого момента дело пошло на поправку...

3

Постепенно с прибывающими силами возвращалась к Ветлугину способность рассуждать, оценивать окружающее.

Прежде всего он обнаружил пропажу многих своих вещей. Исчезли нож, часы, ружье, герметически закрывающаяся спичечница. Ветлугин предположил, что потерял их на подходе к ущелью, когда брел в состоянии почти полного беспамятства.

Потом он заметил, что пропала пряжка от пояса. Раз-

глядывая ремень — перерезанный, а не оборванный. — обратил внимание на то, что все потерянные им предметы — металлические. Быть может, они не потеряны, а похищены? Но почему именно металлические?

Это относилось также к числу загадок, которые надо было разгадать.

Мир его был очень тесен в то время — ограничен пределами жилища.

Это была невысокая сводчатая пещера, по-видимому сообщавшаяся узким коридором с другими подобными ей пещерами. Стены были увешаны шкурами, заботливо подпертыми снизу длинными жердями. Все предметы домашнего обихода, за неимением шкафов, развешивались на этих жердях или прикреплялись к ним ремнями.

Шкуры и жерди отдаленно напоминали о чуме.

И так же, как в чуме, помещалось здесь не одно, а несколько семейств — наверное, не менее двух десятков человек.

Их нелегко было сосчитать, потому что вначале они казались Ветлугину похожими друг на друга. У всех были широкие скулы, узкие глаза, прямые черные волосы.

Мало-помалу он стал различать своих соседей по пещере. Раньше остальных научился узнавать молодого человека, который поил его целебным отваром из чаши и всегда очень широко, располагаяще улыбался при этом. Молодого человека звали Нырты.

Ветлугин, не задумываясь, зачислил его в число своих будущих друзей.

Но с первых же дней появились у него и враги.

Из-за спины Нырты выдвинулось неприятное, гримасничающее, темное от копоти и грязи лицо. Горизонтальные морщины непрерывно двигались на мясистом лбу. Кожа была какая-то неприятная, маслянистая и дряблая. Все время на этой подвижной физиономии возникали складочки, морщинки, впадинки. Из-под выдающихся надбровных дуг хитро щурились плутоватые черненькие глазки.

Это был Якага, тесть Нырты.

Инстинктивную неприязнь, чувство настороженности, тревоги вызывала у Ветлугина и жена Якаги Хытындо.

Ноги у нее были очень короткие и толстые, а на длинном туловище торчала голова великанши. Непомерно крупные черты лица сохраняли неподвижность и неиз-

менную важность. Это было воплощение глупости, при том глупости властной, злобной, агрессивной.

Хытындо была шаманкой народа или племени, жившего в котловине. Вначале Ветлугин решил, что форма правления здесь теократическая, иначе говоря религиозная, и светская власть сосредоточена в одних руках — именно в руках Хытындо. (Впоследствии выяснилось, что дело обстоит иначе.)

У Нырты была жена, по имени Фано, и сестра-подросток Сойтынэ, которую Ветлугин видел лишь издали, — она не решалась подходить к нему. Зато голос ее постоянно, порой надоедливо, звенел в ушах. Видимо, Сойтынэ считалась лучшей песенницей — без устали складывала, импровизировала у костра песни с несложной однообразной мелодией; и когда начинала петь, другие женщины почтительно умолкали.

Мужчин Ветлугин видел только по вечерам — спозаранок уходили на охоту. По целым дням больной, прикованный к своему ложу, оставался в обществе женщин, детей и собак.

В равномерном ритме сгибались и разгибались перед ним сутуловатые косматые тени на стене.

Женщины Бырранги отличались трудолюбием: терпеливо сучили нитку, обрабатывали оленьи шкуры, кроили одежду, готовили пищу. Кроме того, искусные рукодельницы вырезывали и нашивали на одежду примитивный орнамент из раскрашенной кожи.

Тихая песня не умолкала у костра. Ветлугин подумал о том, что так, год за годом, век за веком, идет эта монотонная жизнь, под шелест и стук амулетов, подвешенных к потолку, под однообразно-печальный первобытный аккомпанемент.

В песне, наверно, говорилось и о нем, потому что иногда он ловил на себе задумчивые взгляды женщин. Оглянутся, помолчат, будто подбирая слова для сравнения, и продолжают петь.

Песню то и дело прерывало устрашающее ворчание или жалобный визг собак. Маленькие, коротконогие, с торчащей клоками белой шерстью, они лежали у входа; вертелись под ногами, ссорились и дрались из-за брошенной кости.

На ночь их выгоняли наружу, а в жилище оставались только щенки.

Всю эту беспокойную ораву упрятавали вечером в мешок, чтобы не мешали спать. Зато днем шенки невозбранно разгуливали всюду, тыкались своими черными носами в лотки с пищей, боролись, возились, пестрым мохнатым клубком перекатывались через больного. Они служили живыми игрушками для маленьких обитателей пещеры.

Но были у здешних детей и другие игрушки. Делались они из обрывков кожи, щепочек, костей, оставшихся после еды. Девочки укачивали уродливых кукол, закутанных в тряпье. Мальчики стреляли из маленьких, сильно изогнутых луков, а также пасли многочисленные «оленьи стада». Каждый игрушечный олень состоял всего из одной кости, а именно оленьей бабки. Иногда на «шею» такому «оленю» набрасывали арканчик, выволакивали из «стада» и с азартными криками тянули концы ремня в разные стороны — предавали «оленя» удушью.

Потешными были пляски детей. Вдруг несколько голышей — мальчики и девочки — выстраивались в затылок, брали друг друга под локти и принимались выступать парадной рысцой, забавно выпятив животы. Бесконечно, до одури, могли они кружиться так у очага.

В пещере, где жил Ветлугин, находилось шесть или семь детей различного возраста.

Он очень любил наблюдать за ними. Это отвлекало его от невеселых мыслей. Как-то легче становилось на душе, когда слышал рядом беспечное щебетание, топот проворных маленьких ножек и взрывы веселого смеха.

Самым шумным из всех был юркий коротышка, лет трех или четырех, откликавшийся на имя Кеюлькан.

Малыш как будто был знакомым. Эти выгнутые дугой раскоряченные ноги. Это подвижное круглое лицо. Яркий румянец на нем был виден даже под толстым слоем жира и грязи!

Но Ветлугин узнал малыша тогда лишь, когда несколько мальчиков постарше, разыгравшись, накинули на шею Кеюлькана аркан и, выкликая: «Маук! Маук!», потащили к выходу. Кеюлькан упирался изо всех сил, потом, не устояв на ногах, упал и с воем волочился по полу, цепляясь за оленьи шкуры.

Одна из женщин кинулась от костра к озорникам, щедро раздавая шлепки.

Порядок был восстановлен. В разноголосом плаче, наполнившем пещеру, особенно выделялся пронзительный и прерывистый, с взвизгиваниями, плач Кеюлькана, которому попало заодно со всеми.

Плач этот был в своем роде уникальным. Его совершенно невозможно было спутать с каким-либо другим плачем.

Сомнений не могло быть. Именно этого забавного коротышку с круглым выпяченным животом собирались принести в жертву загадочной Маук, и именно к нему на выручку бросился Ветлугин.

4

В тот же день он знаком позвал к себе Нырту. Тот поспешно, со всегдашней своей услужливостью, подал ему чашу с отваром, думая, что больной хочет пить.

Но Ветлугин отстранил чашу.

— Кеюлькан — Маук? — громко сказал он, указывая на вертевшегося тут же Кеюлькана. — Маук — Кеюлькан?..

Слова Ветлугина всполошили всех, кто находился в пещере.

Нырты втянул голову в плечи и боязливо оглянулся на вход. Сидевшие у очага замолчали, как по команде, а Фано торопливо вскочила и спрятала мальчика под полой своей одежды.

Любознательность Ветлугина не была утолена. Он настойчиво продолжал свои расспросы, решив не отставать от Нырты, пока тот не ответит, какая же связь существует между Кеюльканом и Маук. Однако предостерегающее шиканье, несшееся со всех сторон, действовало на ученого. Он умолк.

Нырта выжидательно смотрел на Ветлугина.

Какая-то мысль осветила его смышенное лицо. Он положил руку на голову Кеюлькана, другой рукой взял щепку, лежавшую на полу, и принялся объяснять что-то вполголоса, оглядываясь на вход. Нырта показывал на рот, жалостно склонял голову набок, жмурил глаза, подносил щепку к Кеюлькану, откидывался назад, будто приглашая сравнить их. Иногда, снижая голос до шепота, с нажимом произносил слово «Маук».

Мимика Нырты была такой выразительной, жестикуляция такой живой, что трудно было не понять его.

Ветлугин вспомнил раскрашенного ваньку-встаньку с петлей на шее, который лежал на берегу реки и, казалось, беззвучно смеялся над пришельцем.

Так вот оно что!.. В последнюю минуту жители гор подменили жертву и вместо Кеюлькана подсунули ваньку-встаньку, деревянный чурбан!

Ветлугин посмотрел на Нырту, улыбкой давая знать, что понял. Нырта предостерегающе поднял руку. Но в живых глазах его мигнул веселый огонек.

Ветлугину понравилось такое обращение — за просто — с мрачными духами ущелья. Стало быть, духов можно обмануть — только подразнить их аппетит зрелищем хорошо упитанного мальчика, а затем под шумок, под грохот бубнов и ритуальные завывания подменить его, всучить деревяшку вместо человека.

Жителям Бырранги нельзя было отказать в практической сметке.

А спустя некоторое время Нырта дал понять своему гостю, что думает о его, Ветлугина, взаимоотношениях с Маук.

Нырта сжал кулаки, потом с силой сдвинул их.

— Маук! — пробормотал он, кивнул на один кулак. — Тено! — сказал он, кивнув на другой.

Видя, что Ветлугин не понимает, молодой человек разжал кулак и осторожно ткнул собеседника в грудь.

— Тено! Тено! — повторил он.

«Тено» означало «ты»? Выходит, Ветлугина считали врагом Маук?

В этом, впрочем, не было ничего удивительного. С первых же своих шагов в котловине он бросил вызов Маук, пытался отнять предназначенного ей в жертву Кеюлькана.

Мысленно Петр Арианович выругал себя. Ну, можно ли быть таким неуживчивым человеком? Не успел еще осмотреться после побега из ссылки, как снова попал в передрагу, поссорился, и, по-видимому, серьезно, с одним из самых влиятельных духов Бырранги!

Вскоре, однако, Ветлугин забыл о загадочной, оскорбленной им Маук. Ну ее! Какое в конце концов дело ему до всей этой нелепой первобытной чертовщины?!

Разгадывать непонятный культ, копать в суевериях? Ну уж нет! Его ждет работа поважнее!

Ветлугину не терпелось встать на ноги и выбраться из пещеры, чтобы перед наступлением полярной ночи взглянуть еще раз на удивительный оазис за Полярным кругом.

Он заставил себя встать. Сначала ходил только по пещере, спотыкаясь о барахтающихся щенков и придерживаясь за жерди. Потом, дня через три или четыре, подбадриваемый возгласами женщин, выбрался в коридор.

Отдышавшись, он медленно поплелся к выходу в сопровождении Кеюлькана и других ребятишек, прошел мимо оленьих шкур, закрывавших вход в соседние жилые пещеры, и очутился на склоне лесистой котловины.

Свежий воздух опьянил его. Он вынужден был сесть на порожек — плоский длинный камень у выхода.

За то время, что Ветлугин отлеживался под сводами пещеры, внешний вид долины изменился. И сюда, с большим запозданием, пришла зима.

Деревья покрылись инеем, таким густым, что казалось — это облака лежат на склонах.

Полным-полно снега было в лесу!

Снег отсвечивал алым: солнце заходило. Оно висело совсем низко, почти касаясь края котловины. Значит, скоро должно было скрыться совсем, на всю зиму, на несколько темных зимних месяцев.

Ветлугину не верилось, что находится в горах Бырранга за Полярным кругом. Нет, это не таймырский пейзаж. Тайга! Кусок тайги! Будто чудом каким-то перенесся из тундры в тайгу — за тысячи километров к югу!

Суровые северные леса стояли по пояс в снегу во всем своем великолепии: неподвижные, тихие, словно бы замечтавшись о чем-то. Темные линии веток четко выделялись на белом фоне, будто узоры, резьба по кости.

Даже на короткий срок жаль было расстаться с этой величественной панорамой.

Однако Нырта окликнул Ветлугина из глубины пещеры, а потом вышел за ним следом: видимо, беспокоился о самочувствии больного.

Но прежде чем снова погрузиться в смрадную духоту жилища, Ветлугин раскинул руки и жадно, всей грудью вобрал в себя бодрящий морозный воздух — про запас.

В горле запершило.

Что это?..

Из лесу наносило горьковатый, очень знакомый запах. Дым?.. Ну, конечно же, дым! Удивительная котловина припахивала дымком — как он мог забыть об этом?

Ветлугин захохотал, потом, ощутив прилив энергии, швырнул снежком в Кеюлькана, барахтавшегося у входа в пещеру.

Значит, вулкан? Странная, отвергнутая гипотеза о вулканах в Сибири верна? Он, Ветлугин, находится в кратере потухшего вулкана, в кальдере!

Само название (по-испански «кальдера» — «котел») разъясняет суть явления. Земля еще не остыла. Внутри «котла» сохранилось тепло. Прогретая изнутри почва, а также воздух, обильно насыщенный углекислым газом (дым!), который выделяется из всех трещин, создают благоприятные условия для жизни растений. Вот почему здесь такой высокий лес. Вот почему он так далеко продвинулся на север, перешагнув запретную черту Полярного круга.

На севере Таймырского полуострова возникла своеобразная теплица — лесной заповедник в безлесной холодной Бырранге.

Ветлугин не удивился, разглядев внизу несколько фонтанчиков. Для полноты картины не хватало только этой детали!

Гейзеры! Струи бьющей из-под земли горячей воды!

Присмотревшись, Ветлугин различил возле фонтанчиков несколько человеческих фигур. Они что-то делали, переползали на коленях с места на место, сгибались и разгибались, словно бы кланялись.

Молятся гейзерам, что ли?..

С неохотой географ вернулся в пещеру, поддерживаемый Ныртой, и лег спать в полной уверенности, что видел гейзеры.

На другой день видимость улучшилась. Туманная дымка, висевшая над лесом, стала менее плотной, и Ветлугин, к своему разочарованию, убедился в том, что гейзеров на дне котловины нет. Это всего лишь пар, столбы пара, который поднимается из прорубей.

Пока Ветлугин болел, река, протекавшая внизу, замерзла. Люди поспешили пробить во льду отверстия и теперь сустились подле них, промышляя рыбу. Почему-то на середине реки чернели челны.

К полудню туман рассеялся совершенно, и Ветлугин понял назначение челнов. Лед был еще непрочным. Лишь отдельные удалцы рисковали добираться до прорубей ползком или на четвереньках. Более осторожные усаживались в челны и неторопливо подвигались по льду, отталкиваясь от него руками.

Сейчас они сидели у прорубей в своих челнах, покачивая короткими удилыщами над дымящейся водой.

Рыбную ловлю долго наблюдать не пришлось, отчаянно разболелась голова,— Ветлугин был еще очень слаб после перенесенных лишений.

Он надеялся наверстать упущенное и через два-три дня побывать на берегу реки, а также подняться на противоположный скат котловины.

Сделать этого, однако, не удалось. Несколько дней он чувствовал такую слабость, что не мог добраться даже до выхода из пещеры. Когда же, наконец, вышел снова наружу, было уже поздно.

Солнце скрылось за перевалами до весны, сгустились сумерки, и плотный занавес наглухо задернулся над чудесами котловины.

2

Надолго, на всю зиму, засел Ветлугин в пещере у очага.

К весело потрескивавшему на огне сучьям теснились теперь не только женщины, но и мужчины. С наступлением темноты охота и рыбная ловля прекратились. Правда, в лесу еще продолжали настораживать пасти, но Нырта не бросал и одиночную охоту при луне. Остальные охотники старались выходить из пещеры пореже.

Ощутительно замедлился ритм здешней жизни. Люди забились в логово подобно медведю, погружающемуся на зиму в спячку.

Не хотелось двигаться, разговаривать. Так бы и сидел все время, неотрывно глядя на прыгавшие по сучьям огоньки, краем уха слушая нескончаемый песенный разговор, который вели между собой женщины у очага.

Алые блики касались пестрого, в блестках, нагрудника Сойтынэ, выхватывали из темноты равномерно двигавшиеся руки Нырты (для развлечения обтесывал палочку), суетливо перебегали по широким скулам Хытындо, которая покуривала свою трубку, изредка сплевывая в огонь. Рядом, уткнувшись подбородком в колени, дремал Якага, ее муж.

За зиму Ветлугин лучше разобрался в их взаимоотношениях. Толстая карлица с лицом великанши была только шаманкой загадочного народа, обособившегося в горах Бырранга. Гражданскую власть в долине осуществлял Якага. Впрочем, всем было ясно, что он находится на побегушках у своей супруги.

Кеюлькан оказался сыном Нырты и Фано.

Забавный веселый коротышка — внук Хытындо — был ее любимцем: для Кеюлькана откладывалось мясо пожирнее, Кеюлькану прощалась любая шалость. Бабушка разрешала ему даже играть принадлежностями ее шаманского ремесла — ритуальным бубном и колотушкой с разноцветными ленточками.

К дочери шаманка относилась холодно, к зятю же явно неприязненно. Мало сказать, что Ныртой помыкали в семье, — его даже обносили кусками во время трапезы. А ведь он был главным добытчиком, — Якага предпочитал греть спину у огня, глубокомысленно выдирая с помощью ножа редкие волосы из подбородка (это заменяло ему бритье).

Такова была семья шаманки. Но в пещере, помимо нее, находились еще две довольно многочисленные семьи, занимавшие по отношению к семье Хытындо подчиненное положение.

Узкий, слабо освещенный каменными плшками коридор отделял пещеру, где жил Ветлугин, от трех или четырех меньших по размеру пещер, в которых помещалось еще семь-восемь семейств. Общая численность племени достигала, таким образом, семидесяти — восьмидесяти человек вместе с детьми.

На другом конце коридора были нежилые пещеры, целый лабиринт, уводивший в самые недра гор. Там со-

вершались какие-то ритуальные церемонии, по-видимому связанные с охотой и рыбной ловлей.

Коротая время у костра, Ветлугин принялся со рвением изучать язык своих гостеприимных хозяев.

Словоохотливый и приветливый Нырта стал главным «профессором», остальные помогали ему по мере сил, даже не очень жаловавший Ветлугина Якага и по-прежнему дичившаяся его робкая Сойтынэ (Хытындо не снисходила до таких «забав»).

Мимика и жесты обитателей гор, как у большинства первобытных народов, были чрезвычайно выразительными. Когда же мимики и жестов не хватало, кто-нибудь из ретивых учителей вскакивал на ноги и, выхватив из очага уголек, принимался для большей наглядности рисовать на полу пещеры.

Всех очень потешало произношение Ветлугина. Взрывы хохота то и дело оглашали пещеру, а Нырта просто катался со смеху по земле. Много привлекательного, простодушного было в этих людях, по-детски радовавшихся возможности скрасить свои бесконечно длинные, тоскливые вечера.

«Кто эти люди? Почему они здесь? Как попали в горы Бырранга?» — думал географ.

Вскоре после того как Ветлугин научился довольно свободно объясняться с жителями оазиса на их языке, у него произошел примечательный разговор с Ныртой.

— Кто вы такие, Нырта? — спросил он напрямик. — Как называется ваш народ?

Он ожидал, что Нырта промолчит или ограничится обиняками, как обычно, когда в разговоре затрагивалась какая-нибудь запретная тема.

Однако Нырта ответил без запинки.

— Дети солнца, — сказал он.

— Как? Солнца, ты сказал? — переспросил Ветлугин, думая, что ослышался или неправильно понял своего собеседника (новые, неожиданные сочетания слов на малознакомом языке еще ставили его в тупик).

— Солнца, — невозмутимо подтвердил Нырта и сделал глубокую затяжку из трубки. Потом повторил, как нечто разумеющееся само собой: — Я сын солнца!..

Вслед за тем он предъявил вещественное доказательство. Потянув длинный, черный от грязи ремешок, висевший у него на шее, молодой охотник вынул и показал

Ветлугину круглую, тщательно отполированную пластинку из бивня мамонта. Она тускло сверкнула в багровых отсветах очага.

— Это хорошо,— убежденно сказал Нырта.— «Счастья солнечный глаз» — так у нас говорят!

Он пояснил, что в котловине нет человека, который не носил бы на груди подобный амулет. Считалось, что на период полярной ночи это в какой-то степени заменяет настоящее солнце и помогает дождаться его возвращения.

Укладываясь спать, Ветлугин долго раздумывал над тем, что маленькое нагрудное «солнце» есть, конечно, всего лишь одно из проявлений первобытной симпатической магии. Но было в этом еще что-то очень трогательное, поэтическое. Люди, вынужденные жить в тесной и темной пещере, зимовавшие в гнетущем мраке полярной ночи, не хотели надолго расстаться с солнцем. Они уносили частицу, отблеск его в недра горы. Для них это была как бы нравственная поддержка.

3

А им так нужна была эта поддержка!..

Существование «детей солнца» было очень непрочным. Ведь они жили буквально на вулкане. Земля время от времени вздрагивала у них под ногами и колебалась.

Первый толчок Ветлугин ощутил вскоре после прихода в оазис. (Тогда еще он отлеживался по целым дням в своем углу.) Вдруг показалось, что кто-то вкрадчивым движением потянул из-под него оленью шкуру. Глухо брякнули амулеты, висевшие над головой, со свода пещеры посыпалась пыль.

Он удивился, но не придал этому значения: подумал, что просто закружилась от слабости голова.

Однако в середине зимы толчок повторился. Семья Яаки ужинала в это время, сидя у очага. Неожиданно деревянный котел, в котором варилось мясо, перевернулся, и горячая вода потекла под ноги. Вскрикивая, Ветлугин успел заметить, что со стен сорвалось несколько колчанов со стрелами.

Больше ничего не произошло. Хозяева пещеры отнеслись к происшествию с удивительным спокойствием, точно подобное происходило с ними уже не раз. Женщины

принялись деловито собирать разбросанные по полу куски мяса, мужчины даже не поднялись с места и продолжали заниматься каждый своим делом.

Тут только дошло до Ветлугина, что это было землетрясение.

Он опрометью кинулся из пещеры. Очень важно. Очень!.. Землетрясения, пусть не сильные, но регулярно повторяющиеся, подтверждают догадку об остывающем вулкане.

Луна висела над лесом. Видно было очень хорошо.

Изменился ли пейзаж? Ну конечно!

Ветлугин ясно видел, что на противоположном склоне появилась как бы прогалина. Ага! Оползень! Часть леса еще продолжает сползать.

Снег закружился над деревьями, и белое облако скрыло заключительную фазу катастрофы. Надо думать, деревья перевернулись вверх тормашками вместе с землей.

На другой день Ветлугин упросил Нырту взять его с собой в лес проверить пасти.

Они спустились по узкой тропинке и, увязая в рыхлом снегу, двинулись вдоль замерзшей реки по дну котловины.

В неверном, дрожащем свете все плыло вокруг, менялось. Не сразу понял Ветлугин, в чем дело. Луна то исчезала, то появлялась. Туман повис над ущельем, прикрывая его, как крышкой. Иногда «крышка» чуть-чуть сдвигалась, и тогда видно было наверху глубокое черное небо.

Нырta уверенно вел своего спутника. Вскоре они очутились среди бурелома. Некоторые деревья лежали на боку, спутавшись ветвями, другие торчали корнями вверх, точно из гробов поднимались привидения с воздетыми руками.

Но это не был бурелом, это были следы землетрясения.

Вчерашняя катастрофа оказалась более значительной по размерам, чем предполагал географ. Оползень — кусок горы, поросшей лесом, скатился почти к самой реке, оставив за собой широкую черную рытвину, будто по склону прошелся гигантский плуг.

А за поворотом тускло отсвечивало багровым. Над лесом висело зарево.

Нырta и Ветлугин добрались наконец до поворота,

переступая через повалившиеся стволы, перелезая через торчащие вверх корни.

Прежде всего географ «увидел» ветер.

Ветер стремительно гнал низкие клочковатые облака по небу. Нет, то были не облака: то были клубы дыма.

Нырта, ворча и отдуваясь, присел на упавший ствол. Ветлугин сделал еще несколько шагов и осторожно раздвинул заросли, чтобы лучше видеть.

Перед ним засияли огненные, разверзшиеся недра земли. Ветер с размаху бил в вершину невысокого холма. Оттуда вылетали искры, и к черному небу поднимались факелы пламени. Потом вершина холма надолго окутывалась клубами дыма.

Ветлугин обернулся к Нырте.

— Гора огня? — спросил он, с трудом подбирая слова. — Огнедышащая гора?..

Нырта безучастно кивнул. Зрелище это, видно, было ему не в диковинку.

Ветлугин долго сидел на поваленном стволе у поворота, пока Нырта проверял свои капканы.

Итак, в горах есть не только потухший, но и действующий вулкан. Ну и соседство, нечего сказать!..

Впрочем, мысль об опасном соседстве тотчас уступила место другой, более приятной мысли. Сделанное Ветлугиным открытие приобретало с каждым днем все большую полноту и законченность.

В книгах случалось встречать описание кальдер.

Чаще всего кальдера представляет собой плоскую широкую впадину с невысокими пологими краями — нечто вроде огромного цирка. Посредине торчит низенький холм — маленький, «дочерний», вулкан, который принял «наследство» старого остывшего вулкана и все еще бурлит, кипит, плюется огнем, а время от времени даже извергает лаву.

Не совпадало ли это в точности с тем, что видел сейчас Ветлугин?

Старый кратер потухшего вулкана был очень широк и низок, — по-видимому, в результате размыва. Сравнение с цирком напрашивалось. Только этот «цирк» отличался невиданно грандиозными размерами.

Географ припомнил размеры самых больших кратеров. Диаметр Мауна-Лоа на Гавайях составляет четыре тысячи метров. Диаметр Гунунг-Тенгер на Яве — около

шести тысяч. Но то были карлики по сравнению с потухшим вулканом Бырранги.

С нетерпением поджидал географ весны, света, чтобы обстоятельно осмотреть все-все: кальдеру, лес, маленький действующий вулкан, а также собрать образцы вулканических пород и растительности. Не мог же он явиться в Москву или в Петербург с пустыми руками! Никто бы не поверил ему, да, пожалуй, нашлись бы еще и остряки, которые высмеяли бы его...

4

Но, раздумывая о природе котловины, Ветлугин не забывал о ближайшей цели, которая стояла перед ним.

Кальдера вулкана, куда он скатился так кстати и где укрылся от лютой таймырской зимы, была лишь временным прибежищем, промежуточной станцией. Впоследствии Ветлугин мог вернуться сюда с геологической экспедицией, но сейчас он не собирался задерживаться. Важные дела ждали его в России.

План был ясен. Пересидеть в котловине зиму, потом сколотить плот из плавника или выпросить челнок, а там, когда вскрыется река, попрощаться с гостеприимными хозяевами, пожать руку Нырте, расцеловать Кеюлькана и — в путь!

Спуститься на озеро по течению — чего проще! В сравнении с тем, что ему пришлось пережить, это увеселительная прогулка, не больше.

Придется, правда, выдумать подходящее объяснение для самоедов. С ними нужно добраться до края леса, вдоль которого расположена вереница становищ, и исчезнуть в лесу, раствориться в нем. Вот где надо пустить в ход всю свою ловкость, сметку, мужество, чтобы, не привлекая нежелательного внимания, пробираясь тайными лесными тропами от одного убежища к другому, вернуться незамеченным в Европейскую часть России.

Большие надежды возлагал Ветлугин на перевалочный пункт — Дудинку на Енисее, где жил один надежный товарищ. Он поможет укрыться, укажет дальнейший маршрут, снабдит деньгами, адресами.

А может быть, все эти предосторожности уже ни к чему? Может быть, совершилась долгожданная революция. Тогда возвращение в Европейскую часть России

упрощалось,— Ветлугину достаточно было назвать себя, чтобы ему оказали помощь и переотправили дальше на юг.

Так или иначе — нужно спешить! На озеро Таймыр Ветлугин выйдет в лучшем случае весной, все лето вынужден будет провести с самоедами и к границе леса доберется только поздней осенью. Хорошо еще, если попадет в Дудинку к середине будущей зимы!

Стало быть, год?.. Ждать, томиться, сгорать нетерпением еще долгий год?..

Но что же делать? Не мог же он перелететь через горы и тундру по воздуху! Перед ним был один-единственный путь — река!

Его беспокоило, впадает ли она в озеро? Как будто бы должна впадать. На все расспросы об этом Нырта отделивался невразумительным бормотанием и неуклюже переводил разговор на другую тему. Во всяком случае, река протекала через котловину в меридиональном направлении, то есть с севера на юг, а озеро находилось где-то на юге.

С первыми же проблесками света надо было подняться к перевалу, чтобы проследить оттуда течение реки.

Долгожданное солнце выглянуло из-за гребня гор в середине февраля.

Вряд ли кто-нибудь в котловине встретил его появление с большим восторгом, чем Ветлугин. Не терпелось взглянуть на открытый им удивительный мирок, а также проверить догадку насчет реки, что было так важно для продолжения путешествия.

Вначале солнце находилось на небе совсем недолго. Большую часть дня царили сумерки. Поэтому Ветлугин не рисковал самостоятельно углубляться в лес. Наконец дни настолько удлинились, что он отважился предпринять вылазку к перевалам — без Нырты, в полном одиночестве.

День выдался ясный, почти без тумана, что бывало очень редко в этих местах, и географ обрадовался своей удаче.

По мере того как поднимался по довольно крутому склону, кругозор его все расширялся. Оказалось, что собственно оазис не так уже велик. Лес, более или менее густой, покрывал только часть кальдеры. То там, то сям светлели прогалины, пустые места, лишенные раститель-

ности. Кое-где деревья росли очень странно, вкривь и вкось. («Пьяный лес», — мысленно отметил географ.)

За опушкой открывался обычный унылый ландшафт Бырранги: белое и черное, снег, снег, торчащие из снега зубья скал.

При взгляде на эту картину Ветлугину вспомнился переход по горам осенью прошлого года, пронзительные, как бы оплакивающие его, крики подорожников, огромные хлопья снега медленно, словно бы в полусне падающие на землю.

Нет, это не повторится больше! Не должно повториться!.. Он, Ветлугин, спустится к самоедам по течению на плоту или в челноке, не затрачивая особых усилий.

Лишь бы не подвела река. Течет ли она на юг? Впадает ли в озеро?..

Ветлугин продолжал свое восхождение к перевалу, но уже гораздо более медленно, чем раньше, то и дело оглядываясь и прислушиваясь. Примерно с полпути географа сопровождал в лесу разноголосый птичий пересвист.

Для пробы Ветлугин остановился — свист обрывался. Трогался с места — возобновлялся и свист.

Это было неспроста. Его конвоировали! Прячась за деревьями и кустами, сами оставаясь незамеченными, конвоиры следовали за ним по пятам, перекликаясь друг с другом.

Значило ли это, что ему нельзя увидеть недозволенное, узнать то, что не полагается узнавать? Или опасались его бегства, хотя бежать в это время года было бы бессмысленно?

Ветлугин решил проверить свои подозрения.

Хотя ноги его подгибались от усталости, он шел и шел и поднялся почти к самому гребню котловины. Вдруг рядом, будто из-под земли, вырос Нырта. Лицо его было сурово. Он молчал, укоризненно покачивая головой.

Ветлугин сделал вид, что не понимает его.

Тогда Нырта, поколебавшись с минуту, приложил ладонь ко рту и стал бить себя пальцами по губам, издавая при этом странный крик. Звук получался прерывисто-протяжный, далеко слышный, нечто напоминавшее клекот орла.

Тотчас же за перевалом раздался ответный крик.

Два силуэта с копьями появились на гребне горы, словно бы вынырнули из тумана.

Ветлугин был поражен. Он никак не ожидал этого. Пограничная застава? Значит, перевалы охраняют?

Географ медленно начал спускаться со склона рядом с Ныртой.

Когда они были уже на полпути к стойбищу, Нырта тронул Ветлугина за руку.

Внизу, у пещер, суетились люди.

Мужчины выбегали наружу, торопливо забрасывая за спину колчаны со стрелами. Длинная цепочка их потянулась к перевалу. Кое-кто на бегу вытаскивал стрелы из колчана и накладывал на тетиву.

Тем временем женщины, схватив детей в охапку, перекликаясь взволнованными голосами, спешили вниз, чтобы спрятаться в зарослях у реки.

Нырта снова обратился к удивленному Ветлугину серьезное лицо.

— Маук не велит! — сказал он, указывая на перевал.

В глубокой задумчивости Ветлугин вернулся «домой», в пещеру.

Там было все по-старому.

Волнение после тревоги уже улеглось. «Дети солнца» оживленно переговаривались и смеялись, поглядывая на виновника тревоги, сидевшего в своем углу.

Но ему было не смешно. Только сейчас осознал он всю сложность и трудность своего положения.

Обитатели оазиса боялись какого-то нападения или вторжения, сама лесистая котловина в горах напоминала осажденную крепость, а случайно попавший сюда путешественник находился в плену.

В этом нельзя уже было сомневаться.

Непонятная Маук как бы очертила круг, пределы которого было запрещено переступить.

Ветлугин был пленником Бырранги!..

Глава седьмая

БЕЖАТЬ, БЕЖАТЬ!

1

Маук?.. Что это за чудище такое — Маук?..

Оказывается, нельзя было отмахнуться от нее. Она требовала к себе внимания, и самого пристального.

«Маук не велит»,— многозначительно сказал Нырта, преградив Ветлугину путь к перевалу. Стало быть, именно она, эта непонятная, зловещая Маук, не пускала из котловины?

Странно!..

Ветлугин не собирался вникать в суеверия «детей солнца». Не считал себя достаточно компетентным для этого.

«Впоследствии в горы придут специалисты, этнографы,— думал он.— Им и карты в руки».

Но выяснилось, что в одном из суеверий он должен обязательно разобраться сам, и побыстрее, не откладывая дела в долгий ящик.

Маук надо было понять и нейтрализовать, вежливенько убрать в сторонку, чтобы не путалась под ногами, не мешала уходу (или отъезду) путешественника из котловины.

Но едва Ветлугин приступал с расспросами к «детям солнца», как те отводили глаза, хмурились или же сразу в грубой форме обрывали разговор.

Тема Маук была запретной темой.

Лишь однажды Фано пробормотала что-то о «крыле, которое закрыло солнце». Крыло? По-видимому, обитатели котловины представляют себе Маук в виде птицы? Птица Маук?..

С Маук было связано также какое-то переселение «детей солнца». Выяснилось, что они не всегда жили в горах. Так, по крайней мере, можно было заключить из путаных объяснений Нырты. Жили где-то в тундре. А в горы пришли не по своей воле. Пришли из-за Маук. Гонимые Маук или ведомые Маук, это трудно было понять.

Откуда пришли?..

Ветлугин подобрался весь, как следователь на допросе, который ухватил, наконец, ускользавшую от него нить.

Нырта понял, что проговорился, и, чтобы скрыть смущение, принялся смеяться, совершенно некстати. Когда же Ветлугин повторил вопрос, собеседник его прибег к обычной фигуре умолчания: предостерегающе поднес палец к губам и оглянулся на вход в пещеру: не подслушивают ли?

Но географ был настойчив. Через неделю он возобновил свои расспросы.

Тогда Нырта перевел разговор на оленей. По его словам, олени в горах Бырранга были особенные, не такие, как в тундре. Именно вдогонку за этими особо жирными оленями и пришли сюда «дети солнца».

Это было все, что удалось у него узнать.

Ветлугину пришло в голову, что ответ, который столь тщательно скрывают от него, находится в первобытной «картинной галерее».

Она помещалась неподалеку от жилых пещер, вернее, являлась их продолжением.

Раза два или три географ приходил сюда с Ныртой и видел, как художники в ожерельях из медвежьих когтей, устроившись на высоких подставках, при свете плоских расписывают стены. В руках у них были каменные палитры и костяные флакончики с порошками красной и черной охры, с белой глиной и разведенной угольной древесной пылью. Во время работы художники сохраняли благоговейное молчание.

На стенах изображались главным образом олени, но были среди них и другие животные, а также маленькие человечки с луками и копьями. Не были забыты и рыболовы со своими коротенькими удочками.

Рассмотреть рисунки вблизи не удавалось. Нырта принимался торопить Ветлугина, не слишком вежливо брать за локти, даже подталкивать. Любопытство географа было возбуждено до крайней степени.

Не являются ли пестрые рисунки на стенах своеобразной палеографической хроники, летописью «детей солнца»?..

День за днем, год за годом добросовестные летописцы запечатлевают на камне все, что происходит в горах. События не слишком примечательные: охота да рыбная ловля, каждодневная упорная борьба за существование. Этим, в основном, заполнена жизнь «детей солнца».

Ну, а начальные главы — изображение странствий и прихода в благословенную Теплую долину, — где они? Наверное, в глубине пещеры, куда Нырта еще никогда не водил Ветлугина. Там скрывается ответ на вопрос, поставленный Нырте: откуда пришли «дети солнца»? Там, надо думать, есть ответы и на другие вопросы: кто такие «дети солнца», кого и почему они боятся и, наконец, что представляет собой загадочная Маук, которая не пускает Ветлугина из котловины.

Вот почему после неудачной рекогносцировки к перевалу Петр Арианович решил предпринять новый поиск, теперь уже в недрах горы, в первобытной «картинной галерее».

Ночью, дождавшись, когда его соседи по жилью уснут, Петр Арианович тихонько встал со skóry оленя.

Уголья догорали в очаге. Похоже было, что это засыпающий зверь щурит глаза, светящиеся во тьме. Вот, наконец, зажмурил их совсем.

Вскрикнул во сне Кеюлькан, быстро-быстро забормотал какой-то другой ребенок. Мать сонным голосом принялась убаюкивать его. Снова все стихло.

Ветлугин стоял на пороге, выжидая, не проснется ли еще кто-нибудь. Нет, не дрогнул, не пошевелился ни один поллог.

Географ быстро прошел узким сводчатым коридором, освещая себе дорогу факелом. А вот и «галерея»! На стенах неясно видны цветные рисунки. Они исполнены не очень умело, как бы детской рукой.

Смолистый факел качнулся в руке. Светлые блики поплыли по стене, вырывая из мрака картины первобытной охоты. Возникал ветвистый рог убегающего оленя, потом крутой загорбок росомахи, готовящейся к прыжку, рядом ощеренная морда песка, попавшего в капкан. Пятно света от чадающего факела задевало их и уплывало дальше.

Шаги гулко отдавались под сводами «галереи». Она казалась бесконечной. Черный провал как бы тягивал, всасывал в себя. Сколько пройдено уже?.. Онемела правая рука, державшая факел. Заболела шея,— голову приходилось все время откидывать, чтобы рассмотреть рисунки под сводами.

Но среди убегающих пеструшек и песцов, среди мчащихся во весь опор оленей с закинутыми на спину ветвистыми рогами не было ничего похожего на птицу.

Другое бросалось в глаза: почти все изображения зверей были мечены крестом, углом или крышевидными значками.

Случайно ли это? Конечно, нет. Чем дальше углублялся Петр Арианович в «картинную галерею», тем яснее становился ему смысл настенной живописи.

Это картины будущей удачной охоты,— иначе говоря, ворожба углем и красками, обрядовая живопись.

Обитатели котловины желали, чтобы во время охоты с настоящими оленями и песцами произошло то же, что с их изображениями на стенах пещеры. Искусство здесь предваряло, опережало жизнь. Оно было утилитарно. Люди думали не о прошлом своем, а о будущем.

Однако где же скрывается Птица Маук?

Ветлугин вытянул руку, почти касаясь свода факелом. Не кончик ли острого черного крыла прячется в расщелине? Нет, это только тень от камня, торчащего из стены. Маук здесь нет.

Факел догорал. Темнее стало вокруг. Тени приблизились к Петру Ариановичу, будто начали медленно сдвигаться стены пещеры. Стало труднее дышать.

Он вздрогнул, оглянулся.

Что это? Шелест? Прошелестели крылья над головой?..

Он вспомнил о летучих мышах. Быть может, живое существо прячется в этом лабиринте — почти слепое, с черными перепончатыми крыльями, злое и хищное, еще неизвестный зоологам вампир Северной Азии?

Через мгновение пугающий шелест повторился: то осыпалась земля со свода...

Ветлугин прошел еще несколько шагов, близоруко всматриваясь в настенную живопись.

Вдруг несколько оленей, показавшись из-за поворота, прервали его поиски и увели за собой в сторону от Маук.

То была серия рисунков, связанных друг с другом.

На первом изображалась массовая охота на оленей, по-видимому, в момент их осенней откочевки. Извилистая полоса пересекала рисунок по диагонали. Это была река, пестрая от рогов. Олени переплывали ее. И тут-то, на переправе, путь им преграждали охотники в чепках, вооруженные луками и копьями.

На втором рисунке «дети солнца» пировали. Солнце с расходящимися во все стороны лучами, благожелательно улыбаясь, освещало вереницу костров и людей, которые в два ряда сидели подле них.

Наконец на третьем рисунке был запечатлен апофеоз удачной охоты. На берегу валялись груды костей, множество костей, а сами пирующие лежали вповалку. Они почивали после обильной трапезы, быть может впервые за год наевшись досыта.

В ближайшем будущем Ветлугину, несомненно, предстояло увидеть все это: и охоту на переправе, и пиршество, и «детей солнца», погруженных в послеобеденный непробудный сон.

Он стоял в раздумье перед стеной, опустив до самой земли чадающий факел. Что ж, лучший момент, пожалуй, трудно выбрать. Ему удастся уйти, когда все уснут в котловине, утомленные охотой и пиршеством, когда ослабеет бдительность стражей на перевале, с которыми охотники, конечно, поделятся непривычно обильной едой.

Да, это была соблазнительная мысль!..

Воодушевившись, Ветлугин круто повернул и зашагал назад к жилым пещерам.

«Убегу, убегу,— повторял он, сжимая кулаки.— По-хорошему не отпускаете, обязательно убегу! Проснетесь после пира, а меня уже нет! Ищи ветра в поле! Ищи-свищи!..»

Выходя из «картинной галереи», географ оглянулся и в последний раз осветил ее факелом.

Серые олени лики выжидательно глядели на него со стен.

Несмотря на беглость, небрежность рисунка, большинство животных было изображено с такой выразительностью, что казалось: вот-вот сорвутся с места, застучат копытами, ринутся вперед, увлекая за собой Ветлугина.

Неразгаданная Маук была забыта.

Географа внезапно охватила радость — предчувствие скорого освобождения. Поиск в «картинной галерее» не был напрасным. Олени должны были помочь уйти из котловины!..

2

От Нырты Ветлугин слышал, что осенью проводится массовая охота на оленей, которую завершает «Праздник сытого брюха», иначе называемый «Праздником солнца».

«Праздник брюха, то есть обжорства,— вновь и вновь прикидывал географ.— Очень хорошо! Очень кстати! Обильная еда располагает ко сну...»

А ему надо было, чтобы «дети солнца» завалились спать после еды. Сон! Сон!.. Пусть благодушное «сытое

брюхо» найдет сон на всех: на подозрительного Якагу, на хмурую Хытындю, на разговорчивого Нырту. Крепкий сон! Крепчайший!..

И тогда, предоставленный самому себе, Ветлугин окажется хозяином котловины.

Ветлугина не покидало ощущение, что его держат под непрерывным, неусыпным наблюдением. Даже во время одиноких прогулок по лесу тянуло оглянуться. Спинай чувствовал чей-то настороженный взгляд. Знал: куда ни направится — к реке ли, к перевалу ли, — всюду прищуренный глаз неотступно, из чащи или из-за камня, будет следить за ним.

Наблюдение снималось только в том случае, если Ветлугина в его прогулках сопровождал Нырта.

— Ну, что надо от меня? Почему не отпускаете? — ворчливо спрашивал Ветлугин своего приятеля. И, не дождавшись ответа, предлагал прищурясь: — Отпустили бы по-хорошему, а?

Нырта с видом сожаления разводил руками, давая понять, что это не в его власти. (Когда речь заходила о запрете Маук, он старался изъясняться больше жестами, видимо боясь проговориться.)

— Думаешь, устережешь? — говорил Ветлугин с раздражением. — Не устережешь, нет! Уйду! Увидишь, уйду!..

Нырта улыбался на это самой добродушной, самой ослепительной улыбкой и успокоительно похлопывал географа по плечу. На Нырту нельзя было долго сердиться.

Тогда Ветлугин переводил разговор на предстоявшую осеннюю массовую охоту, чтобы выведать важные подробности у своего простодушного собеседника.

Нетерпение мучило Ветлугина.

Река уже давно вскрылась и несла мимо пещер бурливые темно-коричневые волны, плеском их зовя, маня за собой в далекий путь.

Но выяснилось непредвиденное обстоятельство.

Был, помимо поста на перевале, еще и второй пограничный пост. Он располагался в зарослях тальника на обоих берегах реки, в том месте, где, протискиваясь между скалами, она вырывалась на простор из котловины. (Это место Ветлугин называл условно «Воротами».)

Как проскочить незамеченным через Ворота?

Ночью?.. Но по ночам бдительность «детей солнца», охранявших Ворота, естественно, обостряется.

Правда, незаходящее полярное солнце, которое в течение всего лета без усталы кружило над котловиной, нередко пряталось в тучи или в густой туман, поднимавшийся от реки. Быть может, челнок (или плот) с беглецом проскочит Ворота под покровом тумана?..

Нет. Рассчитывать на это не приходилось. Ворота были чрезвычайно узки, а «дети солнца», по наблюдениям Ветлугина, отличались тонким слухом. Стоило плоту появиться в теснине, как с обоих берегов обрушился бы на беглеца ливень стрел. Обитатели котловины били из лука без промаха. Нет, рисковать было бы неблагоразумно.

«Как же быть?..»

Петр Арианович ломал голову над различными вариантами. Ни один не удовлетворял его. Только незадолго перед массовой охотой нашел он, наконец, способ проскочить незамеченным мимо стражей теснины.

3

Было в котловине излюбленное географом местечко.

На отмели, неподалеку от Ворот, мокло несколько десятков повалившихся деревьев, корни которых подмыла река. Часть из них, подхваченная полый водой, уплыла вниз сразу же по весне. Оставшиеся деревья выбросило на отмель. Они использовались «детьми солнца» на топливо (это был их дровяной склад), а также для различных хозяйственных поделок.

Подолгу сиживал здесь географ, посматривая на толстые, наполовину затопленные стволы. Да, великолепный плот можно было бы соорудить из них. Надежный, поместительный, легкий!

Э-эх! Птицей понесся бы на таком плоту вниз!..

Как это в песне?

Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко!..

Но тотчас же взгляд географа, скользя по груде стволов, будто притягиваемый невидимой силой, устремлялся к нависшим над водой скалам. Там не видно было никого. Между тем Ветлугин знал: недреманное око часового неотступно следит за рекой.

Попробуй проскочи-ка на плоту через Ворота!

Приближался день охоты. Состояние географа делалось все более нервным. Он не мог пропустить «Праздник солнца», не мог! Это был единственный его шанс.

А решение не появлялось.

Накануне охоты он просидел на отмели несколько часов, глядя как замороженный на стремящуюся мимо воду.

Наконец Петр Арианович со вздохом встал с земли. Всё! Можно шагать домой. К чему, в самом деле, сидеть тут, разжигая свое нетерпение?

Проходя мимо груды лежащих деревьев, он не удержался и с раздражением пнул ближайшее из них ногой.

У-у, чертово дерево, никчемное!

Ствол, косо лежавший на других стволах и находившийся, по-видимому, в состоянии неустойчивого равновесия, медленно перевернулся, взмахнув ветвями и показав бок, вываленный во влажном песке. Что-то зачернело между ветвями.

Географ с любопытством нагнулся.

Ого! Какое глубокое дупло!

Он поспешно присел на корточки и, вытянув руку, пошарил в дупле. Почти сухое! Стало быть, когда дерево на плаву, дупло не затопляется водой!

Что ж, оно довольно поместительно. Не каюта первого класса на пассажирском пароходе, однако все же... Он, Ветлугин, безусловно сможет спрятаться в этом дупле, конечно поджав ноги к подбородку, скорчившись в три погибели.

Ведь это ненадолго. Надо лишь миновать теснину, проскочить Ворота, обманув зорких стражей на горе. А там хоть вставай на плывущем дереве во весь рост, кричи, горлань, пой песни! Не догонят!..

Географ кинул взгляд на противоположный берег, усмехнулся. Почти библейский сюжет: Иона во чреве китовом!..

Так возникла последняя деталь плана: бегство в дупле плавника.

Ветлугин представил себе сонное царство в долине. Вповалку среди обглоданных костей лежат охотники, оглашая воздух богатырским храпом. У перевернутых котлов прикорнули женщины. Между деревьями спят де-

ти — ничком или навзничь, в той позе, в какой настиг и сморил их сладкий послеобеденный сон.

Спит вся котловина. Бодрствует один Ветлугин. Осторожно встает с земли, балансируя руками, обходит на цыпочках Хытындю, Якагу, Нырту и, пригнувшись, ныряет в кусты, в низкий ельник.

Скорее, скорее! Бегом к реке, к отмели, где лежит облюбванное для бегства дерево с дуплом. Оно заменит беглецу плот.

Часовые, вероятно, не будут спать. Но что из того? У кого из часовых возникнет подозрение, если мимо проскользнет плавник, одинокое дерево с растопыренными ветвями, плывущее вниз по течению? А внутри его, скорчившись в дупле, будет лежать Ветлугин.

Проснувшись, «дети солнца» не увидят своего пленника. Он будет уже далеко!.. Он будет мчаться вниз по пенящейся горной реке, сидя верхом на стволе (к чему прятаться в дупле, когда Ворота останутся позади?), направляя его бег веслом, во все горло распевая песни!

Ветлугина лихорадило от волнения, когда он рисовал себе это.

Теперь все было взвешено, учтено, обдумано до мельчайших подробностей.

Тайком географ уложил в дупло запасную обувь, маленькое весло, костяной нож, несколько рыболовных крючков из кости и немного сушеного мяса. Оставалось столкнуть плавник с берега, залезть внутрь и отдаться на волю течения.

Эх, была не была!.. Выручай, выноси из плена, стремительная горная безыменная река!

Глава восьмая

ОХОТА В КАМЕННОМ ВЕКЕ

1

К сожалению, географ очень мало мог увезти с собой в дупле дерева. С огорчением должен был признать, что собранные им научные сведения об оазисе и его обитателях слишком незначительны, попросту мизерны.

Другой человек на месте Петра Ариановича, наверное, не так огорчился бы по этому поводу.

В начале своего пребывания в котловине ученый болел, потом над котловиной спустилась ночь. Языку «детей солнца» — с грехом пополам — он научился только к исходу зимы.

Это тоже тормозило исследовательскую работу.

Но Ветлугин всегда был очень строг к себе. И на этот раз он не уставал ругать себя за медлительность, неповоротливость, лень. Надо было лучше использовать кратковременное пребывание в оазисе, больше вызнать, вывести, увидеть и разгадать!

Он даже не сумел раскрыть тщательно скрываемое инкогнито Птицы Маук. Что за чудовище пряталось под этим именем? Какое место занимало оно на первобытном Олимпе, каким «департаментом» заведовало?

Повторить поиск в «картинной галерее» было бы опасно. Летом «дети солнца» выбрались из пещеры и разбили свои чумы на берегу реки. До «галереи» было теперь добрых полторы версты, а Ветлугина в лесу — и днем и ночью — сопровождал незримый конвой. Не стоило рисковать из-за какой-то Маук, вдобавок перед самым бегством.

Жаль, конечно... Тайна Маук была очень важной тайной. К ней непосредственно примыкал также не решенный до сих пор вопрос об этническом происхождении «детей солнца».

Кто они, откуда взялись?.. Допустим, пришли в горы из тундры вдогонку за какими-то особыми, необыкновенно жирными оленями. Во время одной из откочевек случайно наткнулись на кальдеру вулкана, на оазис и, привлеченные теплом, осели здесь. Но почему они живут в условиях полной (насколько мог судить Ветлугин) самоизоляции? Кого боятся? От кого (или чего) прячутся?..

«Наткнулись на кальдеру вулкана»... Кальдера ли это?..

Весной, после того как стаял снег, у Ветлугина зародились сомнения в том, что он находится в кальдере вулкана.

Где туф? Склоны и дно кальдеры должны быть выложены туфом — вулканической породой, необычайно плодородной. Петр Арианович до сих пор не мог найти образцов туфа.

Где гейзеры? Где фумаролы — трещины в почве, из

которых выходит дым? Это обычные признаки кальдеры. Но ни гейзеров, ни фумарол не было в лесистой котловине.

Очень странным казалось географу, что «дети солнца» изготавливают наконечники своих стрел и копьев из рыбьей кости или из кремня. Полагалось бы употреблять обсидиан, вулканическое стекло. Оно обязательно должно находиться в кратере потухшего вулкана. Но и обсидиана не мог найти Ветлугин.

Черт возьми! Почему он не геолог!

Как жалел Петр Арианович, что геологические знания его так скудны, так поверхностны!.. Специалист, конечно, сразу разобрался бы во всем, с первого же взгляда определил природу оазиса.

Вулкан или не вулкан?..

Если это не вулкан, то почему здесь тепло? Почему в горах, расположенных за Полярным кругом, растут деревья, трава, цветы? Почему в темную ночь видно зарево над лесом, там, где пышут огнем развороченные недра земли?

Земля была, несомненно, теплой. Но откуда же бралось тепло?

Нет, и загадка кальдеры оставалась неразрешенной...

Производя в уме смотр сведениям, собранным им, Ветлугин убеждался, что все они, увы, чрезвычайно разрозненны.

Ну, много ли стоит сам по себе тот факт, что Кеюлькан назывался когда-то иначе? (Об этом проговорилась Фано.)

Ребенку, видимо, переменили имя после того, как «преподнесли» его в дар Маук, то есть подсунули вместо него деревянный обрубок, ваньку-встаньку.

Маук пытались обмануть,— в этом нетрудно было убедиться. Но что прибавляло это к ее характеристике?..

«Дети солнца» не всегда жили в горах. Прежде чем они осели здесь, была совершена какая-то очень длительная откочевка, о чем сохранились упоминания в песнях.

Кое-какие детали быта подтверждали это. Мясо, например, «дети солнца» держали в мешках, предварительно нарезав его узкими полосками и высушив на солнце или у очага. В этом виде оно не очень нравилось разборчивому Якаге.

— Раньше лучше было,— говорил он, поднимая

и показывая Ветлугину темные полосы, похожие на крупную лапшу.— Раньше мясо ели пригоршнями. Рассыпчатое было, как труха. Потому что долго тряслось.

Тряслось? Значит, запасы мяса возили на санках?

Но что разъяснял этот факт в биографии обитателей оазиса? И без того известно было, что они пришлого происхождения.

Наблюдая фауну оазиса, Ветлугин убедился в том, что все животные и птицы, находившиеся в котловине, также пришельцы из тундры. Здесь жили песцы, лемминги, волки, зайцы, дикие олени, россомахи, горностаи, белые куропатки, полярные совы. Даже бурый медведь (он, впрочем, встречался очень редко) и тот в погоне за мясом забегал сюда из тундры.

Но когда, сколько тысячелетий, столетий, десятилетий назад возник оазис?..

Все эти нерешенные задачи Ветлугин оставлял на будущее, «на потом».

Он утешал себя тем, что впоследствии вернется в горы Бырранга. Ведь наука в России после победы революции получит новые, невиданные возможности. И тогда перед ним, Ветлугиным, широко распахнется мир.

Прежде всего географ поспешит на окраину Восточно-Сибирского моря, где среди плавающих льдов лежат еще неоткрытые острова, тающий архипелаг на непрочной ледяной основе. Лишь выполнив свой долг по отношению к островам, положив их на карту, Ветлугин вернется в оазис.

И он вернется не один. В составе экспедиции (быть может, даже не ему поручат возглавлять ее) обязательно будут геологи (займутся изучением кальдеры), зоологи и ботаники (приступят к описанию животного и растительного мира), этнографы (они-то и разрешат, наконец, загадку Маук и «детей солнца»!).

Но ощущение беспокойства неизменно овладевало географом, как только начинал думать о будущей экспедиции: пугала мысль о том, что может вернуться в оазис и не застать его!

Слишком непрочным было все здесь, слишком похоже на мираж...

Задумчивым взором обводит Петр Арианович лежащую перед ним котловину.

Она очень приветливая, ярко-зеленая. Голубеют, алеют, белеют цветы в высокой траве. Но странно: краски не яркие, как бы размыты. Все зыбко вокруг, неопределенно. Такое впечатление, будто находишься на дне реки.

Туман подолгу висит над котловиной или даже заполняет ее сверху донизу. Поэтому очертания предметов расплывчаты, звуки приглушенны.

Часто из котловины видны лишь тучи. Они клубятся над скалистыми гребнями, иногда переваливают через них и поливают долину прохладным дождем.

Отпечаток нереальности лежит на всем окружающем. Кажется, стоит подуть ветру, чтобы призрачные контуры деревьев закачались, поплыли вместе с туманом, исчезли. Но ветра почти не бывает в долине.

«Живешь как бы внутри миража» — так сформулировал Ветлугин свои впечатления об оазисе.

Под стать котловине ее обитатели.

Ветлугин не переставал дивиться умению «детей солнца» исчезать и появляться совершенно неожиданно. Можно подумать, что они, по желанию, делаются невидимками, растворяются в тумане или сливаются с листвой.

— Да, мы невидимые люди, — с важностью согласился Нырта, когда Ветлугин сказал об этом. Потом добавил непонятно: — Никто не знает, что мы в горах. Колдовство Старой женщины прикрывает нас крылом...

Ветлугин долго ломал себе голову над этими словами. Невидимки? Да, это было почти так.

Не раз во время совместных прогулок Нырта «щеголял» своим искусством.

Вот только что шел рядом с Ветлугиным, болтал, смеялся. Неожиданно смех смолк. Ветлугин обернулся: нет Нырты!

Где же он? Будто ветром сдуло. Но и ветра нет в лесу. Недвижна высокая трава. Не шелохнутся раскидистые ветви деревьев.

Ветлугин беспомощно оглядывается по сторонам.

Вдруг из зарослей, шагах в двадцати впереди, окликает его знакомый веселый голос. Нырта выходит на-

встречу, победоносно выпятив грудь и широко улыбаясь.

— Как же ты обогнал меня? — недоумевает Ветлугин. — По верхушкам деревьев бежал, что ли?

Эти слова тотчас дают толчок воображению «сына солнца» и вызывают новую проказу.

— Довольно, Нырta, хватит! — сердится Ветлугин, озираясь. (Он снова остался один в лесу.) — Где ты? Так мы никогда не дойдем до пастей. Ведь уговаривались смотреть пасти.

Лес молчит.

Вдруг сверху раздается бранчливое пощелкивание. Ветлугин поднимает голову. На верхушке сосны, поставив торчком серый хвост, сидит какая-то пичуга и с недоверием искоса присматривается к нему.

Тьфу ты пропасть! Где же Нырta?..

Пощелкивание доносится то из подлеска, то из-за груды камней.

— Все, Нырta, все! Не хочу больше играть!

Устало махнув рукой, Ветлугин садится под сосной и сразу же вскакивает. Из-за ствола, сгибаясь от беззвучного смеха, выходит Нырta.

— Видишь, птицей стал! — говорит он, отдышавшись. — По веткам перебегать могу!

Он очень дорожит каждым таким небольшим триумфом.

— Могу и оленем быть, и совой, и волком, — хвалится он, загибая пальцы один за другим. — Хочешь, волком?

И, быстро приложив ладони ко рту, выпускает такой протяжный, тоскливый вой, что у Ветлугина мороз подирает по коже.

— Похож?..

Все мужчины здесь удивительные имитаторы, потому что основной промысел их — охота, а успех ее зачастую зависит от умения подражать голосам птиц и животных.

Нырta пробовал научить своего приятеля бесшумному шагу охотника, осторожной скользящей поступи. Куда там!.. Видимо, сноровка прививалась жителям котловины с самого раннего возраста, чуть ли не с младенчества.

Ветлугин не успевал уловить даже самых простых приемов.

— Исчезни, Нырta! — говорил он, улыбаясь, и «сын солнца» без промедления выполнял просьбу.

Весь подобрравшись, но без видимого напряжения, как-то боком, по-звериному, охотник прыгал в сторону, падал в траву и словно бы растворялся в ней. Не слышно было ни хруста, ни шороха. Тонкое мускулистое тело вильнуло в чаще, как ящерица. Мгновение — и пропало из виду, слилось с землей.

Можно было обыскать весь лес, избегать его весь вдоль и поперек, охрипнуть от сердитого крика — Нырта появлялся только тогда, когда ему надоедало прятаться. А между тем он все время находился рядом,— Ветлугин был убежден в этом.

Вот и сейчас, рассеянно наблюдая за игрой света и тени в лесу, Ветлугин почувствовал, что за его спиной стоит человек. Оглянулся: Нырта! Круглое, оживленное, совсем мальчишеское лицо высунулось из листвы, по которой перебегали солнечные пятна.

— А я за тобой! — сказал Нырта.— Зайца убил. Фано зажарила. Пойдем есть.

Ветлугин поднялся с земли.

— Скоро в Долину Черных Скал пойдем,— сказал Нырта и отер ладонью лоснящееся от пота лицо.— На высоком месте поставлю тебя. Все увидишь. Много оленей убую я!

3

Признаться, тогда же Ветлугин подумал: охотник — всегда охотник, в любом веке, в том числе и в каменном, не может без того, чтобы не прихвастнуть!

Но Нырта не хвастал.

К удивлению Ветлугина, именно он был выбран главным распорядителем охоты.

Несмотря на свою молодость, смешливость, склонность к озорным, подчас совсем ребячьим выходкам, Нырта считался среди своих соплеменников самым искусным, самым добычливым охотником.

Массовая охота на оленей происходит неизменно в одном и том же месте — ниже по реке, верстах в шести от оазиса.

Тут нет и намека на растительность, пейзаж безотраден, склоны гор белы и серы, а низкие берега загромажены огромными черными камнями (отсюда название Долина Черных Скал).

Менять свои привычки не в характере северных оле-

ней. Они методичны, как англичане. В незапамятные времена олени вожаки облюбовали это местечко для переправы: берега удобны, дно каменисто. С той поры огромные стада, сотни голов, каждый год, по весне и по осени, переправляются здесь.

Весной гнус гонит их, выживает из тундры в горы и дальше к океану. Олени спешат, спешат изо всех сил, переключаясь тревожными высокими голосами, тяжело поводя боками.

Осенью, отъевшись на тучных пастбищах, олени тем же путем возвращаются в тундру.

Долина Черных Скал, а также пути следования к ней оленей — табу, то есть под строжайшим запретом. Здесь нельзя кочевать и нельзя охотиться (в одиночку). Старейшины неусыпно наблюдают за тем, чтобы кто-нибудь из молодежи не нарушил табу. За нарушение полагается смертная казнь.

Настороженная тишина царит в этой черно-серой мрачной долине. Она оживает только раз в году, во время массовой охоты на переправе, в которой принимает участие все племя.

С огромным нетерпением ждал Ветлугин коллективной охоты. Ведь за нею должно было последовать пиршество, а затем и его побег.

Разведчики, высланные Ныртой на два или три перехода вниз по реке, навстречу оленям, не возвращались. Олени запаздывали в этом году.

Лихорадило не одного Ветлугина. Охотники бесцельно слонялись по стойбищу, заходили в чумы друг к другу, вяло толковали о том о сем.

Вдруг раздался шум, взволнованные голоса. Всех будто подкинуло на месте. Ветлугин первым выбежал наружу.

Между чумами брел человек в запыленной, разорванной одежде, с трудом переставляя ноги. (Позже Ветлугин узнал, что, обгоняя оленей, он пробирался напрямик горными перевалами.) Увидев Нырту, гонец поднял руку и крикнул: «Идут!»

Якага кинулся обратно в чум, схватил копье, отбросил, принялся суетливо снимать с жерди колчан со стрелами. Впопыхах он уронил стрелы на пол. Сердитый окрик Нырты отрезвил его.

Не узнать сейчас беспечного балагура Нырту. Лицо

его серьезно, сурово, движения решительны. Он облечен высшей властью в день поволоки!

Долгожданное «идут» всколыхнуло все стойбище. Мелькают сворачиваемые олени шкуры, обнажая деревянный остов чумов. Визгливо перекликаясь, женщины собирают кухонную утварь. Пробежали плечистые молодые люди, волоча по земле длинные копыя. Поспешно спускаются на воду челны, и вот уже длинной цепочкой, один за другим, вытягиваются вдоль реки, удаляясь к переправе.

То тут, то там раздается сердитый поторапливающий голос Нырты. Мешкать нельзя! Где-то рядом, за гребнем горы, по одному из многочисленных ущелий Бырранги серой лавиной текут стада. Олени двигаются как бы узким скалистым коридором, спеша к переправе.

Ничего! Не обгонят!..

Долина Черных Скал встречает оленей обычным своим сумрачным молчанием. Ничто не изменилось здесь: те же нагромождения камней на берегу, тот же круглый год не тающий снег на склонах. Люди Нырты надежно укрыты. Покольщики в челнах прячутся под берегом. Лучники притаились в расщелинах скал. Ветер в этой долине дует в нужном направлении не от охотников к оленям, а от оленей к охотникам.

Бдительному вожаку стада не видна бечева, вытянувшаяся по середине фарватера вдоль реки. Она надежно закреплена якорями и поддерживается на плаву многочисленными поплавками. Олени не могут заметить этот опасный барьер до тех пор, пока грудью с размаху не ударятся в него.

4

Сверху, с высокого склона, где расположилась группа лучников, озирает Ветлугин Долину Черных Скал. Рядом прерывисто дышит Якага. В ногах у него в напряженной позе, подавшись всем туловищем вперед, прилегли две собаки. Они учуяли оленей, но молчат. Знают: их черед впереди.

Уже слышен дробный перестук копыт.

Волнение людей, сидящих в засаде, достигает предела. Лучники то встают, то садятся; лица их покраснелись, глаза горят. Они перебрасываются короткими пре-

рывистыми репликами — произнести связную фразу не могут: сперло дыхание.

Но вот показались передовые олени.

Как подрубленные пали наземь соседи Ветлугина. И он рухнул в снег, заразившись их волнением.

Гул земли! Пощелкивание копыт!

Сначала промчалось несколько великолепных рыжевато-бурых, со светлыми подпалинами быков, за ними — все стадо, до сорока голов. Плеск воды! Фонтан брызг!.. Олени ринулись в воду и поплыли.

Почему же неподвижны лучники и копыеносцы? Почему медлит Нырта, не подает сигнала?

Но Нырта, лучший охотник племени, хорошо знает свое дело.

Покольщики в челнах, спрятавшись за высокими прибрежными камнями, беспрепятственно пропускают передовых оленей. Тогда лишь, когда основная масса вошла в воду и заполнила реку, раздается прерывистый, хорошо знакомый Ветлугину крик, похожий на клекот орла. Поколка начата!

Покольщики стремительно выплывают из-за укрытия и с флангов врезаются в плывущее стадо.

Пена! Брызги! Копья поднимаются и опускаются. Окрашенная кровью вода бурлит вокруг челнов.

Покольщики действуют обдуманно, с полным самообладанием и очень сноровисто. Ткнут оленю в бок длинным копьём и тотчас же, перехватив в руки весло, отгребают назад. Опасно находиться рядом с умирающим оленем: в предсмертных судорогах он может перевернуть челн.

Животные изо всех сил работают ногами, спеша достигнуть противоположного спасительного берега. Головы их задраны вверх, рога чиркают по воде.

На полпути беглецами, однако, вновь овладевает замешательство. Некоторые поворачивают назад... Ага! Наткнулись на бечеву!

Ветлугину видно, как один из охотников, воспользовавшись этим, дерзко проникает в самую гущу свалки, в середину мечущегося в воде стада.

Кто этот смельчак? Не Нырта ли? Ну конечно, Нырта!

Но щедро раздавая удары, вертясь в своем челне, как юла, приятель Ветлугина не забывает о своих обязан-

ностях начальника поволоки. Время от времени он окидывает взглядом все поле битвы, всю реку, взбаламученную от одного берега до другого.

Что это там?

Нескольким оленям удалось выбраться из свалки и повернуть назад. Вот поднялись на берег, огляделись и...

Нырты поднимается во весь рост в челне, который немилосердно качает на пологой волне, прикладывает ладонь ко рту и дает новый, отличный от первого, сигнал. По этому сигналу Якага и другие лучники спускают собак.

Свист! Тревожное хорканье! Устрашающий яростный лай! Собаки насккивают на упирающихся оленей и загоняют обратно в воду — под копы.

Но тут происходит непредвиденное.

Вожак стада, матерый олень, пытается «отквитаться» за все. Он обезумел от диких криков и запаха крови. Грозно раскачивая «бородой», висющей на шее, сбившейся клоками, он поворачивает к Нырты. Несколькими могучими толчками разрезает пенящуюся воду и вот уже плывет рядом с челном.

Ветлугин решает, что разъяренный олень хочет поддеть охотника рогом. Нет, олень хитрее! Высунувшись до половины из воды, он с размаху передними ногами бьет по челну и переворачивает его.

Разноголосый вопль ужаса оглашает берега.

Нырты скрылся в центре свалки. Минуту или две не видно ничего, кроме серых оленьих спин, сплетающихся рогов, поднимающихся и опускающихся копий. Алые брызги пены разлетаются в разные стороны.

Потом радостные крики, доносящиеся с берега, дают знать Ветлугину, что другу его удалось спастись.

Круглая черная голова появляется на середине реки. Это Нырты. Он уцепился за перевернутый челн и, толкая его перед собой, выбрался на берег.

Впоследствии Ветлугин узнал, что это был единственный для Нырты способ спастись. Знаменитый охотник совершенно не умел плавать (впрочем, как и большинство жителей Крайнего Севера).

Но для какой же цели прибегают лучников, стоящих столько времени в бездействии на горе? Неужели это зрители, такие же, как Ветлугин?

Нет!

Едва Нырта выбрался благополучно на берег, как соседи Ветлугина, словно по команде, отворачиваются от своего начальника. Взоры их обращены в сторону, противоположную реке.

Лучниками, которые давно уже в волнении переминаются с ноги на ногу, овладевает настоящее исступление. Они подпрыгивают на месте, стонут от нетерпения, издают протяжные вопли, похожие на вой.

Неожиданно Якага обеими руками хватает голову Ветлугина и рывком поворачивает ее с такой силой, что хрустят позвонки. Ветлугин растерянно поправляет очки.

Еще олени!

Снова гудит, сотрясается земля. Пощелкивают копыта.

Второе стадо, в тридцать с лишним голов, пронесится мимо Ветлугина совсем близко, шагах в пяти — десяти.

Якага выхватывает через плечо из колчана две или три стрелы и одну за другой пускает в оленей. Напрасно! Стадо уже далеко. Вопли становятся еще пронзительнее.

Ветлугин не сразу понимает, что случилось.

Передовые олени второго стада, увидев или почуяв кровь, шарахаются в сторону.

— Уйдут! Уйдут! — кричит Ветлугин (им также овладел азарт охотника).

Тогда-то в полной мере проявляется предусмотрительность начальника поволоки.

Нырта вводит в дело «резерв».

Заслышав командный клич, лучники срываются с места, сбегают вниз, скатываются, как обвал, в туче снежной пыли. Они-то и завершают обхват, стрелами преграждая оленям выход из Долины Черных Скал.

Правильно было бы назвать ее сейчас Долиной Алых Скал.

Немногим животным удалось уйти из-под копыта и стрелы. Потоки крови струятся по камням.

Отойдя в сторону, Ветлугин наблюдает, как, набросив петли на шеи заколотых оленей, их выволакивают на бе-

рег. Туши разделявают и свежуют тут же на месте. Этим занимаются женщины. Ловко орудуя маленькими каменными ножами, они снимают шкуры с оленей, отрезают и раскладывают кучками копыта, рога — все пригодится в хозяйстве, все пойдет в дело.

Горы разделанного мяса лежат на берегу, а между ними с веселым гомоном и смехом бегают ребятишки.

— Мясо! Мясо! Как много мяса!..

От земли поднимаются теплые испарения, душный розовый туман. У Ветлугина начинает кружиться голова.

Чтобы преодолеть тошноту, он заставляет себя думать о том, что сегодня великий день для «детей солнца»: единственный день в году, когда племя запасается мясом впрок, надолго.

Потом Петр Арианович вспоминает о другом. Ведь поколка — не просто убой скота. Это охота, особый вид охоты, и очень рискованный, — он сам видел это. Почти каждая поколка сопровождается жертвами.

Нырта, правда, избежал гибели благодаря своей ловкости и находчивости. Но двух или трех покольщиков олени основательно помяли в свалке, а у одного «сына солнца» даже сломана рука и рогом оленя выбит глаз.

К Ветлугину подходит Нырта. В руке у него длинное копье, на голове — знак власти: три белых оленьих хвостика, собранные пучком. Они придают Нырте вид молодого, задорного петуха. Держится он с горделивым достоинством.

— Видишь, сколько мяса? — говорит он Ветлугину, широким жестом обводя ущелье. — Много мяса — хорошо! Завтра будем пировать!..

Глава девятая

„ПРАЗДНИК СОЛНЦА“

1

Праздничные костры пылали в лесу.

Вокруг них расселись «дети солнца». Их было не более ста человек, на глаз. (Зимой Ветлугин насчитал что-то около восьмидесяти, но сегодня на пиршество собрались даже дряхлые старики, ранее не выползавшие из своих жилищ.)

Весь народ Бырранги уместился на небольшой лесной полянке.

Ничего металлического не было здесь. Даже кухонная утварь, объемистые котлы, выстроившиеся вереницей, были сделаны из дерева. Это просто выдолбленные колоды, где варилось мясо. Способ варки был так же необычен, как и котлы. Стряпухи костяными щипцами то и дело подхватывали лежащие рядом на кострах раскаленные камни и швыряли их в воду... Раздавалось шипение, клубы пара вырывались из котлов.

Не часто «детям солнца» доводится наесться досыта. Поэтому в еде они жадны, спешат, выхватывают из груды мяса лакомые куски. В котловине не принято нарезать мясо на тарелки. Его держат в зубах и быстрыми взмахами ножа отрезают кусочки перед самым лицом. Как ухитряются при этом не отхватить заодно губы — трудно понять.

Ветлугин загляделся на Якагу. Польщенный вниманием, тот хвастливо подмигнул и проворно до блеска обглодал оленью ногу, со свистом высосал мозг, потянулся за другой. За его спиной выросла уже горка костей.

Рядом с мужем восседала Хытындо. Большое неподвижное лицо ее было совершенно плоским. Наверное, если бы положить на скулы прямую палочку, та едва коснулась бы переносицы.

Из-под тяжелых, морщинистых, всегда полуопущенных век поблескивали глаза. Это был взгляд злой собаки. Пирующие пугливо отворачивались от Хытындо и спешили заняться едой.

Шаманка была пока в обычном своем затрапезном наряде. Ритуальный бубен ее (асимметричный, овальной формы) и колотушка (красиво изогнутая пластинка из кости) были спрятаны в чехол, который висел на дереве. Время камлать (колдовать) еще не настало.

Послышался голос глашатая. Он объявил о начале состязания стрелков, и Нырта, сидевший рядом с Ветлугиным, поспешно забросив за спину кожаный колчан со стрелами, покинул своего друга.

Состязание было довольно оригинальным. Выигравшим считался тот, кто удержит в воздухе наибольшее количество стрел.

Искатели славы выходили по очереди на полянку и демонстрировали свое искусство.

У Ветлугина замелькало в глазах. Стрелок выхватывал из-за спины стрелы одну за другой — в колчане они торчали оперением вверх, — натягивал тетиву лука, спускал, и все это с удивительной сноровкой и быстротой, спеша изо всех сил.

Обычно стрелкам удавалось удержать в воздухе одновременно три-четыре стрелы. Плечистый охотник с мрачным лицом, изуродованным шрамами (имя его Ланкай), сумел послать в воздух шестую стрелу, в то время как первая еще не коснулась земли. За это он был награжден одобрительными возгласами зрителей. Ветлугин подивился его ловкости и с беспокойством посмотрел на Нырту, который шел следом за Ланкаем.

Но беспокоиться было не к чему. Широко улыбаясь, без видимого напряжения приятель Ветлугина отправил в голубовато-серое небо восемь стрел. Одна за другой они падали на землю, описывая радужные кривые (оперение стрел было пестрым).

Победа осталась за Ныртой.

Едва лишь он, скромно покашливая, уселся на землю подле Ветлугина, как на середину круга вышла Хытындо и подняла руку.

Тотчас же соседи географа стали подниматься с мест. Начиналась торжественная ритуальная пляска — проводы солнца.

Солнце — женского рода у жителей котловины. Иначе говоря, это Мать-Солнце, а не Отец-Солнце (возможно, отголосок матриархата?).

Расставаясь с солнцем на долгую полярную ночь-зиму, его всячески старались задобрить, чтобы не забыло вернуться. Всюду на деревьях были развешаны шкуры оленей с рогами и копытами. Под левой лопаткой вырезана тамга (клеймо) солнца — круг с расходящимися лучами.

Кроме того, на волю были отпущены два или три теленка, добытые живьем во время вчерашней поколки. Они также посвящены солнцу. Солнце не сможет ошибиться: телята мечены его знаком.

Множество рук простерто сейчас к небу красноречивым жестом мольбы. Танец совершается в абсолютном молчании, но каждый мысленно обращается к солнцу с длинным списком пожеланий.

Движения танцоров похожи на движения прях, кото-

рые сучат пряжу. «Детям солнца», наверно, кажется, что они тянут, притягивают к земле волшебные, тонкие, легко рвущиеся солнечные нити.

Лучи солнца, по их представлениям, не что иное, как длинные нити, спускающиеся с неба на землю. Посредством этих нитей духи, живущие в растениях, сообщаются со своей хозяйкой — Матерью-Солнцем.

Ветлугин протер глаза. Что это? Над хороводом замелькали багровые пятна.

А! Руки танцоров густо вымазаны красной охрой. Кружась в пляске, люди словно бы полными пригоршнями ловили солнечный свет, вечерний, пронизанный лучами солнца воздух. Иллюзия полная!

Солнце снисходительно взирало сверху на поднявшуюся у молоденьких елочек кутерьму. Впрочем, если бы даже небо было затянуто тучами, пляска продолжалась бы. На земле находилось миниатюрное отражение солнца, повисшего в небе, нечто вроде его модели.

Это тщательно отполированный кремневыми скребками срез ствола березы. Вначале Ветлугину показалось, что на срезе застыл березовый сок. Присмотревшись, он понял, что блестит не сок, а жир.

Свое божество жители Бырранги умасливали в буквальном смысле этого слова. То один, то другой из пирующих вскакивал с места, подбегал к деревянному, поставленному стоймя кругу и щедро, от полноты души, вымазывал кусками недоеденного жирного мяса — делился с солнцем едой.

Деревянный круг напоминал лицо — круглое, благодушное, лоснящееся от сытой жизни, безмятежно улыбающееся. Даже черточки на нем были проведены в нужных местах — отдаленный намек на рот, глаза, нос.

Ветлугин видел в котловине срубленные каменным топором стволы. Их словно зубами грызли. Но этот деревянный круг, изображавший солнце на религиозных церемониях, был отполирован на славу скребками. Поэтому так отчетливо выделялись на нем концентрические круги — следы вегетационных периодов. Видно было, как год за годом увеличивался в объеме ствол, как постепенно, слой за слоем, наращивалась древесина.

Ветлугин пристально смотрел на лоснящийся «лик солнца», сравнивал на глаз толщину слоев. Но опять рокот бубна отвлек его внимание.

Танцы кончились. Хытындо куда-то исчезла. Тяжело дыша и отдуваясь, «дети солнца» рассаживались в траве по краям площадки. Пауза. Приглушенный, настороженный шепот. Потом женский возглас: «Ведут! Ведут!»

Хытындо вели под руки.

Вызвано это было не только почтением к шаманке, но также и тем, что глаза ее были завязаны. Овальная, желтого цвета повязка со свисающей бахромой закрывала верхнюю часть лица, как полумаска.

Медленно переступая ногами, Хытындо подвигалась вдоль площадки, сопровождаемая боязливым шепотом. На ней была надета какая-то пестрая хламида. Множество побрякушек из кости, сталкиваясь, постукивали при каждом ее шаге. Сзади шаманки гордо выступал ее муж, ударяя в бубен.

«Итак,— подумал Ветлугин, мысленно улыбаясь,— в заключение программы фокусы-покусы под музыку».

2

Мелкими шажками Якага обошел поляну с бубном в руках.

К Хытындо приблизились несколько человек из «публики» и с почтительными ужимками проверили, хорошо ли закреплена на глазах повязка. Осмотр, по-видимому, удовлетворил любопытных. Они отошли в сторону.

— Ей не нужны глаза,— взволнованным шепотом пояснил Нырта.— Сейчас видит особым, шаманским, зрением.

Провожатые отступили от Хытындо. Она осталась стоять в одиночестве на поляне, широко раскинув руки, будто собираясь играть в жмурки с «детьми солнца».

Вот, шаркая подошвами, очень медленно, Хытындо начала подвигаться по кругу. Якага сопровождал жену на некотором расстоянии, не спуская с нее глаз и продолжая мерно ударять в бубен, то тише, то громче.

Сидящие на земле потихоньку подвигали под ноги Хытындо свертки с одеждой, груды костей, ножи, поставленные вверх острием,— шаманка, как зрячая, не спеша обходила препятствие либо тяжело переступала через него.

Один из зрителей, наиболее экспансивный, вскочил с места, бесшумно подкрался сзади и замахнулся на

*Шаркая подошвами, очень медленно, Хытыndo начала
подвигаться по кругу.*

Хытындо палкой, делая вид, что хочет ее ударить. Шаманка тотчас же быстро нагнулась, втянув голову в плечи.

Эти действия были одобрены радостными криками.

Вразвалку, под мерный рокот бубна, подвигалась Хытындо дальше. Семенящим шагом следовал за ней Якага, ее аккомпаниатор.

Странная процессия кружила и кружила по поляне, в центре которой ухмылялся лоснящийся «лик солнца», кружила, будто шаманка была привязана к нему на длинном аркане.

Сейчас подле старой колдуньи суетилось уж несколько «контролеров». Из всех сил они старались запутать Хытындо, дергали, толкали, даже вертели на одном месте, чтобы сбить с пути, заставить потерять ориентировку. Напрасно! Шаманка не поддавалась ни на какие ухищрения.

Вот «контролеры», значительно перемигиваясь, подвели ее к двум елкам, между которыми был протянут сыромятный ремень. Хытындо остановилась в двух-трех шагах от него, водя перед собой руками, как слепая, постояла некоторое время в раздумье, потом решительным движением подоткнула пеструю одежду, нагнулась и пролезла под ремнем на четвереньках.

Восторженный гул прокатился по лужайке...

Ветлугин понимал, что «фокусы-покусы» служат только своеобразной психической подготовкой.

Шаманка демонстрировала свое «сверхъестественное» призвание. Все могли убедиться в том, что она обладает особой, шаманской прозорливостью, отлично видит даже с закрытыми глазами,— стало быть, умеет прозревать и будущее.

После «фокусов-покусов» зрители, конечно, без труда поверят в любое предсказание Хытындо.

Но как это все удастся ей? Желтая повязка с бахромой неплотно держится на глазах? В повязке есть отверстие? Нет, придирчивые «контролеры» из публики не допустили бы обмана. В чем же дело?

Ветлугину стало досадно, что глупая баба оставляет его в дураках. Во все глаза глядел он на Хытындо, напряженно следя за каждым ее движением.

Шаманка уселась подле деревянного круга, пестрая, громоздкая, похожая на идола. Якага почтительно подал ей бубен.

По-видимому, считалось, что нервы зрителей достаточно взвинчены и пора переходить к следующему номеру программы.

Сейчас Хытындо примется беседовать с духами, с которыми она на короткой ноге,— в этом уже нельзя сомневаться!

Шаманка что-то пробормотала, приблизив рот к бубну, как к микрофону. Потом несколько раз ударила в бубен колотушкой и долго слушала, держа ухо у вибрирующей, туго натянутой кожи. На поляне воцарилась тишина, будто все разом умерли здесь.

— Просит духов, чтобы в этом году не было болезней,— вздрагивающим голосом пояснил Ветлугину Нырта.

— Что же отвечают духи?

Нырта схватил Ветлугина за руку:

— Тише! Молчи!.. Ага!.. Слышишь?..

Монотонным голосом Хытындо возвестила волю духов. Оказывается, надо было спрятать шкурку песка, разрисованную магическими фигурами, употребляющуюся обычно при гадании. Если шаманка сразу найдет ее, год пройдет благополучно, без тяжелых болезней.

Тотчас откуда-то появилась заказанная духами шкурка и при взволнованном гомоне начала быстро переходить из рук в руки. Только и слышно было: «Передавайте! Передавайте!» Хытындо уткнулась лицом в колени, даже накинула на голову какое-то тряпье, чтобы не видеть, кто из присутствующих спрячет шкурку.

Бубен опять очутился в руках Якаги.

«Однако какая музыкальная натура,— с раздражением подумал Ветлугин.— Эта дурища, видите ли, должна обязательно вдохновляться музыкой!..»

Движения Хытындо сделались сейчас резкими, нервными.

Она быстро опустилась на четвереньки, завертела в разные стороны головой. Потом, наклонившись к земле, начала озабоченно обнюхивать следы.

Ага! Предполагается, что шаманка превратилась в собаку!

Хытындо побежала по кругу. Иногда она ненадолго останавливалась. Постоит подле какого-нибудь человека, сердито мотнет головой и спешит дальше.

Хитрая актерская игра!

Внимание шаманки привлек один из зрителей. Дважды она возвращалась к нему, топталась перед ним в нерешительности и удалялась. Наконец в третий раз, не колеблясь больше, протянула цепкую руку и выхватила из-за пазухи охотника спрятанную им магическую шкурку.

Общее ликование! Радостный смех! Улыбающиеся лица!..

Значит, в этом году не заболит никто.

Ай да Хытындо!

— Ну, а охота? Спроси у духов, хорошая ли будет охота?

Церемония повторяется сызнова.

Уродливая карлица, переваливаясь на коротких ногах, брэнча и звеня погремушками, мечется внутри круга под вкрадчивый, то усиливающийся, то затихающий рокот.

Ветлугин бросил зоркий взгляд на сосредоточенного Якагу, который неотступно с бубном в руках сопровождает свою супругу.

Позвольте-ка, может, и впрямь все дело в аккомпанементе?

Ну конечно! Якага аккомпанирует Хытындо то тише, то громче, подавая этим сигнал, как бы придерживая или подталкивая ее.

Шаманка вся обратилась в слух,— это видно по ее напряженному лицу. Вот приблизилась к человеку, который спрятал шкурку песка. Дробь бубна стала отчетливой, громкой. Шаманка остановилась в нерешительности, сделала шаг в сторону. Дробь бубна тише. Теперь все понятно! Значит, спрятанный предмет находится поблизости!

Ветлугин отвернулся. Фокус разгадан! Смотреть больше не на что.

Взрыв радостных криков оповестил его о том, что Хытындо нашла шкурку.

Премудрая Хытындо! Проницательная Хытындо!..

И никому, кроме Ветлугина, невдомек, что она на самом деле не ясновидящая, а скорее уж ясныслышащая!

Теперь понятно, почему шаманке удавалось с завязанными глазами ходить по кругу, не натываясь на предметы. Рокотом бубна Якага указывал направление, сообщал о препятствиях, возвращал на правильный путь —

словом, заботливо вел Хытындо, как ребенка за руку. Рокот затихал, если Хытындо сбивалась, сворачивала в сторону. Рокот делался громче, если все шло хорошо.

«Чудеса», надо сказать, были еще не совсем отработаны. Случалось, что, зазевавшись, Якага не успевал подать сигнал вовремя, и Хытындо ошибалась. Однако шаманка не смущалась этим.

— Злой дух толкнул меня под руку,— поясняла она зрителям.— Но я справлюсь с ним!

Все недомолвки, заминки, срывы — то, что актеры называют «накладками», — теперь цепко схватывал, подмечал Ветлугин.

— Провинциальные маги,— сердито бурчал он себе под нос.— Чародеи и чародейки! Жулье проклятое!..

Ожидания его были обмануты. Он рассчитывал, что на празднике (напоследок, перед побегом) сумеет увидеть что-либо касающееся Маук, но, вероятно, все, что относилось к ней, держали в сугубой тайне.

Не было на празднике никаких особо примечательных церемоний, мистерий,— два фокусника, даже не очень ловких, надували толпу простодушных ротозеев, только и всего.

3

Ветлугину сразу стало как-то скучно. Он отвернулся и занялся едой.

Вдруг шаманка, нахмурясь, подсела к нему.

— Я хорошо предсказываю,— сказала она громко.— Хочешь, предскажу твою судьбу?

И опять этот взгляд злой собаки из-под морщинистых полуопущенных век!

— Давай погадаю,— настойчиво повторила Хытындо. Сиплый голос ее сделался неожиданно ласковым, вкрадчивым.— Тебе будет хорошо, если погадаю. Увидишь: очень хорошо!..

Вот как? Ему, стало быть, предлагали уже сделку?

Ветлугин был порывистым, импульсивным человеком. Нередко чувство во вред ему перевешивало над рассудком. Так было, когда он очертя голову кинулся на выручку Кеюлькана. Так произошло и сейчас. Уж слишком наглой показалась ему эта Хытындо, предлагавшая сообщать дурачить бедных наивных людей, обитателей оазиса.

Поддержать обман шаманки? Как бы не так!..

— Зачем мне твои предсказания, Хытындо? — сказал он деланно небрежным тоном. — Я сам могу узнавать прошлое и угадывать будущее.

Стоявшие подле шаманки «дети солнца» подались к Ветлугину. Приблизились и те сотрапезники, которые сидели поодаль.

— А что ты можешь узнавать? — нетерпеливо спросил Нырта, заглядывая Ветлугину снизу в лицо.

Ветлугин, сопровождаемый толпой, перешел площадку и остановился возле деревянного круга, изображавшего солнце.

— Я узнаю, как вы жили раньше, — сказал Ветлугин, присматриваясь к концентрическим слоям. — Хорошо ли пригревало солнце, часто ли шел дождь...

— Тебе Нырта рассказал, — раздался недоверчивый голос из толпы.

— Ничего не рассказывал, — вскинулся Нырта. — Правду говорю.

— А зачем мне спрашивать Нырту? — продолжал спокойно Ветлугин. — Когда это дерево срубили? В прошлом году?.. Вот оно мне и расскажет.

— Оно не вспомнит.

— Почему не вспомнит? Дерево старое... Сколько колец? Раз, два, три, четыре. Ну, вот: четыре года назад... Кольцо широкое. Значит, длинное лето было, теплое. Теплее, чем в этом году.

Якага, протолкавшись вперед, лег у дерева и приложил ладонь рожком к уху — не удастся ли ему подслушать, как «лик солнца» разговаривает с Ветлугиным.

— А десять лет назад, можешь сказать?

— Сейчас... Могу! Еще теплее...

Нырта был счастлив и горд триумфом своего друга.

— Дерево помнит. Теплее!.. А пять лет назад? А два года назад?

На срезе видно: чем дальше от сердцевины ствола, тем все уже и уже концентрические кольца. Это значит, что лето в котловине с каждым годом делается короче. Разрывов, скачков нет. В этом закономерность.

Ветлугин поднял глаза к горам, оцепившим котловину. Он не слушал одобрительного гула, пытливо всматриваясь в снеговое кольцо на вершине гребня, в белые выступы, которые нависли над лесом, как занесенные мечи.

— С каждым годом снег все ближе, да?..

Нырта кивнул:

— Тоже дерево сказало?

Якага с удовольствием подтвердил:

— О, раньше снег лежал далеко...

«Дети солнца», увлеченные игрой в отгадывание, не заметили перемены, которая вдруг произошла с Ветлугиным. Он нахмурился, стал мрачен.

— А будущее? Ты не сказал о будущем. Каким будет лето в следующем году?

Глядя на снеговое кольцо в горах, Ветлугин ответил неохотно:

— Холодным...

— А через три года? Через пять?

— Еще холоднее...

— А через десять лет?

Ветлугин молчал. Что ответить этим людям? Сохранится ли жизнь в котловине через десять лет?..

Он сел на свое место, погруженный в задумчивость.

Взгляд его рассеянно блуждал по долине, потом поднялся к снеговым вершинам Бырранги, где над белыми зазубринами гребня повисло солнце. Сейчас, во время пиршества, неожиданно раскрылась перед ним природа котловины. Он понял все: почему так долго не замерзает река, почему курятся недра огненной горы, почему в воздухе пахнет дымком.

Вулкан? Какой там вулкан! Ничего общего с вулканом. Пожар! Постепенно затухающий пожар!..

Нырта был удивлен молчанием своего приятеля.

— Как ты понимаешь язык деревьев? — спросил он шепотом. И почтительно кашлянул. — Дерево столько рассказало тебе!..

— Больше, чем ждал, — коротко бросил Ветлугин, занятый своими мыслями.

Да, он находился внутри миража.

Только сейчас он представил себе то, о чем раньше лишь догадывался. Очень скоро район микроклимата в горах Бырранга исчезнет, словно его и не было никогда. Холод окружающих, промерзших насквозь пустынных пространств хлынет сюда, затопит лужайки, омертвит корни высоких деревьев. Трава высохнет, поблекнет, разноцветные огоньки погаснут в траве. И, наконец, снег толстым слоем покроет бывшее великолепие ущелья.

А когда Ветлугин вернется сюда с экспедицией, то увидит лишь голую, лишенную растительности котловину, услышит гнетущее безмолвие пустыни. И никто не поверит ему, что здесь был когда-то оазис.

Географ испуганно огляделся.

Пока еще все было зелено вокруг, лес стоял на месте. Но жить лесу осталось совсем немного, считанные годы...

Петру Ариановичу вспомнилось, как, спускаясь по склону внутрь котловины, он дивился всему вокруг. Его особенно поразил одуванчик. Осенью в центре Таймырского полуострова — одуванчик!..

Он сорвал цветок и долго, не веря себе, смотрел на безмятежно-спокойный ландшафт через пушистый шар.

Дунул. Одуванчик облетел. И путешественник с испугом оглянулся: не исчезнет ли так и все вокруг?..

Первое впечатление, говорят, самое верное. Не обмануло оно и здесь. Найденный Ветлугиным зеленый, безмятежно-спокойный мирок был непрочен. Это мир-однодневка, исчезающий мир, теряющий яркость красок, тускнеющий на глазах, — мир-эфемер.

Дунь на него — и нет его!..

Глава десятая

ЗАДЕРЖАНО ДОСТАВКОЙ

1

Взяв в руки последний, двенадцатый, кусок бересты, Савчук с недоумением посмотрел на нас.

— Всё, — сказал он. Не веря себе, еще раз заглянул в текст. — Да, всё! Письмо обрывается на этом.

— Не может быть!

— Как?.. И подписи нет?

— Ничего нет. Смотрите сами!

Но оказалось, что он ошибся. Кроме прочитанных двенадцати «листов» — больших четырехугольников, был внутри плавника еще тринадцатый маленький четырехугольник, не замеченный нами ранее.

На нем было торопливо нацарапано несколько отрывистых фраз:

«Побег не удался. Они сумели перехватить меня. Сам виноват. Раздразнил Хытындю. Завтра — поединок

с Ныртой. Спешу отослать это письмо. Плавник пригнулся. Буду жив, напишу еще...»

И в конце коротенькая приписка: «Постараюсь выжить! Выживу!.. П. Ветлугин».

— Выживу! — в раздумье повторил я, беря из рук Савчука бересту и вчитываясь в полуистершиеся слова. — Выжил ли он?.. Когда отослано письмо, Владимир Осипович?

— На первом «листе» есть дата — тысяча девятьсот семнадцатый год. Судя по событиям, отослано осенью тысяча девятьсот семнадцатого года...

— Почти четверть века прошло! — Лиза горестно всплеснула руками. — Какой срок, подумай, Леша! Какой огромный срок!..

— К чему отчаиваться, Лизочка? — сказал Савчук успокоительно. — Письмо, конечно, задержано доставкой. Но мы, этнографы, знаем подобные примеры.

В 1937 году, по его словам, этнограф Долгих разыскал на Таймыре письмо, датированное 1837 годом. Письмо все время находилось в пути.

В годы царствования Николая I один сибирский казак вручил это письмо своему знакомому с тем, чтобы он передал другому, тот — третьему, и так далее. Цепочка была длинной: адресат жил далеко.

В этом способе связи, впрочем, не было ничего удивительного. Устную весть в тундре передают именно так. С письмом, однако, произошла досадная заминка, «оказия с оказией». Письмо застряло на одном из этапов. Прошло сто лет, прежде чем его нашел ученый. Оно не было даже распечатано.

— Нечего сказать, утешили, Володя! — сердито сказала Лиза. — Неужели этот пример может нас успокоить?

Савчук понял, что сказал невпопад.

— В данном случае, — забормотал он, — прошло не сто лет, а всего каких-нибудь двадцать два — двадцать три года. Уверяю вас, для историка это совершенно ничтожный промежуток времени, почти мгновение...

— Многое могло произойти с Петром Ариановичем за это мгновение, — сказал я, щурясь на догорающие угли костра.

— Да, да, — подхватила Лиза. — Видно, бестия эта Кытындю!

— Якага, по-твоему, лучше?

— Якага глуп, а Хытындо хитра и зла.

— Но почему поединок с Ныртой? Ведь Нырта был его друг, самый близкий ему человек в котловине?

— Нырте могли приказать. Послушание у первобытных народов...— начал было Савчук.

— Нырта стреляет без промаха,— сказала вдруг Лиза. Видимо, была поглощена мыслями об исходе непонятного поединка.

Савчук принялся подкладывать пучки тальника в костер.

— Должен отдать справедливость товарищу Ветлугину,— сказал этнограф, кашляя от дыма.— В необычных и трудных условиях он вел себя очень мужественно.

— Еще бы! — пробормотала Лиза.

— Как настоящий ученый,— поддержал я.

— Вот именно! Ни на минуту не прекращал своих научных наблюдений... Конечно, он не этнограф, и это очень жаль. Ему самому трудно делать выводы. Но его этнографические описания отличаются точностью, наглядностью, обстоятельностью. Возьмите хотя бы поколку на реке...

Савчук с досадой оттолкнул ногой вывалившуюся из костра головешку.

— Как повезло человеку! Просто на редкость повезло!.. Быть участником поковки, видеть это редчайшее в мире зрелище!..

В голосе его прозвучала такая откровенная зависть, что мы с Лизой, как ни тревожно было у нас на душе, не смогли удержаться от смеха. Бульчу, не все понимавший в разговоре, на всякий случай снисходительно улыбнулся.

— Да, да, редчайшее! — громко повторил этнограф.— Почти то же самое, что увидеть живого мамонта! Вы слышали о маятах?

— Нет.

— Еще в тундре, расспрашивая стариков, я обнаружил пять вариантов сказания о приходе нганасанов с северо-востока. Предков своих рассказчики называли маятами.

— Считаете, что маяты и «дети солнца» — одно и то же?

— Пока лишь гипотеза! Рабочая гипотеза,— поспе-

шил оговориться этнограф.— Я ведь не специализировался на изучении нганасанов. Их изучали Долгих и Попов. Но кое-какие факты бросаются в глаза... Начнем хотя бы с одежды... (Он повернулся к Бульчу.) Как, потвоему, одевались маяты?

Наш проводник, внимательно слушавший Савчука и изредка кивавший в знак согласия, встрепенулся:

— В короткие парки.

— Слышали?.. А как ловили рыбу?

— Перегораживая реку, вычерпывали добычу на берег.

— Поразительно! — сказал я.

Савчук продолжал:

— Как охотились на оленя?

— Устраивали поковки на реках.

— Какие жилища строили?

— Полуподземные землянки.

— Петр Арианович пишет о пещерах,— робко вставила Лиза.

Савчук сделал отстраняющий жест.

— Могут быть небольшие отклонения. А потом: полуподземные землянки, пещеры — разница невелика.

— Но разве это имеет значение?

— О! Громадное значение! Как вы не понимаете? Мы (он поправился: «Ветлугин, потом мы») нашли на Таймыре поселение самых древних жителей Сибири, народ еще более древний, чем юкагиры!..

Савчук зажмурился и покрутил головой, словно бы ослепленный таким открытием.

Мы молчали, слушая рев воды у порогов.

Бульчу, который с некоторого времени начал проявлять признаки беспокойства, встал и, взяв ружье, отошел к лодке.

— Находка оазиса,— продолжал я, рассеянно посмотрев ему вслед,— имеет для науки, по-моему, еще большее значение, чем ваши маяты. Ведь это...

Но взволнованный голос Бульчу прервал меня.

Стоя у лодки, охотник звал нас. Что-то случилось с нашей лодкой!

Со всех ног мы кинулись к нему.

Лодка стояла, немного накренившись, развернувшись бортом к волне. Еще немного, и ее бы унесло течением. Но ведь я прекрасно помнил, что перед чтением письма

сам вытащил ее до половины на берег. Не целиком, нет! Очень спешил, хотел поскорее приступить к чтению. Сейчас лодка сползла в воду не менее чем на две трети своего корпуса.

Никаких следов не было подле нее. Правда, грунт был каменистый, очень твердый.

Я бросился к аккумуляторам. Они были сухими. Не пострадала и рация, завернутая в клеенку.

Мы с Савчуком вынесли их на берег и бережно установили подле костра.

Тем временем Бульчу и Лиза, подтянув лодку, осматривали ее. Оказалось, что в носовой части днища есть несколько пробоин. Их сделали каким-то острым оружием,— быть может, кинжалом или копьем.

Мы поднялись с колен и, стоя у перевернутой лодки, из которой выливалась вода, молча переглянулись. Все было ясно без слов.

Но как удалось вражеским лазутчикам, этим людям-невидимкам (выражение Петра Ариановича), остаться незамеченными? Ведь лодка находилась чуть пониже порогов, в каких-нибудь двадцати — тридцати шагах от лагеря. Она все время была на виду,— нам и в голову не могло прийти, что надо выставить подле нее часового.

Единственным оправданием, пожалуй, служило то, что мы были целиком захвачены чтением письма — мысленно перенеслись в верховья реки, в оазис.

Вероятно, «дети солнца» подобрались к лодке зарослями тальника. Бульчу считал, что сначала они хотели просто стащить лодку с берега, то есть собирались повторить то, что уже сделали с первой лодкой несколько дней назад. Однако потом у них возник более коварный план: продырявить лодку, чтобы она затонула посреди реки, когда мы возобновим путешествие. Но мы задержались у костра, обсуждая письмо.

Бульчу был пристыжен. Присев на корточки возле перевернутой лодки, он без устали ругал себя и даже — в наказание за глупость — бил по щекам. Нашего проводника очень беспокоило, что по возвращении русские расскажут его многочисленным зятям, как опростоволосился первый охотник на Таймыре.

— И мы остались в дураках, Бульчу,— сказал я, чтобы его утешить.

— Вам ничего, вам можно,— ответил он со свойственной ему простодушной откровенностью.— Ведь вы городские люди. А городские люди в тундре всегда дураки...

Лиза не удержалась от нервного смешка.

Не верилось, что лазутчики загадочного горного народа только что находились совсем рядом.

Однако что помешало «детям солнца» напасть на нас, забросать нас копьями, обрушить на наш лагерь ливень стрел?.. Рука была занесена, поднята для удара. Почему же она не опустилась?

По-видимому, таков был приказ. Лазутчики «детей солнца» должны были задержать нас, заставить вернуться. Но приказа убить не было.

Это было все-таки утешительно. В нашем положении приходилось довольствоваться даже таким скромным утешением...

2

С поспешностью мы принялись исправлять урон, причиненный нам «детьми солнца».

Мой опыт моряка пригодился. Дыры в днище заклинили, законопатили, забили мхом, потом опустили лодку в воду, чтобы она как следует намокла. Теперь уже не отходили от нее ни на шаг.

Все это задержало нас у порогов на полтора дня.

От немолчного шума воды, kloкотавшей между камнями, разболелась голова. Река Тайн с ревом, визгом неслась мимо. Лишь прорвавшись через пороги, она умолкала и успокоенно разливалась широким плесом.

Я внимательно осмотрел в бинокль ее берега. И признака человека не было там.

Бульчу, стоявший со мной рядом, протянул руку за биноклем. Я передал охотнику бинокль и показал, как с ним обращаться. Но и Бульчу не увидел ничего. Если «дети солнца» лежали где-нибудь между скалами, то сумели совершенно слиться с ними. Загадочные тени, следовавшие за нами, вышли на мгновение из мрака и снова отступили туда, растворились в нем...

— Не боишься «детей солнца»? — поинтересовался я.

— А зачем их бояться? — с неудовольствием ответил охотник.— Не духи они — люди! Одну лодку угнали, вто-

рую ножами поковыряли. Два раза обманули меня. Третий раз не обманут, нет!

И он сердито стал укладывать вещи в лодку.

Бульчу был очень зол на «детей солнца»: они задели самолюбие нашего проводника, самую чувствительную его струнку.

Я сообщил в Москву и в Новотундринск о неожиданной помехе. «Продолжаем продвигаться, исправив повреждения,— так заканчивалась радиограмма.— Усилим бдительность. На привалах будем оставлять часовых».

Перебросились по радио несколькими словами и с Андреем. Мой друг с понятным волнением следил за нашей экспедицией. Поэтому, как ни экономили мы аккумуляторы, но Савчук все же милостиво разрешил мне извещать мыс Челюскин о каждом новом найденном нами письме Петра Ариановича.

Диверсия заградительного отряда, высланного из Страны Семи Трав, очень обеспокоила Андрея.

«В случае чего — радируй! — наказывал он мне.— Укажи ваше место, характерные ориентиры. Вышлю самолет. Если туман, жгите костры».

Но о посадке самолета в ущелье, конечно, не могло быть и речи. Река была чересчур извилистой и узкой, а склоны — крутыми, иногда даже обрывистыми.

На худой конец, можно было рассчитывать лишь на «шумовой эффект», то есть поугаать гулом мотора лазутчиков, когда те начнут слишком уж наседать.

Впрочем, Савчук не собирался прибегать к помощи самолета.

— Попугать! Вот именно поугаать! — сердито пердразнил меня этнограф.— А они-то ведь и без того до смерти напуганы, эти загадочные «дети солнца». Еще примут ваш самолет за Птицу Маук. Переполошатся, подхватят свои пожитки и откочуют куда-нибудь еще дальше в горы. Ищи их потом!..

В этом, по-видимому, был известный смысл. И все-таки нам с Лизой приятно было сознавать, что наш верный Андрей неподалеку, что он думает и тревожится о нас и в любой момент готов прийти на помощь.

Утром шестнадцатого июля я поднялся раньше всех и шепотом поздоровался с Бульчу, который, сгорбившись, сидел у лодки с ружьем на коленях. Потом я на цыпочках обошел мирно спавших Лизу и Савчука и, присев на корточки у вещевого мешка, принялся вынимать оттуда продукты.

Сушки, сушки, сушки... Ну и надоели же они, между нами говоря! Крупа... Сахар... А где банка с лососиной и консервированные персики, сберегавшиеся как лакомство? Неужели их оставили на предыдущем привале? Ага, вот они! Я торжественно извлек консервы с самого дна мешка и открыл маленьким топориком.

Теперь НЗ! На свет вслед за персиками появилась объемистая фляга со спиртом. Я сполоснул в реке кружки и расположил их в симметричном порядке вокруг фляги.

Отступил на шаг, полюбовался сервировкой. Хорошо, но все же чего-то не хватает. Чего? Наверное, праздничной скатерти. В таких случаях полагается скатерть.

Я в некоторой растерянности оглянулся по сторонам. Может быть, мох?.. Я бережно перенес флягу, лососину, персики и кружки на большую плоскую кочку, сплошь поросшую ярко-зеленым бархатистым мхом. Конечно, это не белоснежное, туго накрахмаленное полотно, но ведь мы не в «Праге» или в «Метрополе», а в горах Быр-ранга, почти на пороге каменного века!

Бульчу с удивлением смотрел на меня.

Разведя костер и набрав воды в чайник, я подвесил его над огнем, а сам пристроился рядом и закурил в ожидании, пока проснутся мои спутники.

Над кучей одеял поднялись вздыбленные и всклокоченные рыжеватые кудряшки. Лиза изумленно сказала хрипловатым со сна голосом:

— О! Готовится пир? Почему?

— А какое число сегодня? — ответил я вопросом на вопрос. — Забыла? Шестнадцатое июля!.. То-то и оно! Эх, ты! Ну, поздравляю, Лизок!

— Кого это вы и с чем поздравляете? — спросил Савчук, высовывая голову из-под одеяла.

— Лизу. С днем ее рождения.

— Боже мой! — Наш начальник с испуганным видом поспешно перекинул ноги через борт лодки. — Конечно

же, и я... От души... Даже не подозревал, представьте себе... Ну, что бы заранее, Алексей Петрович, хотя бы вполне...

— Сама всегда забываю свой день рождения,— прервала его Лиза, беспечно тряхнув кудряшками.

Вскоре все участники экспедиции уже сидели вокруг кочки. Спирт — в самых минимальных дозах, потому что это был действительно ИЗ — неприкосновенный запас,— я с осторожностью разлил по кружкам. Чайник весело забормотал какую-то чепуху и просигналил струйкой пара: «Готов! Готов!»

— Ну, все как будто? — спросил я, в последний раз не без самодовольства оглядывая праздничный «стол».

Но Лиза не притрагивалась к еде. Она красноречиво-укоризненно смотрела то на меня, то на Савчука. Я тоже с недоумением посмотрел на него. Чем бы это он мог ей не понравиться? А! Он был не брит!

Я с сомнением провел ладонью по своему подбородку. Брился-то я, собственно говоря, вчера, но ради такого горжественного случая?..

Лиза требовала от нас с Савчуком, чтобы мы брились не реже, чем через день.

— Не надо распускаться,— говорила она.— Бритый человек всегда собраннее, энергичнее небритого,— сколько раз приходилось это замечать. Не забывайте и о чисто эстетической стороне дела. Многодневная щетина, фу-фу!.. Еще у вас, Володя, так-сяк, светлая, почти не видно. Но у Леши черная, разбойничья!.. Потом небритые, как правило, имеют болезненный, усталый вид. Прошу не снижать мой политико-моральный уровень!..

О Лизе можно сказать, что она обладала своеобразным житейским талантом: всегда умела поставить себя в правильное отношение с людьми, даже очень близкими к ней, причем очень спокойно, почти шутя, без всякого нажима.

— Извини, Лизочка, я сейчас,— пробормотал я и, захватив бритвенный прибор, отошел в сторонку. Сконфуженно пытая, за мной последовал Савчук.

Бульчу, ничего не понявший, вздохнул и принялся за лососину.

Не прошло и десяти минут, как мы снова сидели против Лизы, сияя гладко выбритыми щеками и распространяя вокруг запах тройного одеколона.

— Поздравляю тебя, милый мой Рыжик,— сказал я.— Желаю тебе... Но чего же тебе пожелать?

— О! Добраться поскорей до Страны Семи Трав!

— Вы, наверное, совсем не так хотели встретить свой день рождения,— сказал Савчук, выуживая из банки самый большой персик: наш начальник был сладкоежкой.— Мечтали о вечеринке, о танцах, быть может, даже о шампанском... А приходится поднимать кружки со спиртом на какой-то сырой мочажине, в пути...

— А я всю жизнь в пути,— бодро ответила Лиза.— Естественно, что и день рождения встречаю в пути. Я довольна. Ветер гонит тучи над головой, рядом позванивает река, а впереди они...

— Кто впереди?

— Истоки Реки Тайн! Ведь это очень хорошо, когда впереди ждут тебя истоки тайн...

Мы кивнули в знак согласия, потом подняли жестяные кружки, наполненные разбавленным спиртом, и чокнулись.

— Ну, будьте здоровы, дорогая Лиза! — провозгласил Савчук.— Пью ваше здоровье. Желаю вам всего, всего...

— И все-таки неловко без цветов,— огорченно сказал я, ставя кружку на мох.— Тебе, Лиза, оно, может, и ничего, а нам с Савчуком неудобно. Полагается преподнести в день рождения цветы.

— Ну что ж,— пробормотала Лиза, посмотрев на меня чуть лукаво, искоса.— На квартире в Москве нас, конечно, дожидаются цветы. Целая корзина гортензий, заказанная по телеграфу с мыса Челюскин...

Савчук недоумевающе поднял брови.

— Это от Андрея,— пояснил я.— Андрей всегда преподносит ей корзину гортензий ко дню рождения. А если находится в плавании или на полярной станции, то заказывает цветы по телеграфу и «красная шапка» — посыльный из магазина — приносит их к нам на квартиру.— Я повернулся к Лизе: — Гортензии, кстати сказать, не дожидаются тебя на этот раз. Ведь Андрей знает, что ты не в Москве, а в горах Бырранга.

Лиза сидела неподвижно. Выражение ее лица стало рассеянным, грустным и ласковым.

Я понял: думает сейчас о том, что наш Андрей так и не женился. При встречах он ничем не проявляет своих

чувств к ней, держится на редкость ровно, приветливо, просто, и лишь раз в году, шестнадцатого июня, позволяет напомнить о своей любви неизменной корзиной цветов.

— Говорите, заказывает по телеграфу из Арктики? — в раздумье повторил Савчук. — Где же он их заказывает? Наверное, в магазине на Петровке?

— Да цветов в Москве всегда полно, — сказал я. — Даже в марте, когда мы ходили с вами на «Коппелию», отбоя не было от цветочниц...

Я замолчал и принялся с тревогой шарить во внутренних карманах кителя.

— Она же была здесь, — бормотал я взволнованно. — Не может быть, чтобы я ее выбросил... Ну конечно, вот она!..

Я вытащил из кармана смятую, осыпавшуюся веточку мимозы, которую купил в марте в Москве, и протянул через «стол» Лизе:

— Вместо гортензий! От меня и Андрея.

Традиция была соблюдена. А ведь традиции очень важны в нашей жизни — это как бы внутренние скрепы ее!

Посуду после завтрака, по нашему обычному «графику», полагалось мыть Лизе, но Савчук проявил галантность.

— Завтра! — сказал он и раскланялся с наивозможной для себя грацией. — Посуду станете мыть завтра! А сегодня разрешите вам этого не разрешить!..

И он перехватил у нее из рук посудное полотенце.

А после праздничного завтрака мы снова двинулись в путь.

Выше порогов река стала очень мелкой. Первое время мы с усилием отталкивались веслами, как шестами. Но лодка все чаще задевала песок и гальку на дне реки. Несколько десятков метров она буквально ползла на «брюхе».

— Стоп! — сказал я. — Этак недолго и днище пропороть. Вся работа насмарку.

— Да, отплавалась! — согласился Савчук. — Пойдем бечевой.

Решение было правильным. Мы вышли на берег и впряглись в лямки.

Трое из нас брели по берегу, таща лодку за собой, а четвертый сидел в ней и правил веслом. Мы чередова-

лись через каждый час: рулевой сменял одного из «бурлаков».

Иногда отдели выдвигались так далеко, что лодка с трудом проползала по самой середине русла — едва-едва хватало бечевы. Потом река снова сужалась, скалы подступали вплотную к воде, а некоторые даже нависали козырьком. Лодку перегоняли тогда на веслах, двигаясь как бы узким скалистым коридором.

Но, несмотря ни на что, мы все время пытались шутить, чтобы поднять настроение.

Рассматривая свои ладони, на которых вздулись пузыри, я сказал:

— Есть отличное название для статьи, товарищи!

— Какое еще там название?

— «Ученые прорываются к верховьям реки, или Трудовые мозоли от научной работы!»

— По-моему, — бодро поддержал Савчук, — именно в нашем положении стираются грани между умственным и физическим трудом.

— Веселенькое зрелище! Сидят друг против друга и огорчаются по поводу своих мозолей, — засмеялась Лиза. — Вспомните седовцев! А папанинцы? До седьмого поту крутили лебедку, когда брали глубоководные пробы...

— Да ведь не жалуемся. Просто констатируем факт...

В пути Лиза заинтересовалась, что мы сделаем прежде всего, когда вернемся в Москву.

— В Москву? — задумчиво произнес Савчук. — Переверну вверх ногами музей, заставлю переставлять экспонаты в зале позднего неолита. Ведь теперь, по новым данным...

— А ты, Леша?

— Я бы охотно прослушал Вторую прелюдию Рахманинова. Там, знаешь, такое начало! Тяжелые, величавые аккорды. Как шаги судьбы! Я считаю: музыкальная интерпретация судьбы Ветлугина!

— О, какие вы оба глубокомысленные! Я мечтаю о другом. Горячий, очень горячий душ! Потом — в Столешников, делать маникюр!

— Маникюр?

— Но это же очень важно, как ты не понимаешь! Посмотри, во что у меня превратились ногти. Просто жить не хочется, когда такие ногти.

— «Быть можно дельным человеком,— услужливо процитировал Савчук,— и думать о красе ногтей...»

Мы с новой силой налегли на лямки. Лиза, стоя в лодке во весь рост, помогала нам веслом.

Но вскоре расхотелось и шутить.

На привалах, совершенно обессиленные, мы валились на землю, ели безо всякой охоты и засыпали как убитые. Лишь часовой с ружьем оставался бодрствовать.

Спорить по поводу письма больше не хотелось. Но, идя друг за другом по берегу, впряженные в лямки, мы были предоставлены каждый своим мыслям. И мысли эти, понятно, вертелись вокруг оазиса.

Не вулкан, а постепенно затухающий пожар? Что бы это могло означать?..

Очень удручало то, что мы так медленно продвигаемся вперед. Идя бечевой, продвинулись за первый день на семь километров, за второй — на девять, за третий — всего на три с половиной километра.

«Дети солнца» ничем не выдавали своего присутствия. Быть может, они обогнали нас и сейчас спешили тайными тропами к оазису, чтобы предупредить о нашем приближении?..

4

Как-то утром, на одном из привалов, я попросил у Савчука разрешения включить радио.

Употребляю выражение: включить. Оно такое житейски простое, привычное.

Представьте себе: в пустой комнате сидит человек. Ему взгрустнулось. Он устал. Быть может, им даже овладела апатия или тоска. В комнате очень тихо. Угрюмые тени притаились по углам. Сумерки.

И вот человек протягивает руку и включает радио.

Комнату тотчас же наполняют бодрые голоса, звуки музыки. Это жизнь вливается сюда,— полноводный шумный поток хлынул из репродуктора.

Мы были в положении такого человека.

Вспыхнули огни ламп, медленно разгораясь. Застрелкотала морзянка, изредка прерываемая отвратительным скрипом, словно проводили гвоздем по стеклу. Под пальцами, осторожно вращавшими верньер настройки, возникла музыка. Из Киева передавали «Запорожца за Дунаем».

Мы немного послушали дуэт Одарки и Карася. Потом я нашел Свердловск. Академик Бардин читал по радио лекцию о развитии уральской металлургии. Из Лисичанска, в Донбассе, сообщали о строительстве шахты подземной газификации,— уголь должен был сгорать внизу в огненном забое, а газ подаваться наверх в газоприемники. На Кубани уже заканчивали уборку хлеба. К элеваторам тронулись первые красные обозы.

Потом, склонившись к приемнику, я пустился в далекое плавание по радиоволнам заграничных станций.

То было тревожное плавание. Июль 1940 года громыхал в Западной Европе не летними грозами, а орудийной пальбой. Штурмовики со свастикой низко неслись над полями Франции, тень падала от них на тяжелые танки, ползущие следом.

Все чаще стали врываться в уши хвастливые голоса гитлеровских радиокомментаторов.

— Заткни им глотки! — приказала Лиза.

Я чуть повернул верньер, и крикливые голоса исчезли.

Мне удалось поймать Тарту.

Из Тарту передавали песни школьников. Тоненькие детские голоса зазвенели у нашего костра, как ломкие льдинки.

Лиза, Савчук и Бульчу заулыбались, подсели ближе к приемнику. Слышно было неважно: мешали шорохи, свист, прерывистое потрескивание. Где-то поблизости была зона молчания. Быть может, это влияло на работу приемника?

Осторожно поворачивая верньер, чтобы отрегулировать звук, я подумал, что так и голос Петра Ариановича пробивается к нам: издалека, сквозь шумы, свист, помехи. Иногда его «слышно» сравнительно хорошо, но затем голос пропадает опять, не отзывается, как ни ищи.

Наконец я поймал Москву. И почти сразу же наткнулся на сообщение о нашей экспедиции!

«...Упорно продвигаясь вверх по реке в глубь Бырранги,— услышали мы. (Видимо, я «врезался» в середину передачи.) — Внимание советских этнографов приковано к экспедиции В. Савчука».

— Погромче! — заволновались Савчук и Лиза.— Еще громче!

Я впопыхах соскользнул с волны, снова взобрался на нее и обеими руками уцепился за гребень.

«Полагают,— размеренно читал диктор,— что научные результаты этой экспедиции — в случае ее благоприятного завершения — выйдут далеко за пределы этнографии. По всему побережью Сибири любители-краеведы, среди которых много школьников, настойчиво ищут меченый плавник. Наш корреспондент сообщает с острова Диксон, что там найден на днях ствол дерева, на котором осталась метка: три точки, три тире, три точки. К сожалению, дерево, судя по его внешнему виду, носилось по морю в течение долгого времени и было сильно помято льдинами. Если внутри ствола и находилось когда-то письмо, оно безвозвратно погибло. Более удачным был охотничий трофей спортсменов-охотников города Дудинки. Им удалось подбить закольцованного гуся. На снятом с его лапки куске бересты сумели разобрать только дату — «1929 год» и шесть слов: «нестерпимым», «ожидая много лет», «...земным пожаром». Специалисты продолжают расшифровку текста».

Диктор замолчал. После короткой паузы женский голос стал рассказывать о новом способе обточки деталей на токарном станке.

По-видимому, это были «Новости науки и техники», передававшиеся раз в неделю.

— Земным пожаром? — повторил я, с изумлением глядя на Лизу, Савчука и Бульчу.— Что это могло бы значить?..

— Остальные слова понял? — спросила Лиза.

— Понять не трудно,— поспешно ответил Савчук, смотря себе под ноги. Слушая передачу, он успел записать на земле прутиком: «нестерпимым», «ожидая много лет», «...земным пожаром».

— Товарищ Ветлугин сообщает, что положение его становится нестерпимым,— продолжал Савчук.— Затем жалуется на то, что ожидает помощи уже много лет. Но последние два слова, признаюсь, непонятны.

— Вы правильно записали их,— заметила Лиза, не отрывая взгляда от слов на земле.— С многоточием впереди. Так и должно быть. Первое слово — усеченное.

— Как это усеченное?

— Следует читать: «подземным пожаром».

— Подземным?.. Как это подземным?..

Лиза посмотрела на меня странным долгим взглядом.

— Но главное не это,— перебил меня Савчук.— Главное— дата! Понимаете ли, не семнадцатый, а двадцать девятый год! Петр Арианович был еще жив в 1929 году!..

— Да, это замечательно! Молодцы дудинцы! Как кстати попал под выстрел этот гусь!..

Мы долго еще возбужденно обсуждали новости у костра. Петр Арианович был жив в 1929 году, то есть одиннадцать лет назад! По сравнению с двадцатью тремя годами это казалось совсем маленьким сроком.

Получалось, что мы приближаемся к нему не только в пространстве, но и во времени.

— Спать будем только четыре часа,— объявила Лиза, перетирая посуду.— Непростительно много времени тратим на сон!..

Но после ужина она повалилась ничком на землю у костра и проспала в этом положении, не шевельнувшись, шесть часов. Она бы проспала и больше, если бы Савчук, который нес вахту, не разбудил ее.

Глава одиннадцатая

РАМКА БЕЗ КАРТИНЫ

1

Утром резко изменилась погода.

Путь нам преградила пурга.

В свое время я наблюдал подобные снежные заряды в Баренцевом море. Внезапно — летом и при ярком солнце — налетало снежное облако, все вокруг затягивалось мутной пеленой, и ветер начинал яростно свистеть в реях. Несколько минут корабль находился внутри облака, где падал косой мокрый снег. Потом, так же внезапно, мгла рассеивалась, корабль выскакивал на свет, весь блестящий от воды, будто вымытый, а заряд, уносимый ветром, мчался дальше.

Ничто, по-моему, не предвещало снежного заряда в горах Бырранга. Солнце светило вовсю. Ветра не было.

Однако нашего проводника охватило беспокойство.

— Пурга идет,— сказал Бульчу. Потом значительно добавил: — Темная пурга...

Вскоре мы увидели россамаху, которая, горбясь больше обычного, быстро пересекла узкую тропинку вдоль берега и юркнула в расщелину между скалами. Я хотел было обратиться к Бульчу с вопросом, как вдруг охотник пригнулся — над нашими головами раздалось оглушительное хлопанье крыльев. Пролетело множество птиц, целая свистящая и щебечущая туча, на мгновение закрывшая солнце. Все население этой части Бырранги искало спасения от пурги в долине реки.

Бульчу указал в небо. Оно было по-прежнему серо-голубым, но какое-то темное пятнышко поднималось из-за гор.

Нельзя было мешкать.

— Скорей в пещеру! — крикнул Савчук, увидев большое углубление под нависшей скалой. — Туда — груз и лодку!

Мы кинулись к лодке. Она была разгружена с быстротой, которая возможна только во время аврала. Рацию, аккумуляторы, тюки, ружья мы внесли в пещеру, а затем туда же волоком втащили и лодку.

Я принялся разворачивать на берегу брезент, чтобы укутать аккумуляторы, как вдруг он вырвался из рук, птицей взлетел на воздух, мелькнул и исчез.

Стало очень холодно.

Пурга налетела с северо-востока. Ветер дул вдоль реки и гнал снег над ней, но небо было еще чистым. Под ногами закружилась поземка, словно встали на хвосты злые змейки, раздраженные нашим появлением. Они росли на глазах, извиваясь, вертясь, и вот уже колыхались на берегу белые столбы, упираясь вершинами в самое небо.

Пурга шла на нас стеной. Мгновение, и свет померк. Очертания горных вершин, крутые волны на реке, тальник, который пугливо полег над водой, — все скрылось в кружащемся мареве.

Неожиданное вторжение зимы в июле! Иногда это случается на Крайнем Севере...

Долина реки была теперь, конечно, самым надежным убежищем.

Тонны летящего снега проносились над высокими берегами. Пурга проходила поверху.

На открытом месте нам бы пришлось куда труднее. Сбившись в кучу, мы должны были бы лечь ничком, что-

бы не задохнуться в снежном урагане. А сейчас, устроившись на тюках в пещере и тесно прижавшись друг к другу, чувствовали себя в безопасности.

Если бы только не было так холодно!..

Смотря на белый снежный полог, который вздувался и трепетал у входа в пещеру, я думал об оазисе.

Неужели и там все так же бело?

Нет, бело и черно! Воображение нарисовало передо мной мертвую котловину, сугробы снега и торчащие из сугробов пеньки — все, что осталось от леса.

Но ведь в оазисе еще есть люди? Иначе нас не встретило бы сторожевое охранение, высланное вниз по реке. Но какое существование влачат «дети солнца»!

Мне представились сумрачные своды, согбенные фигуры, которые жмутся к потухающему костру, женщины в разорванной и потертой меховой одежде, укачивающие детей, старики со слезящимися глазами, устремленными вдаль...

Пещерные люди эпохи оледенения!

По ассоциации я вспомнил о Гренландии — этой огромной белой гробнице, как назвал ее один из путешественников. Я продолжал думать о ней и после того, как кончилась пурга и мы, спустив лодку на воду, снова впряглись в лямки.

Солнце как ни в чем не бывало засияло на небе. Ощутительно потеплело. Блестели мокрые скалы. Робко расправлялся прибрежный тальник, припорошенный снегом.

Но мыслями я был далеко отсюда...

2

Последние годы я изучал причины потепления Арктики и прочел почти все, что было написано на эту тему.

Причины потепления пока не выяснены. Возможно, что оно связано с очередным усилением солнечной радиации, которое убыстряет все атмосферные процессы на Земле. Ведь Земля переживает периоды потепления и охлаждения. Даже на протяжении последнего тысячелетия происходили резкие изменения в климате.

В связи с этим я заинтересовался Гренландией.

«Грюнланд» в переводе означает «Зеленая страна». Именно так называли ее исландцы в 982 году.

Некоторые ученые считают, что это была лишь своеобразная реклама, с помощью которой хотели привлечь колонистов во вновь открытую страну. Действительно, уже на следующий год туда двинулись из Исландии двадцать пять кораблей.

Однако я помнил, что Петр Арианович, много читавший о Гренландии, был не согласен с этим мнением.

— Поселения просуществовали около пятисот лет,— говорил он мне и Андрею.— Обман не мог длиться столько времени.

И наш учитель географии принимался перебирать свои выписки о Гренландии, сделанные им еще в студенческие годы.

Особенно интересными были выдержки из старонорвежской хроники тринадцатого века. Неизвестный автор ее писал, что Гренландия славится хорошим климатом и «когда солнце стоит высоко на небе, оно радует все живое, и земля приносит полезные растения».

Судя по этому описанию, жители Гренландии благоденствовали в тринадцатом веке. На острове, помимо деревьев, было два больших города, пятнадцать церквей, три монастыря.

Затем произошло нечто странное. Над Гренландией как бы задернулся занавес.

В шестнадцатом веке Гренландия представляется европейцам уже почти мифической страной. На карте, изданной в Страсбурге в 1513 году, она изображена рядом с недавно открытой Америкой как длинный полуостров, который соединен с Европой севернее Скандинавии.

Что же произошло за период между тринадцатым и шестнадцатым веками? Катастрофа. Гибель исландских поселений в Гренландии.

На земле наступило резкое похолодание. Из Центральной Арктики двинулись в Атлантический океан плотные массы льдов и отрезали от Европы гренландские города, деревни, монастыри.

Все труднее — вскоре и совсем невозможно — стало доставлять сюда хлеб и строительные материалы. Жители колонии вымерли от холода и голода, а опустевшие города завалило снегом по самые флюгера на крышах домов.

Вторично Гренландию открыли в конце шестнадцатого столетия. Она выглядела уже так, как выглядит сей-

час — мертво и печально, оделась белым погребальным саваном...

Аналогия с судьбой оазиса в горах Бырранга напращивалась сама собой. Только перемены в оазисе произошли, по-видимому, за более короткий срок — не за двести — триста, а за двадцать — тридцать лет.

На привале я начал развивать эту мысль, и очень подробно.

— Можно, впрочем, найти и другую, менее грустную аналогию,— спохватился я, заметив, как вытянулись и без того озабоченные и усталые лица моих спутников.— Например, с Землей Ветлугина, бывшим Архипелагом Исчезающих Островов. Ведь архипелаг удалось спасти от разрушения, не так ли? Он стоит посреди океана и простоят еще столько времени, сколько нам нужно... Почему же нельзя сделать так и с оазисом «детей солнца»? Сохранить его или возродить на новой основе? Уверяю вас: это вполне возможно, реально!

Лиза посмотрела на меня искоса:

— В тебе до сих пор, Леша, есть что-то мальчишеское...

Бульчу, с неудовольствием прислушивавшийся к разговору, смысл которого ускользал от него, неожиданно сказал:

— Зачем спорить, сердиться? Скоро там будем. Все сразу узнаем.

— А скоро ли будем?

— Очень скоро. Завтра...

Но мы даже не улыбнулись в ответ на его слова. Сколько раз уже слышали это: «Завтра, завтра!..»

3

Пурга отняла у нас остаток сил. Усталость, накапливавшаяся постепенно на протяжении всего пути, особенно дала себя знать именно в этот день. Мы брели, вяло переставляя ноги, чаще, чем раньше, скользя и оступаясь на покато-каменистом берегу.

Очень хотелось спать. После пурги в воздухе потеплело, и это размаривало. Крепко, до боли в пальцах сжимая лямки на груди, чтобы совладать с одолевавшей меня дремотой, я услышал пронзительный возглас:

— Мышь, мышь!..

Это Бульчу поет песню! Окончательно страхнув дремоту, с удивлением вслушиваюсь в слова песни:

— Мышь, мышь впереди!.. Уцепился за ее хвост, она потащила меня. Через сто промоин, через сто пропастей, по ста кочкам потащила меня...

Голос у Бульчу дребезжащий, слабый, сорванный. Не могу сказать, чтобы мотив песни и ее исполнение доставляли мне удовольствие. Особенно странными кажутся слова:

— Камни поднялись из воды. Мы обошли эти чертовы камни. Пурга поднялась на пути. Мы перехитрили чертову пургу...

И дальше:

— Я веду людей, которые ищут своего человека. В Стране Семи Трав живет русский человек...

Похоже на то, что Бульчу описывает наше путешествие, придумывая слова на ходу. Да, так оно и есть!

Оглянувшись и увидев, что я смотрю на него, он затягивает еще громче:

— Русским людям нравится песня Бульчу. Под песню лучше идти. Хорошую песню поет Бульчу...

Тут только доходит до моего сознания, что Бульчу поет по-русски, то есть специально для меня, Савчука и Лизы. Он решил подбодрить нас песней!

— У русских людей много хорошего табаку,— продолжает распевать наш проводник.— Я никогда не курил так много хорошего табаку. Раньше я боялся Страны Семи Трав. Но я стал умный человек. Теперь я ничего не боюсь!

Голос его все чаще прерывается. Он вынужден делать передышки между фразами, потому что устал не меньше нас.

— Страна Семи Трав — прекрасная страна! Там очень жирные олени! Там много птиц! Там всегда тепло!..

И снова:

— Мышь, мышь! Поскорей тащи меня вперед!..

Мне пришло в голову, что сам Бульчу, маленький, проворный, в своем пегом сокуе и в капюшоне с оленьим хвостом, похож на деловитую пеструю мышку.

— Упоминание о мышке характерно для нганасанского фольклора,— сказал Савчук, ускоряя шаг.

— Звучит как заклинание,— пробормотала Лиза.— Очень напоминает заклинание!..

— Скорей уж путеводитель! Справочник для туристов, — возразил я и оглянулся.

Увы, ничего похожего на деревья и высокую траву. Что-то мрачное, безотрадное, резко контрастировавшее со словами песни было в окружающей нас природе.

Черные и красноватые утесы. Осыпи камней, однообразные серые галечники. Груды крупного щебня.

Ущелье было так глубоко, что мы видели отсюда не солнце, а лишь отблески его, розоватую кайму, лежащую на снежных гребнях.

— Очень скоро дойдем! — сказал Бульчу, прервав песню. — Видишь: «Уши Собаки»!..

Он указал куда-то вверх.

Лиза с сомнением кашлянула.

— Нет, на моей карте есть «Уши Собаки», — вступил я за Бульчу. — Еще в тундре набросал с его слов кроки речной долины. До сих пор все сходилось. Значит, верно ведет.

— Да, я верно веду, — подтвердил проводник.

— А какой следующий ориентир — за «Ушами Собаки»?

Я взглянул в блокнот:

— Потом должна быть скала «Сцепились рогами».

Бульчу с достоинством кивнул.

Мы миновали уже и скалу «Сцепились рогами» и скалу «Подползающий Человек», но деревьев все не было.

Потемневшая река (дно ее стало не песчаным, а глинистым) медленно текла навстречу, повторяя прихотливые извивы ущелья.

Волнение Бульчу достигло предела. Он уже не шел, а бежал вприпрыжку, таща меня за собой, как медлительного тяжелого коренника.

— Сейчас! Сейчас! — повторял Бульчу, задыхаясь.

Мы обогнули высоченную, нависшую над берегом скалу.

— Привел! — восторженно вскрикнул Бульчу и выбросил вперед руку на бегу. — Смотри!..

Он осекся, будто споткнулся.

Перед нами были каменистые голые склоны, ничем не отличавшиеся от тех, которые остались за спиной. Они поднимались широким амфитеатром к низко клубившимся над ущельем облакам. Впечатление было очень мрач-

ным. По-видимому, конца-краю не было этому каменистому ущелью.

— Ты тут был, Бульчу? — с недоумением, даже с испугом спросил Савчук.

Бульчу молчал, озираясь.

Да, он был тут, в этом не могло быть сомнений. Вот три «сторожевых» утеса, похожих на чумы, — о них говорил еще в Новотундринске. Вот каменная осыпь, о которой тоже говорил нам.

Держа перед собой раскрытый блокнот, где были нанесены кроки ущелья, я то опускал к ним глаза, то поднимал — сравнивал.

Характер местности, изгиб реки, очертания хребтов и отдельных скал — все в точности совпадало с описанием Бульчу. Долина не приснилась ему. Он был здесь, жил здесь.

Но что же произошло?

Где мачтовые сосны, березы, лиственницы, пышная трава, цветы, кусты шиповника?..

Голо, однообразно, уныло было вокруг. Те же серые угловатые утесы громоздились по склонам, тот же безотрадно-белый снег лежал в расщелинах и впадинах. Долина была похожа на пустую рамку, из которой вынули и выбросили прочь яркую, радовавшую и веселившую глаз картину.

Наш проводник прошел еще несколько шагов и опустился на землю.

Савчук помог Лизе снять лямки. Я попытался закурить, но долго не мог зажечь спичку.

Все молчали.

Бульчу повернул к нам морщинистое лицо, по которому катились слезы.

— Видел это ущелье, видел! — сказал он задыхающимся голосом. — Я был здесь, и оно было зеленым...

Он упал ничком на прибрежную гальку и обхватил голову руками.

Ошеломленные неудачей, мы озирались по сторонам. Не было ничего: ни зеленой травы, ни ягод шиповника, ни тенистых деревьев!

Печально и глухо плескалась у наших ног река.

Но ведь Петр Арианович описывал оазис «детей солнца» во всех его подробностях, и гораздо более красочно, чем Бульчу. И «письма из каменного века» обнаруже-

ны были в древесных «конвертах», в выдолбленных стволах.

Но здесь не росло никаких деревьев.

Куда все подевалось? Куда ушли люди? Куда исчезли деревья?..

Снежное облако, зацепившись за острые зубья скал, вяло перевалило через хребет и поползло дальше, сея мокрые снежинки.

Мы с Савчуком присели на камень возле Бульчу, который продолжал лежать ничком.

Неприятная слабость была во всем теле. Еще бы!..

Отмахать без малого сто километров по реке то на веслах, то идя бечевой. Не мудрено устать. Плечи онемели, колени дрожали от слабости.

Э, черт возьми! Все было бы ничего, все забылось бы мгновенно, лишь бы нашлась Страна Семи Трав, оазис «детей солнца».

Мы не нашли его. Он исчез, словно бы провалился сквозь землю.

Но ведь все приметы Бульчу остались на месте. Черные и серые камни угрюмо громоздились вокруг: «Уши Собаки», «Сцепились рогами», «Подползающий Человек».

Только оазиса не было здесь...

Глава двенадцатая

ДВЕ ЛЕГЕНДЫ

1

Куда же пропал лес?

Быть может, здесь произошло землетрясение и весь оазис провалился сквозь землю в какую-то необычайно широкую трещину?

Провалился внезапно, со всеми своими деревьями «в три человеческих роста», с красивыми цветами, с высокой травой и с населявшими его людьми?..

Значит, Петр Арианович погиб?..

Я сделал несколько шагов, пытливо осматриваясь.

Да, земля здесь была бугристая, очень неровная, потрескавшаяся, со странными вздутиями.

С ужасом я увидел сброс. Край ущелья был как бы

надломлен. У ног моих зияла зловещая ямища. Поодаль чернели еще две или три большие ямы.

— Ничего не могу понять,— пробормотал Савчук, подходя ко мне.— Похоже на котлован. Не то карьер для выборки грунта, не то подготовка фундамента под какое-то огромное здание. Что скажет по этому поводу Лиза? Я оглянулся.

Бульчу по-прежнему лежал на земле ничком, обхватив голову руками,— в позе отчаяния. Но Лизы подле него не было.

— А где же Лиза? Лиза-а!

— Я здесь,— откликнулась она.

Мы посмотрели вверх. Лиза бродила по склону, то и дело нагибаясь, поднимая комки земли и со вниманием их рассматривая. Один из комков она даже озабоченно понюхала.

Некоторое время мы с Савчуком удивленно смотрели на нее. Потом Савчук оживился и зашагал по склону.

— Что вы нашли? — спросил он.— Следы пребывания «детей солнца»?

— Нет,— ответила она.— След пребывания оазиса. Красный след.

Лиза указала на красную полосу, довольно явственно выделявшуюся на серой каменистой земле. Полоса, петляя между скал, уползала куда-то на север, в глубь ущелья.

— Что это?

— След пожара.

— Какого пожара? Разве здесь был пожар? Когда? — Я с изумлением осмотрелся, ища взглядом почерневшие обгорелые пни. Никаких пней не было.

— Лес горел под землей,— объяснила Лиза.— Вернее, то, что было лесом миллионы лет назад...

— Уголь?!

— Да. Пласт угля выгорал постепенно до уровня грунтовых вод. Это был подземный пожар. В Сибири его называют гарью.

Мы с Савчуком подошли к Лизе. Она держала на ладони черный спекшийся комок, по виду напоминавший шлак, какой выгребают из печи.

— Ты как-то сказал,— обратилась она ко мне,— что мы отламываем тайну Бырранги по кусочкам. Вот второй кусочек тайны.

— Что это?
— Прогоревший уголь!
— Нет, ты все-таки объясни подробно,— возмутился я.— Ты ведь знала об этом?
— Догадывалась.
— Почему же молчала?
— Не доверяла себе. Хотела увидеть собственными глазами.

— Удивительно! Я бы не смог так... Догадываться и молчать!..

— Но как же лес? — спросил Савчук.— Петр Арианович жил в нем. И Бульчу видел его. Наконец мы сами видели плавник на отмели.

— Лес был. Над горящим пластом угля возник район микроклимата. И вот оазис!

Она обвела рукой вокруг.

— Но ведь оазиса нет!

— Он был.

— И это все, что от него осталось? — Савчук недоверчиво склонился над черным комком, лежавшим на ладони Лизы.

— Нет, конечно. Вы оба просто слишком растеряны, чтобы проявить наблюдательность. Посмотрите-ка по сторонам!

Мы оглянулись и увидели то, на что раньше не обратили внимания: корни, множество корней, полузасыпанных землей.

Древесные щупальца, некоторые из них обломанные, поврежденные, тянулись к нам со всех сторон. То там, то здесь показывалась из-под земли нарушенная, разорванная корневая система. В одном месте я разглядел даже повалившийся набок ствол.

— Почему только корни? Что происходит здесь?

— Пласт постепенно выгорал,— сказала Лиза.— Под землей образовались пустоты. Возникали микросбросы, обрушения...

— Землетрясение в миниатюре?

— Да, похоже на землетрясение, но строго локализованное.

Таким образом, мое первое впечатление от ущелья — рамка без картины, рамка, из которой вынули картину, можно было выразить еще точнее: рамка, висящая косо на гвозде.

— Сядем, если вам это все равно,— сказала Лиза.— Я устала.

Мы вернулись к лодке, у которой все так же неподвижно лежал Бульчу.

— Лес ушел отсюда,— ласково сказала Лиза, наклоняясь над ним и, как маленького, глядя по голове.— Но мы догоним лес, Бульчу! Это в том случае,— Лиза подняла на меня глаза,— если подземный пожар не погас, а только продвинулся вперед.

— Может, дать ему лекарства? — озабоченно спросил Савчук, глядя на Бульчу.

Наш проводник очень любил лечиться. Щеголяя своей образованностью, торжественно развертывал паке-тик, потом так же неторопливо, косясь на нас, сыпал порошок на ладонь и с видимым удовольствием заглатывал.

Однажды из-за моего недосмотра он в один прием уничтожил целую коробочку салол.

Но сейчас Бульчу отказался от лекарства.

Охотник поднял на Лизу заплаканные глаза, отрицательно покачал головой и снова опустил ее. Он не поверил Лизе. Он думал, что его хотят утешить, обмануть.

— Мы слушаем,— поторопил я Лизу.

— Видите ли, товарищи,— так начала Лиза.— В одном отношении я счастливее вас. Я уже видела подобный оазис...

— Где? Когда?

— Очень далеко от гор Бырранга. В этом году весной. На реке Виви... А знаете, как называлась она на старых картах?

— Что-то припоминаю...— начал было Савчук.

— Горелая!.. Виви — это эвенкийское название.

— Почему же Горелая?

— Потому что там было много подземных пожаров. Большинство из них происходило очень давно, еще в третичном периоде.

— Отчего?

— От молнии, например. Пожары могли возникнуть от разряда молний. Ну вот!.. Но, кроме того, нам показали одну гарь сравнительно недавнего происхождения.

Пожар начался, вероятно, лет пятьдесят — шестьдесят назад.

— И что же вы увидели?

— Понимаете, гора постоянно дымится, точно в глубинах ее скрыт неугасающий вулкан. По рассказам местных жителей, снег не держится там в течение всей зимы. Еще бы! Ведь внутри горы происходит беспламенное горение. Я убедилась в этом воочию. Прикрепила к концу длинной палки трут, сунула его в каменистую расщелину, и трут загорелся. Вот вам!

— А растительность? — спросил Савчук с нетерпением.

— Ну, конечно, пышная растительность. Тучные луга! Березовая роща! Полно ягод!.. Потом я просматривала соответствующую литературу. Подобные описания гарей есть у Эйхвальда, Третьякова, Элизе Реклю.

— Значит, не такая уж редкость?

— В Сибири гари повсеместны. В Кузнецком бассейне есть пласт угля, который горит уже больше ста лет...

Я мельком взглянул на прикорнувшего у костра Бульчу.

— Теперь понятно, — сказал я, — почему ты так дошительно расспрашивала Бульчу о Стране Семи Трав.

— Я проверяла отдельные детали пейзажа.

— Какие детали? — удивился Савчук.

— Очень важно было узнать, чем пахнет Страна Семи Трав. Если серой, — значит, все-таки это не гарь, а вулкан. Правда, в некоторых углях есть большие примеси серы. Но тогда вряд ли была возможна такая пышная растительность. Бывали ли вы когда-нибудь на химических заводах, вырабатывающих серу? Они обычно окружены на редкость плохонькими скверами.

— Потом вы интересовались цветом оазиса, — вспомнил Савчук.

— А как же! Цвет оазиса имеет огромное значение. Бульчу подтвердил, что в отдельных местах земля действительно кирпично-красного цвета. Ведь глина обжигается, как кирпич.

— В общем, все одно к одному...

— Да. Постепенно я убедилась, что Петр Арианович наткнулся на гарь в горах Бырранга.

— Но он думал, что это вулкан.

— Только в самом начале. Сходство между гарями

и вулканами довольно велико. Недаром геологи называют гари «лжевулканами».

— Вот как!

— В свое время Петр Арианович, несомненно, читал Спафария, Гумбольдта, Семенова-Тян-Шанского. Ведь спор о вулканах в Сибири — это давний спор. Он тянется два с половиной столетия.

Оказалось, что двести пятьдесят лет назад Спафарий слышал о вулканах на берегах Нижней Тунгуски. Страленберг описал огнедышащую гору недалеко от низовьев Енисея. Наконец Гумбольдт, со слов нескольких путешественников, заявил о наличии «многих вулканов» в Сибири.

Против Гумбольдта выступил Шренк, затем Семенов-Тян-Шанский.

Однако еще в 1932 году в газете «Советская Сибирь» сообщалось о том, что у подножия Кузнецкого Алатау обнаружен потухший вулкан.

По берегам небольшого озера, находившегося неподалеку от села, были якобы разбросаны куски застывшей лавы. «Не является ли озеро кратером вулкана?» — высказывалось предположение в газетной статье.

Академик Обручев отверг эту гипотезу. Действительно, подземный огонь обжег горные породы и шлаки, найденные корреспондентом «Советской Сибири». Но это был не вулканический огонь.

Под озером залегали пласты каменного угля. Когда-то здесь бушевал подземный пожар. Горел уголь. Горючие газы вырывались на поверхность и вспыхивали гигантскими факелами. Издали они напоминали огненные языки, вздымающиеся над вершиной вулкана.

Затем на месте выгоревшего пласта образовались пустоты, произошло обрушение земли. В гигантской котловине начала скопляться дождевая вода, образовалось озеро.

— Да, это подходит. До ужаса подходит,— пробормотал я, озираясь.

— Почему до ужаса?

— Ведь уголь уже прогорел.

— Пласт выгорает медленно. Очень может быть, что оазис просто ушел от нас на два-три перехода. Туда, где залегают другие пласты, на которые перекинулся огонь...

— Ну что ж, товарищи? — сказал Савчук, вставая. — Быстренько поедим, и снова в путь?

Но мне не терпелось хоть краешком глаза взглянуть: что ж там впереди? Лиза и Савчук принялись кашеварить у костра, а я отправился на рекогносцировку.

— Ружьехвати! — крикнула вдогонку Лиза.

Я показал ей свою централку, которую держал под мышкой. Не приходилось пренебрегать такими предосторожностями, помня о внимании, которым удостаивали нас загадочные обитатели оазиса...

Ущелье делало крутые зигзаги.

Река монотонно позванивала галькой где-то рядом, теряясь по временам среди высоких скал.

Я с огорчением подумал о том, что лодку придется оставить в «преддверии» оазиса и продолжать путешествие пешком. Это будет нелегко. Но ведь оазис, если он все же существует, находится где-то очень близко, совсем рядом. Не может быть, чтобы нам, даже по такой трудной дороге, пришлось добираться туда больше суток.

И вдруг, перебравшись на четвереньках через очередную осыпь, я увидел за поворотом долгожданный лес.

Но это был какой-то причудливый, траурный лес.

Здесь главным образом была невысокая — в рост человека — лиственница. По длинным, свешивавшимся с деревьев «бородам», по прядям черновато-серого мха и лишайника можно было догадаться, что передо мною почтенные старцы древесного мира.

Приблизясь, я убедился в том, что это больше чем старцы — это трупы деревьев.

Верхушки их были обломаны, стволы скрючены, словно бы деревья оцепенели от нестерпимого холода. Ледяные пальцы мороза пообрывали с деревьев листья, кору. Траурный креп висел почти на каждом стволе.

Когда я углубился в этот странный лес — чем дальше, тем деревья становились все выше и выше, — то увидел, что кое-где рядом с лиственницей попадают и осыпавшиеся ели. Чуть поодаль росло несколько берез.

Но голые лиственницы казались особенно зловещими. Деревья словно бы застыли в мучительной конвульсии, в том положении, в каком их настигла смерть.

Впечатление усугублялось мертвенной неподвижностью всего, что меня окружало. В ущелье царило безветрие.

Деревья будто окаменели.

Я подумал, что зимой здесь, наверное, еще страшнее. Когда ветер, скатившись со склона, пробирается в ущелье, деревья начинают раскачиваться и скрипеть ветвями — сначала неохотно, потом все быстрее и быстрее. Зловещий однообразный перестук, словно бы это, стуча костями, принялись приплясывать на месте скелеты, целая толпа скелетов!..

Фу ты чертовщина! Какие, однако, мысли приходят в голову в этом лесу!..

Я выстрелил из ружья в воздух, чтобы оповестить своих товарищей о сделанном мною открытии.

Через несколько минут Савчук, Лиза и Бульчу показали из-за поворота. Они очень спешили, чуть ли не скатились с горы ко мне под ноги.

— Ты жив?.. «Дети солнца»?.. Что случилось? — спрашивала Лиза на бегу, задыхаясь. Бульчу с мрачным видом озирался, держа ружье наизготовку.

Тут только понял я, как напугал своих спутников.

— Вот! Лес нашел... Хотел, чтобы и вы... — сконфуженно пробормотал я.

Лиза. Бульчу и Савчук с изумлением осматривались по сторонам.

— Все правильно! Так и должно быть, — сказала Лиза, отдышавшись. — Это вторая фаза остывания оазиса. Когда горящий пласт доходил до предела грунтовых вод, горение постепенно затихало, прекращалось на отдельных участках. В результате неравномерного давления в ущелье проникали массы холодного воздуха, возникали смерчи, вихри страшной силы.

— Значит, настоящий живой лес где-то рядом? — нетерпеливо спросил я.

— По-видимому, недалеко. Возможно, даже за тем поворотом!

— Так идемте же скорей! Что мы здесь стоим?

— Вы забыли, что через двадцать минут у вас разговор с Новотундринском, — сказал Савчук, посмотрев на часы.

— Да, правильно.

Мы все-таки пообедили наспех, то и дело поглядывая

на глубокий разлом в горах, за которым сложился голубой сумрак. Кусок не шел в горло.

С Новотундринском я связался очень быстро. У аппарата меня ждал Аксенов.

— Ну как? — спросил Аксенов с волнением. — Успех или неуспех? Нашли? Дошли?

— Не совсем еще дошли. Находимся в преддверии оазиса — в мертвом лесу.

И я кратко сообщил о сделанном только что открытии.

— Нужна какая-нибудь помощь?

— Пока не нужна. Спасибо! О дальнейшем известим...

Лодку мы оставляли тут. Она отслужила свое. Дальше можно было идти только пешком.

Бульчу, с которого как ветром сдуло его недавнюю хворь, стал проворно затапывать уголья костра. Я помог Лизе укрепить рюкзак на спине.

Итак, вторую часть загадки Бырранги можно было считать решенной. Оазис за Полярным кругом возник потому, что под землей бушует пожар — выгорает мощный пласт угля. В верховьях Реки Тайн — гарь!..

И где-то там — по-видимому, с враждебными намерениями — поджидали нас «дети солнца». Они могли скрываться за красноватыми осыпями галечника, за торчащими корнями, за стволами оцепеневшего, мертвого леса, в любой расщелине между камнями. Они могли подстергать повсюду на пути, пытаясь любой ценой задержать нас.

И все же мы должны были идти, должны были идти — даже если Петра Ариановича уже нет в живых, — чтобы разрешить последнюю, третью часть загадки: кто такие «дети солнца» и почему они прячутся в горах.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

МЕРТВЫЙ ГОНЕЦ

1

— Минуточку! — вежливо сказал Савчук и прикоснулся к моему ружью, которое я собирался взять подмышку. — Я бы хотел, чтобы вы отдали мне его...

Я удивленно посмотрел на этнографа.

— На время, на сохранение, — пояснил он.

— Не понимаю...

— В этом лесу стрелять нельзя. А вы человек пылкий, увлекающийся...

Я смутился.

— Виноват, Владимир Осипович. Виноват, признаю. Зря переполошил вас и Лизу.

— Дело даже не в этом. Я в данном случае думаю о «детях солнца»... Хотелось бы, чтобы правильно меня поняли... Но вы извините, что я делаю вам замечание.

— Пожалуйста, пожалуйста! Я ведь заслужил.

— Видите ли, многое в отношении «детей солнца» нам еще непонятно. Они боятся какого-то нападения, преследования. Все это очень сложно... Поэтому во избежание конфликта мы должны пройти по лесу без единого выстрела.

— Что бы ни случилось?

— Да, что бы ни случилось, — с расстановкой подтвердил этнограф. — Надо на каждом шагу подчеркивать свои мирные намерения. Ведь мы в конце концов посланцы великого Советского Союза, о котором «дети солнца», наверное, даже не знают.

Я покорно протянул Савчуку свою централку. Выражение лица его смягчилось.

— Впрочем, если вы дадите честное слово...

— Я готов даже вынуть патроны.

— Нет, зачем же! Я верю... Но учтите: это очень важно.

Он обернулся к Лизе и Бульчу, которые стояли рядом, уже готовые к походу:

— Это, понятно, относится и к вам,

Лиза кивнула. Бульчу недовольно пробурчал что-то себе под нос, но ружье перебросил с груди на спину.

Авторитет Савчука как начальника экспедиции был непоколебим.

Начинался последний этап нашего путешествия — пешеходный.

Груз распределили соответственно физическим возможностям каждого участника экспедиции. Рацию и аккумуляторы должны были попеременно нести я и Савчук. Тюки со спальными мешками и посудой достались на долю Лизы и Бульчу.

Мы надеялись, что идти осталось совсем недолго, не больше одного дня, но день этот, по-видимому, должен быть довольно трудным.

Действительно, препятствия возникали одно за другим. То нужно было с опаской обходить зияющие ямы и трещины, на дне которых тускло отсвечивала вода, то, сгорбившись, придерживаясь руками за камни и корни, торчавшие из земли, пробираться по медленно сползающим к реке осыпям.

Все было исковеркано, изломано здесь. Картина разрушения наводила тоску.

Наконец, миновав пятый поворот (я старательно наносил кроки местности), мы вошли в мертвый лес.

Идти стало еще труднее.

Впереди был бурелом.

Часть деревьев повалилась в одну сторону, часть — в другую, в зависимости от того, как прошел излом или куда сползала земля. Некоторые деревья остались в вертикальном положении, устояли, так и сползли стоямя вместе с землей.

Приходилось шагать через корни, беспрестанно подворачивавшиеся под ноги, нагибаться, увертываться от ветвей, которые норовили больно хлестнуть по лицу.

Когда же заросли делались непроходимыми, мы пробубанили вперед, пуская в ход топоры.

Иной раз семь потов сходило с нас, прежде чем удавалось продвинуться на пятьдесят — сто метров.

— Что это за Птица Маук, которая не пускает «детей солнца» из котловины? — сказала Лиза, вздыхая. — Обвела крылом заколдованный круг...

— Сейчас мы уже внутри него...

— Угу!

— Именно заколдованный круг,— продолжал я.— Оазис гибнет, остывает, разрушается, но «дети солнца» не уходят в тундру. Что-то держит их здесь, какое-то колдовство, необъяснимый запрет.

— Хытындо, Хытындо! — сердито сказала Лиза.

— Думаю, что дело здесь не в одной Хытындо, но и она, конечно, сыграла свою роль.

Я помог Лизе перебраться через поваленный ствол.

— Лет десять назад,— сказал я,— в бытность мою на Чукотке, мне рассказывали о подобном табу. Неподалеку от бухты Провидения находилось «закольцованное» стойбище.

— Как?.. «Закольцованное»?..

— Ну, выражение, понятно, не точное. Закольцованное в том смысле, что было взято в кольцо. Местный шаман поссорился со своей паствой и, уезжая, объехал трижды вокруг стойбища.

— Зачем?

— Сделал это в отместку. Страшная месть колдуна, понимаешь? По воззрениям чукчей нельзя переступить след шамана.

— Значит, нечто вроде блокады?

— Да. Жители «закольцованного» стойбища сидели, боясь пошевелиться. Начался голод. Наконец к ним приехал кто-то из фактории. Тогда они попросили привезти шамана из соседнего стойбища, чтобы он расколдовал их.

— Мы, конечно, не шаманы,— сказала Лиза и с раздражением перебросила на другое плечо тук с грузом.— Но поскорей бы нам добраться до стойбища «детей солнца». Уж мы расколдуем его!..

— Только с помощью Савчука. Он сразу разберется в этих первобытных запретах. Кстати, чем он так занят?

Этнограф медленно брел впереди, глядя себе под ноги. Двигался он очень странно, зигзагами, изредка останавливался и ворошил палкой полузасыпанные хвоей кучи земли.

— Что ищете, Володя? — окликнула его Лиза.

Савчук остановился, широко расставив ноги и смотря на нас рассеянным взглядом, чуть искоса.

— Сохранившуюся частицу «письма», обрывок какого-нибудь старого конверта...

Мы с Лизой удивленно посмотрели на него.

— Рассчитываете найти письмо от Петра Ариановича?

— Нет.

— Почему? Ведь он ждет спасательную экспедицию. Быть может, уходя с «детьми солнца», оставил хотя бы краткую весточку для нас.

— Он не жил здесь. Эта часть оазиса, судя по мертвым деревьям, вымерла, стала непригодной для жилья лет тридцать назад, то есть еще до прихода Петра Ариановича.

— Так что же ищете?

— Ну, черепки посуды... Обломки костяных ножей... Домашнюю утварь «детей солнца»...

Каюсь, я не удержался от непочтительной шутки.

— Навозну кучу разрывая,— пробормотал я тихо. Этнограф услышал, но не обиделся.

— Совершенно верно! Изучая кухонные остатки,— сказал он просто.— Археологи всегда придавали большое значение кухонным остаткам, так как, изучая их, могли представить себе культуру исчезнувшего народа.

Я извинился.

Спотыкаясь о коряги, Савчук переходил от одного дерева к другому. Мы заразились его волнением. Здесь жили загадочные «дети солнца», варили пищу, охотились, совершали под воркотню ритуальных бубнов свои загадочные обряды.

Почему же в лесу не осталось никаких следов пребывания людей?

На берегу реки я увидел небольшое возвышение, бугор на ровном месте, показавшийся мне странным. Не могильник ли это?

Я подошел к нему и принялся длинной палкой расковыривать толстый слой хвои. Под ним, неожиданно для меня, оказались зола и пепел. Еще глубже зазеленело что-то длинное, свернувшееся пружиной, как змея, изготовившаяся к прыжку.

Не веря своим глазам, я извлек на поверхность скрученный ствол ружья, весь позеленевший от ржавчины.

Савчук, Лиза и Бульчу подбежали ко мне.

Да, это был могильник, но совсем не такой, какой я представлял себе. Здесь были похоронены (предварительно подвергнувшись «сожжению» на костре) самые разнообразные металлические предметы.

Мы вытащили из кучи около десятка ружейных стволов и замков (деревянные ложа сгорели), пять медных котлов, две чугунные сковородки, шесть штук топоров (топорища также сгорели), несколько десятков клинков без рукояток, затем пулелейки, сверла и множество потерявших форму медных вещиц, назначение которых нам разъяснил Савчук. Это были, оказывается, женские украшения: подвески, которые носят на груди и на бедрах нганасанки.

— Что произошло здесь? — изумленно воскликнула Лиза, оглядываясь на Савчука. — Если бы мы еще нашли кости людей, я бы поняла тогда.

— Ну конечно! — подхватил я. — У каких это народов, Владимир Осипович, — кажется, даже у наших предков-славян, — хоронили покойников со всем их скарбом? Торжественно сжигали на огромном костре и...

— Но здесь нет человеческих костей, — ответил Савчук.

— Да, самые удивительные похороны, какие мне приходилось видеть, — продолжала Лиза, в раздумье перебрасывая заржавевший ружейный замок из руки в руку, как горячую печеную картошку, только что извлеченную из золы. — Похороны вещей!..

— Добавь: металлических вещей. То есть самых важных в обиходе жителей Крайнего Севера.

Я обернулся к Савчуку, который не сводил глаз с необыкновенного могильника:

— Неужели все это принадлежало «детям солнца»? Зарыть такой клад в землю? Зачем?..

Этнограф промолчал: погруженный в размышления, он, наверное, не расслышал вопроса.

Некоторое время все сидели неподвижно и молча, глядя вдаль. Лес, темнея, уходил ступенями в глубь ущелья. Перспектива постепенно сужалась, и от этого даль казалась особенно глубокой.

Мы устроили короткий привал подле загадочного «братского кладбища», с удивлением посматривая на кучу металлических предметов, увенчанную медными котлами. Непонятно! Почему «дети солнца» отказались от всего этого богатства и пользовались какими-то деревянными котлами, костяными наконечниками для стрел?

Растянувшись на земле, я сквозь одолевавшую меня дремоту слушал голос Савчука. Этнограф, скрестив ноги,

уселся против Бульчу и испытующе вглядывался в его лицо.

А речь зашла о делах семейных!

Наш проводник зевнул. Савчук ужасно надоедал ему пустяковыми, на его взгляд, вопросами. Этнографа интересовало, почему так малочислен был род Нёрхо, из которого происходил охотник.

Вначале тот сердился, обижался, усматривая в этом праздное любопытство, даже каверзный подвох, желание унижить.

— Говорю тебе: большой стал род,— кричал самолюбивый Бульчу.— Слушай, сколько семей!

Он старательно загибал пальцы.

— Но раньше, до революции, был маленький род? — допытывался Савчук.

— До революции, верно, маленький был,— неохотно соглашался Бульчу.

— Почему?

— Беда была. От оспы родичи умерли.

— А где могилы их?

— Не знаю. Где-то далеко на низу. Говорят, умерли во время летней откочевки.

— Стыдно, стыдно. Старый человек, а не знаешь, где могилы твоих родичей...

Бульчу что-то сердито отвечал.

Названия нганасанских родов: «Асянду, Нгойбу, Нёрхо, Кокары» — повторялись в разговоре очень часто с усыпляющим однообразием. Для меня это была абра-кадабра, и я заснул.

А когда проснулся, то увидел, что и Бульчу сморил сон: он прикорнул в ногах у Лизы. Все участники экспедиции спали. Один Савчук сидел неподвижно все в той же позе, скрестив ноги, похожий на углубившегося в себя толстого Будду. На коленях у него лежал позеленевший клинок ножа.

— Новая догадка, Владимир Осипович? — спросил я сочувственно.

Он пошевелился.

— Вижу, все вижу,— продолжал я.— Находка «братского кладбища» дала новый поворот вашим мыслям.

— Важно понять,— медленно сказал Савчук,— что возникло в тундре раньше: сказка о Стране Семи Трав или сказка о «каменных людях»?

— Какое может иметь значение? — удивился я.
— Очень большое...
— И это связано с малочисленностью рода Нёрхо?
— Начинаю думать, что так.
— Все-таки не понимаю...
— Видите ли, возможно, что произошла ошибка в хронологии. «Дети солнца», к моему глубокому сожалению, не являются пранародом, древнейшим народом Сибири, как мне казалось раньше.
— Что же заставило вас усомниться в первоначальной догадке?

— О, все эти занятные штучки! — Он подбросил на ладони клинок, потом указал им на грудь металлолома, извлеченного из ямы. — Они подсказывают мне новое, неожиданно простое решение проблемы. Впрочем... — Савчук оборвал объяснения и взглянул на ручные часы: — Полчаса прошло, Алексей Петрович. Подъем, подъем! Будите товарищей!

2

Помогая мне поднять на плечи рацию, Бульчу шепнул:

— Ничего не замечаешь?

— А что я должен замечать? — спросил я тоже шепотом.

— В лесу кто-то есть.

— Кроме нас?

— Да.

Мы шагали рядом, негромко переговариваясь.

— Я думал, чудится, — сказал я. — Представь себе, и я ощущаю. Будто кто-то невидимый сопровождает нас по лесу. Неприятное ощущение... — Я поежился.

— А Володя запретил стрелять, — пробормотал Бульчу. (Подобно Лизе, он запросто называл Савчука Володей.)

Я ускорил шаги, нагнал нашего начальника и сообщил о моих и Бульчу опасениях.

— Давно замечаю, — отозвался этнограф. — С первого момента, как вошли в лес. Поэтому и не спал на привале. Теперь надо знаете как? Теперь надо ухо остро!

— А что заметили? — поинтересовался я. — Иногда шорох, да? Негромкий треск, прерывистое дыхание?

— Нет. «Дети солнца» умеют маскироваться. Просто интуитивно, кожей, что ли, чувствую присутствие чужих людей. Неприятно, конечно. Приходится терпеть. Не думаю, чтобы они стали в нас стрелять. До сих пор не стреляли.

Все же по его приказанию мы стали держаться более компактно. Савчук, как вожак, двигался впереди, Лиза шла посредине, Бульчу и я охраняли фланги и тыл.

Только хруст веток под ногами да наши голоса, пониженные, приглушенные раздавались в лесу.

Птиц и животных здесь не было. Тишина, царившая в мертвом лесу, казалась неестественной, тревожной. Такой бывает стоячая вода в болоте, на черной глади которого то и дело вскипают пузыри, будто какое-то чудовище тяжело ворочается на дне.

Все было нереально, странно вокруг.

Такой лес, лежавший вповалку, торчащий корнями вверх, накренившийся направо или налево, мог только присниться, и то лишь во время болезни, при очень высокой температуре.

Лиза вздохнула.

— Ты о чем? — спросил я.

— Не знаю, не знаю, — пробормотала она. — Иногда кажется, что мы гонимся за призраком. Будто призрак ведет нас за руку по этим горам, через ямы и бурелом, через этот страшный мертвый лес, мимо глубоких пропастей...

— Нервы, — подал голос Савчук.

— Ты просто очень устала, Рыжик, — сказал я, нагоняя ее и с беспокойством заглядывая ей в лицо. Лиза брела, согнувшись под тяжестью поклажи. Ко лбу прилипла прядь волос, которую она поспешила отбросить, заметив мой взгляд...

3

Минуло уже около трех часов, как мы оставили лодку и углубились в лес, а пройдено было еще очень мало — каких-нибудь три-четыре километра.

Лес обычно сосредоточивает, углубляет мысли. Тундра, степь — просторное открытое пространство — рассеивают их, — у меня, по крайней мере.

Этот мертвый вымерзший лес настраивал на самые невеселые мысли.

О, как холодно, одиноко, тоскливо было здесь, наверное, зимой!

— Да, да, ужасно тоскливо,— сказала Лиза, видимо угадав по выражению моего лица, о чем я думал.— Стволы торчат, как кресты старого деревенского кладбища...

— А мне напоминают толпу нищих на паперти.

— Вернее, души грешников в аду,— поправил Савчук.— Помните: в одном из кругов дантовского ада есть заколдованный лес?

— Ну как же! Души грешников, которые обращены в деревья.

— Да. Стонут и плачут, вздымая к небу скрюченные пальцы.

Нервное напряжение нарастало.

Кто-то, кроме нас, был в мертвом лесу или что-то было в нем! И мы приближались к этому непонятному «кому-то» или «чему-то»...

Бульчу первым увидел стрелу и, подняв руку, предупреждая крикнул.

Участники экспедиции остановились. Над грудой камней, в нескольких шагах от нас, чуть покачивалось пестрое оперение стрелы, словно это бабочка присела отдохнуть на камень.

Мы с опаской приблизились. Но смерть, по крайней мере сейчас, не угрожала нам. Она побывала здесь до нас.

Это был, несомненно, могильник, но камни были брошены наспех, кое-как. Присмотревшись, мы увидели, что из-под нижнего камня высовывается наконечник копья.

Кто был похоронен здесь?

Мы стали с осторожностью снимать верхние камни. Под ними сначала обнаружили плечо, потом, когда отвалили нижние камни, увидели весь скелет целиком.

Мертвец лежал ничком. Стрела, торчащая в спине, настигла его, по-видимому, в тот момент, когда он перелезал через упавшее дерево. Он лежал животом на стволе, ноги его скрывались в ветвях, голова и правая рука свешивались по эту сторону ствола. Левая же рука, странно изогнутая, была подвернута и крепко прижата к груди.

— Человек убит давно,— сказал Бульчу, приглядевась к трупу.— Несколько лет назад.

Мы сгрудились возле разрытого могильника.

— Умер сразу, — продолжал Бульчу, прищурясь. — Стрела попала в сердце.

Он тронул древко стрелы, и та послушно закачалась, словно кивая в знак согласия.

Старый охотник, неслышно ступая, обошел полянку, внимательно осмотрел кучи хвои, кусты. Лицо его было сосредоточенно, серьезно. Видимо, обстоятельства убийства делались для него все более ясными.

— Тут удобно для засады, — объявил Бульчу. — Человека догоняли и обогнали. Убийца стоял в кустах.

Он отмерил шагами расстояние от кустов к могильнику.

— Однако убитый молодец был, удалой человек, — с уважением сказал наш проводник. — Боялись его. Ближе боялись подойти...

— Ну, все сказал? — нетерпеливо спросил Савчук.

— Все как будто, — с достоинством ответил Бульчу, отходя в сторону. — Мало тебе?

— А кто на него камни навалил? И зачем?

— Как зачем? Похоронили его. Чтобы песцы не сожрали труп.

— Значит, друзья хоронили?

— Да.

— Нет, враги. Убийцы его...

— Что вы, Володя? — изумилась Лиза. — Убийцы бросили бы на произвол судьбы.

— Вы не понимаете. Привалили камни для того, чтобы даже дух его не шел дальше.

— Дух? О чем вы говорите?

— А почему у него левая рука подвернута под грудь? — продолжал Савчук, не отвечая на вопрос и нагибаясь к мертвецу.

— За грудь схватился, когда ранили.

— Ошибся, Бульчу. Дело в другом... Подсобите-ка, товарищи. Убитого надо перевернуть.

Мы подняли и перевернули маленькое тело. Лиза отвернулась, чтобы не видеть страшного лица, потерявшего человеческий облик.

Когда мертвеца положили навзничь, левая рука его с коротким сухим стуком упала на землю. Пальцы по-прежнему были судорожно сжаты.

— Это несомненно гонец, — пробормотал Савчук, на-

гибаясь над мертвецом.— Он нес письмо от Ветлугина... Вот письмо!

Этнограф извлек из-под меховой одежды куски бересты, которая была исписана знакомыми бисерными буквами.

— Я понял, что он гонец,— взволнованно продолжал Савчук, разгибаясь с драгоценным свитком в руках.— Я сразу понял это, когда увидел подогнутую левую руку. Гонец схватился за письмо, едва лишь почувствовал, что его ранили...

— Неужели? — воскликнула Лиза.— В этот момент он помнил о письме!

— Читайте, читайте же письмо! — поторопил я.

Начало письма было залито кровью человека, который прятал письмо у самого тела. Большое черное пятно расплылось на бересте и почти целиком скрывало некоторые строчки.

«И я остался у них, и прошло много лет, и жизнь их стала моей жизнью» — эта фраза бросилась первой в глаза.

В отличие от письма, застрявшего между порогами, в котором описывались события одного лишь года — с осени 1916-го по осень 1917-го,— это письмо охватывало очень большой период времени — с 1917 по 1936-й включительно.

То, что письмо, по сути дела, передал нам мертвый гонец, как бы бросало зловещий отсвет на красноватые «страницы». С тревожным чувством и волнением мы приступили к чтению.

Вначале Петр Арианович кратко излагал уже известное нам. (По-видимому, не надеясь на то, что предыдущие письма дойдут, в каждом новом своем письме он повторял изложение событий в хронологическом порядке.)

К сожалению, пятно крови расплылось как раз там, где говорилось о неудачном побеге. Надо думать, что Хытындо отправила вслед за Ветлугиным своих согляда-таев и те задержали его.

По законам «детей солнца» нарушивший запрет Маук подлежал смерти. Представитель племени вступал с нарушителем в поединок. (Вероятно, это было нечто вроде божьего суда, который применялся когда-то у нас на Руси.)

Из приписки к предыдущему письму мы уже знали, что племя облекло своим доверием Нырту.

Почему-то поединок был отложен (может быть, по просьбе Петра Ариановича). Состоялся он лишь в начале зимы, когда в оазисе уже лежал глубокий снег. Для исхода поединка это имело очень большое значение...

Глава вторая

ПОЕДИНОК С НЫРТОЙ

1

Описывая дальнейшие события, Петр Арианович, по моему, сумел удивительно глубоко проникнуть в душу первобытных людей, жаждущих ярких сказочных впечатлений, как и душа ребенка. Перипетии поединка географ дал как бы с точки зрения «детей солнца»...

Итак, поединок был назначен на время полнолуния.

Из жилища Хытындо неслись устрашающие завывания. От рокота бубна звенело в ушах.

Проходя мимо, «дети солнца» пугливо озирались. Старая женщина заколдовывала Нырту. Как-никак чужеземец тоже знался с духами, и в отношении его надо было принять особые предосторожности!

Шепотом передавали друг другу, что Хытындо бросила в сосуд пучок из семи трав и сказала: «Пусть храбрость чужеземца исчезнет, как дым! Пусть он падет раньше, чем Нырта спустит стрелу. Пусть сердце его треснет надвое!» И она кинула на землю сосуд с травой, и тот разбился.

Потом по пещерам пополз новый слух: Хытындо начала готовить Нырте обувь мстителя. Это были заколдованные унты с привязанными к ним гусиными перышками. Теперь Нырта мог пройти по снегу, не оставляя следов,— магические перышки заматали следы.

Да, видно, плохо придется чужеземцу!.. А готовится ли он сам к поединку?

Этого не могли с уверенностью сказать.

Чужеземец жил сейчас в отдельной пещере, находясь под неусыпным наблюдением. Раза два в день, впрочем, ему разрешалось гулять,— понятно, в сопровождении конвоиров. Как-то он приволок из лесу несколько тол-

стых веток и долго возился с ними, измерял, выгибал, стругал кремневым ножиком. Занятие это ни у кого не вызвало возражений. «Дети солнца» тоже любят стругать от нечего делать маленькие чурбашки. Это помогает коротать вечера.

И вот полнолуние! Огромная багровая луна всплыла над горами Бырранга. Она медленно взбиралась все выше и выше, пока не осветила лесистую котловину, черневшую внизу между белыми скатами.

Тогда у жилища Ветлугина глухо пророкотали бубны и раздался высокий голос Якаги:

— Проснись, чужеземец! Маук мстит!..

Заскрипел снег. Стоявшие у входа нетерпеливо переступили с ноги на ногу. Снова призывно пророкотали бубны.

Шагнув за порог, Ветлугин увидел толпу, стоявшую между деревьями. Весь народ гор собрался смотреть, как он будет умирать.

Удивленный говор прошел по толпе. Что это за оружие вынес чужеземец? За спиной его были, как полагается, колчан и лук, но, кроме того, он держал под мышкой нечто вроде весел, две длинные плоские палки, концы которых загибались кверху. Неужели силой своего колдовства собирается плыть по снегу?..

«Дети солнца» очень смешливы. Настроение их меняется от всякого пустяка. Только что с замиранием сердца готовились присутствовать при кровавом зрелище, трепетали, вздыхали и охали, и вот уже непреодолимая ребячья смешливость овладела всеми. Чужеземец, наконец, будет вплавь удирать по снегу от Нырты!..

Люди прыскают, зажимают рты, хохочут, кашляют, корчатся, приседают, хлопают в восторге друг друга по спинам. Даже Нырты, в молчании опершийся на копье, нехотя усмехнулся.

Однако повелительный окрик Хытындо призвал всех к порядку. Острым взглядом из-под припухших век скользит она по толпе, и смех тотчас же смолкает. Снова гнетущее молчание повисло над толпой.

Казнь! Казнь! Сейчас свершится казнь!

Толпа любопытных окружила Ветлугина и Нырты, повалила за ними, перепрыгивая через сугробы, перебегая между невысокими, накренившимися под тяжестью снега деревьями,

Противников развели.

Лунные дорожки пересекали лес. Тени от деревьев становились все короче.

Ветлугин нетерпеливо посмотрел на луну. Для успеха задуманного нужно было, чтобы луна хорошо освещала котловину.

Движение чужеземца было замечено. В толпе начали перешептываться. Видели, видели? Перемигивается с луной!

Значит, луна, хозяин луны заодно с ним. Иначе чужеземец не был бы так спокоен, так уверен в себе! Что же сделает он? Трудно сказать! Возможно, закутается в лунный свет и сразу же станет невидим. Эй, Нырта, не зевай, берегись!..

Но бесстрашный Нырта только сплюнул себе под ноги. Стрелы его были не простые — заговоренные, а он ведь и простой стрелой шутя попадал на пятьдесят шагов.

Но, видимо, и чужеземец по-особому снарядился для поединка. Вот нагнулся, положил принесенные с собой палки на снег, встал на них, привязал к ногам.

Нырта глядел на него во все глаза. Он даже зазевался, пропустил момент, когда распорядитель поединка махнул рукой и крикнул: «Начинайте!»

Охотник только было положил заговоренную стрелу на тетиву, как противник его оттолкнулся копьём от земли, согнул колени и белой птицей, в облаке снежной пыли, слетел с пригорка.

Первой пришла в себя Хытындю.

— Догоняй, Нырта! — скомандовала она хриплым голосом. Охотник, проваливаясь в снегу, пустился вдогонку за чужеземцем.

Но это, собственно говоря, была даже не погоня — что-то вроде детской игры в жмурки. Чужеземец на своих непонятных, скользящих по снегу плоских палках появлялся то там, то здесь. Он увел противника в самую чашу, где защитой от стрел служили деревья. Нырта, прицелившись, спускал тетиву, стрела неслась в мелькнувшую впереди тень, а через мгновение тень возникала сзади.

— Я здесь, Нырта! — раздавалось за спиной.

Охотник неуклюже поворачивался, как обозленный медведь, но снег был рыхлый, непрочный.

Впереди возникал кустарник, за ним стволы деревьев.

Куда ни кидался растерявшийся «сын солнца», всюду натывался на пустоту, запаздывал. Ему приходилось прыгать по снегу, увязая в сугробах, а чужеземец носился вокруг него, как вихрь, на своих удивительных скользящих палках.

Да, то было новое, невиданное колдовство!

3

Зрители с хриплым воем и улюлюканьем перебежали по склонам.

Сейчас уже нельзя ни за что ручаться. Сколько стрел израсходовал Нырта? Уже три? Ага!.. А чужеземец не выстрелил ни разу. Бережет стрелы. Хочет бить наверняка!

Нырте стало жарко. Он сбросил верхнюю одежду на снег. Мокрое от пота лицо покраснелось, глаза сердито блеснули. Он распалялся все больше и больше.

На поединок со своим бывшим другом Нырта согласился с неохотой. Он чувствовал привязанность к чужеземцу. Это был хороший, приветливый человек — и храбрый; в котловине помнили, как бесстрашно кинулся он на выручку Кеюлькана, поразив всех неожиданностью своего появления.

Но чужеземец нарушил запрет, пытался бежать, и совет старейшин приговорил его к смерти. А Нырта не смел ослушаться совета старейшин.

Конечно, он предпочел бы, чтобы чужеземца убил кто-нибудь другой, например Ланкай. Много лет уже продолжалось соперничество между ними, но сейчас Нырта охотно уступил бы Ланкаю. Совет, однако, избрал Нырту.

Впрочем, мало чести для такого прославленного охотника убить человека, почти не умеющего владеть оружием. Нырта хотел кончить нежеланный поединок быстро, одним ударом.

Чужеземец, однако, перехитрил его. Он надел на ноги удивительную обувь. Вот уж обувь так обувь!.. Не то что эти заговоренные унты, которые увязают в рыхлом снегу. Никчемное колдовство!

И заговоренные стрелы летят совсем не туда, куда надо, хотя Хытындо сказала Нырте, что они сами найдут цель. Нырта спустил уже три стрелы с тетивы, а противник его еще жив. Самолюбие охотника было уязвлено. Его выставили на посмеище перед народом! Десятки зевак глазели на него сейчас и глумились над ним!

Глупец Ланкай, наверное, приплясывает на месте от радости и бормочет: «О Нырта! О плохой охотник Нырта! Зря совет старейшин избрал тебя, чтобы ты убил чужеземца. Нет, видно, чужеземец убьет тебя!»

И Фано, жена Нырты, стоит с другими женщинами в толпе и смотрит, как муж ее, хвалившийся первой же стрелой положить чужеземца, бегаёт за ним, пыхтя, отдуваясь и увязая в снегу. Ей стыдно смотреть на мужа. Она отвернулась, закрыла лицо руками.

Ныртой овладел гнев. В приступе неудержимой ярости он метнулся за облаком снежной пыли. Убить чужеземца, убить!..

Но чужеземец скатился со склона и невредимый исчез между деревьями. Четвертая стрела, жалобно пропев, пролетела мимо.

Луна, поднявшись уже довольно высоко над зубчатыми гребнями гор, лила спокойный плотный свет на толпу людей в развевающихся меховых одеждах.

«Дети солнца» вошли во вкус потехи, старались не пропустить ничего в удивительном зрелище. Давно уже отстала Хытындо — плелась позади, с трудом переставляя короткие толстые ноги, проваливаясь в снежные ямы и ругаясь сиплым голосом. Якага забыл о ней и, вприпрыжку перебегая между деревьями, подбадривал Нырту пронзительными выкриками.

4

Но Нырта выдохся. Ему казалось, что уже много ночей подряд кружит он по лесу в погоне за тенью, за неуловимым снежным облаком. Голова шла ходуном от беспрестанного мелькания черных и белых полос. Лунный свет, пронизывая лес насквозь, придавал ему какое-то колдовское очарование. Стволы, пригнувшиеся под тяжестью снега, стояли неподвижно, раскинув ветви-руки, будто пряча за собой чужеземца.

Где же чужеземец?..

Колчан Нырты был пуст.

Охваченный азартом погони, охотник израсходовал все стрелы до одной. Теперь лишь копье было в его руке.

Крепко сжимая древко, он озибался по сторонам. Лунный призрачный лес тесно сомкнулся вокруг. Где-то внизу под горой раздавались голоса. Приближалась толпа.

Охотник заскрипел зубами. Конечно, его противник прячется за одним из этих стволов. Но почему же он до сих пор не спустил стрелы? Чего ждет?

Настороженный слух уловил слабый скрип снега. Ветви разлапистой ели, стоявшей шагах в двадцати от него, дрогнули.

— Ага! Вот он где!

Вложив в удар всю свою злость, Нырта с силой метнул копье на шум. Оно мелькнуло над сугробами снега и, свистя, умчалось к подножию ели, где притаился неуловимый враг.

И тотчас же, совсем в другой стороне, раздался хохот, гулкий, раскатистый, показавшийся Нырте громовым. Хлопьями посыпался снег с веток, и волосы у охотника встали дыбом: он понял, что обманут.

Обманут, обманут!.. Чужеземец хорошо запомнил уроки, которые Нырта давал ему в пору их дружбы. Хитрость Нырты использовал против Нырты: сидя где-то в стороне, кинул снежок или камень к подножию ели и заставил охотника подумать, что это враг его притаился там.

Пропало все! Нырта беззащитен, безоружен. Стрелы его рассеяны без толку по всему лесу. Копье качается, воткнувшись в ствол ели. А у чужеземца еще семь нетронутых стрел в колчане.

Подбежать к копыю, вытащить из ствола? Куда там!.. Стрелы врага останавливают на полпути, пригвоздят к земле.

Лопатками ощущая холодок наступающей стрелы, Нырта нырнул в заросли, скатился по склону.

— Я здесь, Нырта! — слышалось сзади.

Охотник метнулся в сторону, пополз, распластавшись по снегу, и вдруг провалился в глубокую яму.

«Теперь конец», — подумал он.

Рядом заскрипел снег. В яму посыпались комья, потом над ней склонилось широкое бородатое лицо, показавшееся Нырте краснее и больше луны. Он собрал все

*Нырта покорно встал перед чужеземцем — опустил руки,
тяжело дыша.*

свое мужество и поспешно встал на ноги: непристойно «сыну солнца», воину и охотнику, умирать лежа или сидя.

Чужеземец молчал.

— Я готов, — хрипло сказал Нырта, снизу вверх глядя на него. — Ты победил. Убей!

Но вместо ответа чужеземец протянул ему руку. Жест был понятен. Нырта ухватился за руку и проворно вылез из ямы.

Из-за деревьев уже показались люди. Толпа приближалась, гомоня, шаркая подошвами по снегу, ломая ветки.

Значит, чужеземец хочет бить Нырту при всех? Что ж, это его право!

Нырта покорно встал перед чужеземцем — опустил руки, тяжело дыша. Сопротивляться было бесполезно. У врага его торчало в колчане семь стрел, в руке было копьё.

Но вместо того чтобы ткнуть Нырту копьем в грудь, как тот ожидал, бывший его приятель нагнулся и, быстро развязав ремни на волшебных палках, поднял их и подал охотнику.

— Даю! — сказал он.

Нырта не понял. Он оглянулся на своих соплеменников, которые остановились в недоумении.

— Бери, бери, — повторил чужеземец. — Бери скорее, а то отдам Ланкаю.

Он пошутил. Это было понятно. Однако Нырта поспешно ухватился за палки обеими руками.

— Но ведь я буду сильнее тебя, — пробормотал он, задыхаясь. — Буду бегать быстрее всех!..

Чужеземец только усмехнулся ему, как усмехаются непонятливому ребенку.

Забыв обо всем на свете, Нырта прикрепил волшебную обувь к ногам, двинулся между деревьями, облитыми лунным светом, сначала неуверенно, робко, раскинув руки, потом все быстрее, смелее.

Кто-то из подростков погнался за ним, поскользнулся, упал и съехал с горы на спине, отчаянно дрыгая в воздухе ногами. В толпе восторженно захохотали. Толкаясь, спеша, отступаясь, зрители ринулись со склона вслед за Ныртой — полюбоваться, как тот перенимает магическое искусство чужеземца.

Видно, Нырте не повезло, и он упал, потому что до Ветлугина, оставшегося в одиночестве, донесся новый взрыв смеха.

Так — смехом — кончился этот странный поединок!

Хытындю могла кричать, завывать и плевать, сколько ей угодно. Теперь любому самому глупому человеку было ясно, что она ошиблась. Чужеземец, даже нарушив запрет — наверное, по незнанию, — не мог желать зла «детям солнца». Ведь он не убил Нырту, хотя имел возможность сделать это. Наоборот, поделился с ним (а значит, и со всем народом гор) своей удивительной магической силой!

Глава третья **ВЕСТИ В МИР**

1

Однако и Нырты не сплосал. Он щедро отдалил Ветлугина. Он вернул ему нож, который считался безвозвратно потерянным!

Произошло это так. Однажды друзья — дружба их еще больше окрепла после поединка — отправились на охоту. Когда они отделились от лагеря, охотник сделал вдруг знак остановиться, боком подошел к Ветлугину и сунул что-то в руку.

Это был ветлугинский нож!

Географ, онемев от изумления, смотрел на Нырту во все глаза.

Тот предостерегающе поднял руку:

— Спрячь это! Хытындю! Нельзя!

— Где же ты нашел?

Нырты скорчил загадочную гримасу. Однако Ветлугин продолжал наседать с расспросами. Охотник отвечал неохотно, недомолвками, то и дело опасливо оглядываясь, и, наконец, не на шутку рассердился, принялся махать руками, плевать. Ветлугину удалось понять только, что нож находился в числе вещей, отобранных у него после прихода в ущелье, когда он лежал в беспамятстве.

— Почему же не отобрали очки?

— А уж этого я не смогу объяснить.

— А почему отрезали пряжку от пояса, оставив ремешек?

— Сделано из кожи,— коротко сказал Нырта.— Из кожи можно.

— Вот как?

Мысленно перебрав похищенные у него вещи, Ветлугин с удивлением отметил, что все они либо железные, либо стальные. Почему-то «детей солнца» отпугивало все металлическое. Странное табу!

Нож, возвращенный Ныртой, оказался очень кстати.

Петр Арианович, впрочем, не оставался в долгу. Он продолжал делиться с «детьми солнца» своей «магической» силой.

Этим, собственно говоря, были заполнены все последующие годы его пребывания в котловине.

Он и сам не думал, что забавный эпизод с лыжами явится началом большой преобразовательной деятельности. В свои студенческие годы Петр Арианович, готовясь стать исследователем Арктики, с увлечением занимался лыжным спортом.

Находясь на поселении в Сибири, он исходил сотни верст на широких охотничьих лыжах. Даже жители деревни Последней почтительно отзывались о его искусстве лыжника.

В котловине это искусство неожиданно пригодилось.

«Дети солнца», как ни странно, не знали применения лыж¹. «Волшебные палки» чужеземца, на которых можно бегать по глубокому снегу, не проваливаясь, были настоящим открытием для горцев Бырранги.

Изделие Ветлугина усовершенствовали. Лыжи стали подшивать камусом (шкурой с оленьих ног). Меховые подошвы прекрасно скользили, когда лыжник шел по ровному месту или спускался с горы, а при подъеме в гору задерживали обратное скольжение, так как этому препятствовал ворс.

Возможность передвигаться на лыжах по снегу значительно расширила пределы охотничьей территории «детей солнца». Теперь в поисках добычи охотники уходили далеко на север, восток и запад (на юг, в сторону тундры, по-прежнему не ходили).

¹ Когда-то лыжи были известны коренным обитателям Таймыра, но потом забыты.

Поставив «детей солнца» на лыжи, Петр Арианович обратился к другим задачам, которые в данный момент считал более важными. Будущим летом он собирался повторить попытку побега. Пока же нужно было расширить и углубить свои представления о странном мире, куда его зашвырнуло порывом снежной бури.

Географ набросал кроки местности сначала на земляном полу своего жилища (после «Праздника солнца» он поселился в отдельном жилище), потом на бересте. Это было уже подобие карты.

Зимой он продолжал изучать язык «детей солнца», а вместе с тем их нравы, обычаи, верования.

По-прежнему для географа оставалось загадкой: откуда пришли «дети солнца» и почему скрываются в котловине?

Зато весной 1918 года он окончательно убедился в том, что находится не в кратере вулкана, как предполагал вначале, а в районе микроклимата, который возник над горящим угольным пластом.

Произошло это на охоте. (Впоследствии Петр Арианович писал: «Нырта охотился на птиц, я — за камнем».)

Река уже вскрылась ото льда. Звеня, сбегались к ней бойкие ручейки. В горах, оцепивших котловину, таяли снега.

Путники повернули за опушку леса, где река делает крутой поворот. Географ остановился в восхищении: перед ним были празднично расцвеченные берега. Справа и слева изгибались пласты земли, окрашенные в неяркие розовые, белые, золотистые и серые тона.

Угольный пласт выгорает, оставляя золу розового, серого и белого цвета. Окружающие песчаники в результате подземного пожара приобретают красноватый оттенок, глинистые породы — розоватый и делаются похожими на черепицу, которой кроют крыши.

Но Ветлугин не был геологом и следы подземного пожара видел впервые.

Ему нужно было неопровержимое доказательство.

Часа два или три ходил Петр Арианович у реки, не находя этого неопровержимого доказательства. Солнце начало склоняться к западу. Тень пала на реку. Теперь высокие берега ее стали похожи на стены коридора, исчерченные вкривь и вкось разноцветными карандашами. В воздухе похолодало.

Поеживаясь, Петр Арианович спустился к воде, потом, придерживаясь за кустики, чуть ли не на четвереньках поднялся к гребню.

По дороге он спугнул пеструшку.

Рябенькая мышь с любопытством выставила из-за куста свою остренькую мордочку, смешно поводя ушами.

Ветлугин притаился, но из-под ноги его вырвались мелкие камешки и со стуком покатались вниз. Зверек испуганно метнулся в сторону. Быстро-быстро работая всеми четырьмя лапками, он принялся зарываться в почти отвесный берег. Не прошло и минуты, как мышь исчезла в норке, будто нырнула под землю.

Подтягиваясь на руках, Петр Арианович поднялся еще выше. Его не удивило, что в земле, выброшенной мышью у норки, была примесь, похожая на сажу.

Это и была зола, обыкновенная зола, какую вынимают из печи. Петр Арианович понюхал ее, торопливо растер между пальцами. Да, сомнений не было. Он напал на след гари, подземного пожара, бушевавшего в недрах Быранги и обогревавшего котловину «детей солнца».

Мир-эфемер? Конечно!

Рано или поздно горящий угольный пласт должен кончиться. И тогда?.. Что должно произойти тогда?..

Достаточно подняться на гребень горы, чтобы ответить на этот вопрос. Вокруг лесистой котловины расстилается мертвенно-холодная, безотрадная пустыня.

Но по натуре своей Ветлугин был оптимистом. Таким — пустынным и мертвым — не хотел рисовать себе будущий пейзаж. Нет, вдали, в дымке грядущих лет виднелись ему белые жилые дома, которые поднимались на берегу реки и на склонах ущелья.

Петр Арианович ощутил прилив гордости.

Он сделал удивительное геологическое открытие, которое имело большое значение для благосостояния России. И открытие это, можно сказать, просто лежало на дороге. Стоило лишь нагнуться, чтобы поднять его.

В этот момент Петр Арианович даже забыл о том, что оказался пленником собственного открытия.

Ветлугин услышал голос Нырты, окликавшего его.

— Ну, как охота, Нырта?

— Удалась,— самодовольно сказал охотник и поднял несколько убитых птиц.— А твоя охота как?

— Тоже хороша.

— Что же ты поймал? — с любопытством спросил «сын солнца». — Покажи!

Ветлугин встал с земли. И удивленный Нырта увидел горсть золы, которую, улыбаясь, протягивал ему на ладони Петр Арианович...

2

...Петру Ариановичу не удалось бежать летом 1918 года. Сорвался побег и в следующем, 1919 году.

Он приложил все свои силы, пустил в ход всю свою изобретательность и настойчивость для того, чтобы бежать. Но выходы из котловины тщательно охранялись.

А в 1920 году, то есть спустя четыре года после прихода в горы, Петр Арианович был вынужден прекратить попытки бегства.

Это было связано с кознями Хытындо.

Шаманка прекрасно понимала, что им двоим тесно в котловине, — чужеземец своим, непонятным ей, колдовством рано или поздно поколеблет, а может быть, и совсем подорвет ее авторитет.

Но выступать в открытую против Петра Ариановича она уже не решалась. После поединка жизнь его особым решением совета старейшин была объявлена «табу» — неприкосновенной. Каждый «сын солнца» обязан был оберегать ее.

Шаманка поэтому решила прибегнуть к тайному убийству.

У Петра Ариановича была излюбленная тропинка в лесу, по которой он прохаживался, обдумывая планы побега.

Однажды внимание его привлек какой-то диковинный камень, лежавший в траве. (Напоминаю, что в то время географ особенно интересовался геологией котловины.)

Петр Арианович сделал несколько шагов в сторону, нагнулся.

В кустах зазвенела спущенная тетива.

Он почти не ощутил боли. Длинная и толстая, с темным оперением, стрела царапнула колено и, подрагивая, упала к ногам.

Не в привычках Петра Ариановича было отступать перед опасностью. Он бросился к кустам, откуда стреляли, быстро раздвинул их... Там не было никого!

В кустах торчал только лук без стрелка.

Присев на корточки, Ветлугин принялся с интересом осматривать тщательно замаскированное оружие. Как всегда, любознательность ученого преобладала над всем, оттеснила, заглушила страх.

Лук из лиственницы был укреплен в щели древесного пня. Над ним помещалось нечто вроде прицельной рамки с отверстием. Через отверстие наводилась стрела для правильной ее установки. От середины спущенной тетивы тянулась длинная нитка из жил. Куда же вел ее свободный конец? Прятался в густой траве? Так, понятно! Нить перегораживала тропу. Стоило задеть ее, чтобы незамысловатый «механизм» пришел в действие.

Ветлугин уже видел в котловине подобные самострелы — «первобытные мины», как он их называл. Лук с настороженной стрелой устанавливали возле звериной тропы, чаще всего у водопоя.

Петр Арианович поднял царапнувшую его длинную стрелу с костяным наконечником и приладил к луку. Странно! Лук настораживают на высоте сердца намеченной жертвы, так как стрела идет горизонтально. В данном случае стрела должна была пройти необычно высоко.

Смутное подозрение охватило Ветлугина. Слегка прихрамывая — царапина, на которую сгоряча не обратил внимания, начинала давать себя знать, — он измерил шагами расстояние от самострела до того места, где только что стоял. Удивительно! Никогда не видел, чтобы лук прятали так далеко от тропинки.

Но ведь это не звериная тропа. Здесь гулял лишь один Ветлугин, что было хорошо известно всем в котловине.

Значит, собирались убить именно его?

Он огляделся по сторонам. Трава была неподвижна вокруг. Чуть заметно раскачивались над головой раскидистые ветви деревьев.

Петр Арианович еще раз проверил наклон стрелы, прикинул расстояние. Расчет был сделан точно. Географ спасла его любознательность. Не сделай он несколько шагов в сторону, не заинтересуйся камнем, стрела поразила бы его прямо в сердце.

Он собирался уже подняться с земли, как на кусты, рядом с его тенью, упала вторая тень.

Ветлугин обернулся. За спиной его стоял Неяпту, молодой «сын солнца», всегда выказывающий ему свое расположение. (В тот день, надо думать, он находился в «незримом конвое», который неотлучно сопровождал чужеземца.)

Высоко подняв брови, Неяпту смотрел поверх головы Петра Ариановича на спрятанный в кустах лук. Удивление его было так велико, что все возникшие у Ветлугина на его счет подозрения сразу же рассеялись. Конечно, он не мог быть соучастником в покушении на убийство.

Продолжая покачивать головой, конвоир присел на корточки подле Ветлугина.

Дурное дело! Очень дурное дело!.. Каждое животное: заяц ли, песец ли, олень ли требует особой установки стрелы. Эта стрела была настрожена на человека!

Вдруг Неяпту заметил кровь на одежде Ветлугина и забеспокоился. Без дальнейших объяснений он взял Петра Ариановича под руку и повел к его жилищу.

Нога разбалчивалась все сильнее. К вечеру Ветлугина начало знобить. На другой день он не мог пошевелиться.

Нырты, осмотревший своего друга, объяснил, что прежде чем пустить в ход стрелу, наконечник ее обмакнули в полуразложившийся гнилой жир — обычный способ «детей солнца» отравлять свои стрелы.

Счастье чужеземца, что отравленная стрела только царапнула его колено и не затронула жизненно важных центров. Еще была надежда на выздоровление.

Несколько дней Петр Арианович находился между жизнью и смертью.

За ним ухаживала Сойтынэ, сестра Нырты. Из угловатого пугливого подростка, каким была четыре года назад, Сойтынэ выровнялась. И стала очень милой девушкой со спокойным, приветливым лицом, матово-смуглым, почти без румянца.

И раньше географ ловил на себе ее робко-восторженные взгляды. Не раз слышал, как она прославляла его подвиги в своих песнях,— Сойтынэ была лучшей песенницей в котловине,— но только сейчас, видя, с какой самоотверженной заботой ухаживает она за ним, Петр Арианович понял, что сестра Нырты любит его...

Он поправлялся трудно и медленно. Раза два или три за это время его посетил старый кошмар, который повто-

рялся, как приступы изнурительной лихорадки, причем именно в периоды душевного или физического упадка.

Снова уродливая черная птица догоняла льдину, раскачивающуюся на волнах. Снова садилась на воротах государевой тюрьмы, подобно тому, как степные орлы садятся на могильники, высматривая добычу.

Однажды угрюмый силуэт двуглавого орла был заслонен косяком летящих гусей. Петру Ариановичу приснились гуси, которые вывели его на материк. Он шел за ними, принаравливая свой шаг к их полету, шагая все шире и шире. И вдруг сам полетел вслед за дикими гусями!

Он проснулся с ощущением радости, чувствуя себя необычно бодрым и крепким.

Ветлугин выжил. Но покушение на его жизнь не прошло бесследно. Раненая нога почти не сгибалась в колене. Теперь он мог передвигаться, только опираясь на палочку. О бегстве из котловины уже не приходилось думать. Ведь на пути к озеру, по словам Нырты, были опасные пороги, от гребца требовалась большая сноровка, чтобы провести плот между камнями, торчащими из воды. Мог ли сейчас решиться на это Ветлугин? Он вряд ли удержался бы на скользких бревнах.

Мало того, часть пути, возможно, пришлось бы идти пешком. По горам Бырранга с палочкой в руке?..

Но просчитались и враги Ветлугина — шаманка и ее достойный супруг. Вместо того чтоб устранить нежелательного конкурента, они еще прочнее привязали его к горам.

3

Тем важнее было наладить связь с внешним миром, сообщить в Российскую Академию наук о сделанном открытии.

Итак, письма! Первый вопрос: на чем писать?

Это был даже не вопрос, а целая проблема. В тех условиях, в каких находился Петр Арианович, каждая мелочь перерастала в проблему.

Поразмыслив, он решил, что береста может заменить ему бумагу.

Ведь именно берестой, за неимением бумаги, пользовались в Древней Руси. Что-то он читал об этом, о каких-

то знаменитых писаницах, древесных рукописных томах. В стране непроходимых дремучих лесов все делалось тогда из дерева: дома и обувь, посуда и книги.

Во всяком случае, береста, по-видимому, была достаточно прочным, долговечным материалом, если древние записи на ней сохранились до наших дней.

Ветлугин не любил откладывать дела в долгий ящик.

Тотчас же он отправился в лес и облюбовал толстую березу: диаметр ее достигал, наверное, двадцати сантиметров, если не больше. Потом, оглянувшись по сторонам, — не следит ли кто-нибудь за ним, — вытащил свой нож и с осторожностью, стараясь не повредить, отодрал от дерева длинный кусок коры. Внутренняя часть ее состояла из легко отделяемых друг от друга тонких и гладких полупрозрачных слоев красноватого цвета.

Попробуем что-нибудь написать!

За чернилами было недалеко ходить — только развести золу в воде. Ручка? Перья? Их можно смастерить из рыбьей кости.

Но вслед за тем возникла еще более трудная и сложная проблема: как пересылать письма?

Сначала географ решил применить способ кольцевания птиц.

Как ни странно, наиболее подходящей для этого птицей оказался гусь.

Летом охота на линных гусей превращается в облаву, сходную с поколкой. Загонщики окружают участок реки, где плавают гуси, и поднимают шум: ударяют по воде палками, стучат, кричат, а несколько человек спускают челны на воду и гонят гусей к берегу. Там их поджидают «дети солнца», выстроившиеся в две шеренги. Они пропускают всполошенное стадо мимо себя, как бы по узкому коридору, который, собственно говоря, является тупиком, так как упирается в изгородь. Гуси очутились в ловушке. Остается подхватывать их за ноги и скручивать шеи; что и проделывается охотниками очень быстро, с большим азартом и сноровкой.

Для Ветлугина не представляло особого труда поймать гусей.

Полторы или две недели Петр Арианович старательно пас стадо, охраняя его от собак. (Сойтынэ приносила ему пищу из стойбища.)

«Детям солнца», которые не умеют приручать птицу,

поведение чужеземца казалось чрезвычайно странным. В свободное время они прогуливались возле «гусиной фермы», отпуская по адресу ее владельца более или менее остроумные замечания. Некоторые «дети солнца», особенно хорошо относившиеся к Ветлугину, объясняли ему, что гусей надо съесть. Вот так, взять камень или палку, бросить в гуся, убить и съесть! Глупо сидеть на берегу и, глотая слюнки, смотреть, как плавает по озеру такой отличный обед!

Раза два прошелся мимо Якага. Лицо его было озабоченно, нос, будто вынюхивая, поворачивался из стороны в сторону. Что тут творится? Какую новую затею придумал беспокойный чужеземец?

В каждом самом заурядном поступке Ветлугина «дети солнца» искали теперь скрытый, магический смысл.

Кто-то, глубокомысленно попыхивая трубочкой, заявил, что, по его мнению, это новое колдовство. С помощью нескольких пойманных живьем гусей чужеземец хочет заморозить всех гусей, которые прилетают на лето в горы Бырранга. Удастся ли колдовство — вот в чем вопрос!

Якага, нахмурясь, принял позу придиричвого и строго экзаменатора: уж он-то понимал толк в этих делах!..

Битых полтора часа простоял муж шаманки подле Ветлугина, закинув руки за спину и сосредоточенно следя за тем, как чужеземец помахивает длинной хворостинкой. Потом, так и не поняв ничего, обернулся к расположившимся на берегу соплеменникам, ждавшим его решения.

Вздор! Чепуха! Самая пустяковая, глупая затея! Чужеземцу не приманить к озеру ни одного нового гуся, хотя бы просидел тут сто лет и все время размахивал своей длинной палкой. Даже такой длинной палки мало для удачи колдовства. Нужен еще прирожденный дар, как у Хытындо. Вот кто умеет ладить с духами, не то что этот хвастунишка!

Якага еще раз пренебрежительно сплюнул и поспешил к стойбищу докладывать супруге, что тревожиться незачем, возня чужеземца с гусями — просто детская забава, которая даже на руку, так как выставляет его в смешном виде перед «детьми солнца».

А когда зеваки вслед за Якагой разошлись, Ветлугин

приступил к самому главному: тщательно «закольцевал» своих гусей.

Настоящего металлического кольца в его распоряжении, понятно, не было. Вместо этого к ножке каждой пойманной птицы географ привязал маленькую берестяную трубочку с нацарапанными на ней буквами и туго-натуго обмотал, прикрутил сухожилиями.

Буквы были очень маленькими, но ведь и сама записка — четырехугольный клочок бересты — была совсем мала. На ней могло уместиться всего несколько слов. Поэтому Ветлугину приходилось быть лаконичным. Он сообщал лишь о сути открытия и указывал свое местонахождение: горы Бырранга на Таймыре, верховья горной реки, не показанной на карте, по-видимому впадающей в Таймырское озеро. Адресовались записки в Академию наук.

Прошло томительных полторы или две недели бессменного дежурства на уединенном лесном озерце, во время которого закольцованные питомцы Ветлугина всячески пытались скovyрнуть клювом мешавшие им «бинты». Некоторым это удалось, но не всем — мешали сухожилия.

Наконец гуси отрастили себе новые перья. В один прекрасный день они снялись с воды и полетели, тяжело взмахивая белоснежными, новыми, с иголки, крыльями, сначала совсем низко над лесным притихшим озерцом, потом все выше и выше.

Прерывистый гогот их, напоминавший лязг и дребезжание жести, прозвучал музыкой для ушей Ветлугина.

Все, что зависело от него, было сделано. Теперь дело за гусями.

Вскоре начался массовый отлет на юг казарок, гусей, куропаток, всей летующей на севере Таймырского полуострова птицы.

Где-то там, в этой пестрой крикливой компании, находились и гуси, закольцованные Ветлугиным, его крылатые посланцы. Они улетали на зиму в теплые широты...

Донесут весть из Таймыра или не донесут?..

Запрокинув голову, долгим взглядом провожал их человек, стоявший на берегу реки, не показанной на карте.

«Что ж, — думал он, — птицы, по существу, привели меня из океана на этот полуостров. Быть может, они и выведут меня отсюда?..»

Но к чему было самообольщаться? Заранее следовало готовить себя к худшему.

Петр Арианович отлично понимал все несовершенство «гусиной почты».

Во-первых, на крошечном клочке бересты умещалось слишком мало текста. Стоило стереться двум-трем словам, и смысл записки уже нельзя или трудно было бы понять.

Во-вторых, приходилось полагаться на случай. Какое количество гусей надо «закольцевать», чтобы хоть один из них попался на глаза охотникам, был убит и, таким образом, доставил записку по назначению!..

Тем не менее Петр Арианович каждое лето регулярно продолжал «кольцевать» гусей. На протяжении первых трех или четырех лет с их помощью географ послал более ста посланий в окружавший его молчаливый мир.

Потом, правда, он уменьшил количество «кольцуемых» гусей, так как одновременно начал применять и другие способы связи.

С этой точки зрения его заинтересовали жертвенные олени, которых торжественно отпускали на волю раз в году (после полойки) в честь благосклонной к своим детям доброй Матери-Солнца.

Предварительно оленя клеймили, то есть ставили на левую лопатку (против сердца) особое тавро, метку солнца, опасаясь, как бы не вышла путаница и он не попал, по ошибке, в жилище какого-либо другого духа.

Что происходило с оленем дальше? По-видимому, он возвращался на зиму в тундру вместе с другими, неклеяменными оленями. Там их подстерегали охотники-самоеды.

Жертвенный олень убит, охотники подходят к нему, осматривают шкуру и видят на ней...

Так возникла мысль ставить свою собственную тамгу рядом с тамгой солнца.

Здесь Ветлугину пришлось быть еще лаконичнее, чем в «гусиной почте».

Буквы он заменил условными значками. Три точки, три тире, три точки означали призыв на помощь, сигнал SOS, известный радистам всего мира.

Ветлугин надеялся, что охотники-самоеды, обнару-

жив на убитом олене непонятные знаки, поволокут шкуру в ближайшую факторию или на полярную станцию (возможно, на Таймыре уже появились фактории и полярные станции). А там должна была быть рация. Достаточно радисту взглянуть на шкуру, чтобы сразу понять: где-то на полуострове живет человек, который подает весть о себе и просит помощи.

Делать это, во всяком случае, приходилось втайне (даже от Сойтыне и Нырты). С точки зрения жителей Бырранги, чужеземец совершал святотатство, посягал на оленей, посвященных солнцу, пытался «переадресовать» их.

Нет, нужно было найти новый, более совершенный способ связи!

5

О нем Ветлугин подумал еще весной 1917 года, возвращаясь с Ныртой после одной из прогулок.

Они спускались с гребня горы, где осматривали пасти.

Обреченный жить на дне котловины, стиснутой со всех сторон каменными стенами, Петр Арианович очень дорожил возможностью хоть ненадолго вырваться из своей щели. С высоты птичьего полета озирали он неприступные горы Бырранга. Грозный первозданный хаос громоздился вокруг. В распадках белели сугробы, рядом чернели обнаженные гребни, с которых ветер сдувал снег.

Стоя здесь, Ветлугин ощущал себя как на острове. Море, каменное море расстиралось вокруг.

Он находил много сходства между своим положением и положением мореплавателей, очутившихся после кораблекрушения на необитаемом острове.

Как они подавали весть о себе?

Плотно закупоривали пустую бутылку, в которую была вложена записка, и спускали на воду, возлагая надежду на то, что в открытом море ее заметят с какого-нибудь корабля.

В задумчивости смотрел географ на реку, которая тускло поблескивала вниз.

Прорываясь через громаду гор, текла она по дну ущелья, бросалась из стороны в сторону, словно беглян-

ка, спасающаяся от погони, и исчезала на юге за туманной дымкой горизонта, где уже начиналась равнинная часть тундры.

Следовало пустить бутылку по реке!

Но бутылку в ущелье, понятно, не было и не могло быть. Чем же заменить их?..

Когда осенью 1917 года, после «Праздника солнца», сорвалась первая попытка побега, Петр Арианович подумал о плавнике. Если ему самому не удалось спрятаться в дупле плавника, то ведь он мог спрятать туда письмо.

Одно время он собирался выделывать бочонки из бересты, но потом отказался от этой мысли, так как понял, что их раздавит во время первого же ледохода. Кроме того, они были бы желтого цвета и необычной формы. Их могла заметить стража в Воротах.

Гораздо проще было пользоваться плавником, который каждую весну уносило вниз по течению реки.

Облюбовав подходящий хлыст, Ветлугин украдкой оттаскивал его в сторону, в чащобу, обрубал там ветки, метил своим знаком — сигналом бедствия — и выдалбливал небольшое отверстие — не в комле, а сбоку ствола. (Тут особенно пригодился возвращенный Ныртой нож.)

Затем, вложив «письмо» и мох, пленник Бырранги снова тщательно закрывал отверстие обрубком дерева, шпаклевал и обмазывал варом. «Конверт» был заклеен и запечатан...

Испытав «гусиную», а потом «оленью» почту, Петр Арианович пришел к мысли, что пересылать письма с плавником будет надежнее, и решил испытать этот способ.

Регулярно раз в год после ледохода он спускал два или три таких письма вниз по реке. Река заменяла ему теперь почтовый ящик.

Озираясь, географ стаскивал с берега приготовленный ствол и спускал на воду. Он старался делать это бесшумно, боясь привлечь внимание часовых у Ворот.

Кажется, удалось. Ни плеска, ни шороха!

Какое же это по счету «письмо»?

Покачиваясь на волнах, ствол уплывает все дальше и дальше. Вот миновал стремнину, толкнулся о торчащий из воды камень. Завертелся на месте. Застрянет? Нет. Течение на середине реки подхватило дерево и понесло, понесло...

Спуская на воду свои древесные «конверты», географ смотрел на них с боязливым ожиданием. Какая участь ждет их впереди? Дойдут ли они к адресату — неизвестному русскому ученому — или пропадут, затеряются в тундре?..

Не напрасен ли его труд?

«Допустим,— рассуждал Ветлугин,— что река вынесет меченый плавник в море или выбросит на берег где-нибудь возле самоедских стойбищ. Кто найдет его? Невежественные забитые самоеды? Поймут ли они значение плавника? И если поймут, кому передадут? Невежественным, тупоумным царским администраторам, которым плевать на науку?..

Сибирь — место ссылки, страна мрака и молчания. Будет ли здесь кто-нибудь озабочен судьбой затерявшегося в горах народа? А его самого, Ветлугина, если и станут разыскивать, то только для того лишь, чтобы наказать за побег и вернуть в ссылку.

Что ж, и не такие ученые, как он — неизмеримо более талантливые и значительные,— гибли, исчезали без вести в царской России. Не такие научные открытия, как найденный им в горах оазис, безответно глохли во мраке и молчании...

Ну, а если в России уже произошла революция, долгожданная, неизбежная социалистическая революция? Тогда все складывается хорошо, тогда нужно метить плавник, «кольцевать» гусей, посылать призывы о помощи. Там, за перевалами, брезжит надежда на спасение!..»

Глава четвертая

ВРЕМЯ СО ЗНАКОМ МИНУС

1

Не раз, оторвавшись от записей, Петр Арианович с удивлением осматривался, словно впервые видел свое слабо освещенное жилище.

В сумраке пещеры толпились вокруг него странные неуклюжие вещи: утварь нового Робинзона.

На грубо сбитом деревянном столе стояло нечто громоздкое, беспрерывно звучащее. Это были самодельные

водяные часы. Из верхнего конуса в нижний со звоном падали капли, отсчитывая медленно текущее время.

Когда, цепляясь за кустарники, скользя и оступаясь во влажной траве, Петр Арианович спустился в удивительный оазис, время как бы остановилось для него.

Это ощущение не покидало до сих пор. Будто крылья зловещей Маук (по-прежнему не разгаданной) распростерлись над котловиной, загораживая ее от внешнего мира.

Он так и записал в дневнике:

«Время здесь — со знаком минус, то есть до нашей эры».

Он пояснил необычное выражение. Двадцатый век остался где-то там, за перевалами. Здесь был каменный век — жестокий и непонятный, суровый и темный, без всяких прикрас и примесей.

Скатившись в котловину, Ветлугин неожиданно очутился вне современности, увидел себя окруженным людьми каменного века. Все изделия — только из камня, дерева, кости: каменные топоры, деревянная домашняя утварь (чашки, ложки, котлы), костяные иглы, кремневые наконечники стрел и копий, а также сделанные из рога лоса, клюва гагары и бивня мамонта.

На память приходила картина Васнецова, помещавшаяся в одном из первых залов Московского Исторического музея. На ней изображена охота на мамонта. Пещерные люди в шкурах мехом наружу, с дубинками и топорами в руках пляшут вокруг ямы, откуда безуспешно пытается выбраться огромный мамонт с извивающимся хоботом и загнутыми вверх свирепыми бивнями. Как тут не ликовать! Живая гора мяса — косматый гигант провалился, попал в ловушку!

Посещая музей, Ветлугин подолгу простаивал перед этой картиной, очарованный жизненностью деталей и странной блеклостью красок. Мог ли Ветлугин думать тогда, что сам очутится среди людей, вооруженных дубинками и каменными топорами?!

В котловине, правда, не охотились на мамонтов, так как здесь их не было. Остались только их бивни, которые шли для поделок и ценились больше, чем кости других животных из-за пластичности и красивого желтоватого цвета.

Часами наблюдал географ за тем, как сноровисто от-

калывают «дети солнца» куски кремня или кости для наконечников, изготавливают деревянные наручники для предохранения пальцев от удара тетивы (нечто вроде длинных браслетов, очень похожих на боевые наручники русских казаков семнадцатого века) или методически обворачивают берестой будущие луки — узкие, склеенные осетровым клеем полоски, которые вырезаются из березы и лиственницы.

Задумчиво перебирал Ветлугин только что изготовленные стрелы, лежавшие ворохом у его ног. Есть здесь стрелы острые, как жало, есть странные, сделанные в виде трезубца, чтобы застревали в ране, есть тупые, с набалдашником на конце, способные лишь сбить с ног животное, но не повредить его ценную шкуру. Для разных зверей полагались разные стрелы.

«Стоит мне поднять глаза,— записывал географ в дневник,— чтобы увидеть сделанный мною собственноручно светильник. Это только каменная площадка, в которой плавает фитиль. Стекла, понятно, нет, но я приспособил нечто вроде трубы над фитилем. Вот он, предок лампового стекла!»

Только теперь стало ясно Ветлугину, что прообразом свечи являлась такая простая вещь, как факел. Пучки смолистых веток были заменены прядями пакли, пропитанными жиром. Затем прядь уменьшилась, стала фитилем, а горючее жирное вещество, облепившее снаружи фитиль, образовало свечу.

Брала оторопь, когда вдумывался в то, как далеко в глубь истории человечества забросила его судьба (точнее, пурга, настигшая беглеца в горах Бырранга).

Да, от русских поселений на Крайнем Севере, от Дудинки Ветлугина отделяли теперь не только многие сотни верст, но и годы, десятки тысяч лет!..

Страшно было понять, осознать это...

Иногда Ветлугину казалось, что он забрался в такую глушь, из которой уже никогда не выбраться.

Его охватывала отрешенность от цивилизованного мира, скрытого где-то там, за черно-белыми зубринами гор, ставшего почти нереальным, будто мир этот был вычитан Ветлугиным из книг.

Как странно — надвое — переломилась его жизнь!

Неужели он жил когда-то в больших городах, бывал в театрах, ездил на конках и трамваях? Встречался

с друзьями на шумных студенческих вечеринках? Слушал и записывал лекции в аудиториях, построенных круглым амфитеатром?

Неужели было время, когда по левую руку его стояла не каменная плочка с плавающим в ней фитилем, а настольная лампа под уютным зеленым абажуром? И неужели письменный стол, за которым так быстро пролетали счастливые бессонные ночи, был доверху завален книгами?..

Книги! Как тосковал он по книге!.. Все бы, кажется, отдал, лишь бы снова взять книгу, торопливо, жадно перелистать, вдохнуть неповторимый запах картонного переплета, бумаги, типографской краски!..

Иногда ему снилось, что он читает. О, как печально было в таких случаях пробуждение!

Ведь книги были нужны ему не для развлечения. В них он искал бы совета, помощи. Позарез нужны были сейчас книги!..

2

Да, Петр Арианович оказался отброшенным на много веков вспять. Но с тем большей настойчивостью вел он обитателей Бырранги на сближение с современностью, с двадцатым веком.

Водяные часы, стоявшие перед ним на грубо сколоченном письменном столе, продолжали медленно, капля за каплей, отсчитывать время.

Медленно ли? Нет. Если предыдущие столетия и тысячелетия двигались неторопливым шагом, то годы, протекавшие после появления Ветлугина в котловине, мчались бегом. Ветлугин подгонял их.

Он был охвачен страстным желанием помочь «детям солнца», стремился не только изучить и объяснить, но и изменить диковинный мирок, куда закинула его судьба.

«Впрочем, преимущества мои, человека двадцатого века, оказавшегося в обстановке доисторической эпохи,— записал Ветлугин,— далеко не так велики, как могло бы показаться с первого взгляда. Даже Робинзон на своем необитаемом острове был куда лучше снаряжен, чем я».

Действительно, у Ветлугина не было с собой ни ружья, ни пороха, ни спичек. (Только нож был ему воз-

вращен, и то он пользовался им украдкой, озираясь, помя предупреждение Нырты, до сих пор непонятное.)

Да, к «детям солнца» путешественник пришел с пустыми руками. Но зато он принес с собой воспоминания. Среди людей каменного века Ветлугин был воплощенной памятью человечества.

Правда, географ не мог, например, изготовить плуг или паровую машину, даже если бы умел это делать. Под рукой не было железа, железной руды. Не было также самых простых инструментов.

Надо было браться за более доступное дело.

Петр Арианович прежде всего занялся рационом «детей солнца», внес существенные дополнения в их «меню».

С каждым годом все труднее становилось добывать мясо оленя, которое служило основным видом питания. Стада редели, меняли маршруты весенних и осенних откочевов, уходили из гор Бырранга на соседнее, Северо-Восточное плато.

Раздумывая над тем, как помочь «детям солнца», Ветлугин вспомнил свое пребывание в русской деревне Последней на берегу Ледовитого океана. Жители ее занимались почти исключительно рыболовством.

За годы своего пребывания в ссылке Ветлугин стал заправским рыбаком. Попав в горы Бырранга, он решил применить здесь полученные им знания.

«Дети солнца» ставили сети, но маленькие, дрянные. Петр Арианович сплел невод, научил заводить его с челнов.

Кроме того, он обучил «детей солнца» подледному лову.

Во льду вырубались две проруби примерно шагах в двадцати одна от другой. Затем туда опускалась длинная сеть и протягивалась подо льдом между прорубями.

Трижды в день сеть вытаскивали наружу. При этом обычно присутствовало все племя. Мужчины хлопотали подле прорубей. Ребятишки громко кричали, увидев рыбину, которую выдирали из сети, а косматые угрюмые собаки сидели тут же, поставив уши торчком и делая вид, что совершенно равнодушно относятся к такому изобилию прекрасной пищи¹.

¹ Научив жителей ущелья ставить так называемые пущальни (сети подо льдом), П. А. Ветлугин только повторил то, что было сделано русскими, пришедшими на север Сибири в семнадцатом веке.

То, что «дети солнца» занялись рыболовством, было, конечно, закономерно. Рано или поздно они должны были им заняться. Ведь рыболовство, в отличие от охоты, требует оседлой жизни. А странные запреты, связавшие «детей солнца» и приковавшие к котловине, вынуждали их жить оседло, как это ни противно природе охотников.

Вслед за тем не без труда он ввел в обиход простейшие водяные часы. До этого в пасмурные и туманные дни наступление утра определялось совершенно произвольно, чаще всего по тому, когда проголодавшиеся собаки, которых выгоняли на ночь из жилья, принимались просительно повизгивать у порога. Теперь появился более точный указатель времени. Водяные часы представляли из себя размеченный внутри сосуд в виде воронки достаточной емкости, «суточного завода». Перезвон мерно падающих капель наполнил жилища «детей солнца».

С полным правом Ветлугин мог сказать о себе, что не только ускорил течение времени в котловине, но и регламентировал его.

За эти годы у Петра Ариановича сменились последовательно три прозвища. Вначале его звали просто Чужеземцем. После поединка с Ныртой он превратился в Скользящего по снегу. А года через три за ним упрочилось имя Тынкага, что в переводе значит Силач, Сильный человек.

8

Но от надежды на побег пришлось отказаться. Петру Ариановичу оставалось лишь посылать вести в далекий мир за перевалами Бырранги и ждать помощи извне. А это могло продлиться много лет.

В письме Петра Ариановича мельком упоминается женское имя. Еще до ссылки он любил одну девушку.

Медленно оправляясь после ранения, Петр Арианович понял, что надо расстаться с этой надеждой. Когда он сумеет вырваться из заточения? Через пятнадцать, двадцать, тридцать лет? Да и вернется ли вообще? Имеет ли право заставляя любимую девушку ждать, томиться, страдать?..

Нет, она недоступна для него. Она недоступна, недосыгаема для него, как тот вон снежный пик, на котором лежит сейчас красноватый отблеск заходящего солнца.

О многом передумал Петр Арианович во время своего выздоровления, сидя по вечерам у порога на заботливо подостланных Сойтынэ оленьих шкурах.

Сойтынэ не мешала ему думать. Она двигалась внутри пещеры, проворная, ловкая и бесшумная. Она никому не позволяла ухаживать за Петром Ариановичем, прогоняла даже Нырту, когда тот на правах друга предлагал свою помощь.

А потом Петр Арианович начал заново учиться ходить. Странно было, наверное, наблюдать со стороны, как бредет по тропинке коренастый бородатый человек, волоча больную ногу и опираясь на плечо невысокой, но крепкой девушки в белой праздничной одежде.

— Сильнее опирайся, сильнее. Мне совсем не тяжело,— то и дело повторяла она, встряхивая косичками и поднимая к нему раскрасневшееся озабоченное лицо с милыми, чуть раскосыми глазами. И он ласково кивал в ответ.

На каждом шагу видел теперь Петр Арианович множество маленьких трогательных знаков внимания, которые так облегчают жизнь мужчины.

Говорить по-русски Сойтынэ научилась еще не будучи его женой. Это было в 1917 или 1918 году, когда Петр Арианович вздумал давать уроки Нырте, а она краем уха прислушивалась к ним, занятая, как всегда, домашней работой.

Нырта был, к сожалению, туповат в учении, не очень внимателен, а главное, непоседлив. Петру Ариановичу частенько приходилось выговаривать ему. Однажды охотник никак не мог одолеть длинную трудную фразу. Он долго мусолил ее, запинаясь, кряхтел, кашлял и начинал снова, надеясь, что «с разбегу проскочит». Петр Арианович сердито барабанил пальцами по стене. Вдруг Сойтынэ засмеялась. Все с удивлением оглянулись. Тогда она очень быстро произнесла трудную русскую фразу и посмотрела на Петра Ариановича, нетерпеливо ожидая похвалы.

Петр Арианович вскоре устроился в отдельном чуме и взял с собой сестру Нырты.

Сойтынэ была горда и счастлива свыше всякой меры.

Сидя у очага, она любила напевать — тихонько, чтобы не мешать Петру Ариановичу, который по вечерам делал записи в своем дневнике.

— Мой муж самый сильный человек,— задумчиво пела Сойтынэ, склоняясь над оленьей шкурой, которую обрабатывала костяным скребком.— Никто из лучших охотников — Нырта, Ланкай, Неяпту.— не может сравниться с ним...

Улыбаясь, Петр Арианович отрывался от записей. Видно, слова песни сами приходили одно за другим.

— Рыбы в реке послушны ему,— продолжала Сойтынэ.— Слышат его голос и спешат на берег, где ждут рыболовы... Луна появляется на небе и уходит с него, потому что так приказал мой муж...

Однако сам Петр Арианович гораздо более скромно оценивал свои усилия.

Он записал в дневнике:

«Пытался ускорить естественный ход событий, так сказать, бегом провести «детей солнца» по лестнице развития материальной культуры, чтобы кое-где они одолели ступени дерзким прыжком».

Конечно, на этом пути было немало препятствий. Особенно мешали ему две зловещие фигуры, стоящие на одной из нижних ступеней лестницы и преграждавшие дорогу вверх. То были Хытындо и Якага. Совиное лицо шаманки было всегда неподвижно, зато муж ее кривлялся и гримасничал, а глаза его из-под выпуклых надбровных дуг смотрели на Ветлугина настороженно, хитро...

Для своей выгоды два этих человека использовали одно из наиболее распространенных на земле чувств — страх. В условиях котловины это был страх перед непонятным, страх перед стихиями природы.

Для «сына солнца» окружающий его мир был полон особых, порою очень сложных закономерностей и связей.

В его представлении все жило, все было одушевлено вокруг, даже мертвая природа. Камень, падавший с горы, был жив. Ветер, качавший верхушки деревьев, жил так же, как и сами деревья.

Даже вещи, сделанные руками человека, считались живыми. Недаром, вытаскивая осенью на берег свои челны, хозяева трогательно прощались с ними, обходили их, поглаживая и приговаривая: «Не сердитесь за то, что мы покидаем вас. Мы не навсегда покидаем вас. Летом, когда река вскрыется ото льда, снова придем и будем вместе ловить рыбу и охотиться на оленей».

Но мало этого — живое воображение первобытных людей щедро населило окружающий мир духами. (По шутливому определению Ветлугина, в каменном веке их было столько же, сколько бактерий в веке двадцатом.)

С духами приходилось постоянно вступать в самые тесные, а иногда, в силу необходимости, и деловые взаимоотношения.

Были духи могущественные, добрые, благожелательные (например, Мать-Солнце), с которыми не трудно было ладить.

Гораздо больше беспокойства доставляли злые духи.

Их было чрезвычайно много, они буквально кишели вокруг. Жители Бырранги шагу не могли ступить, чтобы не обидеть такого духа и тут же, немедленно не принести ему почтительные извинения.

Это была жизнь с оглядкой.

Приходилось постоянно соотносываться с целым табелем дурных предзнаменований. Лицо «сына солнца» делалось очень мрачным, озабоченным, если ему случилось уронить трубку, и совсем вытягивалось, если при этом еще просыпался пепел. Крик полярной совы заставлял дрожать ночью не только детей и женщин, но и главу семьи, храброго охотника.

Общение с многочисленными духами, населяющими «заколдованные» горы Бырранга, являлось для «детей солнца» делом будничным, повседневным. Каждый из них был в известной степени сам себе шаман.

Особенно широко применялась магия на охоте.

Настораживая на песка или на зайца пасть, Нырта долго приплясывал подле нее. Охотник делал вид, что попался в капкан, скакал на одной ноге, повизгивал и корчил испуганные гримасы.

Незачем было спрашивать объяснений. И без них понимал Ветлугин, что его простодушный друг магически-ми средствами навлекает смерть на животных.

Отправляясь на охоту, Нырта неизменно поворачивался на все четыре стороны и говорил: «Духи! Не мешайте мне добыть мяса! Не толкайте меня под руку, когда буду стрелять! Не сбивайте со следа! Не портите моих приманок! Я, Нырта, поделюсь с вами добытым мясом!»

Обитатели котловины, по мнению Ветлугина, прекрасно обошлись бы без особых шаманов-специалистов,

Между тем в котловине была шаманка Хытындо, и она верховодила всем.

Почему?

Быть может, Хытындо и Якага первыми додумались до того, чтобы сделать магию профессией и монополизировать общение с потусторонним миром?

Действительно, многое в них изобличало новичков.

Это были еще не жрецы, не священнослужители с величественными манерами, с отработанной техникой одурачивания. Якага, который прислуживал Хытындо во время ритуальных церемоний, был суетлив, нервен, часто срывался, делал промахи.

«В общем, поп-самоучка,— с улыбкой отмечал Ветлугин,— поп, не кончивший духовной семинарии».

Плутни «попов-самоучек» не отличались тонкостью. Через Якагу Хытындо собирала сплетни в стойбище, потом, уловив момент, поражала легковерных соплеменников знанием их семейных дрызг.

«Чудеса» варьировались в зависимости от обстоятельств. Иногда Якага подбрасывал кому-нибудь в пещеру мертвую мышь, которая считается у «детей солнца» вестником болезни. Затем, по приглашению хозяев, являлась Хытындо, увешанная погремушками. Под рокот бубна она принималась окуривать жилище, бормотала магическую чепуху. Когда болезнь считалась отогнанной, хозяева чума скрепя сердце делали шаманке подарки, делились скудными запасами пищи.

Излюбленной проделкой Якаги было стащить у кого-нибудь ценную вещь и поднять трезвон по поводу пропажи. Выражались сожаления и пожелания, сеялись подозрения (в отношении соседей, а также враждебных духов). Наконец, надолго испортив настроение всем в стойбище, пара жуликов отыскивала украденное — к вящей своей славе и обогащению.

«Нахожусь у истоков тысячелетнего обмана, называемого религией»,— сердито отмечал Петр Арианович в своих записях.

ЛЕД, КОТОРЫЙ НЕ ТАЕТ

1

В 1933 году, стало быть, через тринадцать лет после неудавшегося покушения на жизнь Петра Ариановича, произошло событие чрезвычайной важности.

Географ нашел в котловине «свою душу».

Случилось это так.

В пещере Нырты, где часто бывал Петр Арианович, находилось немало разнообразных охотничьих трофеев. Оленьи рога соседствовали здесь с пышным хвостом песца, ожерелье из медвежьих когтей картинно выделялось на ярком коврике, сшитом из шкур горностаев, пеструшек и белок.

Как-то, от нечего делать роясь в куче этого добра, Петр Арианович увидел обломок рога. Он вертел его и так и этак, раздумывая: кому же принадлежал странный рог? Оленю? Рог оленя лежал рядом. Их легко было сравнить. Быть может, обломок бивня? Нет, это не был бивень мамонта. Тогда что же?

— А...— деланно небрежным тоном сказал Нырта, заметив, что приятель его держит в руках заинтересовавшую его кость.— Я добыл это у Соленой Воды. Такой, знаешь, зубастый был зверь.— Нырта скорчил гримасу, подняв верхнюю губу.— Очень ленивый. Ходить не хотел. Все ползал на брюхе...

Описание было предельно точным, как все описания охотника. В ленивом зубастом звере Ветлугин узнал моржа. Охотничий трофей был обломком бивня моржа.

Стало быть, Нырта покидал пределы гор, добирался до океана («Соленая Вода») и охотился на моржей? Как же он осмелился нарушить запрет Маук?

В тот раз географ не стал ничего больше выпытывать, не желая показать, как это ему интересно. Лишь спустя две или три недели Ветлугин возобновил осторожные, обиняками, расспросы. Выяснилось, что время от времени Хытындо посылает особо доверенных людей за пределы Бырранги. Это как бы вылазки из осажденной крепости. Уходят разведчики небольшими группами, берут с собой сушеное оленье мясо, охотятся в походе, рыба-

чат. На юге они спускаются по течению реки к озеру, на севере доходят до самого моря.

Нырта, отличавшийся любознательностью, побывал уже в двух таких вылазках.

Во время последнего похода охотникам встретился невиданный зверь. У него был такой устрашающий вид, что кое-кто из «детей солнца», оробев, пустился наутек. Однако неустрашимый Нырта выступил вперед и убил зверя.

Сообщение о вылазках к морю было интересно само по себе. Кроме того, оно послужило мостиком к еще более важному сообщению — о «душе Тынкаги». Она, оказывается, была спрятана в куске морского льда, который находился в руках у Хытындо!..

Петр Арианович знал, что, по представлениям «детей солнца», душа может существовать отдельно от тела. Это довольно хлопотно, потому что все время приходится принимать предосторожности, опасаясь, как бы враги не украли у человека его душу.

Некоторым утешением для «детей солнца», впрочем, было то, что Хытындо с недавнего времени взяла на себя обязанность оберегать от расхищения души своих соплеменников.

Узнав о своей душе, которая пребывает в куске льда, Петр Арианович ничем не выказал любопытства. Это был наилучший способ раззадорить Нырту на дальнейшие объяснения.

Оскорбленный безучастным молчанием своего друга, охотник прибавил, что в котловине имеется даже особая «кладовая» душ. Ассортимент там, по-видимому, самый разнообразный. Души некоторых охотников закупорены в рога или копыта убитых ими оленей. Души других сохраняются в камнях.

И опять промолчал Ветлугин, продолжая заниматься своим делом.

Этого подчеркнутого равнодушия охотник не мог перенести. Он надулся, потом сказал сердито:

— Твоя душа тоже там...

Он сболтнул, не подумав, но тотчас же спохватился и стал бить себя ладонью по губам. Но было уже поздно.

— Ты молчи об этом, молчи,— забормотал Нырта, оглядываясь по сторонам.— Ей хорошо там, твоей душе! Она в куске льда. Такая круглая льдинка, которая не

тает...— Он продолжал бормотать: — Никому не говори, хорошо? Нельзя об этом, а я сказал. И не хотел сказать, а сказал. Почему со мной всегда так?..

Он еще раз хлопнул себя по губам.

По-видимому, Хытындо готовила новые козни.

Огромным усилием воли Ветлугин удержался от расспросов.

2

Но чем больше тревожился Петр Арианович, тем меньше показывал это Нырте.

Он знал, с кем имеет дело. «Дети солнца» не выносят шума, спешки, нервозности и при всем своем добродушии чрезвычайно подозрительны. Достаточно неосторожно сказанного слова, чтобы они тотчас же ушли в себя, как улитка в раковину.

Не спешить, не спешить, чтобы не спугнуть.

Сопровождая Нырту на охоту, Петр Арианович не раз наблюдал, с каким терпением, иногда часами, поджидает тот добычу в засаде, где-нибудь в расщелине скалы или за камнями. Кое-чему географ научился во время этих экспедиций и сейчас применял терпение и выдержку, как сильнейшее оружие против самого Нырты.

Однако охотник не возобновлял волнующего разговора о ветлугинской душе. Только иногда при посторонних многозначительно взглядывал на своего приятеля и подносил палец ко рту. Ветлугин успокоительно кивал.

Так тянулось более месяца. Географ начал нервничать. От Хытындо можно было ожидать любой пакости. Что затевает против него старая ведьма?

Напрашивалось простое объяснение: Хытындо похитила у Петра Ариановича какую-то принадлежащую ему вещь и теперь всласть колдует над ней. В этом, понятно, не было бы особой беды. Колдуй себе на здоровье, колдуй, хоть лопни!

Но ему вспомнились слова: «круглый кусок льда, который не тает», «твоя душа — в куске льда». Что Нырта понимал под этим?

Возможно, что Ветлугин, скрепя сердце, все же заговорил бы с Ныртой об «исчезнувшей» душе. Однако это не понадобилось. Помог случай.

Однажды, гуляя по лесу со своим приятелем, Петр

Арианович заинтересовался чем-то в его рассказе и захотел записать, чтобы не забыть. Обычно он старался делать записи так, чтобы никто из «детей солнца» этого не видел. Сейчас, по рассеянности, географ принялся записывать при Нырте.

Усевшись на камень, он целиком погрузился в работу, как вдруг услышал дыхание за спиной. Обернулся. Сзади стоял Нырта, подошедший, как всегда, бесшумно. Он поднялся на цыпочки и с любопытством заглянул через плечо Ветлугина.

— Пестришь маленькими следами кору? — спросил он удивленно.

— Да.

— А я видел этот след.

— Где?

Оглянувшись, Нырта прошептал:

— На том куске льда, где спрятана твоя душа!..

Ветлугин вскочил с камня, на котором сидел.

Буквы! Слова! На «льдинке, которая не тает»?..

Но Нырта, поняв, что болтливый язык опять подвел его, отказался отвечать на вопросы своего друга.

Он уселся на землю, скрестив ноги и обхватив плечи руками, и сидел так, отрицательно качая головой.

— Только покажи! Пожажи, и всё,— сказал географ с самыми убедительными интонациями в голосе.— Принесешь сюда кусок льда, который не тает, я взгляну на него, и ты сразу же отнесешь обратно. Хытындю не узнает ничего.

Нырта сделал движение головой, как бы отмахиваясь от собеседника. Он даже зажмурился, чтобы не видеть его.

Но Петр Арианович не отставал. Он пускал в ход самые разнообразные аргументы один за другим. Он сказал, что откажется от дружбы с Ныртой,— тот только горестно застонал в ответ. Он пригрозил, что напустит на него самое страшное свое колдовство,— а ведь Нырта видел на «Празднике солнца», что он умеет колдовать,— охотник задрожал еще сильнее и попытался встать, чтобы убежать, но Ветлугин удержал его.

— Хочешь, научу тебя делать такие значки? — предложил географ.— Мы тогда сможем находить друг друга по этому следу, разговаривать на расстоянии. Все удивятся. Скажут, вот так Нырта!

Упрямец приоткрыл один глаз — предложение было заманчивым, потом спохватился и зажмурился еще крепче.

— Ну, проси что хочешь, — с сердцем сказал Петр Арианович. — Слушай! — Он произнес раздельно и внятно. — Если ты поможешь мне увидеть мою душу, я подарю тебе всё, что хочешь!

Нырта открыл оба глаза и внимательно посмотрел на Ветлугина: не шутит ли он?

— Всё-всё? — переспросил «сын солнца» недоверчиво. — Всё, что захочу?

— Конечно! Только скажи что. Ну, решайся! Придумал, что просить?..

Нырта замялся. Живые черные глаза его сверкнули, но он тотчас же притушил их блеск. Охотник вздохнул. Видимо, давнее, невысказанное желание томило его.

— Ну, говори же! — поощрил географ, радуясь, что дело идет на лад.

Нырта что-то пробурчал себе под нос.

— Громче! Повтори!

— Пуговицы, — стыдливо повторил охотник и опустил голову.

Географ с трудом подавил желание рассмеяться: торг должен быть серьезным. Шутка ли сказать: дело шло о душе, ни о чем другом!

Нырта поднял голову и с нескрываемым вождением посмотрел на пуговицы Ветлугина. Вот что, стало быть, пленило его воображение. Пуговицы!

В деревне Последней Ветлугин носил черную сатиновую косоворотку. Она была на нем и в день бегства. Как у большинства тогдашних косовороток, на воротнике ее было множество белых перламутровых пуговиц. Они спускались сверху до пояса, переливаясь матовыми отсветами, четко выделялись на черном фоне. Насчитывалось их что-то десятка полтора или два.

Правда, косоворотка давно уже изорвалась, часть пуговиц Ветлугин успел потерять, но и уцелевших, которые он переставил на свою одежду из замши, хорошо выделанной оленьей кожи, хватало на то, чтобы произвести впечатление на франтов в котловине. А Нырта был франтом.

Еще в первую зиму Нырта обратил внимание на пуговицы.

— Какие красивые белые кружочки! — сказал он шепотом. Потом робким, детским жестом протянул руку и любовно погладил пуговицы.

— Это пуговицы,— пояснил Ветлугин.

— Пу-гови-цы,— повторил охотник самым нежным голосом, не сводя с них очарованного взгляда.

Однако Петр Арианович не подозревал, что влечение к пуговицам так велико!

И вот сейчас эти полюбившиеся охотнику пуговицы решили успех дела.

— Конечно, друг! О чем разговор? — весело вскрикнул Петр Арианович и ухватился за ворот одежды.— Дарю! Бери!

Он присел на траву и поспешно принялся отрывать пуговицы одну за другой.

Когда Ветлугин поднял глаза, Нырты уже не было подле него. Охотник исчез, помчался за «куском льда, который не тает».

3

Географа трясло от нетерпения. Ему казалось, что время тянется очень медленно, хотя, судя по тени от деревьев, прошло не более пятнадцати — двадцати минут.

Он никак не мог дождаться Нырты, он вставал и принимался ходить взад и вперед, то садился, чтобы через несколько минут опять вскочить на ноги. Наконец географ заставил себя сесть на траву и застыл, немного подавшись вперед, вглядываясь в заросли, откуда должен был появиться охотник. В вытянутой руке Петр Арианович держал полную пригоршню пуговиц.

Слова на куске льда? Неужели это ответ на его многочисленные письма, на его призывы о помощи, посланные с оленями, с перелетными птицами и, наконец, в стволах деревьев?

Нырты возник на лужайке неожиданно, как всегда. Он раздвинул заросли плечом — обе руки его были заняты,— осторожно оглянулся по сторонам. Потом присел на корточки и поманил к себе Петра Ариановича. Нечто круглое, белое, тускло поблескивавшее, лежало рядом с ним в высокой траве.

Яйцо гигантской птицы?

Близоруко щурясь, Петр Арианович наклонился к таинственному предмету.

— Только посмотреть! — шепотом предупредил Ныр-та.— Уговаривались: только посмотреть!

Ветлугин молча кивнул, продолжая рассматривать предмет, как бы плававший в траве.

Это был шар, очевидно, из стекла, но какого-то особенного, очень толстого, небьющегося. Внутри что-то чернело, а снаружи шар опоясывала непонятная надпись, четыре буквы: «СССР».

Что бы это могло значить?.. Похож на слово «Россия», только написанное наоборот...

— Как это попало к тебе, Нырта? — медленно спросил Петр Арианович, словно зачарованный глядя на шар.

Нырта молчал.

— Не с неба же свалилось?

— Зачем с неба! — с неудовольствием ответил охотник.— Это кусок льда, который не тает. Его выбросила на берег Соленая Вода. Как тебя...— многозначительно добавил он.

В прошлом году вылазка к морю была удачна. «Дети солнца» собирались уже возвращаться домой, как вдруг Нырта заметил кусок льда, который вертелся возле берега. Волны как будто играли им: то подносили совсем близко, то снова отбрасывали.

«Детей солнца» заинтересовала маленькая круглая льдинка. Наиболее азартные из охотников вошли по пояс в воду и длинными копьями пригнали упрямую льдинку к берегу. Но едва лишь взяли ее в руки, как тотчас же выронили. На ней были какие-то загадочные значки. Она была заколдована!

Ланкай предложил бросить льдинку обратно в море, но Нырта не согласился с этим. Решено было доставить ее Хытындю: пусть разбирается в колдовстве, ведь это ее дело.

Не могло быть сомнений в том, что льдинка заколдована. Все охотники убедились в этом на обратном пути. Она не таяла на солнце, а когда один ротозей, которому поручили нести ее, уронил льдинку на камни, она не разбилась.

Однако назначение ее выяснилось только дома. Хытындю объявила, что внутри спрятана душа чужеземца,— недаром льдинка проникла в котловину тем же путем, что и он, с севера, и была вынесена на берег вместе с плавучими льдинами, подобно тому, как это произошло

с ним. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: душа догнала своего владельца.

Рассеянно кивая, Петр Арианович с волнением рассматривал стеклянный сосуд, выброшенный морем на берег Таймыра.

Подлинное назначение «заколдованной льдинки» вскоре стало ему понятным. Это был гидрографический буй, один из тех поплавков, которые сбрасывают с корабля или спускают с берега, чтобы определить направление и скорость морских течений. Внутри вкладывается записка на нескольких языках. В ней просят сообщить, когда и на каких координатах обнаружен буй.

Не записка ли чернела внутри стеклянного шара?.. Петр Арианович еще ниже склонился над бумом. Оказывается, в шар была впаяна трубка.

Что скрывается там? Какое известие из России?

Географ покосился на Нырту.

Простодушный «сын солнца» был поглощен своим только что сделанным бесценным приобретением. Хохо-ча, как ребенок, он забавлялся очаровавшими его перламутровыми пуговицами: то встряхивал их в горсти и, склонив голову, с наслаждением прислушивался, как они стучат, ударяясь друг о друга, то, будто выбирая самую красивую, раскладывал их в два или три рядка на земле. Потом откуда-то из одежды извлек длинную нитку и, сосредоточенно сопя, принялся нанизывать на нее пуговицы одну за другой. Видимо, им предназначено было украсить его мужественную грудь в виде ожерелья.

«Этого занятия ему хватит надолго», — сообразил Петр Арианович и повернулся к Нырте спиной, закрывая от него стеклянный шар.

Где же крышечка? Ага, вот! Плотно привинчена, однако! Без гаечного ключа не открыть. А где в горах достанешь гаечный ключ? Нет, поддается. Еще несколько оборов! Еще!..

Ветлугин открыл крышку трубки, впаянной в шар. Затем, дрожа от нетерпения, извлек оттуда свернутую трубочкой записку.

Первая весть из окружающего молчаливого мира! Первая за столько лет!..

В глазах ходили круги, буквы на записке сливались. Географ усилием воли взял себя в руки. Буквы перестали плясать и вытянулись в шеренгу, образуя слова,

смысл которых не сразу доходил до сознания. Наконец Петр Арианович прочел:

«Этот гидрографический буй спущен на воду 12 августа 1932 года с борта ледокольного парохода «Сибиряков». Убедительная просьба сообщить, на каких координатах и когда найден буй, что важно для изучения течений и дрейфа льдов в приполярных морях СССР. Адрес: Ленинград, Гидрометслужба СССР».

Этот же текст был повторен на английском и норвежском языках.

Ветлугин поднялся с земли. Записка ходуном ходила в его руке.

— Ленинград!.. Ле-нин! — повторил он вслух.— Я понял! Все понял! Там, в России, произошла революция. Мы победили! Какой-то город назван именем Ленина. Значит, революция!..

Нырта, отложив ожерелье, с удивлением смотрел на своего друга. Тынкагу не узнать. Всегда спокойный, сдержанный, он сейчас бледен, дрожит, с губ его срываются непонятные Нырте слова:

— Но когда же произошла? В каком году? В шестнадцатом?.. Я бежал в шестнадцатом. Могла произойти в тот же год, вскоре после моего побега. Или позже? В двадцатом?.. В тридцатом?

Он в изнеможении опустил на траву.

Быть может, на него подействовало колдовство льдинки, которая не тает? Нырта подбежал к шару, с беспокойством ощупал. Нет, шар цел! Охотник внимательно осмотрел его со всех сторон: сверху, снизу. Ни царапин, ни трещин.

Непонятно, что же сказала Тынкаге его душа, спрятанная в льдинке?

Нырта присел на корточки рядом, заглянул в глаза своему другу, потом с неуклюжей лаской, как маленькому, вытер его мокрое лицо ладонью.

4

Остановившимся взглядом смотрел Ветлугин на стеклянный шар, словно тот еще хранил на своей гладкой поверхности отражение невиданно прекрасного, ослепительно-сияющего мира, откуда приплыл.

Ах, если бы эта «льдинка» на самом деле была вол-

шебной! Тогда бы географ мог увидеть на ее поверхности силуэты новых, неизвестных ему приморских городов, мимо которых проходил ледокольный пароход «Сибиряков», быть может, даже различал бы отражение лиц, энергичных, смелых, озабоченно склонявшихся над буюм перед отправлением его в далекое путешествие.

Увы, «льдинка», лежавшая на траве, не была волшебной. В гидрографическом бую находилась лишь коротенькая записка.

Зато в ней было слово, которое мгновенно преобразило весь мир для Ветлугина: «Ленинград», то есть город, названный именем Ленина!

Россия, на карте которой появился Ленинград, несомненно, стала другой. Какой же?..

Ветлугин пытался представить себе ее — и не мог! Воображение изменило ему.

Раньше вся Россия за перевалами Бырранги была как бы погружена в непроглядную темь. Сейчас грандиозные пространства — от Балтики до Тихого океана — залиты слепящим светом. Режет глаза, не видно ничего!..

Россия! В записке дважды повторено слово «СССР». Похоже на «Россию», только согласные буквы расположены в обратном порядке. Что бы это могло означать?..

И какие события пронеслись по ту сторону перевала за это время? Чем кончилась война с кайзеровской Германией? Как совершалась революция? Сопrotивлялись ли ее враги? Когда прибыл в Россию Ленин, чтобы возглавить революцию?

Орфография записки тоже была новой. Исчезли буквы ять и твердый знак. Это укрепляло уверенность в революционных переменах в стране.

Мириады разноцветных бликов, как в калейдоскопе, завертелись, засверкали перед глазами. Закружилась голова...

Петр Арианович почувствовал себя невероятно усталым. Не было сил подняться с земли: наступила нервная реакция.

Он лежал неподвижно, стараясь успокоиться. Попытался вообразить путь географического бую, который матово отсвечивал в траве. Это давалось легче, чем попытка представить себе новую, революционную Россию там, за пределами гор Бырранга.

Перед ним вытянулась могучая река-ледоход. Истоки

ее начинались у берегов Сибири, устье терялось в туманной дымке, где-то очень далеко, между Норвегией и Гренландией.

Да, изгибы этой удивительной реки географ знал, наверное, лучше, чем изгибы горной реки, мчавшейся рядом по каменистому руслу.

Сколько бессонных ночей провел он над картой Арктики, изучая дрейф плавучих льдов!..

Не удивительно ли, что именно с той «реки» на эту пришла долгожданная радостная весть?

Плывут льдины, сталкиваясь друг с другом, поскрипывая, шурша. А между ними виднеются кое-где круглые поплавки — гидрографические буи. Им не страшно сжатие, — напором льдин шары выбросит вверх. Им не страшна и буря: лениво, как чайки, покачиваются они на волнах.

Отсвечивая на солнце, плывут и плывут стеклянные шары — разведчики Арктики. Основная масса их неторопливо пересекает весь Полярный бассейн, чтобы через два или три года очутиться в преддверии Атлантики. Но некоторая, не очень значительная, часть гидрографических буюв, подхваченных прибрежными течениями, сворачивает в сторону и возвращается к родным сибирским берегам.

Именно это и произошло с тем буюм, который принес весть о совершившейся в России революции.

Петр Арианович потрянул головой. Видение ледохода исчезло. Перед ним сидел на корточках Нырта с обеспокоенным, участливым лицом. За стволами сосен и негустым прибрежным кустарником мерно позванивала галькой река.

Да, это был его, ветлугинский, «почтовый ящик». Сюда опускал он свои «письма» в древесных «конвертах».

Река Нижняя Таймыра, вытекающая из Таймырского озера, впадает в океан. Значит, был шанс, что когда-нибудь плавник, меченный сигналом SOS, встретится в открытом море с русскими гидрографами, которые спускают буи. Плавник вытащат из воды, поднимут на палубу корабля, вскроют, и тогда...

Тогда круг замкнется. О Ветлугине и его открытии узнают в России, в новой, революционной, могущественной и деятельной России!..

На сходе племени Петр Арианович рассказал — простыми словами, применяясь к понятиям «детей солнца», — о той перемене, которая произошла за пределами гор Бырранга.

Он был выслушан с огромным интересом и вниманием.

Но уходить из Бырранги «дети солнца» отказались наотрез.

— Маук не велит, — вполголоса повторяли они, переглядываясь.

Вмешательство шаманки даже не понадобилось. Хытындо сидела на возвышении среди своих сторонников, презрительно поджав губы, неподвижная, как идол. Зато из-за плеча ее то и дело высовывался непоседа Кеюлькан, с любопытством поглядывая на Тынкагу живыми черными глазенками.

— Маук не велит, — коротко повторил Нырта и, пристукнув копьем, обернулся к соплеменникам.

Все закивали в знак согласия.

Да, чтобы сдвинуть с места «детей солнца», чтобы отвалить глыбу, закрывавшую им выход из ущелья, нужно было прежде всего понять два магических слова, начертанных на этой глыбе: «Птица Маук!»

Маук! Маук!..

Снова эта проклятая Маук! Снова возвращается он к неразгаданной тайне Маук, к исходному пункту, словно путник, который, блуждая в лабиринте, вдруг с удивлением и страхом видит себя все на том же месте, где уже не раз был до этого.

Много лет блуждает Петр Арианович в лабиринте.

Ему вспомнились его скитания в безмолвной «картинной галерее», где, вскоре после своего прихода к «детям солнца», искал разгадку Маук, надеялся среди оскаленных оленьих морд и хищно раскрытых вороньих клювов увидеть и Маук, эту непонятную, неуловимую птицу. Но тогда его вела просто научная любознательность. Было очень интересно узнать, что же это за чудище гнездуется в ущелье.

Сейчас положение круто изменилось. Жизненно важным стало разгадать тайну Маук! От этого зависела жизнь не только Ветлугина, но и жизнь милых его сердцу «детей солнца»!

Ведь он не может один уйти из ущелья,— уйдет лишь со всем маленьким, приютившим его горным народом.

Как же вырвать этот народ из цепких когтей Маук? Как снять ее загадочное заклятье?

Для того чтобы увести за собой «детей солнца» на юг, в тундру, навстречу благословенной, совершившейся в России революции, нужно победить Маук.

Бороться с неизвестным? Да! Прежде чем победить — понять, разгадать!

Вот о чем думал Ветлугин, возвращаясь в свой чум после неудачи на ходе.

Маук не велит!..

Кто же эта Маук?

В первые годы своего пребывания среди «детей солнца» он думал, что в ущелье есть какая-то диковинная птица, которой поклоняются как божеству,— нечто вроде тотема, то есть олицетворения предка — покровителя рода и племени. (На подобных привилегированных правах еще и по сей день живут попугаи особой породы в селениях южноамериканских индейцев.)

Птица Маук, видимо, была очень стара, потому что культ ее возник много лет назад.

Орнитологам известно, кажется, до 13 тысяч видов птиц. Немало! Но порой Петр Арианович готов был предположить, что в горах Бырранга поселился какой-то 13 001-й вид.

Уж слишком необычными и фантастическими были приметы Маук.

«От ее голоса раскалываются скалы,— рассказывали, озираясь, «дети солнца»,— а люди падают наземь без дыхания; в когтях она держит пучки смертоносных стрел...»

Что бы это могло означать?..

Впрочем, географа иногда брало сомнение: птица ли это вообще?

«Представим себе,— продолжал рассуждать Петр Арианович,— что Маук — некое символическое обобщение, воплощение злых, враждебных человеку сил природы. Что могут противопоставить природе «дети солнца»?

Это люди каменного века. Их оружие несовершенно. Их топоры тяжелы. Их копья часто ломаются.

Но почему тогда это птица, а не рыба, не медведь? Не россомаха?..»

Петру Ариановичу было известно, что некоторые народы Сибири поклонялись камням. Первобытный человек, одухотворявший природу, вдохнул жизнь в камни. Форма их подсказывала самые фантастические сравнения.

Не являлась ли и Маук камнем, но особого рода?

Не метеорит ли эта загадочная птица, быть может, даже близнец того огромного метеорита, который лет за восемь до побега Ветлугина из ссылки произвел такой переполох в тунгусской тайге, а вслед за тем и в науке?..

Атрибуты Маук — молнии, огонь, гром — как будто подтверждали догадку.

Если принять этот вариант, возникало соблазнительное решение загадки Маук. То была огненная птица, залетевшая в уединенный мирок «детей солнца» из глубин неба. Зрелище небесного посланца, явившегося внезапно в раскатах грома и в свисте бури, должно было потрясти умы горцев.

Таково начало мифа.

Постепенно создавался культ Маук, поклонение удивительному камню. Недавние события отодвигались, опрокидывались в прошлое. Обитатели котловины как бы обосновывали падение метеорита, присоединяли причину к следствию. Птица Маук (метеорит), по этой версии, преследовала «детей солнца», пока, наконец, не нагнала их в котловине.

Такое решение задачи имело бы огромное утилитарное значение. Метеорит! Стало быть, железо. Где-то вблизи лежит огромный слиток чистого космического железа!

Сколько звездных топоров, звездных наконечников для копьев и стрел выковал бы Ветлугин, преодолев загадочное «табу». Сразу же, одним мощным рывком продвинул бы «детей солнца» из каменного в железный век!

Но нигде не было и признаков метеорита.

К загадке птицы вплотную примыкала вторая загадка — происхождения «детей солнца».

Кто они? Откуда пришли? Почему замуровали себя в горах?

«Сын солнца» не было именем в тесном смысле этого слова, скорее прозвищем, конечно очень лестным. Родство с солнцем — шутка сказать!.. Быть может, Нырта, любивший, как известно, прихвастнуть, придумал это пышное прозвище, чтобы пустить чужеземцу пыль в глаза?

Но даже в разговорах друг с другом жители котловины не поминали своего «засекреченного» имени. О себе говорили обиняками: «спускающие стрелу на оленя», «живущие на берегу (реки)», «носящие хвост (оленя) на голове» и т. д. Одно из таких косвенных наименований было многозначительно: «издалека пришедшие». Этим подтверждалась догадка Петра Ариановича: «дети солнца» не всегда жили в горах Бырранга, пришли сюда издалека.

Итак, народ беглецов? Безыменный народ? Замаскированный народ?

В последнее время Петр Арианович начал брать под сомнение кое-что из того, что казалось раньше вполне очевидным. Он уже не был уверен: действительно ли, идя с побережья к озеру Таймыр, забрел «по пути» именно в каменный век.

В этой связи Петр Арианович заинтересовался детскими играми.

Усевшись на камешек, он часами наблюдал за тем, как дети копошатся у его ног, азартно передвигают с места на место оленьи бабки-косточки, заменяющие игрушечных оленей, «сбивают» их в стада и т. д.

Дети играли не в охотников, а в пастухов!

Вот что было удивительно.

Однако жители котловины не знали оленеводства. Или, может быть, знали, но забыли?

В свое время Петр Арианович читал о чем-то подобном.

Он напряг память. Перед умственным взором его возникла книжка в строгой темной обложке. В ушах раздался неповторимый шелест быстро переворачиваемых страниц. И вдруг сразу вспомнилось слово в слово нужное

место — отчеркнутый красным карандашом абзац внизу страницы:

«Полинезийцы к приходу европейцев не имели луков, однако дети их играли маленькими луками. Этнографам это дало возможность сделать вывод: перебравшись из Азии на острова, полинезийцы еще пользовались луками, затем утратили их, так как здесь не было животных, не на кого было охотиться».

Невольно напрашивалась аналогия с жителями котловины.

Но оленеводство по сравнению с охотой (как основным источником существования) — более высокая степень развития.

Стало быть, «дети солнца» деградировали?..

Об этом говорили некоторые другие факты, мелочи быта, на которые Петр Арианович не обращал раньше внимания.

Он, например, долго ломал голову над загадкой курева.

Казалось бы, простая вещь: в котловине курят все, не только мужчины, но даже дети и женщины. Но что курят?

Табака в оазисе, естественно, не было и не могло быть. Табак доставляют на Крайний Север из России. «Дети солнца» курили мох, смешанный с сушеными листьями и стружками березы. Некоторые заядлые курильщики в качестве острой приправы добавляли еще шерсть, клочки шерсти, вырванные прямо из одежды.

— Плохое курево, плохое, — жаловались они Ветлугину вполголоса. — Раньше было лучше, крепче. Голова делалась веселой, ясной. Но нельзя об этом говорить...

И курильщики боязливо оглядывались, не подслушивают ли Якага или Ланкай.

Неужели «дети солнца» курили когда-то настоящий табак, а не эту зловонную смесь?..

3

На все эти мучившие Петра Ариановича вопросы могли ответить два человека в котловине: шаманка и ее муж, хранители тайны Маук — только они, больше никто.

Однако географу с некоторого времени стало казать-

ся, что кое о чем, пожалуй, порассказал бы ему — если бы очень попросить — еще и третий человек.

Этим третьим был Кеюлькан, внук Хытындо, ее любимчик.

Не слишком вдумчивому наблюдателю могло представиться, что в семье шаманки повторяется довольно заурядная ситуация: ревнивая бабушка безрассудно, как все бабушки, балует единственного внука, перетягивает его на свою сторону, старается рассорить с родителями.

Кеюлькан неизменно получал лучшие куски во время трапезы. Кеюлькан спал допоздна. Кеюлькана не утруждали собиранием хвороста и другими работами по дому. Кеюлькану даже разрешалось играть ритуальным бубном и примеривать разноцветные погремушки, которые Хытындо надевала, совершая свои магические церемонии.

В этом, по-видимому, и была разгадка — в погремушках! Шаманка готовила себе преемника. Якага был глуп, неловок, забывчив. К старости свойства эти не уменьшились, а, наоборот, усилились. Все чаще во время ворожбы приходилось Хытындо бросать на мужа многозначительные взгляды и сердито бормотать: «Опять злой дух толкнул меня под руку!»

Кеюлькан был куда смышленнее. Уже в детстве он отличался острым умом и подвижностью — вертелся под ногами как юла. С годами выравнился, стал стройным юношей, почти на голову выше Нырты. Лицо его с широко расставленными черными глазами сохраняло всегда плутоватое выражение, даже на торжественных ритуальных выходах, во время которых он сопровождал увещанную побрякушками величественную шаманку в качестве ее второго ассистента.

Несомненно, шаманка хотела, чтобы власть не уходила из семьи. Нырты и его жена Фано, по мнению Хытындо, не обладали необходимыми для этого способностями. Вот почему она начала постепенно, с малых лет, приучать к «делу» внука.

С десятилетнего возраста бабка держала его неотлучно при себе. В жилище Хытындо будущий шаман проходил предварительную подготовку, обучался владеть бубном, «странствовать во сне под облаками», проричать и прочее.

Петр Арианович знал: бабушкин любимчик — сластена, хитрец, вдобавок с ленцой, и недолюбливал его.

Их отношения прервались в раннем детстве Кеюлька-на. В дальнейшем шаманка ревниво старалась оградить внука от влияния чужеземца.

Кеюлькан сделал первые шаги навстречу Ветлугину вскоре после схода племени, на котором географ рассказывал о переменах, происшедших за перевалами.

Несмотря на отказ «детей солнца» идти за ним в тундру, Петр Арианович был полон самых радужных надежд. Теперь уже недолго осталось ждать! Помощь придет из-за перевалов! Письма его, наверно, дошли до адресата, не могли не дойти!

А пока в нетерпеливом ожидании географ спешил сделать свое открытие более полным, законченным.

Наблюдая погоду, Петр Арианович пользовался приборами собственного изготовления.

Система, точность, регулярность наблюдений особенно важны в метеорологии. Что бы ни происходило с Петром Ариановичем — болел ли, занимался ли решением других научных задач, был ли удручен тоской по родине, по дому, или озабочен новыми кознями Хытындю,— независимо ни от чего он проводил свои метеорологические наблюдения в определенное время.

Однажды, присев на корточки подле своих самодельных приборов, Петр Арианович услышал подозрительный шорох и оглянулся. Он успел заметить плутоватую рожицу Кеюлькана, который высунулся на мгновение из кустов.

«Соглядатай Хытындю»,— с раздражением подумал Петр Арианович, пожал плечами и продолжал возиться с приборами. Но соглядатай не уходил. Через некоторое время шорох повторился. На этот раз Кеюлькан уже не думал прятаться. Он стоял в кустах во весь рост, независимо заложив руки за спину, и спокойно наблюдал за Ветлугиным.

Такая назойливость возмутила географа, и он приказал Кеюлькану идти прочь. Усмехнувшись, будущий шаман удалился неторопливой походкой.

Однако он пришел и на следующий день. Устроился поудобнее неподалеку и, не таясь, смотрел, как Петр Арианович записывает показания метеоприборов. Неловко было его прогнать. В поведении юноши не было ничего вызывающего: он просто сидел и смотрел.

Затем Кеюлькан стал приходить почти каждый день.

Постепенно Петр Арианович привык к его присутствию. Он чувствовал внимательный взгляд юноши, но решил не волноваться по пустякам. «Шпионит? Ну и пусть! — думал он. — Такой шпион все же приятнее этой обезьяны Якаги».

Как-то, стоя на коленях у маленького гигрометра, сделанного на скорую руку из двух соломинок, географ заметил, что внук шаманки нарушил почтительную, добровольно избранную им дистанцию. Бесшумно приблизившись, он сейчас стоял бок о бок с Ветлугиным. Голова Кеюлькана очень забавно, как-то по-птичьи, склонилась набок. Живые черные глаза были широко открыты.

— Я понял,— медленно сказал он, продолжая смотреть на гигрометр.— Когда в воздухе сыро, стебельки намокают и расходятся. А черточки на доске ты сделал, чтобы знать: очень ли сыро или не очень. Я все понял!

Он торжествующе засмеялся, потом присел на корточки и осторожно коснулся гигрометра. Вероятно, ему давно уже хотелось сделать это.

В тот день разговор вертелся лишь вокруг гигрометра. На другой день Кеюлькан проторчал часа два у флюгера, глубокомысленно следя за тем, как поворачивается маленькая стрела, укрепленная на крестообразно положенных палках.

— Твое колдовство интересное,— сказал Кеюлькан Петру Ариановичу. Потом подумал и добавил убежденно: — Интереснее колдовства Хытындю.

Он ушел и больше не приходил к метеостанции. Но теперь географ все чаще ловил на себе внимательный взгляд его живых черных глаз.

Петр Арианович не был удивлен, когда, вернувшись однажды домой, застал у себя Кеюлькана. Юноша сидел у очага и без особенного аппетита, что было совсем не похоже на него, ел сушеную оленину, которой Сойтынэ угощала племянника.

— Неужели бабка отпустила тебя к нам? — с изумлением спрашивала она.

Кеюлькан бормотал в ответ что-то невнятное.

На этот раз юноша показался Петру Ариановичу каким-то странным, вялым. По всему заметно было, что он хочет рассказать о чем-то, но колеблется, боится. Несколько раз он называл Птицу Маук — без видимой

связи с темой разговора — и тотчас же запинался, умолкал.

Улучив момент, когда Сойтынэ вышла из жилища, Петр Арианович сказал напрямик:

— Что-то знаешь о Маук!

— Знаю, где она живет,— пробормотал юноша еле слышно.

Он исподлбья взглянул на Петра Ариановича и добавил просительным тоном:

— Ты не ходи туда. Там страшно. Умрешь!..

Вернулась Сойтынэ. Кеюлькан замолчал и заторопился домой.

На другой день он встретился Петру Ариановичу, когда тот проверял пасти в лесу.

Верный своей тактике, столь оправдавшей себя в случае с «льдинкой», географ не возобновлял разговора о Маук, хотя внутренне весь дрожал от нетерпения. Они поговорили о предстоящей поколке, о рыбной ловле, о двух соломинках, которые предсказывают дождь.

Уже расставаясь с Ветлугиным, Кеюлькан пробормотал:

— В страшном месте живет. Духи охраняют ее...

Петр Арианович дипломатично промолчал. Он понимал, что скрытности Кеюлькана хватит ненадолго. И действительно, уже при третьей встрече юноша рассказал все, что знал о жилище Маук.

По его словам, она свила себе гнездо в заповедном месте, в Долине Черных Скал.

Оказалось, что Хытындо разрешила Кеюлькану сопровождать себя не до конца пути, и ему не удалось видеть Маук. Но он хорошо запомнил дорогу, каждый поворот тайной тропы.

— Ты проводишь меня,— решительно сказал Петр Арианович.

Кеюлькан долго молчал, опустив голову. Потом решительно тряхнул волосами.

— Хорошо. Я провожу тебя,— сказал он.— Но помни: лучше бы тебе не ходить. Никто еще не возвращался с этой тропы, кроме Хытындо. Эта дорога ведет к смерти...

В одну из ближайших ночей они отправились на поиски Маук.

Петр Арианович заблаговременно запасся длинным крепким ремнем — на случай, если придется спускаться с обрыва, — вооружился копьем, спрятал в карман огниво и трут и, сидя на пороге своего жилища, поджидал Кеюлькана. (Сойтынэ уже спала, не подозревая, в какое опасное путешествие собрался ее муж.)

У ног Петра Ариановича текла река, от которой, свиваясь кольцами, поднимался туман. На втором плане темнел прибрежный кустарник, еще дальше взбегали по склону невысокие ели и лиственницы.

Петр Арианович видел и не видел все это.

За привычным пейзажем котловины медленно проступал в вечернем сумраке другой, незнакомый и странный пейзаж, который рисовало ему воображение.

Река превратилась в лагуну, местами заболоченную водорослями и тиной. Пятна воды сверкают между деревьями. И сами деревья выглядят по-иному. Гигантские силуэты их поднимаются к небу, подпирая облака.

Растительность на болоте располагается в несколько ярусов. Прямо из воды, рядом с узловатыми корнями других деревьев, торчат хвощи-каламнты, сгрудившиеся в заросли. Над ними высятся красивые, в симметрических рубчиках колонны — стволы плаунов. А над плаунами господствуют долговязые сигиллярии, похожие на многоголовую гидру, поднявшуюся на хвост.

Но больше всего здесь папоротников, стелющихся, вьющихся, древовидных. Зазубренный узор их четко выделяется на фоне серого низкого неба.

То и дело разверзаются хляби небесные. Тяжелые, медленно плывущие облака низвергают потоки воды на эти доисторические джунгли. Теплый ливень сменяется морозящими «дождями» из спор. Они почти непрерывно сыплются на землю и в воду из огромных шишек, которыми увенчаны стволы деревьев.

Стоит не шелохнется диковинный лес. Только изредка раздается в нем протяжный скрип, шорох листьев, плеск

воды. То одно, то другое дерево, корни которого подмыты водой, вдруг с оглушительным шумом обрушивается в лагуну. Теперь гнить им на дне ее вместе с ранее упавшими деревьями...

Такой, наверное, была котловина «детей солнца» много миллионов лет назад.

Кто же населял ее тогда?

Перед закрывшим глаза Петром Ариановичем потянулась длинная вереница уродливых существ, похожих на дракона. Между гигантскими папоротниками, волоча тяжелое брюхо по земле, ползли стегозавры, игуанодоны, трицератопсы. А над ними беспрестанно раздавался шелест и скрип жестких перепончатых крыльев. В воздухе проносились крылатые ящеры — птеродактили.

Крылатые ящеры?

Петр Арианович вскочил на ноги и в волнении прошелся перед своим жилищем.

Неужели это разгадка?

Вдруг Птица Маук представилась ему с пугающей отчетливостью.

У нее были перепончатые, как у летучей мыши, крылья, острые когти, ощеренная пасть. Это крылатое пресмыкающееся, отвратительное сочетание птицы и ящерицы.

Да, да, птеродактиль!

Задевая крыльями за верхушки деревьев, он летал в доисторическом лесу и погиб вместе с ним.

Угрюмые сырые джунгли редели, гигантские деревья одно за другим валялись на дно и затягивались водорослями и тиной. Шли века. И вот уже лагуна, и лес, и жившие в них ящеры погребены под толстым слоем земли. В недрах ее продолжается сложный химический процесс, растения прессуются, отвердевают. Спустя миллионы лет древние папоротники, хвощи и плауны превратились в уголь.

В начале или в середине XIX века здесь вспыхнул грандиозный подземный пожар. Произошло самовозгорание одного из пластов угля, а вслед за тем на земле, подогреваемой изнутри, вырос лес.

Потом в оазис за Полярным кругом пришли люди и обжили его.

Это как раз было хорошо в новой гипотезе: Маук неотделима от оазиса!

Но что с нею произошло дальше? Как возник культ Маук?

По-видимому, в какой-то уединенной пещере, в одном из закоулков Долины Алых Скал, находился окаменелый скелет птеродактиля. А может быть, тело и кости его уже истлели, но в сбросе земли сохранились вмятины, которые повторяют контуры уродливого тела.

«Дети солнца» увидели «изображение» крылатого ящера на стене пещеры (помнится, Кеюлькан упоминал именно об изображении).

Что из того, что Маук мертва? От этого она кажется еще более грозной, загадочной.

Постепенно сложилась целая легенда о том, что это чудовище преследовало «детей солнца» и вот наконец загнав в котловину, заперло, заточило здесь навеки.

Так возник странный культ Маук.

Впрочем, удивительно ли, что люди каменного века поклонялись скелету? Удивительно ли, что ископаемый ящер стал символом той непонятной стихии, перед которой таким беспомощным чувствовал себя первобытный человек?

Раскачивающиеся столбы дыма от жертвенных костров придавали иллюзию жизни существу, погибшему миллионы лет назад. Казалось, что Птица Маук изгибает шею, нависает все ниже. Вот-вот сорвется со стены, ринется на людей, распластав огромные перепончатые крылья...

Да, эта гипотеза выглядела как будто бы логичной и правдоподобной.

2

Длинные тени упали от скал, слились, окутали котловину мраком.

На небе выпали звезды. Кеюлькан не появлялся. Не догадалась ли Хытындо, не заперла ли Кеюлькана? Но внук шаманки был не из тех, кто позволяет запирать себя.

Петр Арианович нервно поежился. Не терпелось проникнуть в капище Маук, чтобы проверить правильность своей догадки.

Он не услышал шагов Кеюлькана, который подошел своей бесшумной, скользящей поступью и, только приблизившись вплотную, вполголоса окликнул географа.

Внук шаманки держал себя очень странно: исподлобья посматривал на Петра Ариановича, то и дело вздыхал. Когда же географ встал, юноша тронул его за локоть и сказал просительно: «Не ходи! Сегодня не ходи! Лучше завтра пойдем!»

Но Петр Арианович был поглощен предстоящей встречей с Маук, радовался, что наконец-то сможет одним ударом разрубить этот узел, и не обратил внимания на волнение Кеюлькана.

Озираясь, они покинули стойбище и углубились в лес.

Петр Арианович шагал враскачку, тяжело опираясь на копьё. Нужно было спешить, чтобы успеть обернуться за ночь.

Вдруг раздался быстрый хруст веток, потом подавленный тихий вздох.

Сердце у Петра Ариановича упало. Неужели это «незримый конвой», соглядатаи Хытындо?

Но северные выходы из котловины почти не охранялись. Кроме того, в последние годы контроль над Ветлугиным ослабел — «дети солнца» убедились, что хрому человеку не уйти далеко. Его, тем более в горах, нетрудно догнать, вернуть.

— Заяц проснулся. Потревожили зайца, — успокоительно сказал Кеюлькан, не останавливаясь.

Лес оборвался за спиной. Идти стало труднее: уже не мягкий мох был под ногами, а голые острые камни, осыпавшийся галечник.

Петр Арианович с беспокойством взглянул вверх. Огромный звездный циферблат очень медленно вращался над ним: время приближалось к полуночи.

Но Долина Алых Скал (так Петр Арианович назвал на своей карте Долину Черных Скал, место поволоки) уже была перед путниками.

Эти места оживали один-единственный раз в году. Чуткие склоны оглашались цокотом копыт, хлюпаньем воды, испуганным хорканьем оленей, пронзительными возгласами охотников. Сейчас долина хранила угрюмое, настороженное молчание.

Кеюлькан неожиданно сел на землю и обхватил себя руками за плечи.

— Дальше не пойду! — пробормотал он. — И ты не ходи! Умрешь!..

Петр Арианович молча обошел его и, нащупывая тро-

пинку копьем, с осторожностью продолжал спускаться. Навстречу полз туман, очень густой, пропитанный какими-то едкими болотными запахами. Одежда на Петре Ариановиче сразу же отсырела.

Он спускался узкой промоиной, придерживаясь рукой за мокрые, осклизлые скалы. Похоже было: пробирается между двумя тучами, которые, переваливая в долину, зацепились за гребень да так и остались висеть, как мокрое белье на веревке.

Сзади негромко окликнули:

— Тынкага, я с тобой!

Петр Арианович усмехнулся. Он знал, что Кеюлькан не отстанет от него на полпути.

А очень важно было, чтобы Кеюлькан дошел до капища и сам, своими глазами увидел Маук.

Пусть скелет (или отпечаток) ископаемого ящера покажется ему кошмарно-страшным. Пусть юноша упадет ничком на землю, закрывая лицо руками. Тогда Ветлугин шагнет к нему, бережно коснется его плеча и скажет: «Ты еще не все видел, Кеюлькан. Смотри! Вот конец Маук!...»

Он поднимет копьё, размахнется им и — да простят ему палеонтологи! — с силой ударит. Да, да, ударит! И Птица Маук на глазах у «сына солнца» рассыплется в прах!..

Быть может, это будет несколько театрально? Но что поделаешь: Хытындо приучила жителей котловины к театральным эффектам.

Главное не в этом. Главное в том, что вместе с окаменевшим скелетом рухнет и старое заветное Маук. И тогда уже ничто не сможет удержать «детей солнца» в горах!..

Путники продолжали медленно подвигаться по узкому карнизу. Слева был крутой осклизлый скат, справа клубился туман.

По мере того, как они спускались в долину, туман окутывал их все плотнее. Звезды наверху исчезали одна за другой. Это было похоже на спуск в подземелье.

Петр Арианович зажег факел и высоко поднял над головой. Вспомнились давние его скитания в «картинной галерее». Так же он озирался по сторонам. Так же присвечивал себе факелом.

Кеюлькан снова сел на землю.

— Не пойду я,— громко сказал он.— И ты не ходи... Нельзя!..

Он снизу вверх смотрел на Петра Ариановича сердито-жалобным взглядом. Но и на этот раз географ не понял его, думая только о предстоящей встрече с Маук.

— Вставай, Кеюлькан! — поторопил он юношу.— Не бойся ничего.

И Кеюлькан поплелся за ним.

Но он шел с явной неохотой, очень медленно, и продолжал ворчать себе под нос, с ожесточением размахивая руками, словно бы спорил с кем-то невидимым.

Если бы Петр Арианович не был так поглощен своими мыслями — не терпелось узнать разгадку Маук,— то услышал бы странные слова, которые заставили бы его насторожиться.

— Сама и веди,— бормотал внук Хытындо.— Я не приманка для песка, а он не песец... И он не сделал мне зла...

Из тумана выплыло что-то темное, громоздкое.

Петр Арианович поднял факел выше и озабоченно присвистнул.

Над узкой горной тропой нависал огромный камень. Обойти его было невозможно. А пространство между ним и тропой выглядело очень тесным. Надо было пробираться чуть ли не ползком.

Кеюлькан взволнованно переступил с ноги на ногу.

— Не ходи,— сказал он прерывающимся голосом.— Убьет!..

— Хытындо ходила,— рассеянно ответил Петр Арианович, примеряясь к опасному месту.— И не убило ее. Почему нас с тобой убьет?

Кеюлькан хотел что-то сказать, но только выдохнул воздух. Петр Арианович передал ему факел, потом опустился на четвереньки, готовясь в такой не слишком героической позе форсировать преграду.

И вдруг из-за спины его выдвинулось копье. Оно качнулось в воздухе, потом ткнулось в деревянную подпорку — оказывается, под камнем была подпорка! — и камень с глухим стуком обрушился на землю. Ловушка захлопнулась.

Это была ловушка!

От изумления Петр Арианович не мог произнести ни слова.

Много раз настораживал он на песцов подобные же каменные ловушки (в тундре они называются пастями). И вот чуть было сам не угодил в пасть!

Запоздалая судорога страха свела плечи. Замешкайся Кеюлькан, не ударь в подпорку копьём, лежать бы сейчас Петру Ариановичу под этим камнем. Величественное надгробье, ничего не скажешь!

Но почему пасть так велика?

Неужели она была раскрыта не на песка, а на человека?..

Петр Арианович обернулся к своему спутнику. Держа на весу обломок копья и пристально глядя на него, внук шаманки продолжал спор со своим невидимым собеседником.

— Сама бы и вела,— сердито бормотал он.— Он твой враг, не мой. И его колдовство лучше твоего колдовства. А я не приманка для песка!..

Все стало ясно Петру Ариановичу.

Это был очередной «знак внимания» со стороны Хытындо.

Однако зря обижался Кеюлькан на то, что его, сына охотника и будущего охотника, хотели использовать в качестве приманки. Приманкой была Птица Маук!

Географ вскарабкался на упавший камень и протянул факел вперед. Дальше тропа обрывалась.

Значит, и капища никакого нет?

И тут Петру Ариановичу по-настоящему стало страшно. Неужели он стоял на неправильном пути? Неужели гипотеза его о летающем ящере была неверна?

— Маук нет там,— сказал Кеюлькан вяло.— Хытындо держит ее при себе. Прячет в одежде за пазухой!..

3

Внук шаманки совсем упал духом. На обратном пути он то и дело останавливался и пугливо оглядывался. Петр Арианович удивился, заметив, что спутник его не снимает стрелы с тетивы.

Вначале географ думал, что юноша боится Хытындо, но выяснилось, что дело в другом.

— Духи могут ударить нас в спину,— сказал Кеюлькан, стуча зубами.

— Какие духи?

— Хытындо послала за мной духов. Она сказала: если не послушаюсь, духи разорвут меня.

А ведь он, Кеюлькан, осмелился послушаться бабки, не выполнил ее приказаний!

Незримые спутники чудились ему на каждом шагу.

Пальцы Кеюлькан судорожно сжимали лук. Что это там? Огромные раскачивающиеся рога изогнулись, преграждая путь.

Петр Арианович обернулся:

— Ты что, Кеюлькан?

— Вон там!

— Где Кеюлькан? Это туман! Кольца тумана!

Да, вправду туман.

Но вот чуть подальше выдвигаются какие-то тени. Уши стоят торчком, шерсть вздыбилась. Похоже на призрачных собак!

Юноша старался успокоить себя. Ведь это только собаки, а он не боялся ни одной собаки на свете. Самых сварливых растаскивал во время драки. Просто хватал за шиворот и расшвыривал в разные стороны. Но то были живые собаки. Он умел обращаться с ними. А это мертвые собаки, души собак. Совершенно неизвестно было, как вести себя с ними.

— Камни, Кеюлькан! — успокоительно сказал Петр Арианович. — Верь мне, это только камни.

Но, поминутно оглядываясь и успокаивая Кеюлькана, Петр Арианович перестал смотреть под ноги. Споткнувшись, он упал и уронил факел на землю.

И тогда Кеюлькан совершил поступок, которым очень гордился впоследствии. Он прикрыл собой упавшего и стал с иступлением посылать стрелу за стрелой в туман, раскачивавшийся вокруг, скрывавший тысячи опасных призраков.

Потом он никогда не мог объяснить, что именно привиделось ему. Просто весь сказочный, потусторонний мир, о котором так много говорила Хытындо «детям солнца», обступил юношу и двинулся на него. Но он собрал всю свою отвагу и оборонялся от него с оружием в руках...

Уже на рассвете, иззябшие, мокрые, усталые, вернулись путники домой.

Нервы географа были напряжены. Он долго еще не мог заставить себя заснуть и, ворочаясь с боку на бок,

вспоминал то глухой стук захлопывающейся пасти, то напряженную мальчишескую фигуру Кеюлькана, который, быстро выхватывая стрелы из колчана, висевшего за спиной, отстреливался от духов долины.

Он стрелял в пустоту.

Быть может, в этом и была разгадка Маук? Быть может, у Маук даже не было скелета и она жила только в воображении «детей солнца»?

Глава восьмая

„ОГНЕННЫЕ ВОРОТА“

После ночной вылазки в Долину Алых Скал Кеюлькан открыто порвал с Хытындо. Наутро он перетащил свой скарб в жилище Нырты и поселился там.

Шаманка могла кусать себе от злости пальцы, пинать ногами ни в чем не повинного Якагу, вопить и бесноваться сколько ей угодно. Люди переглядывались и покачивали головами. Однако же силен Тынкага, если даже родной внук Хытындо, которого та готовила в шаманы, отступился от нее! Но сам Петр Арианович, хотя и радовался этой своей маленькой победе, настроен был по-иному.

Тайна Маук не разгадана, и он бессилен что-либо предпринять. Непонятное существо по-прежнему держит в своих цепких когтях маленький народ «детей солнца», не выпуская его из гор.

А медлить больше было нельзя.

Все тревожнее отдавался в ушах Петра Ариановича мерный перезвон капель с самодельных водяных часах, которые стояли перед ним на столе. Время оазиса истекло.

Могучие подземные силы, давшие ему жизнь и поддерживавшие ее, шли на убыль.

Надолго ли еще хватит угля в «топках»? Этого Петр Арианович не мог сказать. Дыхание окружающих холодных пространств год от года становилось все более ощутимым. Целыми днями теперь ледяной, пронизывающий ветер кружился и плясал в долине, подминая под себя траву, пригоршнями срывая листья с деревьев.

Люди постепенно двигались вдоль котловины, переноса свои стоянки выше по реке. Позади, за спиной, оста-

вался мертвый лес, высохшие, лишенные листы и хвои деревья, поблекшая, почерневшая трава.

В пустоты, образовавшиеся на месте выгоревшего угля, проваливалась, оседала земля.

Обитатели котловины жили в тревожной обстановке обвалов, оползней, местных землетрясений. Пейзаж вокруг то и дело менялся. Однажды летом обвал перегородил реку и несколько чумов оказались в воде. В другой раз большой участок почвы с березовой рощей сполз с горы.

Оазис разрушался на глазах.

Так же неутешительны были наблюдения над фауной котловины.

Год от году все меньше гусей, куропаток, чаек прилетало сюда. Инстинкт не обманывал перелетных птиц. Они чувствовали: тут происходит что-то тревожное, опасное.

Покидали неблагоприятные места и животные. Случалось, что даже Нырты возвращался домой без добычи, с пустыми руками.

Весной 1934 года Петр Арианович отметил в своем дневнике, что в котловине совершенно пропал заяц, а год спустя ему довелось наблюдать большое переселение пеструшек. Он удил рыбу с Кеюльканом и вдруг увидел странную процессию. Пеструшки шли по узкой закраине противоположного берега. Трудно было определить на глаз число, во всяком случае, их было не менее нескольких сотен.

Они не обратили на рыболовов никакого внимания, хотя река здесь не особенно широка. Тундровые мыши двигались сомкнутым строем. Задние напирали на передних, теснили их, даже пытались взобраться им на спины.

Можно было не сомневаться в том, что где-нибудь из-за скал высовываются настороженные острые ушки и поблескивают бусинки внимательных черных глаз. Где пеструшки, там и песцы!

Песцы следом за пеструшками уходили обратно в тундру...

Петр Арианович подробно записал в дневник о своей встрече с пеструшками, чуть пониже записи об очередном оползне. Оба факта были связаны между собой.

Да, все живое уходило из котловины! Только люди

оставались здесь, прикованные к горам какими-то невидимыми цепями, и Петр Арианович не мог разорвать эти цепи.

Нужна была помощь великой, могучей, новой России, которая сейчас называлась СССР. Только оттуда, с юга, из-за перевалов, со стороны тундры могло прийти спасение!

Но оно не шло.

С тем большим упорством пытался Ветлугин связаться с Россией. Каждую весну он посылал уже не по одному «письму» в древесном «конверте», а по пять-шесть «писем», в которых кратко излагал суть событий.

Ответа на письма не было.

Иногда Петру Ариановичу казалось, что он никогда не выберется из «заколдованного» леса и погибнет здесь вместе с населяющими котловину «детьми солнца».

Но ведь записи его найдут? Рано или поздно русские путешественники придут в горы Бырранга и наткнутся на остатки оазиса.

Что ж, и в горах Бырранга он, Ветлугин, был на посту. Он выполнит свой долг до конца. Сделает все, что в его силах: будет продолжать изучение диковинного мирка, куда его забросила судьба, и суммирует свои многолетние наблюдения для науки.

«Лишь бы мои наблюдения сохранились, дошли,— записывал в дневник Петр Арианович.— Пусть другой русский ученый продолжит историю обитателей котловины. Он будет трудиться в более благоприятной для научной работы обстановке — в уютном кабинете, с окнами, завершенными тяжелыми шторами, у лампы под зеленым абажуром, за столом, заваленным толстыми справочниками...»

Весь Петр Арианович был в этих строках!

«Мне достаточно,— продолжал он,— если имя мое будет упомянуто где-нибудь в сноске, в комментариях, в списке источников. В этом мое честолюбие. Для меня важно, чтобы труд мой не пропал даром. Важно, чтобы о найденном оазисе, а также о «детях солнца» узнала отечественная наука. Ведь это часть истории моей родины, мысль о славе и благоденствии которой всегда поддерживала и поддерживает меня в моих несчастьях.

Слава — солнце мертвых? Нет, по-честному, не думаю о славе. Жизнь — это движение, развитие, и в науке

это видно наиболее ясно. Тянется в веках длинная, нескончаемо длинная цепь, и я — лишь одно из звеньев цепи.

В этой мысли черпаю бодрость и удовлетворение.

Существование человека непрочно, человек смертен... Что из того? Пусть же продлится жизнь идеи!..»

Темная стихия суеверий и предрассудков — стихия Хытындо — напомнила о себе неожиданно, самым трагическим для него образом.

Зимой 1937 года Петр Арианович собирался было к перевалам — проверить, до какой отметки спустился снег с гребня, — проверял это ежегодно.

Однако на этот раз он сомневался: стоит ли идти? Заболела Сойтынэ. Лицо ее горело, губы запеклись, пульс был учащен. («Дети солнца», жившие в постоянной сырости, часто болели лихорадкой.)

Петр Арианович применил обычные домашние средства: положил на лоб больной холодный компресс, дал жаропонижающий отвар.

К утру Сойтынэ почувствовала себя лучше. Зная, как важно для Петра Ариановича побывать на перевале в разгар зимы, она стала упрашивать его идти туда без промедления. К просьбам ее присоединился и Кеюлькан, который должен был сопровождать географа, и, явившись в полном походном снаряжении, нетерпеливо переминался с ноги на ногу у порога ветлугинского жилища.

Для того чтобы показать, что она чувствует себя хорошо, Сойтынэ села на своем ложе и пропела напутственную песню.

Фано, оставшаяся с больной, успокоительно кивала.

И Петр Арианович ушел, унося в памяти любящий взгляд Сойтынэ.

В пути они задержались с Кеюльканом дольше, чем предполагали, — отсутствовали не два дня, а четыре.

Спускаясь к стойбищу, путники слышали высокий, нестерпимо высокий вопль. К пронзительному женскому голосу присоединились другие женские голоса. Это был традиционный погребальный плач.

Петр Арианович заковылял быстрее, почти побежал. Предчувствие несчастья стиснуло ему сердце.

Поддерживаемый Кеюльканом, он пересек стойбище. У его жилища стояли люди. Они расступились, давая ему дорогу. Впленицы выжидательно смолкли.

Все еще не веря в несчастье, Петр Арианович переступил порог.

На голом земляном полу лежала Сойтынэ.

Почему она на полу, а не на своем ложе из оленьих шкур? Почему тело ее так вытянулось и глаза плотно закрыты?

«Ты ли это, Сойтынэ?!»

Петр Арианович ничком упал подле своей жены, обхватив ее холодное, одеревеневшее тело, ставшее strangely тяжелым и чужим.

Нырта с бледным лицом выпроваживал соплеменников, набившихся в жилище. Нельзя было им видеть Тынкагу, самого сильного человека гор, в таком состоянии!

Через полчаса Нырта на цыпочках вошел к Ветлугину. Друг его лежал по-прежнему как мертвый.

Охотник присел подле него на корточки, осторожно погладил по голове.

— Тынкага! — тихонько позвал он. — Ты слышишь меня, Тынкага?

Ветлугин молчал.

— Мы сделали, что могли, Тынкага, — самым убедительным голосом продолжал Нырта. — Я стрелял в воздух, чтобы прогнать злых духов. И Неяпту стрелял, и Нуху, и Сойму, все твои друзья. Мы разом подняли в воздух много стрел...

Ветлугин не пошевелился.

— Хытындо не отходила от Сойтынэ ни на шаг. Якага бил в бубен. Потом Сойтынэ встряхивали на оленьих шкурах. Но это не помогло. Тогда мы протащили ее через «огненные ворота». Сильнее средства нет, Тынкага...

Сдерживая крик, рвавшийся из груди, Петр Арианович стал царапать ногтями землю.

Он знал, как «лечат» своих больных люди каменного века. Бедную его Сойтынэ окуривали зловонными травами, до одури колотили над нею в бубен. Хытындо скакала вокруг, вырядившись в свою пеструю одежду, обвесившись погремушками, угрожающе рыча.

Любой ценой — шумом, вонью, встряхиванием, побоями — надо было выгнать злых духов из тела больной!

А потом Сойтынэ потащили к «огненным воротам»...

Ветлугин застонал.

Он до боли ясно представил себе эту жуткую картину.

Пятясь, Хытындо выскочила из чума. За нею спешили женщины, таща за собой на шкурах больную. Сойтынэ, наверное, кричала от страха, но крик ее заглушался рокотом бубнов и завываниями «детей солнца».

Стрелки из лука сомкнулись вокруг нее. При свете раскачивающихся факелов они обстреливали черное, низко нависшее небо, отгоняя невидимого врага. А вдали в лесу уже вспыхивали длинные языки пламени. Бедной Сойтынэ предстояла пытка, очищение огнем...

Два высоких камня поставили стоймя, оставив узкий промежуток между ними. Сверху положили третий камень. Образовалось нечто вроде арки, на которой развели костер. Это и называлось «огненными воротами». Через них полагалось протащить больную на шкурах.

Петр Арианович зажмурил глаза, но и с закрытыми глазами продолжал видеть перед собой изжелта-бледное, замученное лицо своей жены и огненные брызги, которые летели во все стороны от костра...

Он никого больше не подпустил к ее телу и сам похоронил Сойтынэ рядом с их жилищем. И мертвая она должна находиться рядом с ним!..

На тризне Петр Арианович не присутствовал.

Спать он не мог и присел на чурбачок у порога. В стойбище мелькали, кружились, плясали огоньки. Душу Сойтынэ, согласно ритуалу, провожали всем племенем в далекий путь.

Как непрочно, однако, было все, чему он пытался научить «детей солнца»! Стоило нахлынуть беде, и сразу же обнаруживалось их устрашающее невежество, будто мрачная бездна разверзалась под ногами.

В ту ночь, слушая монотонный рокот бубна, Петр Арианович почувствовал себя особенно одиноким в горах Бырранга. Приступ отчаянной, убийственной тоски овладел им.

Мрак Заполярья надвинулся на него со всех сторон. Затянутое тучами небо — ни единого просвета, ни самой малой звездочки — низко нависло над головой.

— Умерла... Сойтынэ умерла, — повторял Петр Арианович, вслушиваясь в эти слова и не веря в них, не понимая их.

Шестнадцать лет они прожили вместе.

Сойтынэ очень горевала, что у них нет детей. Зато все силы своей души она обратила на любовь к Тынкаге.

С каждым годом она понимала его все лучше и лучше! И это так помогало жить, бороться!

Неужели она никогда не посмотрит на него снизу вверх своими узкими глазами, не скажет ласково: «Говори еще. Я пойму. Скоро я стану понимать все, что ты будешь говорить?»

Неужели не будет больше петь, склонившись над оленьей шкурой у очага: «Мой могучий, сильный муж — самый сильный человек в горах! Ему подвластны снега в ущелье и вода в реке»?

Нет, нельзя так! Нужно взять себя в руки!

Петр Арианович вошел в жилище и присел к столу.

В дневник еще не были записаны результаты последнего наблюдения над линией снегов у перевалов. Надо было продолжать работу. Надо было продолжать ее во что бы то ни стало!

Петр Арианович не услышал, как, откинув меховой полог, вошел Нырта. Гость стоял у порога, наверное, уже несколько минут, и только по его прерывистому дыханию географ догадался, что кто-то есть в жилище.

Лицо охотника было печально. Он очень любил свою сестру и гордился ею — лучшей песенницей среди женщин котловины. Кроме того, его мучили угрызения совести: он не сделал того, что нужно было сделать. Ведь Сойтынэ просила его послать за Тынкагой.

— Садись, Нырта,— откашлявшись, сказал Петр Арианович.— Отдохни. Сейчас допишу, будем горячую воду пить.

Нырта склонился над очагом, чтобы заварить сухой травки, заменявшей в котловине чай, и вдруг услышал странный кашель за спиной. Он обернулся. Тынкага тяжело дышал, плечи его поднимались и опускались. Хриплые, лающие звуки вырывались из горла. Глаза были сухи.

Нырте стало жутко. Он никогда еще не видел, как плачет мужчина. Тынкага не умел плакать. Плач был мучителен для него. Он сидел за столом и плакал, плакал, задыхаясь, кашляя, отвернувшись от своего друга.

Когда пароксизм горя прошел, Нырта молча поднялся и направился к выходу. На пороге охотник остановился, будто вспомнил что-то важное.

— Слушай! — Голос его прозвучал неожиданно громко.— Я спрошу. Ты скажи правду,

— Хорошо.

— Ответь: жили бы «дети солнца» там, в тундре, была бы жива Сойтынэ?

Петр Арианович молчал. Нырта порывисто схватил его за руку:

— Не понимаешь? Когда нашел свою душу в куске льда, который не тает — помнишь? — ты сказал: теперь в тундре хорошо! Идем туда! Хытындо сказала: нет, там плохо, туда нельзя. Сказала неправду? В тундре Сойтынэ не дали бы умереть?

Нырта весь подался к Ветлугину в ожидании ответа. Что мог Ветлугин ответить другу?

Наверное, на Крайнем Севере за эти годы возникли новые города, там должны были жить опытные врачи, которые оказали бы бедной Сойтынэ медицинскую помощь.

— Да, Сойтынэ не дали бы умереть!

Нырта ничего не ответил. Он молча натянул на голову капюшон и вышел.

Наутро он снова разыскал Петра Ариановича. Тот, стоя на коленях, записывал показания метеорологических приборов, находившихся подле его жилища.

Что бы ни случилось, показания надо было брать регулярно, три раза в день и в определенные часы. Иначе насмарку шла работа прошлых лет.

Но все время билась в виске надоедливая жилка, неотвязно, тоскливо выстукивала: «Умерла! Сойтынэ умерла!...»

Поблизости не было никого. Нырта тронул своего друга за плечо, сказал негромко:

— Я пойду в тундру. Посылай меня, Тынкага!

Ветлугин выронил от изумления дневник.

— Сойтынэ моя сестра, — пояснил Нырта. — Не хочу, чтобы кто-нибудь из моих братьев и сестер умирал так, как умерла Сойтынэ... (Пауза.) И я видел твою горе, друг...

Географ выпрямился, не спуская глаз с Нырты. Это предложение было так неожиданно и удивительно, что он еще не мог подобрать слов для ответа. «Сын солнца» готов был преступить запрет Маук!

— С тобой будет Кеюлькан, — добавил Нырта. — Он всюду будет с тобой. Я сказал ему. Он мой сын. А я понесу кору. Пестри ее маленькими следами. По этим следам твои друзья придут, и больше в горах никто не умрет!..

— А гнев Хытындо?

Охотник склонил голову набок, прищурясь. В этом движении, проглянул на мгновение прежний самоуверенный, жизнерадостный, чуточку хвастливый Нырта.

— Я бегаю быстрее старой толстухи,— сказал он.— Ее гнев не догонит меня!..

Глава девятая

ЭХО БЫРРАНГА

1

Савчук опустил письмо на колени и с удивлением посмотрел на нас.

Так вот кем был мертвый гонец!

Это был Нырта, добрый Нырта, отважный Нырта, верный друг Петра Ариановича, когда-то сражавшийся с ним на поединке, а впоследствии пожертвовавший ради него жизнью!..

Как он сказал уходя: «Хочу, чтобы никто больше не умирал в котловине!» И сам умер вскоре после того, как произнес эти слова. Длинная когтистая лапа Хытындо протянулась за ним и схватила его.

Однако посланные вдогонку убийцы побоялись встретиться с Ныртой лицом к лицу. Они обогнали его и ждали среди завалов леса, прячась так искусно, что даже чуткое ухо прославленного охотника не слышало их.

Иначе мы, конечно, увидели бы вокруг трупа Нырты несколько вражеских трупов. Он бы дорого продал свою жизнь, стараясь прорваться в тундру к друзьям и соплеменникам Тынкаги.

Вероятно, убийцы ничего не знали о письме, или инструкция, данная им Хытындо, была неполной. Убедившись в том, что нарушитель запрета мертв, они, не обыскивая трупа, поспешили назад за наградой. Но предварительно завалили Нырту камнями. Может быть, боялись, что дух Нырты будет преследовать их? Или хотели покрепче пригвоздить тело отступника к земле, чтобы и дух его не перешагнул запретные пределы?

А сделав свое черное дело, тотчас же, как вспугнутое воронье, разлетелись по лесу, пряча лица под низко наклоненными капюшонами.

Но Нырты выполнил поручение.

«Я приведу твоих друзей, Тынкага», — пообещал он. И вот мы стояли возле его трупa, держа драгоценное письмо в руках.

Верный, честный человек! Взялся донести весть — и донес! Мертвый сберег и донес!

Лиза настояла на том, чтобы похоронить Нырту. Как ни спешили мы — каждая новая весть от Петра Ариановича была тревожнее предыдущей, — но задержались на полчаса у груды камней, чтобы выполнить последний долг перед Ныртой. Потом мы двинулись дальше, углубляясь в затаившийся темный лес.

Савчук первым прервал наступившее тягостное молчание.

— Обратили ли внимание на дату, какой помечено письмо? — спросил он.

— Тысяча девятьсот тридцать седьмой год.

— А теперь сороковой. Продолжается удивительное смещение событий во времени, вот в чем дело. По мере нашего продвижения к оазису события приближаются к нам не только в пространстве, но и во времени...

Да, теперь только три года отделяли нас от событий, описанных в последнем письме. Но зато события эти были такими трагическими, такими грозными!..

Застанем ли мы Петра Ариановича и «детей солнца» в котловине?

Савчук, желая, видимо, поднять наше настроение, продолжал громким, бодрым голосом:

— Чем больше я знакомлюсь по письмам с Петром Ариановичем, тем сильнее восхищаюсь им!

— Еще бы! — буркнула Лиза, не оборачиваясь.

— Имею в виду главным образом его научные изыскания, — пояснил Савчук.

— Ну, — сказал я, стараясь быть объективным, — догадки его по поводу Птицы Маук оказались пока несостоятельными. По-видимому, это не метеорит и не птеродактиль. В отношении Маук Петр Арианович, по его собственным словам, зашел в тупик...

— Вы не правы. Вы совершенно не правы, — горячо возразил Савчук. — Сказать «нет» в науке иногда не менее важно, чем сказать «да»... Тупик? Ну что ж! Значит, надо поскорей выбираться из тупика и искать другой, новый путь.

— Согласен. В науке очень важно сказать не только «да», но и «нет».

— А возьмите этнографические исследования Петра Ариановича. Говорю о них как специалист. Его анализ детских игр, например,— это по-настоящему талантливо, если хотите знать!

— Особенно там, где он пишет об оленьих бабках.

— Вот именно! Понимаете ли, Петр Арианович уже не просто описывает факты, но сопоставляет их, старается добраться до истоков. И он делает совершенно правильный вывод. Конечно, «дети солнца» когда-то занимались оленеводством, а потом деградировали, стали жить только охотой. Если бы Петр Арианович имел под рукой соответствующую литературу или обладал свободой передвижения по Таймырскому полуострову, то безусловно, разрешил бы загадку этнического происхождения «детей солнца».

— А вы разрешили ее? — спросил я напрямик.

Савчук замаялся.

— Как вам сказать...— пробормотал он, косясь на молчаливо шагавшего рядом Бульчу.— Я, конечно, сделал кое-какие сопоставления. Ведь Петр Арианович очень щедро снабжает меня этнографическим материалом для догадок.

— Кто же они, по-вашему, эти «дети солнца»?

— Нет, нет, догадки сугубо предварительные. Еще не хватает одного очень важного звена. Вот если бы я знал, кто такая эта Птица Маук...

— Не торопи ты его, Леша,— раздраженно сказала Лиза.— Я вас понимаю, Володя. Ученый должен быть сдержанным, не спешить опубликовывать свои открытия. Только, когда все ясно самому, когда положен последний штрих, тогда...

Она задыхнулась, так как в этот момент перебиралась через поваленное дерево.

2

Я задумался над тем, какое влияние оказывает индивидуальность исследователя на решение той или иной научной проблемы. Здесь, как и вообще в жизни, многое, по-моему, идет от характера человека.

Принято считать, что ученые живут одним рассудком.

Вздор, чепуха! Наука эмоциональна, глубоко эмоциональна.

Почему, например, Савчук с таким азартом занялся выяснением этнического происхождения «детей солнца»? Потому ли только, что это лежало в плане подготовлявшейся им диссертации? Вряд ли! В истории самого северного народа Сибири было что-то увлекавшее Савчука, задевавшее не только его ум, но и сердце.

Я сказал об этом этнографу, когда мы, с трудом перебравшись через одну особенно крутую осыпь, присели отдохнуть.

— Пожалуй,— согласился он.— Мне не приходило это раньше в голову.

Помолчав, он добавил задумчиво:

— Беспрозванные...

— Какие беспрозванные?

— Такую фамилию носят некоторые наши сибиряки. (Вы ведь знаете, я сам отчасти сибиряк.) Мне приходилось встречать Беспрозванных, Бесфамильных...

— А я знала одного сибиряка — Безотчества,— перебила Лиза.— Так и в паспорте стояло — Иван Сергеевич Безотчества.

— Вот видите. Меня заинтересовало, как могли возникнуть такие фамилии. Стал расспрашивать. Оказалось, Беспрозванные и Бесфамильные являются потомками тех переселенцев, которые не хотели сообщать начальству свои фамилии. Иначе говоря, то были внуки и правнуки беглых ссыльных или крепостных, скрывавшихся от полиции... Быть может, интерес к «детям солнца» идет отсюда...

— Понимаю вас. Подумать только: целый народ, состоящий из таких вот Беспрозванных, Бесфамильных, не знающих родства!..

— Ну, родственников-то я как будто уже разыскал,— пробормотал Савчук.

— Я всегда говорила, что вы глубоко эмоциональный человек,— неожиданно объявила Лиза.

Савчук засмеялся.

— Что вы!.. Наоборот! Меня считают сухарем.

— Безусловно, несомненно эмоциональный!.. Так, впрочем, и положено ученому! Разве мы находились бы здесь, если бы это было не так?

Вдруг Бульчу, не проронивший ни слова после то-

го, как мы покинули могилу Нырты, схватил меня за руку.

— Дым! — коротко сказал он, указывая вверх.

Мы подняли головы и увидели столб дыма, поднимающийся над кронами деревьев.

По-видимому, костер был разложен на самом видном месте, на гребне горы.

Но минут пять назад никакого дыма там не было.

— Еще дымы! Вон, вон! — взволнованно сказала Лиза.

Проследив за направлением ее взгляда, я увидел второй столб, а еще дальше из-за деревьев медленно поднимался третий. Все три столба раскачивались от сильных порывов ветра и были хорошо видны на фоне светло-голубого неба.

— Сигналы?

— Да!..

Рот Савчука был плотно сжат, глаза прищурены.

Сомнений не было. Это «дети солнца», сопровождавшие нас, передавали по горам весть о нашем приближении...

— Что же мы расселись тут? — сердито спросила Лиза.— Положение таково, что у нас один-единственный выход: идти вперед и вперед, не колеблясь, не останавливаясь!

Маленький отряд Савчука сомкнулся еще теснее.

Мы двигались теперь не по дну ущелья, а примерно посередине лесистого склона. Перед нами открывался значительно больший кругозор. «Детям солнца» труднее было приблизиться незамеченными и напасть на нас врасплох.

Мы шли, вполголоса перебрасываясь короткими фразами.

В этом проклятом лесу было очень странное эхо. Стоило произнести громко какую-нибудь фразу, как оно топорливо подхватывало ее конец и принималось повторять, коверкая на все лады, точно передразнивая.

Вначале это забавляло меня. Проворное, быстрое эхо весело прыгало с уступа на уступ, как горный баран. Потом надоедливая тарабарщина, не отстававшая от нас ни на шаг, стала раздражать и серьезно беспокоить.

Не проделки ли это «детей солнца», которые идут за нами по пятам, пытаясь запугать, остановить всяческими

колдовскими хитростями? От Хытындо и ее подручных можно было ждать любой нелепой каверзы.

Но я остерегся высказать свои подозрения вслух. Не хотелось зря пугать Савчука, Лизу и Бульчу. И без того лица моих спутников выдавали их затаенную тревогу.

3

Река матово отсвечивала внизу. Она снова стала сравнительно глубокой. Каменистые перепады и мели, которые отняли у нас столько сил, остались далеко позади. Пожалуй, мы могли бы пройти здесь на своей лодке. Жаль, что пришлось оставить ее на пороге мертвого леса.

Вдруг я увидел на реке человека. Это было так неожиданно, что от изумления я остановился как вкопанный. Остановились и мои спутники.

Человек плыл посередине стрежня в маленьком челне и греб изо всех сил, проворно перебрасывая короткое весло из стороны в сторону. Голова его была непокрыта. Длинные волосы развевались по ветру.

Мы не успели опомниться от удивления, как из-за поворота показались еще три челна. От яростных ударов весел запенилась узкая горная река.

Это была погоня!

Человек с непокрытой головой пригнулся. Весло замелькало в его руках еще быстрее, сверкая на солнце, как крылья стрекозы.

— Стреляют! В него стреляют! — крикнул Бульчу.

Я увидел, как один из преследователей спустил тетиву лука. Стрела пронеслась над головой беглеца и нырнула в воду.

Расстояние между челнами все сокращалось. Один из преследователей, работая веслом с непостижимой быстротой, начал уже вырываться вперед. Он пытался обойти беглеца, прижать его к берегу, но тот удвоил усилия.

Тут лишь подумал я о том, что этим беглецом может быть Петр Арианович, и стремглав побежал со склона к реке. За мною с громкими возгласами последовали Бульчу, Савчук и Лиза.

Наше внезапное появление на берегу произвело замешательство среди преследователей. Перекликаясь тонки-

ми голосами, они стали поспешно поворачивать свои челны, развернулись и погнали их назад против течения. Мгновение — и все трое скрылись за поворотом.

Только беглец остался на реке. Сейчас мы увидели, что это не Петр Арианович. Это был смуглый юноша в разорванной и потертой меховой одежде, который подгреб к берегу, пристально вглядываясь в нас очень живыми черными глазами.

Сильным толчком весла он послал вперед свой челн и выскочил на песок.

Минуту или две мы стояли друг против друга в молчании. Глаза юноши тревожно перебегали от меня к Савчуку и от Савчука к Лизе и Бульчу. Потом он невятно сказал что-то и выжидательно замолчал.

Видно догадавшись по выражению наших лиц, что мы не расслышали его слов, юноша повторил громче и явственнее, по слогам:

— Ле-нин-град!

Он произнес это слово не совсем уверенно, со странным акцентом, с какими-то птичьими интонациями.

Юноша ждал ответа, подавшись вперед. Весло, на которое он опирался, заметно дрожало в его руке.

Меня осенило. Я вспомнил «льдинку, которая не тает», вспомнил текст записки, вложенной внутрь гидрографического бую. По слову «Ленинград» Петр Арианович догадался, что в России произошла революция.

Сейчас слово «Ленинград» заменяло пароль.

А что же было отзывом?

Ну, конечно, слово «СССР» — второе слово, которое так поразило Петра Ариановича в записке!

И, шагнув вперед, я сказал уверенно и внятно:

— СССР!.. Ленинград, СССР!..

Лицо юноши, сумрачное, настороженное, просветлело.

— Ты правильно сказал: «Ленинград, СССР», — говорил он медленно, ломаным языком. — Я шел навстречу тебе и твоим друзьям. Меня послал Тынкага. Я Ке-юлькан!

И вынул из-за пазухи четырехугольник бересты, на которой рукой Петра Ариановича было нанесено несколько слов:

«Торопитесь! Полностью доверьтесь гонцу. Это мой друг».

МАЛЕНЬКОЕ СОЛНЦЕ КЕЮЛЬКАНА

1

Итак, Петру Ариановичу удалось, наконец, установить с нами непосредственную связь!

Мы ошеломленно смотрели на гонца. Так вот он какой, Кеюлькан, внук Хытындо, сын Нырты и друг Тынкаги!

Кеюлькан молча протянул что-то скомканное, бесформенное.

Сначала я принял это за флаг или платок красного цвета. Потом, приглядевшись, понял, что передо мной оболочка шара. К ней был прикреплен тросик с дощечкой, на которой чернели четыре буквы: «СССР», а внизу дата — «1940».

Чем иным могло это быть, как не одним из тех шаров-пилотов, которые применяются для изучения воздушных течений?

Честно выполняя обещание, данное студенту-метеорологу, родственнику Аксенова, мы изучали скорость и направление ветров в пути и выпустили в воздух все шары на подходах к оазису. Ущелье втянуло их, как гигантская аэродинамическая труба, и они помчались вперед, обгоняя нас.

Стало быть, наиболее удачливый приземлился в самом оазисе.

Мы обступили Кеюлькана, нетерпеливо требуя объяснений:

— Жив ли Петр Арианович? Что произошло за эти годы в оазисе? Кто послал за тобой погоню? Почему на горах горят костры? Далеко ли отсюда ваше стойбище?

Кеюлькан молчал, не зная, кому первому отвечать. Наконец он ответил на вопрос, который, по его мнению, был самым важным.

— Тынкага жив,— сказал он.

У нас вырвался вздох облегчения.

— Был жив, когда я уходил,— тотчас же поправился юноша.— Я уходил очень быстро...

Он пояснил:

— Тынкага понял: вы близко. Ему сказало об этом маленькое солнце...

— Преследователи не вернутся? — спросил Бульчу, присаживаясь на корточки подле юноши и протягивая ему уже раскуренную трубку.

Кеюлькан сделал несколько затяжек.

— Хорошее курево, — с удовольствием сказал он. — Очень хорошее. Еще никогда не курил такого курева...

— Не вернутся твои преследователи? — повторил проводник.

«Сын солнца» с презрением махнул рукой.

— Нет, — сказал он уверенно. — Они боятся вас. Думают: вы — посланцы Маук!

Мы — посланцы Маук? Час от часу не легче!..

— Ну, говори же, Кеюлькан! — поторопила юношу Лиза.

2

В течение последних трех лет Кеюлькан, по его словам, бдительно охранял Тынкагу. Он спал на пороге его жилища и сопровождал повсюду, как тень. Так приказал ему Нырта.

— Ты должен стать тенью Тынкаги, — сказал он на прощание сыну. — Я уйду, ты заменишь меня.

— Да, — ответил Кеюлькан.

Но о самом Нырте не было ни слуху ни духу. Тынкага и Кеюлькан понимали, что Нырта умер, погиб. Иначе он, конечно, передал бы весть по назначению и привел бы в горы друзей Тынкаги.

Имя охотника почти не упоминалось в стойбище. Только изредка по вечерам, теснясь у очагов, «дети солнца» вспоминали об ушедшем соплеменнике.

— Нырта хотел нарушить запрет, — вполголоса говорили люди, пугливо озираясь. — И тогда она убила его...

Подразумевалась, понятно, Птица Маук. Но Кеюлькан знал, что «она» — это Хытындо, его бабка...

Тайное путешествие в Долину Алых Скал как бы встряхнуло Кеюлькана, заставило задуматься о жизни в котловине, о злой и мстительной Хытындо, о Тынкаге, который сделал «детям солнца» так много добра.

Все время в ушах звучал негромкий успокоительный голос: «Это туман. Только туман. Не призраки, не злые духи, а это камни. Обыкновенные камни, Кеюлькан!»

Сын Нырты думал о том, что, собственно говоря, так

было всегда. Тынкага только и делал, что старался ободрить, успокоить «детей солнца», отогнать от них страшные видения, кошмарные сны. Он словно бы вел весь народ, как вел Кеюлькана той ночью по крутым подъемам и спускам, по самому краю бездны. Он уверенно вел его за собой сквозь густой колышущийся туман, населенный призраками, и те, пугаясь его голоса, сторонились, уступали дорогу.

Тынкага делал обратное тому, что делала шаманка. Она пугала людей, чтобы упрочить свою власть в котловине.

Об этом Кеюлькан знал лучше, чем кто-либо другой. Только сейчас понял он, что, принимая участие в колдовских церемониях, по существу, помогал шаманке одурачивать своих соплеменников.

Раньше это казалось ему всего лишь безобидной игрой. Юноша вместе с Хытындо и Якагой потешался над испуганными «детьми солнца», наслаждался своим превосходством над ними. Теперь ему было стыдно, и особенно перед Тынкагой.

Вспоминая путешествие в Долину Алых Скал, он думал и о другом. Как могло случиться, что он, Кеюлькан, послушался грозную Хытындо и все же остался жив? Он остался таким же здоровым и бодрым, как раньше. Духи, которых она, по ее словам, послала за ним вдогонку, не превратили Кеюлькана ни в пеструшку, ни в камень. Они ничего не могли поделать с ним!

Значит, духи не так сильны, как думают в котловине? А может быть, бабка обманула его так же, как обманывала других «детей солнца»?

Порой сын Нырты пугался собственных мыслей и, пригнув голову, поспешно оглядывался. Не подкралась ли Хытындо сзади, не подслушивает ли его мысли?

От сомнений во всесильности Маук было недалеко уже и до борьбы, до бунта против Маук.

Разными путями шли к этому Кеюлькан и его отец. Нырту толкнули на бунт смерть любимой сестры и горе Тынкаги, слезы самого сильного человека в горах. Охотник поддался чувству сострадания и, не колеблясь, не раздумывая, сделал то, что было хорошо по мнению Тынкаги, которому он безгранично доверял.

Кеюльканом же руководило не только чувство любви и сострадания к «детям солнца», но и жгучий интерес ко

всему, что делал и чему учил обитателей котловины Тын-кага. Наблюдательный юноша, обладавший живым умом и богатым воображением, учился взвешивать, сопоставлять. Поэтому он пошел дальше в своих практических выводах.

Кеюлькан стал ревностно помогать Тынкаге в его научных наблюдениях. Вся работа на метеостанции легла на его плечи.

По вечерам Тынкага учил юношу читать и писать по-русски.

Огромное наслаждение доставлял Кеюлькану сам процесс писания — условные значки-буквы удивительным образом соединялись в слова, а те составляли целую фразу, которая выражала мысль. Он понимал уже, что это больше, чем колдовство, — это знание!

Первый грамотный человек среди «детей солнца»! А ведь пропавший без вести отец его, простодушный, наивный Нырта, говорил, наблюдая за тем, как пишет Тынкага: «Зачем пестришь кору маленькими следами?»

Кеюлькан не мог уже сказать так!

И все же он продолжал оставаться «сыном солнца». Сумбур еще царил в его голове.

Это сказалось на решении, которое в конце концов принял Кеюлькан.

Он решил расколдовать «детей солнца»!

Стоило ему зажмурить глаза, и он видел невысокие елки на поляне, людей, сидящих за праздничной трапезой, и Хытындю, которая кружит возле щедро вымазанного жиром деревянного диска.

Этот усыпляющий стук костяных погремушек на развевающейся пестрой одежде! Эти вытянутые вперед руки с хищно распыленными дрожащими пальцами!..

Хытындю завораживала свой народ, сужала и сужала круги, сбивая в кучу пугливо жавшихся друг к другу людей...

Нет, он, Кеюлькан, не будет умащивать солнце, не будет кружить на полянке, завывая и выкликая по-шамански. Он спросит у Матери-Солнца напрямик, как ее сын: что делать ему, чтобы помочь своим родичам, которым угрожает гибель?..

От стариков Кеюлькан слышал об одном полузабытом обычае.

Когда несчастья начинали упорно преследовать народ, находились храбрецы, которые бросали злым духам вызов и совершали в борьбе с ними подвиг.

«Сражающиеся со злыми духами» (так называли их в народе) уходили подальше от стойбища и проводили несколько дней в полном одиночестве.

В это время никто не должен был прикасаться к ним, а родственники постились и в знак поста даже не выбивали из трубок пепел. Особенно строгим был пост, который соблюдали уединившиеся от всех храбрецы.

Голодом и углубленными размышлениями «сражающиеся со злыми духами» доводили себя до восторженного состояния. Все, что чудилось им в это время, снилось или просто приходило на ум, принималось как откровение, чудесное знамение, ниспосланное свыше. Добрые духи должны были подсказать им, что делать, какой именно подвиг совершить, чтобы отвратить несчастье от народа.

Кеюлькан решил воскресить этот старый обычай. Он никому не сказал о своем решении, только предупредил Тынкагу, что уходит на три дня к верховьям реки ловить рыбу, а двух охотников — Неяпту и Нуху, друзей покойного Нырты, — упросил не отлучаться от Тынкаги.

В южной части котловины были уголки, куда никто никогда не заглядывал. В одном из таких уголков уединился Кеюлькан.

Он был очень строг и придирчив к себе. От еды отказался совершенно. Пил только раз в день из протекавшего рядом ручья.

На исходе вторых суток юноша сидел на скале, следя за тем, как курятся внизу далекие костры стойбища. Во всем теле была странная легкость. Казалось, стоит сделать небольшое усилие, оттолкнуться от земли, и он полетит. Голова была удивительно ясна и свежа.

Вот, мелькая между деревьями, прошел внизу Якага. Спина его с пегими заплатами ныряла в кустах, то поднималась, то опускалась. Ага, он собирает сухой валежник! Значит, старуха послала его за топливом, как раньше посылала Кеюлькана. (Заготавливать дрова в котлови-

не было обязанностью женщин, но шаманка, конечно, не могла унизиться до такой черной работы.)

Юноша отвернулся от Якаги и тотчас же забыл о нем. Он неотрывно глядел на лик незаходящего июльского солнца.

— Ты забыла нас, Мать-Солнце,— бормотал Кеюлькан.— Мы твои дети, а ты забыла нас...

Он упрекал солнце, спорил с ним, упрашивал не томить его и дать какое-нибудь знамение, чтобы он, Кеюлькан, знал, что делать дальше.

У юноши зарябило в глазах. Он увидел вереницу маленьких разноцветных солнц, которые оторвались от настоящего солнца и быстро катились по небу.

Так бывало с Кеюльканом и раньше, если он долго смотрел на солнце. Юноша зажмурился, подождал некоторое время, давая отдохнуть глазам, опять открыл их. Все ложные солнца исчезли, на небе остались только два солнца. Одно, большое, желтое, по-прежнему неподвижно висело над гребнем гор. Другое, маленькое, но красное, плыло над верхушками сосен, спускаясь все ниже и ниже.

Знамение! Это было долгожданное знамение! Солнце вняло мольбе Кеюлькана!

Со всех ног юноша бросился вдогонку за маленьким солнцем.

Он бежал, разводя руками кусты, перепрыгивая через поваленные деревья. Светлые полосы различной ширины пересекали лес. То были солнечные лучи. Они как бы указывали Кеюлькану путь. Но и без того он нашел бы место, где опустилось на землю маленькое красное солнце.

Нырта научил сына запоминать дорогу в лесу по приметным деревьям. А там как раз торчала криворослая сосна, похожая на сгорбленного тщедушного старика.

И вдруг, раздвинув кусты, запыхавшийся Кеюлькан увидел у подножия сосны Якагу.

Вязанка хвороста лежала в траве, а сам Якага держал в руках какой-то предмет, похожий на обрывок одежды, и с удивлением рассматривал его.

Да, это было маленькое солнце, оторвавшееся от большого солнца. Но, видно, попав в чужие руки, оно поспешило изменить свой облик, съежилось, уменьшилось в размерах.

Юноша хотел броситься к Якаге и отнять принадлежащее ему, Кеюлькану. Но усилием воли сдержал себя. Ведь то, что он готовится к подвигу, должно сохраняться в тайне, и особенно от Хытыndo. Это главное условие успеха.

Бесшумно пробираясь между деревьями, он последовал за Якагой. Забыв вязанку хвороста в траве, старик спешил домой с удивительной находкой. Он, видимо, не хотел, чтобы кто-нибудь из «детей солнца» узнал о ней, потому что, встретив женщин, собиравших валежник, спрятался в кусты и переждал, пока они пройдут.

Так они дошли с Кеюльканом до чума шаманки, и Якага скрылся внутри со своей драгоценной ношей.

4

Юноша завертелся на месте, будто его кололи острыми ножами.

Подлый старый вор! Выхватил из-под носа и уволок то, что было предназначено другому. Не могло быть никаких сомнений: солнце послало весть именно ему, Кеюлькану! Недаром же он постился два дня подряд. Он хотел совершить подвиг, только не знал, какой именно. Зато с маленьким солнцем в руках Кеюлькан, конечно, сразу бы понял, какой подвиг ему надо совершить!

Но что делали Хытыndo и Якага с его похищенной собственностью? Бросили ли в каменную плошку и наслаждались его ровным красным светом? Положили ли в очаг и жарили на нем мясо?

Кеюлькан не мог больше терпеть. Воспользовавшись тем, что наступил час сна и все стойбище словно вымерло, он быстро перебежал поляну и упал ничком в высокую траву возле жилища шаманки.

В щель между шкурами хорошо виден был угол чума. На полу лежало маленькое солнце. О, каким некрасивым стало оно, попав в руки злой колдуньи!..

Хытыndo сидела на полу, скрестив ноги, и в раздумье глядела на него. Вот взяла в руки, поднесла к глазам. Якага поднял зажженный жирник повыше, чтобы ей лучше было видно.

Но теперь стало лучше видно и Кеюлькану. Он с трудом удержал крик. К маленькому солнцу привязана дощечка, на которой вырезаны буквы и цифры!

Хытындо очертила круг на земляном полу. Потом медленно, с помощью Якаги, принялась натягивать на себя убор, в котором совершала свои шаманские пляски.

Ага! Вот оно что!.. Желая разгадать тайный смысл значков, Хытындо пытается прибегнуть к помощи своего колдовского искусства.

До слуха Кеюлькана донеслись тихие, все нарастающие звуки — рокот бубна. Шаманка бормотала заклинания.

Чадающая плошка бросаладвигающиеся ответы на нее. Хытындо кружилась, приседая, бранчливо переговариваясь с кем-то, жестами маня, торопя.

Любому другому «сыну солнца» на месте Кеюлькана стало бы очень страшно. Чего доброго, сами собой начали бы подергиваться руки и ноги, — пляска Хытындо всегда действовала заразительно.

Но Кеюлькан не шевельнулся. Он знал цену всему этому. Кроме того, был слишком зол сейчас, думал только о том, как бы отнять у похитителей принадлежавшее ему маленькое солнце.

Утомившись, шаманка села на пол перед таинственным предметом и что-то коротко сказала Якаге, склонившемуся над нею.

Стало быть, заклинания не помогли. Не удалось разгадать назначение странного предмета, проникшего таким необычным путем — с воздуха — в котловину.

Покачиваясь от усталости, Хытындо ушла в свой угол и повалилась там на оленьи шкуры. Кеюлькан знал, что после заклинаний ею всегда овладевает тяжелый сон.

Вскоре до чуткого слуха юноши донесся слитный мерный храп. И Якага спал, привалившись спиной к очагу.

Осторожно отодвинув две жерди, Кеюлькан проник в чум. Светильник, стоявший на полу, догорал, бросая пятна света на развешанные по стенам маски зверей, рога оленей, крылья птиц, пучки засушенных трав.

Кеюлькан переступил через Якагу, присел на корточки.

Вот оно, его солнце! И впрямь похоже на круглый кусок желтой кожи! Дощечка? Да, здесь есть и дощечка! Приблизив ее к глазам, Кеюлькан прочел без труда — буквы были большими, четкими — «СССР». А ниже стояло число: «1940».

Счастливая улыбка медленно сползла с лица юноши.

Кеюлькан прислушался: храп не слышен больше, в чуме воцарилась тишина.

Не оглядываясь, юноша втянул голову в плечи, плащмя упал на землю. Замешкался бы еще мгновение — и был бы мертв. Короткий каменный нож, брошенный Якагой, просвистел над головой и впился, дрожа, в одну из колдовских масок.

Страшно закричала проснувшаяся Хытындо. Она вцепилась в полу одежды Кеюлькана, и он проволок ее несколько шагов по чуму. По дороге сын Нырты толкнул ногой светильник. Тот перевернулся, упал, погас.

— Мое, мое! — повторял Кеюлькан, пробиваясь к выходу. — Я возьму. Оно мое!

Он отшвырнул в сторону Якагу, вырвался из цепких рук шаманки, оставив в них оторванную полу, и выбежал из чума, прижимая к груди маленькое красное солнце.

Как буря ворвался Кеюлькан в жилище Тынкаги.

— Проснись! — закричал он с порога. — Я принес тебе солнце. На нем слово: «СССР»!..

Нетрудно представить ход мыслей Петра Ариановича, когда он в маленьком солнце Кеюлькана признал оболочку шара-пилота.

Вторая весть из России! И это уже не гидрографический буй, занесенный береговым течением бог весть откуда. Это метеорологический шар-пилот. Где-то поблизости метеорологи изучают движение воздуха, направление ветра. Они находятся не за тридевять земель, они совсем рядом, может быть, в двух или трех переходах от оазиса!

Мешкать было нельзя! Стойбище уже просыпалось. До чума Тынкаги, который стоял особняком, на пригорке, донеслись взволнованные голоса. Среди них особенно выделялся пронзительный голос Якаги.

— Ланкай! Ланкай! — кричал он.

Тынкага выглянул, прислушался.

Вот оно что! Это вернулся Ланкай с несколькими охотниками, которых совет стариков посылал по реке на юг. Они принесли весть, ошеломившую «детей солнца»: «По реке двигаются посланцы Маук!»

Послышался топот множества ног. К Якаге и Ланкаю сбегались воины, перебрасывая за спину колчаны со стрелами. «Дети солнца» готовились с оружием в руках преградить путь у Ворот.

— Беги, Кеюлькан! — приказал Тынкага. — Вверх по реке идут мои друзья. У Ворот — засада. Их надо провести в обход заставы.

Перебегая между деревьями, прячась в траве, Кеюлькан добрался до реки, прыгнул в челн, но едва выгреб на середину реки, как был замечен. Несколько человек, подгоняемых Хытындо, кинулись за ним в погоню...

Глава одиннадцатая

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ

1

Торопливый и сбивчивый рассказ «сына солнца» мы дослушивали уже стоя, закидывая за спину рюкзаки и ружья. Спешить, спешить!..

Никогда положение Петра Ариановича не было таким опасным. Рука мстительной Хытындо занесена над нашим учителем, а его телохранителя, Кеюлькана, нет с ним.

Неяпту и Нуху, о которых упомянул Кеюлькан, не внушали доверия. Сумеют ли они защитить Петра Ариановича от панически настроенной толпы? Не переметнутся ли сами на сторону Хытындо и Якаги?

Видимо, после исчезновения Нырты большую власть в котловине забрал завистливый Ланкай, его постоянный соперник. Я вспомнил скелет с торчащей в спине стрелой и внутренне содрогнулся: Ланкай был способен на все.

— Успеем ли? — спросила меня Лиза, дрожащими пальцами затягивая на груди ремни рюкзака.

— Постараемся успеть.

— Но почему нас считают посланцами Маук?

— Не могу понять.

— Мне страшно за Петра Ариановича. Ведь Хытындо знает, что Кеюлькана послал Петр Арианович...

— Мы готовы, — сказал Савчук, окидывая взглядом свой маленький отряд. — Веди, Кеюлькан!

«Сын солнца» с сомнением посмотрел на Лизу.

— Тынкага приказал вести вас в обход, — пробормотал он. — На реке — засада.

— Очень хорошо. Пойдем в обход.

— Подъем крут. Это тропа мужчин.

— Я пройду, Кеюлькан,— коротко сказала Лиза.— Где пойдете вы, там и я...

Кеюлькан недоверчиво промолчал.

Он повел нас сначала вдоль реки, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Но в лесу было тихо. Вероятно, лазутчики оставили нас. Ланкай, надо думать, стягивал все свои силы к Воротам в котловину.

Я поднес к уху руку с часами-браслетом. Так же, наверное, «тикали» и водяные часы в жилище Петра Ариановича. Капли падали одна за другой, учащенно, быстро, нервно...

Что делает сейчас Петр Арианович? Быть может, отбивается топором или копьем от нападающего на него разъяренного Ланкай? Или, сбросив на пол сделанные второпях последние записи, упал на них и лежит без движения с проломанной головой, а Хытындо хозяйничает в его жилище, ломая, круша самодельные приборы, разбрасывая драгоценные, собиравшиеся в течение двадцати лет, коллекции?..

Стиснув зубы, я запретил себе думать об этом.

Было уже двадцать два часа, но июльское солнце светило по-прежнему ярко.

Однако из глубины ущелья надвигался мрак.

То не был мрак ночи, то был туман.

Вначале он стлался понизу, покрывая лишь корни деревьев, потом стал подниматься выше и выше. Мы сомкнулись теснее: не мудрено было и потерять друг друга.

Но туман продолжал ползти примерно на одном уровне. Мне он доходил до груди, коротенький Бульчу погрузился в него по шею.

Река продолжала монотонно звенеть где-то рядом. Потом шум ее постепенно начал затихать. Я догадался, что Кеюлькан повернул и ведет нас вверх по склону.

Вдруг он остановился, поднял руки, будто собираясь нырнуть, и исчез. Мы переглянулись в недоумении. Только что голова и плечи сына солнца покачивались впереди (туловище и ноги скрывались в тумане), и вот его уже нет!

— Что же вы? — нетерпеливо окликнул Кеюлькан и снова возник перед нами.

Оказалось, что в скале есть расщелина, очень узкая, куда пришлось протискиваться следом за Кеюльканом. Судорожно цепляясь за ее стены, поддерживая друг друга, мы стали подниматься вверх.

Тогда Кеюлькан начал взбираться вверх.

Расщелина вывела нас на небольшую площадку, на которой могло стоять только три человека. Выше вздымался второй ярус скал, показавшихся мне неприступными.

Но Кеюлькан, не трата времени на объяснения, принялся привязывать к своему копыю тонкий, очень крепкий сыромятный ремень. Примерившись, он метнул копые вверх. Оно вонзилось в трещину между камнями.

«Сын солнца» с силой потянул к себе ремень. Копье дрогнуло, но осталось торчать в трещине.

Тогда Кеюлькан начал взбираться вверх, держась одной рукой за ремень, другой хватаясь за выступы, кусты, корни. Добравшись до копия, он остановился, прочно утвердился на ногах и спустил конец толстого прочного ремня, который был обмотан вокруг его туловища.

По очереди мы поднялись к Кеюлькану. Он снова бросил вверх копые, на этот раз несколько вкось, потому что там была удобная трещина.

Торчавшие над серой пеленой верхушки деревьев остались у наших ног. Все ниже и ниже опускался лес, будто проваливаясь на дно ущелья.

Так в несколько приемов, все участники экспедиции добрались до гребня горы.

Здесь мы были видны издалека, и я втянул голову в плечи, как будто это могло спасти меня от стрел «детей солнца».

Но, вероятно, они потеряли нас из виду.

Мы продолжали движение по гребню.

На севере громоздилась новая горная цепь. На юге, очень далеко, синела тундра, вернее, синь ее угадывалась за волнистой грядой тумана...

2

Да, это была тропа мужчин!..

Идя по дну ущелья, под защитой его склонов, мы почти не ощущали ветра. Сейчас он напомнил о себе.

Он не пускал нас, упрямо пытался столкнуть в пропасть. Что только не делал для этого! Как бес, вертелся вокруг, неожиданно налетал то слева, то справа или падал сверху, как коршун на добычу.

«В горах Бырранга,— рассказывал в свое время Бульчу,— живет падающий ветер».

Сейчас я понял, что это такое. Внезапно нас охватило страшным убийственным холодом. Впечатление было такое, будто сверху на нас непрерывно сыпали из мешка осколки стекла. Они жгли и резали лицо. Захватывало дыхание. Сердце стискивал мучительный спазм.

Оглянувшись, я увидел, что лица моих спутников превратились вдруг в подобие маски. И мои щеки одеревенели. Глаза слезились. Трудно было разжать губы.

А повернуться спиной к ветру было нельзя. Рядом зияла пропасть. Одно неверное движение и...

Преодолевая сопротивление ветра, мы пробивались вперед с таким трудом, как будто шли в ледяном горном потоке против течения!

Лиза вытащила гусиный жир из походной аптечки и принялась растирать им лицо и руки. Но было уже поздно. Я знал, что вскоре кожа растрескается, из трещин выступит кровь, запечется и прикроет коркой пораженные места.

Савчук обогнал меня, поравнялся с Кеюльканом; положив руку ему на плечо, что-то негромко сказал.

Наш проводник остановился, вопросительно вскинул на Савчука глаза.

Они обменялись несколькими короткими фразами. Я не расслышал их, так как ветер завывал и свистел во круг.

Потом Кеюлькан, опустив голову, зашагал быстрее.

— Я сказал ему, что мы наткнулись на труп Ныры, — пояснил Савчук, когда я нагнал его.

— Что же он ответил?

— Только спросил, какого цвета было оперение стрелы.

— И вы сказали ему?

— Да. «Так я и думал, — сказал Кеюлькан. — Отца убил Ланкай. Сегодня Ланкай умрет!»

Это были последние, самые мучительные минуты путешествия.

Хотя со слов Кеюлькана я знал, что стойбище близко, мне представлялось иногда, что мы идем по гребню горы уже много суток и гребень этот не имеет конца. Я как бы засыпал на ходу. Терялось ощущение реальности — мучительное состояние!.. Потом толчок, что-то словно бы подбрасывало меня, я вскидывал голову и оглядывался.

Порой казалось, что я топчусь на месте, со страшными усилиями вытаскиваю ноги, увязающие в снегу, а вокруг все движется: сугробы снега, острые скалы, чернеющие осыпи галечника...

Тряхнул головой, чтобы прогнать дурноту. Прошло. Спина Кеюлькана колыхается впереди.

Так повторялось все чаще и чаще.

Спутники мои также были измучены до предела. Савчук дважды споткнулся и упал.

— Нога подвернулась, — пояснил он со смущенным смехом. Но дело было, конечно, не в ноге.

Я с беспокойством посмотрел на Лизу.

Лицо ее стало каким-то серым от усталости, скулы обозначились еще резче, заострились. Она шла согнувшись, тяжело ступая.

Поймав мой взгляд, Лиза попыталась улыбнуться обветренными, потрескавшимися губами.

— Что смотришь? Я еще ничего, — сказала она бодро, но тут же пошатнулась. Я поспешил поддержать ее под руку. — Спасибо!

— Мы же все связаны одной веревкой, как горнолазы.

— А мы и есть горнолазы.

— Я не о том. Гидролог поддерживает геолога, геолог — этнографа...

— А... Но сейчас это, знаешь ли, наиболее удобно — на таком скользком гребне.

— Да, чертовски скользко.

— Идешь, как по острию ножа, — пожаловалась Лиза. — Но спасибо, милый. Дальше я уже сама...

И, отделившись от меня, маленькая, согнувшаяся под тяжестью рюкзака фигурка снова замелькала впереди в полосах летящего откуда-то сбоку колючего снега...

Мы добрались до пяти скал, стоявших особняком, и, по знаку Кеюлькана, упали в снег, переводя дыхание.

Внизу зеленела лесистая котловина.

Обходной маневр был завершен. Выполняя приказание Петра Ариановича, Кеюлькан вывел нас к оазису с северной стороны.

Я подполз к краю склона и заглянул вниз.

Да, мы добрались до цели!

Вот она, сказочная Страна Семи Трав, столько времени дразнившая нас и ускользавшая, как мираж!

Далеко внизу, среди елей, берез и лиственниц, в том месте, где река делала крутой поворот, можно было рассмотреть стойбище. Отсюда остроконечные чумы казались игрушечными.

Людей не было. Лес словно бы вымер!

Неужели же, узнав от лазутчиков, что мы приближаемся, «дети солнца» откочевали из оазиса, бежали еще дальше на север? Но вместе со своим скарбом они захватили бы и чумы.

— Ну, теперь вниз, к стойбищу! — хрипло сказала Лиза. Она уперлась руками в землю, попыталась встать и снова упала ничком.

— Что ты, Лиза?

Я хотел помочь ей встать, но у меня у самого руки подломились в локтях. И ноги были словно бы не мои — тяжелые, как каменные, и мучительно ныли в суставах.

— Десятиминутный роздых! — скомандовал Савчук. — Надо отдышаться, товарищи, перед тем как спускаться в ущелье. Давайте сверимся с картой, Алексей Петрович!

Я подполз к нему.

Пыхтя, он лег со мной рядом и развернул на снегу карту, которую Петр Арианович передал с Кеюльканом. Котловина была видна как бы с птичьего полета, во всех подробностях.

Вот справа от нас теснина, которая на карте Петра Ариановича названа Воротами. (Вероятно, там и ждали нас воины Ланкая.) Вот поляна, окрещенная именем милой Сойтынэ. Там пролежала тропа Раздумий, а вдали, как приметный ориентир, высилась конусообразная снежная гора, господствовавшая над долиной. На карте она носила название Вершина Вероники.

Целый мир переживаний заключен был в этом названии, мир тоски, безмолвных страданий, надежд, постепенно тускневших.

Меня окликнул Савчук:

— Давайте-ка спускаться здесь. Огибая вот эту вы-

сотку. Как там она... Да, Вершина Вероники! Ваше мнение, Алексей Петрович?

— Что ж, очень хорошо. Подойдем к стойбищу с севера. Нагрянем совершенно неожиданно.

— Только не доводить дело до столкновения!

— Это само собой!

Я оглянулся.

Лиза лежала ничком, широко раскинув руки, и старалась восстановить дыхание. Она дышала, вдыхая воздух через нос, выдыхая ртом, очень медленно. Кеюлькан и Бульчу чувствовали себя, по-видимому, лучше нас.

«Сын солнца» сидел рядом с Лизой и, держа в зубах потухшую трубку, неотрывно смотрел вниз на далекое стойбище. Быть может, он искал взглядом ненавистного ему Ланкая?

Бульчу обматывал ноги тряпками. (Наша обувь, изорванная острыми камнями, была в ужасном состоянии.) Потом он принялся выкладывать на снег различные хранившиеся в его вещевом мешке предметы.

Вид у старого охотника был озабоченный и вместе с тем обиженный. Я усмехнулся про себя, так как отлично понимал причину его плохого настроения: Бульчу ревновал к новому проводнику, который помешал ему самостоятельно довести нас до оазиса. По дороге он придирался к Кеюлькану, пытался оспорить его указания и все время недовольно бурчал себе под нос.

Савчук пролил бальзам на его раны, сказав, что считает Бульчу старшим проводником экспедиции. Сейчас старший проводник решил принарядиться, желая предстать перед обитателями котловины в достойном его высокого звания виде. Он вытащил свои, уже известные нам, именные часы и прикрепил их английской булавкой поверх одежды. Затем, многозначительно поглядывая на притихшего младшего проводника, начал причисываться.

Однако ни часы, ни расческа не поразили Кеюлькана. Его поразило другое — то, чем Бульчу вовсе не собирався хвастать.

Мы услышали испуганный возглас «сына солнца». Порывисто вскочив на ноги, он сделал несколько шагов к Бульчу.

— Маук! — пробормотал Кеюлькан, указывая на снеговые очки старого охотника, которые тот заодно с расческой и часами извлек из вещевого мешка.

— Маук?! Где Маук? Что ты говоришь!

Не вставая с земли, мы с удивлением оглянулись.

Франтовские очки старого охотника обратили на себя мое внимание еще в тундре. Но тогда я был далек от мысли, что разгадка Птицы Маук совсем рядом, буквально в наших руках. Эти очки представляли собой два расплющенных серебряных рубля старой чеканки со сделанной посередине прорезью для глаз. На одной стороне был выбит профиль Николая II, на другой — двуглавый орел, эмблема царизма.

Так вот что называлось Птицей Маук!..

— Орел! Двуглавый орел! — повторяла Лиза.

— Маук! — сердито поправил ее Кеюлькан, не сводя глаз со снеговых очков.

Еще в то время, когда Хытындо хотела сделать Кеюлькана своим преемником, она показывала ему изображение птицы-урода, птицы о двух головах. Юноша подумал, что такую птицу, наверное, нелегко убить. На нее надо истратить по меньшей мере две стрелы.

— А на чем была изображена Птица Маук?

Этого Кеюлькан не помнил. Ему было слишком страшно, кроме того светильник, который держал Якага, освещая птицу, очень коптил. Но изображение было маленьким, почти таким же, как то, которое лежало сейчас перед Кеюльканом.

— Почему ты не рассказал Тынкаге?

Хытындо взяла с него клятву, которую не может нарушить ни один «сын солнца». Кеюлькан вынужден был молчать. Он и теперь ничего бы не сказал, если бы не увидел изображения Маук на снеговых очках Бульчу.

— Итак, это двуглавый орел, эмблема царизма, — бормотал Савчук, вертя в руках праздничные очки старого охотника. — А ведь Петр Арианович был близок к разгадке!

— Когда?

— Помните: он думал, не птеродактиль ли это, ископаемое чудовище прошлого? А Маук и была таким чудовищем. Для нас, советских людей, по крайней мере...

— Стало быть, все же гонялись за призраком, — сказала Лиза. — Помните, я говорила: словно бы призрак ведет по мертвому лесу, среди оползней и сбросов...

— Эта птица уже мертва, друг, — обратился я к Кеюлькану, а Лиза ободряюще обняла его за плечи. — Она

умерла очень давно. Более двадцати лет назад. На нее истратили много стрел...

— Но в представлении «детей солнца» она жива до сих пор,— напомнил Савчук.

— Все-таки непонятно, почему «дети солнца» бежали от двуглавого орла?

— Пока не сумею этого сказать. Зато с уверенностью отвечу вам, откуда бежали.

— Откуда же?

— Из тундры. Из тех самых мест, где мы были с вами месяц назад.

— Но кто они, «дети солнца»?

Савчук показал глазами на наших проводников.

Бульчу и Кеюлькан сидели рядышком и, попеременно передавая друг другу, разглядывали снеговые очки.

— Это именно то звено, которого не доставало,— сказал этнограф, отбирая у Кеюлькана два расплющенных царских рубля.— Маук связывает Бульчу и Кеюлькана воедино...

— Как связывает? Почему?

— Разве вы не замечаете сходства между ними?

Я с удивлением посмотрел на Бульчу и Кеюлькана. Да, сходство, несомненно, было! Странно, что я не замечал его раньше. Правда, Бульчу перевалило, наверное, за шестьдесят, Кеюлькану же было лет двадцать пять, а выглядел он еще моложе, лет восемнадцати. И характеры у них совершенно разные: Бульчу суетлив, тщеславен, разговорчив; Кеюлькан, напротив, молчалив, сдержан, замкнут. Но все же что-то общее, несомненно, было между ними: тяжелые ли складчатые веки, прикрывавшие глаза, высокие ли скулы своеобразной формы, манера ли держаться, разговаривать, привычка ли отдыхать, скрестив ноги, расслабив все мускулы.

Обычно это принято называть семейным сходством. Так я и сказал об этом Савчуку.

— Семейное? — задумчиво переспросил этнограф.— Скорей тогда уж родовое...

— Ах, да! — вскричал я.— Ты, Лиза, верно, забыла об этом. Ведь «дети солнца» — пранарод, древнейший народ Сибири! А нганасаны — их потомки, не так ли? Выходит, Кеюлькан приходится Бульчу кем-то вроде дедушки!

Савчук смущенно кашлянул.

— Это было моей ошибкой, признаю. Теперь я оставил гипотезу о пранароде. Не дед с внуком, а двоюродные братья, если хотите... Родство, так сказать, по горизонтали, а не по вертикали. Помните, я расспрашивал Бульчу по дороге о различных родах, из которых складывается племя вадеевских нганасанов?

— Ну, как же! Это было абракадаброй для нас с Лизой — Нёрхо, Нгойбу, Лаптуха и как там еще?

— Наиболее интересовали меня роды Нгойбу и Нёрхо.

— Что же так заинтересовало в них?

— Их малочисленность... Просматривая в свое время дела Туруханского управления, я обратил внимание на то, что накануне всероссийской переписи тысяча восьмисот девяносто седьмого года произошло чрезвычайно резкое уменьшение двух этих нганасанских родов. Бульчу подтвердил факт, но не знал причины. Уменьшение родов оставалось необъяснимым... Только на пороге Страны Семи Трав я понял, что «детьми солнца» являются нганасаны, ушедшие в горы из тундры накануне переписи.

— Беглых нганасанов подставили под понятие народа «икс»?

— Выражение «беглые», пожалуй, удачно. Большинство семей из рода Нёрхо и рода Нгойбу бежали в горы под влиянием какого-то непонятного страха.

— Теперь уже ясно, какого страха: Маук выжила их из тундры.

— Но почему, каким образом? — нетерпеливо спросила Лиза. — Ведь все остальные роды остались.

— Мы сейчас это узнаем, — просто ответил Савчук и, придерживаясь руками за камни, начал спускаться в котловину. Мы последовали за ним.

Глава двенадцатая

ВНУТРИ МИРАЖА

1

Нужно было спуститься с отвесной скалы. Дальше начинался пологий склон. Возможно, этим путем двигался в свое время Петр Арианович.

Мы прошли уже около трехсот метров в глубь оазиса, никого не встретив на своем пути.

Спуск делался все более пологим. Внизу между деревьями заблестела река. Мы вернулись к ее берегам, обойдя Ворота.

Мох уступил место траве. Кое-где из травы робко выглядывали цветы.

Очевидно, отдельные места «писем» мы понимали неправильно. (Увы, и Бульчу кое в чем взял грех на душу и расписал Страну Семи Трав более яркими красками, чем она того заслуживала.)

Все выглядело гораздо проще, будничнее.

Единственное, что полностью отвечало нашим прежним представлениям о сказочном мире «детей солнца», был туман. Он полз нам навстречу, цепляясь за траву и корни, колыхался над головой, свивался в кольца, качался среди ветвей.

В этой части котловины лес был особенно густым. Прикинув на глаз расстояние, я понял, что мы находимся примерно в двадцати километрах от того места, откуда кочующий оазис начал свое неторопливое, растянувшееся на много десятков лет, шествие по ущелью.

Лиза с критическим видом поглядывала вокруг, недовольно морщилась, иногда пожимала плечами. Я догадался, что ей не нравится тут.

Мне было известно ее пристрастие к чистоте и порядку, ее удивительное умение обживать пустынные и дикие места.

Еще в давние студенческие годы я сказал о ней, что она обжила бы даже плавучую льдину, вежливо потеснив в сторонку белых медведей.

У моей Лизы была натура организатора, устроителя, созидателя.

Вот и сейчас, конечно, она примеривалась, как бы ей навести порядок в котловине, обдумывала, с чем можно еще подождать, а что надо делать без промедления, «засучив рукава».

Я сказал об этом Лизе.

— Еще бы! — откликнулась она. И продолжала с улыбкой: — Ты же видишь: подзапустили «дети солнца» свою Страну Семи Трав... Сюда бы, знаешь, парочку экскаваторов, да несколько тракторов, да бригады три строителей, желательно с опытом работы в полярных условиях, хотя бы на Архипелаге Исчезающих Островов... Хорошо бы вызвать на самолетах также несколь-

ких специалистов — мерзлотоведов, лесоводов. Ну и теплофикаторов, само собой.

— Что ж, вам и карты в руки, Лизочка! — отозвался Савчук. — Вы восстанавливали архипелаг, а перед тем участвовали в создании Рыбинского моря...

— Ты подстегнула бы подземный пожар? — спросил я.

— Не знаю пока. Там видно было бы... Не оставлять же оазис на произвол судьбы. Жалко!

— Ведь он тебе не нравится.

— Конечно, мог быть получше. — Лиза придирчиво поджала губы. — К нему, понимаете, руки приложить, тогда... О!

— Я не говорил вам, что камчадалы презирали своего бога Кушку, творца неба и земли? — спросил Савчук.

— За что?

— За то, что создал мир таким неудобным, плохим — слишком много скал, воды...

Мы посмеялись над незадачливым Кушкой. Поделом ему!

Охотно смеялись сейчас над самой пустяковой, незатейливой шуткой — старались разрядить нервное напряжение, показать друг другу, что держим себя в руках, сохраняем необходимую выдержку.

А выдержка требовалась!

Ведь мы находились уже внутри миража, то есть во вражеском стане.

Вдруг Кеюлькан остановился, прислушиваясь. Остановились и мы.

— «Дети солнца»?

Кеюлькан кивнул.

Казалось, ничто не говорило о присутствии в лесу людей: ни одна веточка не качнулась, ни один лист не шелхнулся. А между тем где-то рядом были люди, в этом не могло быть сомнений. Стоило только взглянуть на чуть пригнувшихся, настороженных, подобранных Бульчу и Кеюлькана.

Наш маленький отряд снова двинулся вперед. Тишина леса обступила нас, будто бы мы погрузились в зеленую спокойную воду.

Но вот где-то в кустах раздался тревожный птичий щебет. Потом за серым валуном, до половины заросшим мхом, каркнул ворон. Тотчас птичьи голоса наполнили

лес. Они сопровождали нас теперь все время, хотя птиц видно не было.

Дозорные, встретившие нас, могли скрываться вон за тем серым валуном, или за тем толстым стволом дерева, или же просто в траве. Они были повсюду и нигде. Они ничем не выдавали своего присутствия, кроме условного пересвиста.

Я посмотрел на Кеюлькана. Он шагал впереди, не проявляя волнения. А ведь он знал, что в него первого полетят стрелы и копыя, едва лишь терпение «детей солнца» иссякнет.

Смуглое лицо нашего проводника сохраняло спокойствие. Только длинные сильные пальцы судорожно сжимались и разжимались.

Савчук заставил его держать копье под мышкой, чтобы показать соплеменникам, что он не собирается сражаться с ними.

Мы старательно подчеркивали свое миролюбие. Винтовки были демонстративно повешены дулом вниз. Я с небрежным видом, как на прогулке, закурил папиросу.

Но переключка «птиц» в лесу не умолкала. Она делалась все более громкой, взволнованной.

Я придержал Кеюлькана за локоть.

— О чем они кричат? Ведь ты понимаешь язык этих птиц?

Юноша обернулся. Черные глаза его сверкнули.

— Я понимаю язык птиц, — медленно сказал он. — Кричат друг другу: «Вот идут посланцы Маук! Их ведет предатель Кеюлькан!»

От этих слов неприятный холодок пробежал по спине.

Неторопливо (но чего стоила нам эта неторопливость!) двигались мы по узкому зеленому коридору-тропе.

Я мысленно прикидывал, где же предел, дальше которого не приказано нас пускать. Мне представилось, что впереди между раскидистыми елями проведена невидимая черта на земле. Едва лишь дойдем до нее, как из-за каждого куста полетят стрелы.

И все же какая-то сила неудержимо толкала вперед и вперед.

Надо было дойти до Петра Ариановича и вызволить его из плена! Надо было до конца разгадать, что же связывало добровольных изгнанников с двуглавым орлом

царизма! Надо было вернуть в семью народов СССР «детей солнца», которые находились уже на грани вымирания!

Но идти было очень страшно.

Мучительное ожидание давалось нелегко и сопровождавшим нас «детям солнца». Нервы одного из них не выдержали.

Тонко пропела стрела и, вырвавшись откуда-то из-за дерева, вонзилась в землю посреди просеки.

«Стоп! — казалось, говорила она. — Дальше идти нельзя!»

Мы остановились. Трепеща оперением, стрела раскачивалась у самых ног Савчука.

Момент был критический.

И тут наш начальник опять проявил великолепное, уже не раз удивлявшее меня презрение к опасности. Он наклонился, неторопливо вытащил стрелу из земли, не оборачиваясь, бросил несколько слов Кеюлькану. Тот выхватил из своего колчана стрелу и торопливо подал ее.

Словно шелест прошел по лесу. И снова все смолкло выжидая.

Этнограф так же медленно и спокойно, будто в университетской аудитории перед внимательными, притихшими студентами, скрестил обе стрелы и поднял над головой, чтобы видно было всем. Затем швырнул стрелы наземь, наступил на них ногой и сломал их.

«Мы не хотим воевать. Мы пришли к вам с миром!» — так надо было понимать Савчука.

Не знаю, правильно ли поняли его. Возможно, поступок этнографа восприняли как некий магический обряд, который должен заморозить стрелы, обезвредить их. Не исключено, впрочем, что на живое воображение «детей солнца» просто подействовала спокойная отвага Савчука.

Но лес как бы расступился перед нами.

Мы почувствовали это по неуловимым признакам. Гуканье и свист возобновились, не приближаясь и не удаляясь, словно бы обтекая нас,

Стараясь не оглядываться, участники экспедиции как привязанные двинулись за Кеюльканом.

Мы прошли так несколько шагов и остановились. Откуда-то из глубины леса раздался протяжный призывный крик. Интуиция моя была так обострена, что я сразу же догадался: передовой отряд оттягивают назад. Зачем? Хорошо это или плохо? Быть может, Хытындо, Якага и Ланкай собирают силы, чтобы дать нам бой подле чумов?

Птичьи голоса внезапно смолкли. Будто полоса косо дождя пронеслась по лесу, ветви заколебались, кое-где осыпалась хвоя, и наступила тишина. Мы поняли, что остались в лесу одни.

— Почему они ушли? — спросила Лиза вполголоса.

— Не знаю... Узнаем!..

И Савчук решительно зашагал дальше.

В конце тропы на противоположном скате котловины уже видна была поляна, на которой чернели чумы.

Поляна была пуста всего несколько минут. Вдруг из-за чумов показались длинные раскачивающиеся копыя.

Воинов становилось все больше и больше. Они сосредоточились перед чумами и затем все вместе, слитной массой, двинулись вниз по склону.

По-видимому, их было человек сто с небольшим. Мы различали даже идущих сзади, так как «дети солнца» спускались со склона, держась очень кучно. Но в движении их был замечен определенный порядок. Мужчины взяли женщин и детей в середину кольца, воинственно ошестинившись копьями. На флангах трусили кудлатые тощие собаки с опущенными мордами.

В этом было что-то грозное и вместе с тем до боли трагическое, хватающее за душу.

Смертники шли на нас! «Дети солнца» готовились умереть!

Ведь они считали, что мы посланцы Птицы Маук, «злая тундра», их исконные враги, и не ждали пощады. Мы пришли вслед за ними, мы догнали их!..

Оглянувшись, я понял по лицам моих спутников: они переживают то же, что и я. В этот момент мы совершенно забыли об опасности, угрожавшей нам.

Неужели это и впрямь «каменные люди», обитатели

Страны Семи Трав, люди из сказки — во плоти и крови? До них осталось каких-нибудь триста — четыреста метров...

Движение сомкнутой массы «детей солнца» происходило в абсолютной, гнетущей тишине. Даже топота ног слышно не было: люди были обуты в мягкую обувь, которая скользила по траве.

Чем ближе подходила толпа, тем лучше удавалось рассмотреть отдельные подробности: раскачивавшиеся копья, вытертую, в проплешинах, меховую одежду, пестрое оперение стрел, которые высывались из колчанов.

Люди шли без снеговых очков, без масок. Но лица были как маски: пугающе мрачные, застывшие, неподвижные.

«Дети солнца» двигались локоть к локтю, не убыстряя и не замедляя шаг. Смертники смотрели на нас в упор, не произнося ни звука.

И вдруг мы увидели, что фланги стали медленно расходиться в разные стороны, как крылья, — мужчины расступались, пропуская вперед женщин и детей, которые прятались до этого за их спинами.

Невозможно было выразиться более лаконично и ясно!

«Дети солнца» выдвинули вперед своих женщин и детей, показывая, что полностью доверяют нам.

Это было похоже на то, как человек, приближавшийся с опущенной головой и сжатыми кулаками, внезапно широким жестом развел бы руки в стороны и показал ладони: смотрите, в них нет ничего, я друг, а не враг.

Это означало и другое.

— Петр Арианович победил! — вскричала Лиза, шагнув вперед. — Петр Арианович жив! Жив!..

Она была права. Нам стало понятно, что Петру Ариановичу удалось победить Хытындю. В междоусобной ли схватке, на сходе ли племени — пока не знали. Но в решающий миг был брошен на весы авторитет русского человека, прожившего с «детьми солнца» более двадцати лет. И доверие к Тынкаге перевесило вековое недоверие к «злой тундре», где обитает Птица Маук.

Но сомнение еще осталось. Что, если Тынкага ошибся? Что, если это идут враги, а не друзья?

«Дети солнца» были теперь совсем близко от нас. Можно было уже рассмотреть выражение их лиц. Губы

были крепко сжаты. Над раскрашенными скулами жили только глаза. Такие же черные и быстрые, как у Кеюлькана, они были обращены на нас с непередаваемым выражением мучительного вопроса.

Толпа подвигалась по-прежнему в молчании. На руках одной из женщин заплакал ребенок. Она тотчас же зашикала на него, не спуская с нас широко раскрытых, испуганных глаз. Слышно было позвякивание костяных украшений на одежде, прерывистое, взволнованное дыхание.

Горло мне захлестнула судорога. Я шагнул вперед с протянутыми руками.

— Мы друзья! — крикнул я. — Тынкага сказал правду! Мы пришли, чтобы помочь вам!..

Лиза обогнала меня.

Она первая увидела в толпе человека, который выделялся среди окружавших его «детей солнца» длинной седой бородой.

Неуклюже, с видимым трудом, он спускался по склону, сильно прихрамывая и опираясь на палочку. Услышав мой голос, он сделал попытку бежать навстречу, но споткнулся, чуть было не упал. Его бережно поддержали шагавшие рядом воины.

Неужели это Петр Арианович?..

Я представлял его таким, каким видел в последний раз, много лет назад: молодым, жизнерадостным, с бодрой и веселой улыбкой, с непокорной копной светлых густых волос. Передо мной же был невысокий седой человек, одетый в убогие, потерявшие мех оленье шкуры.

Я подбежал к Петру Ариановичу. Он неуверенно и робко смотрел на меня через старомодные овальные очки. Одно стекло в них треснуло, дужки очков были связаны какими-то ремешками.

— Я Леша, Леша, ваш ученик, — бормотал я, задыхаясь. — Помните: их двое было у вас — Леша и Андрей?

— Леша, ну как же! — ответил Петр Арианович, продолжая снизу вверх вглядываться в меня. — Леша, Андрей... Леша и Андрей!..

Он нерешительно посмотрел на Савчука, думая, наверное, что это Андрей, и не узнавая его.

Потом шагнул вперед, и голова со спутанными седыми волосами крепко прижалась к моей груди. Голова Петра Ариановича — на уровне моей груди!

Признаюсь, в тот момент я не был способен ясно оценивать окружающее, оглядываться по сторонам: не видел никого, кроме моего дорогого старого учителя, которого отыскал на краю света, за Полярным кругом. Но за нами настороженно наблюдали сотни глаз. Каждое движение, интонация взвешивались, обсуждались.

Краем глаза я увидел, что лица окружавших нас людей просветлели. Ошибки не было! Тынкага признал пришельцев! Это были люди одного с ним племени,— стало быть, друзья «детей солнца»!

8

Из моих объятий Петр Арианович перешел в объятия Лизы, потом его подхватил Савчук и троекратно облобызал.

Все спуталось. Я даже забыл, что Петра Ариановича и Савчука надо познакомить.

Этнограф начал говорить что-то о тех ценных открытиях, которые сделал ученый в горах Бырранга.

— Да что вы? — искренне удивился наш учитель. — Я ведь сделал очень мало. Что же я мог сделать здесь один?

— Нет, нет, сделали очень много, — убежденно сказал этнограф. — Вы сумели удержать «детей солнца» у последней черты.

Выражение «последняя черта» было правильным. В этом году «дети солнца», как никогда, боялись наступления зимы.

— Мы не были уверены, переживем ли эту полярную ночь, — сказал Петр Арианович своим негромким, глуховатым голосом. — Продовольствие, увы, на исходе... Животных в котловине осталось совсем мало...

Он рассказал, что, готовясь к самому худшему, спрятал в тайник все свои дневники и журналы наблюдений, которые вел на протяжении долгих лет, пребывая в котловине.

— Сейчас покажу вам, — сказал он. — Это самое ценное, что было у меня... Мой, так сказать, вклад в революцию...

Петр Арианович смущенно кашлянул, так как фраза показалась ему, наверное, слишком громкой.

— Не хотелось, знаете, возвращаться домой с пусты-

ми руками,— признался он и неожиданно улыбнулся так хорошо, по-доброму, как умел улыбаться только наш Петр Арианович.

— Но ведь это тоже ваш вклад,— подхватила Лиза, указывая на толпившихся вокруг нас «детей солнца».

Да, это был, конечно, тоже «вклад», и немалый!..

— На глаз здесь человек около ста,— сказал я.

— Сто тридцать два,— педантично поправил меня Петр Арианович.— В чумах есть больные и старики, которым трудно ходить...

Мы двинулись вдоль стойбища.

«Дети солнца» не сопровождали нас толпой, как можно было бы ожидать. По знаку Петра Ариановича они занялись своими делами: одни набирали воду в деревянные котлы, другие подтаскивали дрова к кострам, третьи экономно накладывали на маленькие лотки полоски мяса.

Видимо, как ни бедны были хозяева Страны Семи Трав, но по случаю прихода соплеменников Тынкаги готовилось угощение.

Мужчины сидели к нам боком или спиной, проявляя редкое самообладание. (Видимо, считалось неприличным надоедать гостю преувеличенным вниманием.) Только женщины, хлопоча у огромных деревянных котлов, украдкой провожали нас любопытными взглядами.

— И подумать только, что все они могли стать жертвой миража, вымысла, давно исчезнувшей двуглавой птицы,— пробормотал Савчук.

— А, вы уже знаете?— оживленно спросил Петр Арианович.

— В самых общих чертах,— поспешил оговориться Савчук.— Нам еще не ясна связь между эмблемой царизма и бегством «детей солнца» в горы.

— Тогда я знаю больше вашего,— сказал Петр Арианович.— Но пойдемте дальше: хочу «представить» вам Хытындо и Якагу. Они содержатся под стражей... Так вот, видите ли, до сегодняшнего дня я тоже бродил в потемках. Помогли Нуху и Неяпту.— Он показал на двух рослых воинов, которые молча следовали за ним по пятам.— Они отняли у Хытындо тщательно сберегавшийся ею «талисман».

— Где же он?

— Вот! — И Петр Арианович протянул нам клочок

бумаги, пожелтевший по краям и на сгибах. Это было последнее «письмо» из прошлого.

С разочарованием я убедился в том, что это всего лишь инструкция по переписи, датированная 1897 годом. Внизу жирным черным пятном расплылась гербовая печать. На ней довольно явственно виден был распяленный орел о двух головах.

Савчук бережно принял у Петра Ариановича листок и внимательно осмотрел его.

— Да,— сказал этнограф с удовлетворением,— с помощью этого документа можно связать все разрозненные концы воедино...

Его прервали взволнованные возгласы. «Дети солнца», возившиеся возле котлов, стали подниматься со своих мест и указывать вверх.

Мы проследили за направлением их взглядов. Почти по самому гребню быстро двигалась человеческая фигура. Вот она припала на одно колено, обернулась, спустила стрелу с тетивы. Потом, пригибаясь, снова побежала.

Из-за скал показалась вторая фигура. Преследователь бежал, не стреляя, видимо рассчитывая каждое движение. В вытянутой руке его было копье. Я догадался, что это Кеюлькан. Сын Нырты мчался длинными прыжками, весь подавшись вперед. Тонкий силуэт его четко рисовался на фоне бледно-голубого неба. Оба — и беглец и преследователь — вскоре исчезли за скалой.

Я вспомнил слова: «Отца убил Ланкай. Сегодня Ланкай умрет!..»

Значит, наш проводник разыскал Ланкаю, а тот был так растерян, так страшился возмездия, что не принял открытого боя.

— Мы нашли труп Нырты,— объяснила Лиза Петру Ариановичу.— Кеюлькан узнал, что Нырту убил Ланкай.

— Я понял! Кеюлькан мстит...

Он повернулся к сопровождавшим его Неяпту и Нуху, что-то повелительно сказал им. Воины переглянулись, насупились, отрицательно покачали головами. Потом один из них произнес длинную фразу.

— Тынкага приказывает вернуть Кеюлькана,— быстро перевел Бульчу.— Они отказываются.

— Боятся оставить меня одного,— пояснил Петр Арианович.— Обещали Кеюлькану не отлучаться ни на минуту. Но сейчас это уже не имеет значения...

Он снова обернулся к своим телохранителям. Наконец один из них, сердито сплюнув, отошел и скрылся за деревьями, другой придвинулся к нам поближе.

— Не хочу, чтобы Кеюлькан стал убийцей,— сказал Петр Арианович.— Надеюсь, что Неяпту вернет его... Но продолжайте ваш анализ инструкции с гербовой печатью.

Мы присели на траву подле одного из чумов.

В старое время в тундре, по словам Савчука, вообще боялись переписи. Понимали: чем больше людей переписут, тем больше будет ясак (налог). Тут-то и выдвинулись на первый план Хытындо из рода Нгойбу и Якага из рода Нёрхо.

По-видимому, жульническая комбинация созрела в голове Хытындо постепенно. Быть может, уводя с собой на север большую часть двух родов, она хотела только переждать перепись, а потом вернуться. Не исключено, что аппетиты ее разыгрались позднее, когда она убедилась, как выгодно держать сородичей в страхе перед Маук.

Так или иначе, инициаторы ухода заняли первенствующее положение в своих родах. Они беспрерывно подогревали паническое настроение, страх перед переписью.

«В тундре стало очень тесно,— нашептывали Хытындо и Якага.— Нганасанов хотят извести. Переписут, потом изведут...»

Между тем на севере полуострова, в горах Бырранга, если верить сказкам, находилось нечто вроде тундрового первобытного рая: Страна Мертвых или Страна Семи Трав. (Видимо, пласт угля уже горел в то время.)

Уговоры Хытындо и Якаги возымели свое действие. Часть родов Нгойбу и Нёрхо скрытно откочевала на север.

Вскоре после этого в тундре разразилась эпидемия оспы, и оставшиеся нганасаны решили, что их соплеменники перемерли где-то в районе своей летней откопечки.

Однако первобытный рай оказался далеко не раем.

Домашние олени пали в пути или были съедены. В горах нганасаны были вынуждены оставить оленеводство и промысливать только охотой. Многое было забыто. Уединившись в своем оазисе, порвав все связи с внешним миром, «дети солнца» постепенно утратили навыки, при-

обретенные у русских, вынуждены были возродить забытую технику первобытной обработки камня, деградировали, покатались вспять.

Кочевая жизнь — это, по сути дела, поиски лучшего.

Но отколовшиеся роды Нёрхо и Нгойбу, ища лучшее, вернулись в прошлое. Это и было их коренной ошибкой.

Вред самоизоляции сказывался с каждым годом все сильнее. Оторвав своих сородичей от русского народа, Хытындо и Якага увели их по ложному пути, завели в тупик.

— Понял! — вскричал я, прервав объяснение Савчука.

Все удивленно посмотрели на меня.

— Я понял, почему в преддверии оазиса находились все медные котлы, клинки, стволы ружей!

— А, вы нашли их? — с интересом спросил Петр Арианович. — Я узнал о зарытом кладе только недавно.

— Иначе, конечно, попытались бы найти его? — подсказала Лиза.

— Наверное, — согласился Петр Арианович. — Но Неяпту передал мне об этом только третьего дня. Он сам не помнит событий, связанных с «сожжением» железа. О них под строжайшим секретом рассказал ему его покойный отец. О, это одна из самых трагических страниц в истории «детей солнца»!..

Оказывается, Хытындо на пороге Страны Семи Трав приказала своим соплеменникам оставить все принадлежавшие им металлические предметы.

Железо и медь: ружья, котлы, пулелейки, топоры, ножи, сверла — были объявлены ею погаными, нечистыми. Стало быть, в огонь их!

Огонь, по воззрениям нганасанов, является самым сильным очищающим средством. Поэтому на пороге обетованной страны развели грандиозный костер, и каждый, проходя мимо него, бросал туда «поганое» железо и «поганую» медь.

Очень жалко было расставаться с верными ружьями, приносившими удачу на охоте, с ножами — на Севере привыкают носить их у бедра чуть ли не с трехлетнего возраста, — с медными котлами, откуда так вкусно пахнет вареным мясом.

Но авторитет Хытындо и Якаги был особенно велик в те дни. Ведь они исполнили обещание и после долгих

мытарств привели своих соплеменников в обетованную Страну Семи Трав!..

Шаманка и ее муж зорко следили за точным выполнением приказа. Если какая-нибудь щеголиха с плачем пыталась сохранить одну из милых ее сердцу металлических подвесок, Хытындо налетала на женщину, как сова на пеструшку, вырывала украшение из рук и швыряла в огонь.

Зато теперь уж роды Нёрхо и Нгойбу были полностью очищены от «скверны» и могли, наконец, перешагнуть порог сказки.

Железный век остался у них за спиной. Двери в каменный век со скрипом закрылись за ними!..

Мы были так поглощены постепенно разворачивавшейся трагической и наивной одновременно историей «детей солнца», что, только подняв глаза, увидели, что к нам присоединились Неяпту и Кеюлькан.

— Я пришел, Тынкага,— просто сказал Кеюлькан.

Петр Арианович внимательно осмотрел его с головы до ног. Следов крови на нем не было.

— Где Ланкай?

— Он убежал и спрятался в Долине Алых Скал.

— Хорошо, Кеюлькан. Не хочу, чтобы твои руки были испачканы кровью убийцы.

Кеюлькан молчал, опустив голову.

— Ланкай вернется,— продолжал Петр Арианович тоном, не терпящим возражений.— Я обещаю тебе, что Ланкай будет наказан.

Кеюлькан послушно присел на траву у ног Петра Ариановича. Он дышал бесшумно, но широкая грудь его учашенно поднималась и опускалась.

4

— А Маук, Маук? — напомнила Лиза Савчуку.

Да, Маук! Воображение постепенно облекало Маук живой плотью.

Геральдическая птица как бы вернулась к своему первобытному состоянию: снова превратилась в тотем. Ведь гербы возникли из тотемов, то есть тех животных и птиц, которые, по представлениям первобытных людей, покровительствовали роду. Эмблемой Англии сделался лев, Франции — петух. Целая стая орлов разлетелась

в разные страны. Одноглавый черный угнезвился в Германии, двуглавый черный — в России, двуглавый красный — в Австрии, одноглавый белый — в США и т. д.

В горах Бырранга уцелела тень двуглавого орла.

Не надо забывать, что мышление беглых нганасанов было в основном первобытным мышлением. Они жили как бы в мире кривых зеркал. Призраки, чудовища теснились вокруг людей, но были только отражением их собственных мыслей, были их «я», расщепленным, раздробленным...

— Ну, а инструкция? — нетерпеливо спросил я.

О, здесь страшное неожиданно обернулось смешным!

Приехавшие в тундру переписчики, вероятно, показывали нганасанам инструкцию с печатью — царскую бумагу. А всякая царская бумага была вообще страшна, — с нею связывалось представление о неприятностях, о новых поборах, увеличении ясака. Инструкция с орлом произвела очень большое впечатление на Якагу. Он и решил украсть ее, чтобы тем самым «парализовать колдовство»...

Слушая Савчука, Петр Арианович утвердительно кивал головой.

— Да, так оно и было, — сказал он. — Хорошо зная «детей солнца», я уверен, что все было именно так.

— «Дети солнца» — это ветвь народа нганасанов, — повторил Савчук. — Ветвь, отломившаяся от ствола, начавшая засыхать...

«Все стало реальнее и проще, — думал я, слушая Савчука. — Люди из сказки превратились в потерянных людей, в нганасанов, бежавших от переписи в 1897 году. Сказочная Страна Мертвых, она же Страна Семи Трав, представляет собой обычный лес, впрочем, по северным меркам, все же оазис...»

— Но я хотел показать вам Хытыndo и Якагу, — спохватился Петр Арианович.

Мы прошли еще немного и очутились подле группы «детей солнца», на которую я вначале не обратил внимания.

У деревянного котла, куда опускали раскаленные на огне костра камни (вода уже закипала), сидел небольшого роста старик с двумя аккуратно заплетенными тощими косицами. Он что-то жевал, но, увидя нас, с усилием проглотил кусок и скорчил злобную гримасу. Сейчас

он напоминал разъяренного хищного зверька, который огрызается, даже попав в капкан.

Рядом на груди оленьих шкур сутулилась толстая женщина. Когда мы остановились, разглядывая ее, она не пошевелилась и продолжала смотреть в одну точку. Да, описание, данное Петром Ариановичем в письмах, было очень точным: голова великанши, руки и ноги карлицы.

И это отвратительное существо в течение многих лет властвовало над судьбой ста с лишним человек и даже посягало на жизнь нашего Петра Ариановича!..

— Отойдем от нее! — прошептала Лиза с дрожью гадливости. — Мне будет неприятно, если она посмотрит на меня...

5

— Алексей Петрович, а ведь уже четверть восьмого, — сказал Савчук, взглянув на часы. — Пора разговаривать с Новотундринском...

Мы захлопотали подле рации. Вокруг с сосредоточенными лицами стояли «дети солнца».

Сначала в лесистый склон ущелья плеснула какая-то заокеанская волна, неся на своем гребне танцующую пару. Потом кто-то насморочным голосом, со странной настойчивостью подчеркивая окончания слов, сказал: «Родион, Елена, Павел, Кирилл, Анна. Повторяю: «Репка! Звено товарища Репки на копке свеклы, перевыполняя...» Его заглушил деловитый щебет морзянки.

Через эту толкотню звуков протеснились позывные Новотундринска. Аксенов ждал разговора с нами.

Я перешел на передачу.

Савчук был предельно краток. Он объяснил, что срочно нужна помощь.

Затем я вызвал полярную станцию на мысе Челюскин: Андрей в числе первых должен был пожелать счастья, удачи и хорошего здоровья Петру Ариановичу. Мой друг заслужил эту честь и эту радость — ведь он заочно помогал нашей экспедиции. Содействие его было просто неоценимым.

— Нет, не всё, — предупредил я, когда Петр Арианович сделал движение, чтобы отойти от рации.

Я начал искать хорошо знакомую волну в эфире. Лиза догадалась, какую радиостанцию ловлю, потому что ласково взяла Петра Ариановича под руку.

Наш учитель стоял совершенно растерянный. Радио для него не было новостью, но такое применение его в походных условиях он наблюдал впервые.

— Земля Ветлугина? — громко спросил я.

Петр Арианович с изумлением посмотрел на меня.

— Синицкий? Попросите начальника полярной станции Синицкого. Говорит Алексей Ладыгин... Синицкий? Привет!.. Сейчас с вами будет говорить Ветлугин... Да, да, Петр Арианович Ветлугин! Нашли, нашли!.. На Таймыре, в горах Бырранга... (Я обернулся к Петру Ариановичу.) Земля Ветлугина передает вам самый пламенный арктический привет!.. Вот, слышите?..

Так старый географ услышал свою Землю, свой Архипелаг Исчезающих Островов, об открытии которого еще не знал...

— Мне так много надо узнать, — сказал он, когда закончился разговор с Землей Ветлугина. — Впору сесть за парту с четырехклассниками... Подумайте: в мое время Русанов отправился в экспедицию без радио. Аэропланы (вы называете их самолетами) поднимали только одного человека и были похожи на летающие этажерки...

Лиза хотела что-то сказать, но он прервал ее!

— Не утешайте меня. Зачем? Я счастлив, что мне предстоит так много узнать. И я ведь должен еще дописать историю «детей солнца» — историю отколовшихся родов Нёрхо и Нгойбу, — поправился он. — Ну что ж! Я сделаю это!..

До меня донеслись оживленные голоса. Я оглянулся. В кругу вновь обретенных сородичей восседал Бульчу.

Старший проводник экспедиции со снисходительной улыбкой показывал подаренные ему за отличную охоту именные часы и даже давал желающим послушать, как они тикают.

Один из почтительных зрителей сказал длинную фразу, и Бульчу удовлетворенно кивнул.

— Таких нет даже у Тынкаги, — перевел Петр Арианович с улыбкой. — Он прав. У меня есть только водяные часы... А вот ваш проводник говорит... Что он говорит?.. Сны на стене — это не колдовство!.. Не могу понять...

Наш учитель вопросительно посмотрел на нас.

О! Знаменитые сны на стене! Бульчу — в своем репертуаре! Но никогда этот заезженный, известный всей таймырской тундре репертуар не был так кстати, как сейчас!

А ведь он только рассказывал «детям солнца», как живут теперь их родители, оставшиеся в тундре!..

Я перехватил взгляд Хытындо, который она метнула на нас из-под тяжелых морщинистых век.

Потом она вытащила из-за пазухи желтую повязку с бахромой и завесила себе лицо. Я понял, что это шаманская повязка. Хытындо не хотела видеть торжества Тынкаги, видеть Тынкагу и друзей Тынкаги. Она хотела жить и умереть в том странном мире вымыслов, призраков, который создала сама, чтобы пугать своих соплеменников и, пугая их, безраздельно властвовать над ними...

* * *

...Так с желтой бахромчатой повязкой, наброшенной на глаза, опустив плечи, на которых тускло отсвечивают ритуальные побрякушки, продолжает сидеть шаманка Хытындо за стеклом большой витрины в Музее народов СССР. Рядом, у костра, стоит Нырта, небрежно опершись на копье. Вдали, на фоне лесистого ущелья, поднимаются столбы дымок...

Фигуры сделаны на редкость хорошо. Музейный художник сумел удачно расположить их и уловил главное — гнетуще-мертвенное оцепенение, разлитое в этом реликтовом первобытном миреке.

Могу удостоверить: Хытындо из глины и цветных тряпок очень похожа на настоящую Хытындо. О Нырте мне трудно судить. Ведь я, к сожалению, не видел его живым.

Если вы, прочитав эту книгу, соберетесь посетить музей и дойдете до зала позднего неолита, то убедитесь, что подле витрины с Хытындо и Ныртой толпится больше всего посетителей. Здесь дело, по-видимому, не только в искусстве художника, хотя и это имеет значение. Драматическая история двух родов, Нёрхо и Нгойбу, заблудившихся в горах Бырранга, стала широко известна из печати и привлекла всеобщее внимание и сочувствие.

Однако вряд ли кто-нибудь из посетителей знает о том, что сотрудник музея, невысокий старик в очках, который, прихрамывая, расхаживает подле стендов и дает объяснения, не кто иной, как прославленный Тынкага нганасанских песен — Петр Арианович Ветлугин!

Лишь очень внимательное, настороженное ухо уловит в его негромком, как бы доносящемся издалека голосе

интонации скорби, сожаления, гнева — интонации участника всех описываемых им событий.

Ему порой кажутся невероятными эти события. Ему кажется, что кто-то другой, а не он побывал в ущелье «детей солнца» и на протяжении более чем двадцати лет, с помощью верного Нырты, боролся против тирании тупой и хитрой шаманки.

Но иногда по вечерам Петр Арианович, с разрешения директора, задерживается в музее. Он пишет научный труд и, не доверяя памяти и дневнику, предпочитает иметь все нужные материалы под рукой.

Оставшись один в притихших полутемных залах, он с новой силой ощущает себя отброшенным вспять, в каменный век. Настольная лампа очерчивает круг света на лежащей перед ним рукописи. За пределами стола, по углам, громоздится сумрак. Вот там угадываются круглые, оплетенные кожей щиты, там — силуэт закольцованного в горах Бырранга гуся, а над ним распялился орел, отбрасывая угловато-зловещую тень на стену — абрис Птицы Маук.

Петр Арианович кладет ручку и откидывается на спинку стула, позволяя себе минутный отдых. Географ думает о «детях солнца». Нагоняя время, они ушли вперед со своими вновь обретенными сородичами, а он, Тын-кага, добровольно остался в каменном веке, чтобы написать их обстоятельную историю.

Потом, поработав еще с часок, Петр Арианович разгибается, аккуратно укладывает рукопись в ящик письменного стола и выходит на улицу, в сверкающую огнями Москву, в двадцатый век...

1954 г.

В повести «Страна Семи Трав» описан быт таймырских нганасанов, которых дореволюционные этнографы называли самоедами.

В прошлом это был, пожалуй, самый отсталый народ в нашей стране. К 1940 году, когда разворачивается действие повести, нганасаны уже объединились в колхозы и значительно выросли в культурном отношении. Я наблюдал их в 1940 году, а затем в 1948 и в 1954 годах. Нганасаны-колхозники вели кочевой образ жизни. Это вызывалось потребностями их хозяйства, основанного на охоте, оленеводстве и рыболовстве. Все дети нганасанов учатся в школах.

Многие из взрослых окончили различные курсы и работают председателями колхозов, бригадирами, счетоводами, ветеринарными фельдшерами, зоотехниками и т. д. Материальное благосостояние нганасанов и их культурный уровень растут из года в год.

В 1897 году нганасаны были впервые переписаны. Их оказалось 876 человек, в том числе 177 человек вадеевских нганасанов, среди которых разворачивается действие повести Л. Платова.

Нганасаны раньше носили на шее большой медный диск, который назывался «Счастье шайтан солнечный глаз». Вообще солнце пользовалось у них большим уважением. Герои их преданий, вместо того чтобы сказать: «Я жить хочу», — говорили: «Я солнце видеть хочу». К солнцу они обращались за помощью, принося ему в жертву оленей. Поэтому Л. Платов совершенно обоснованно дал им название — «дети солнца».

Родственные по языку ненцам, нганасаны во многом отличались от них. Они, например, не имели, подобно ненцам, родовых кладбищ, а оставляли своих покойников там, где они умирали, иногда закапывая их в землю, иногда укладывая в лесу в специальном чуме, или в тундре — прямо на санках, обращенных на север, в сторону мифической Земли Мертвых.

Конечно, и оазис в горах Бырранга, и история «детей солнца» — вымысел, как и все действующие лица повести. Но надо сказать, что предания о каких-то неизвестных народах, якобы обитавших в тех или иных труднодоступных местностях — тундрах, горах и т. п., были

очень распространены в Северной Сибири. Л. Платов узорами своей фантазии расцвел предположение, на которое намекают некоторые этнографические данные.

Легенду о птице Ньогу, большом черном орле (в повести — птица Маук), — я слышал еще в 1948 году, записывая предания нганасанов. Другие эпизоды повести тоже подсказаны действительными событиями. Так, в 1934 году на Таймыре, на реке Дудыпте запуталась в сетях утка, закольцованная в Германии, а в рукописном фонде Библиотеки имени В. И. Ленина в Москве хранятся ясачные книги на бересте, составленные известным Иваном Козыревским на Камчатке в 1715—1717 годах. Книги эти прекрасно сохранились и легко читаются.

Одной из отправных точек развития сюжета является малочисленность двух родов нганасанов. В 1926—1927 годах, когда я проводил перепись вадеевских нганасанов (тогда еще нганасаны назывались самоедами и состояли из двух племен: авамских самоедов и вадеевских самоедов), в роду Нгойбу было лишь две семьи, а в роду Нёрхо только одна. Остальные роды нганасанов состояли, как правило, из десяти, двадцати и даже тридцати семей. Более ранние сведения о численности всех этих родов в отдельности отсутствуют, но Л. Платов имел основание для предположения, что роды Нгойбу и Нёрхо стали малочисленными потому, что большая часть членов в свое время откочевала в Страну Семи Трав. На этом предположении он и построил историко-этнографическую основу сюжета.

Одной из главных идей повести является правильная мысль о том, что только дружба с русским народом могла привести народы Севера к прогрессу. Отрыв от русского народа, прекращение связи с русским народом, самоизоляция привели нганасанов, ушедших в сказочную Страну Семи Трав, к регрессу, к упадку и даже поставили под угрозу само их физическое существование.

Доктор исторических наук

Б. Долгих

ОГЛАВЛЕНИЕ

Клубок нити (Вместо пролога) _____	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ _____	8
ЧАСТЬ ВТОРАЯ _____	136
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ _____	274
Послесловие _____	398

Для среднего и старшего возраста

Леонид Дмитриевич Платов

СТРАНА СЕМИ ТРАВ

Ответственный редактор Г. В. Малькова. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор С. Г. Маркович. Корректоры Г. С. Муковозова и Е. И. Щербакова. Сдано в набор 19/IX 1975 г. Подписано к печати 17/V 1976 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 21,63. Тираж 150 000 экз. А08537. Заказ № 1633. Цена 78 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Платов Л. Д.

П37 Страна Семи Трав. Научно-фантастическая повесть. Переизд. Рис. В. Юдина. М., «Дет. лит.», 1976.

399 с. с ил. (Б-ка приложений и научной фантастики).

Повесть о советской этнографической экспедиции, которая обнаруживает в горах Бырранга на Таймырском полуострове затерявшееся племя самоедов-нганасанов и спасает их от вымирания.

П 70803—387
M101(03)76 480—76

P2

